

Путешествия
Элиаса
Лённрота

ELIAS LÖNNROTIN
MATKAT

HELSINGISSÄ
SUOMALAISEN KIRJALLISUUDEN
SEURAN OSAKEYHTIÖ
1902

Элиас Лённрот
1802—1884

Путешествия
Элиаса
Лённрота

Путевые заметки, дневники, письма
1828—1842

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1985

Перевод с финского
В. И. КИИРАНЕН и Р. П. РЕМШУЕВОЙ

Стихи в переводе
О. МИШИНА

Научный редактор, автор вступительной статьи
и примечаний
У. С. КОНККА

**Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки,
П 90 дневники, письма 1828—1842 гг./Пер. с фин. В. И. Кий-
ранен и Р. П. Ремшужевой. Стихи в пер. О. Мишина.
Научн. ред., вступит. ст. и примеч. У. С. Конкка.—
Петрозаводск: Карелия, 1985.—320 с., ил.**

Впервые на русский язык переводятся письма и дневниковые записи, сделанные неутомимым собирателем и исследователем карело-финского эпоса Элиасом Лённротом во время его фольклорных экспедиций. В письмах и дневниках Лённрота содержится интересный фольклорный материал, описываются быт и занятия местного населения, нравы и традиции.

470300000—113
М127(03)—85 35—85

82.33

© Карелия, 1985, перевод,
статья, комментарии.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Есть явления, истинное значение и масштабы которых выявляются лишь на расстоянии. Они начинают казаться тем крупнее, чем дальше отдаются от нас. К таким явлениям относится деятельность Элиаса Лённрота. Он — крупнейший собиратель фольклора и составитель всемирно известной «Калевалы» и не менее значительного сборника песен «Кантелетар», он обогатил и обновил финский литературный язык, был профессором финского языка и автором учебников и книг для народа. Кроме того, он был еще и врачом, а прежде всего — замечательным человеком, вызывавшим у всех доверие и любовь. Ректор Петербургского университета П. А. Плетнев, редактор журнала «Современник» после гибели Пушкина, писал в 1848 году профессору русской словесности Гельсингфорсского университета Я. К. Гроту: «На твоём месте понемногу я умудрился бы составить и напечатать совершенно в небывалом роде характеристику Лённрота, да такую, чтобы она изумила европейцев...»

Грот не написал биографии Лённрота, хоть и оставался его преданным другом и поклонником. Долгое время даже в Финляндии не было удовлетворительного жизнеописания Лённрота. К столетию со дня его рождения Финское литературное общество наметило выпустить обстоятельную биографию своего самого активного члена, но это намерение осталось невыполненным. Вместо биографии к этой дате вышло двухтомное издание «Путешествия Элиаса Лённрота»¹, сокращённым русским переводом которого является данная книга. Составителем книги «Путешествия Элиаса Лённрота» был учёный-фольклорист А. Р. Ниеми. В книгу вошли имеющиеся в архиве Лённрота путевые заметки, дневниковые записи, черновики и конспекты писем, отчеты о собирательской работе, а также опубликованные при жизни Лённрота в периодической печати очерки и статьи, касающиеся его экспедиций по собиранию произведений народной поэзии. Эти материалы представляют интерес не только для фольклористов, литературоведов,

¹ Elias Lönnrotin matkat. Helsingissä, 1902.

лингвистов и этнографов, но и для широкого круга читателей, стремящихся узнать побольше о народной жизни начала прошлого века. Заметки Лённрота ценны тем, что в них описывается повседневный быт крестьян — творцов и хранителей прекрасной поэзии. Лённрот отличался недюжинным даром наблюдателя и широтой интересов. Путешествуя по Финляндии и Карелии, Кольскому полуострову и Беломорью, собирая фольклор, он в то же время не оставлял без внимания существенные стороны народной жизни: он выступает и как бытописатель, и как исследователь народных обрядов и верований, и даже как критик существовавших социальных и правовых порядков, обнаруживая при этом свой просветительский склад ума и стремление к разумным преобразованиям.

Самые интересные страницы записок Лённрота посвящены северным районам нашей республики, так называемой Беломорской Карелии, которая тогда входила в состав Архангельской губернии. Что же влекло уроженца западной Финляндии на восток, за пределы своей страны? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое, где можно проследить предпосылки создания «Калсвалы».

О существовании у финнов богатой песенной традиции известно с начала зарождения финской письменности (первая половина XVI века). Первые упоминания связаны с порицанием «бесовских» песен, которые духовенство пыталось искоренить. Но уже в XVII веке пробуждается интерес к эпическим песням как к историческому источнику. Исследования Хенрика Габриеля Портана (1739—1804) в области народной поэзии закладывали фундамент для будущего письменного эпоса. Портану принадлежат примечательные слова: «Я не только то считаю постыдным, что прирожденный финн не знает нашей поэзии, но и то, что он ею не восхищается». Труд Портана «О финской поэзии» содержит наблюдения и мысли, предвзвешившие научный подход к фольклору. Дорогу для романтической увлеченности устной поэзией в Финляндии прокладывали также труды Кристфрида Ганандера, самый значительный из которых — «Финская мифология» — не потерял значения до сих пор благодаря тому, что содержит много текстов народной эпической поэзии.

Романтизм, провозгласивший идею равноправия народов и проявивший глубокий интерес к их истории и поэтическому творчеству, захватил умы передовых людей Финляндии и побудил их к поискам национальной самобытности в народной поэзии. Важным событием было присоединение Финляндии к России в результате войны 1808—1809 года: Финляндия перестала быть провинцией Швеции и получила, на правах автономии, возможность относительно самостоятельного развития. Это обстоятельство открыло исследователям путь на восток, для поисков «прародины», и сделало возможными экспедиции Лённрота и Кастрена.

В 1822 году Элиас Лённрот, сын сельского портного из прихода Сямматти, что находится в восьмидесяти километрах к западу от Хельсинки, стал студентом университета в Турку, который тогда был центром финского романтизма. Атмосфера всеобщей увлеченности народной поэзией определила дальнейшую судьбу любознательного и деятельного юноши. Его учитель Рейнхольд фон Беккер, страстный поклонник народной поэзии, предложил Лённроту в качестве темы для магистерской диссертации обзор рун о Вяйнямёйнене. В связи с этой работой диссертанту пришлось ознакомиться со всеми опубликованными до этого рунами, повествующими об этом герое эпоса. Среди них были и эпические песни из сборника Сакари Топелиуса, записанные им от карельских крестьян зарубежной, или русской, Карелии, некогда входившей в состав Русского государства. Топелиусу, окружному врачу Нюкарлебу, что на берегу Ботнического залива, принадлежит особое место в истории рождения «Калевалы». Он собирал в своей округе народные песни, а после того, как болезнь приковала его к креслу, начал издавать их отдельными выпусками. Летом 1820 года к Топелиусу случайно зашли двое коробейников из Вокнаполокской волости (многие крестьяне приграничных карельских деревень в виде отхожего промысла занимались разносной торговлей в Финляндии). Карелы спели по просьбе Топелиуса эпические песни, и от них он узнал, что рунопевческая традиция еще жива в карельских деревнях. Это было открытие, значение которого Топелиус сразу понял. С той поры он просил направлять к себе всех коробейников-карел. В 1821 году ему удалось записать от Юрки Кеттунена из деревни Чена близ Вуоккиниemi (Вокнаволока) шесть длинных рун. Публикации эпических песен восточных карел привлекли внимание любителей старины и вызвали удивление, потому что никто не предполагал о существовании рунопевческого искусства за пределами Финляндии. Именно Топелиус-старший указал собирателям путь в русскую Карелию, о чем он неоднократно писал в предисловиях к отдельным выпускам своего сборника «Старинные руны финского народа, а также современные песни». Там, за пределами Суоми, писал Топелиус, в некоторых волостях Архангельской губернии «еще звучит голос Вяйнямёйнена, там звенит еще Кантеле и Сампо, и оттуда и получил свои лучшие руны, которые бережно записал».

В связи с этим следует сказать, что в традиционной культуре финнов и карел имеются древние пласты, свидетельствующие об общности исторического развития на ранних стадиях. Это проявляется и в устной поэзии, особенно в жанрах со старинной метрикой стиха, которую после появления «Калевалы» стали называть «калевальской метрикой». Калевальский стих — это четырехстопный хорей, разделенный цезурой, не рифмованный, но с богатой аллитерацией — созвучием первых слогов внутри стиха, которое в переводах почти невозможно передать. Размер является строго выдержанным, что

делает стих гибким и свободным. Деление на строфы отсутствует, но важным стилистическим приемом является параллелизм, или повтор, что требует исключительного богатства синонимов, которые народный поэтический язык черпает из разных диалектов и даже из других языков. Калевальский стих объединяет разные жанры: эпические и лирические песни, свадебные, трудовые и колыбельные песни, заговоры и заклинания, отчасти пословицы и загадки. Древние эпические песни карел и финнов обнаруживают родство и по содержанию, они повествуют о деяниях одних и тех же эпических героев.)

Создание письменного эпоса на основе народной поэзии стало как бы социальным заказом эпохи. Осуществить это выпало Элиасу Лённроту, именно он пошел по пути, указанному Топелиусом, и нашел сокровищницу эпической поэзии в Карелии.

В 1827 году Лённрот сдал экзамен на кандидата философии, а весной следующего года отправился в свое первое путешествие с целью собирания произведений устно-поэтического творчества. Эту экспедицию он живо описал в очерке «Путник», которым открывается данная книга. Отправившись из родного местечка Самматти, он прошел преимущественно пешком всю южную Финляндию и дошел до Приладожья. Побывав в Сортавале и на Валааме, он повернул на север. Здесь, в западной Карелии, которую еще называют финляндской в отличие от русской, Лённроту удалось записать эпические и лирические песни, а также заклинания. В деревне Хумуваара, приход Кесялахти, он встретил замечательного рунопевца Юхана Кайнулайнена, о котором подробно и тепло написал в своем путевом очерке. Не переходя границу, он осенью вернулся другим путем обратно. Собранный материал Лённрот опубликовал в сборнике «Кантеле», первый выпуск которого вышел в следующем году (всего было четыре выпуска, содержащих 90 рун старинной метрики и 20 новых песен). Как показали позднейшие исследования, уже в «Кантеле» Лённрот обращался с текстами народных песен более свободно, чем, например, Топелиус, который не подвергал руны литературной обработке. Лённрот же правил язык, стремясь сделать его понятным всем, соединял лучшие стихи из разных вариантов, добываясь художественной завершенности. Его целью было с помощью народной поэзии способствовать формированию литературного языка и зарождению литературы.

После большого пожара в Турку в 1827 году, уничтожившего город почти полностью, университет был переведен в Хельсинки. Осенью 1828 года Лённрот начал в университете изучать медицину. В 1832 году он защитил диссертацию на тему о магических способах врачевания у финнов и получил степень доктора медицины.

В 1831 году было создано Финское литературное общество, сыгравшее важную роль в собирании и издании народной поэзии, а также в становлении новой литературы. Лённрот был центральной фигурой

Общества: первый его секретарь, в 1854—1863 годах он возглавлял Общество, а затем оставался его почетным председателем до конца жизни. Среди первых публикаций ФЛО, поднявших его авторитет как на родине, так и за ее пределами, были «Калевала» и «Кантелетар» — результаты неустанного труда Лённрота.

Во второе путешествие собиратель отправился весной 1831 года, с намерением побывать в Беломорской Карелии, но поездка была прервана из-за необходимости срочно вернуться для борьбы со вспыхнувшей эпидемией холеры. Лишь во время третьего путешествия в 1832 году Лённроту удалось достичь старой государственной границы и побывать в нескольких приграничных деревнях. В Аконлахти он нашел превосходного рунопевца Соаву Трохкимайнена (Савву Никутьева), руны которого, по утверждению исследователя «Калевалы» и «Кантелетар» Вяйнё Кауконена, явились безусловной предпосылкой для создания «Калевалы».

В 1833 году Лённрот был назначен окружным врачом уезда Каялхи, который граничил с Вокнаволоксской волостью, куда собиратель давно стремился. Несмотря на то, что должность врача в такой редконаселенной местности, какой была северо-восточная Финляндия, не была особо обременительной, так как крестьяне редко обращались к медицинской помощи из-за отсутствия сносных дорог и благодаря вековым народным способам лечения, сочетать работу врача и собирателя фольклора было нелегко. Правда, медицинское управление часто предоставляло Лённроту освобождение от служебных обязанностей, чтобы дать ему возможность совершать длительные поездки за песнями, но его постоянно мучила совесть, что из-за увлечения филологией, которая и была его настоящим призванием, он часто вынужден пренебрегать своим прямым долгом. Однако филология не могла прокормить Лённрота, должность же окружного врача обеспечивала его материально и давала возможность заниматься любимым делом на благо всего народа.

Четвертая экспедиция 1833 года в карельские рунопевческие деревни имела решающее значение для рождения «Калевалы». В Войлине Лённрот записывал руны от замечательного певца Онтрея Малинена, в репертуаре которого были все основные сюжеты, составляющие ядро «Калевалы». В этой же деревне собиратель встретился с известным в округе певцом и заклинателем Воассила Киелевяйненом. Это был глубокий старец и рун уже почти не помнил. Но он рассказал о героях эпоса много нового для Лённрота, расположив подвиги Вяйнимейнена в определенной последовательности. Вернувшись из поездки, Лённрот начал готовить эпическую поэму о Вяйнимейнене, композицию которой построил по наметкам Киелевяйнена. До этого он уже подготовил рукописи «Лемминкяйнен» и «Свадебные песни», намереваясь опубликовать их отдельно. Но в результате встреч с рунопевцами у Лённрота родилась мысль о возможности более широкого

соединения сюжетов в единый эпос. К началу 1834 года он подготовил рукопись под названием «Собрание рун о Вяйнямйёнене», куда включил и ранее подготовленные циклы, и отправил ее в ФЛО для напечатания. Тем не менее в апреле этого же года он отправился в свою пятую экспедицию с целью сбора дополнительного материала, чтобы составить «собрание, которое соответствовало бы половине Гомера», как он писал в письме другу, врачу Кааяндеру.

Пятая поездка была короткой, но одной из самых значительных. Лённрот дошел до Ухты (ныне поселок Калевала), где усердно записывал руны и песни. На обратном пути он завернул в Латваярви, где жил известный рунопевец Архиппа, о котором собиратель уже раньше слышал. Встреча Лённрота с самым выдающимся из всех известных рунопевцев Архиппой Перттуненом произошла 25 апреля 1834 года. Старый карел произвел на собирателя сильное впечатление своими превосходными песнями и рассказом о рунопевческом искусстве своего отца, от которого он перенял лучшие руны. За два с лишним дня Лённрот записал от него более 4000 стихов: около 20 эпических сюжетов, в том числе цикл о сампо; 13 заклинаний большого объема, среди них прекрасные стихи о рождении железа и рождении огня; несколько лирических песен. Конечно, Лённрот не успел исчерпать репертуар Архиппы. Если бы ему не надо было спешить из-за распутицы, он, без сомнения, записал бы больше. Сюжеты рун, которые спел Архиппа, сами по себе не были новыми, ранее неизвестными. Новым было характерное для этого рунопевца соединение сюжетов и отдельных эпизодов в единые циклы и проявленная при этом самобытность, отличавшая талантливых певцов-поэтов из народа от простых хранителей рун и передатчиков однажды усвоенного. Архиппа Перттунен был тонким стилистом: он прекрасно владел такими поэтическими приемами, как аллитерация и параллелизм, умело строил диалог. Стих его музыкален и энергичен, без пустых повторов и метрических изъянов. Учитывая то, что весь поэтический материал хранился и шлифовался только в памяти, можно сказать, что Архиппа Перттунен обладал исключительным поэтическим даром.

В результате этой поездки Лённрот переработал уже подготовленную к печати рукопись, внося в нее поправки, детали и эпизоды из вновь собранных им рун. Несмотря на то, что руны Перттунена сыграли решающую роль в окончательном формировании письменного эпоса «Калевала», мы не найдем в ней этих рун в таком виде, как они были спеты Архиппой. Лённрот создал свою композицию и отобрал лучшие и наиболее подходящие для его замысла стихи из разных вариантов, соединяя их. Кроме того, он вплетал в эпическую канву лирические песни и заклинания, что в народной эпической традиции исключается. Но Лённрот сохранил все полевые записи и никогда не скрывал своего метода, а наоборот, публично разъяснял его, утверждая, что у него, как и у народных певцов, есть право на неповтори-

мые контаминации. Признавая первостепенную роль карельских рунопевцев в зарождении письменного эпоса, Лённрот назвал первое издание так: «Калевала, или старинные карельские руны о древних временах финского народа»¹.

Подписав предисловие «Калевалы» 28 февраля 1835 года и сдав рукопись в печать, Лённрот снова отправляется в путь — в свою шестую экспедицию по маршруту Реболы, Ругозеро, Юшкозеро, Ухта, Ювялакса, откуда через Вокнаволоку вернулся в Каяани. Из ухтинских рунопевцев, которые в основном остались безымянными, собиратель упоминает Варахвонта Сиркейна, по прозвищу Ямала, от которого записал 20 рун. В Ругозере Лённрот пытался записывать плачи, но вынужден был признать это занятие неизмеримо трудным. В результате наблюдений над бытованием плачей Лённрот написал статью «О плачах в русской Карелии», опубликованную в 1836 году в издаваемом им журнале «Мехиляйнен». Статья является первым исследованием этого древнего и сложного жанра и свидетельствует о пронизательности ума ее автора.

4) Седьмое путешествие (1836—1837 гг.), совершенное Лённротом на Север, было долгим и трудным. Целью собирателя явилось более широкое обследование территории, на которой говорили на языках, близких финскому. В отчете о результатах экспедиции Лённрот дает краткий обзор бытования разных жанров фольклора на этой обширной территории. Особого внимания в перечне собранных материалов заслуживает упоминание об «идиллических рунах», т. е. о лирических песнях и балладах, систематизацию которых собиратель начал в экспедиции. Следовательно, Лённрот уже работал над составлением «Кантелетар», которую называл сестрой «Калевалы». Многие лирические песни и баллады из «Кантелетар» Лённрот потом использовал при составлении второго издания «Калевалы». Больше всего лирических песен он записал в западной Карелии (ныне Севернoкарельская губерния в Финляндии), куда ездил в 1838 и 1839 годах. В приходе Иломанси он встретил замечательную песенницу Матэли Куйвалатар (Магдалена Куйвалайнен, 1771—1846), которую в области калевальской лирики называют мастером, равным Архиппе Перттунену в эпической поэзии. К сожалению, Лённрот назвал только одно это имя из числа многих исполнительниц лирических песен, с которыми встречался. Первые две книги «Кантелетар» вышли в свет в 1840 году, третья — в 1841 году.

5) Десятое путешествие (1841—1842 гг.) было самым длительным по времени и охватывало большую территорию. Теперь основной целью Лённрота явился сбор лингвистического материала, так как в 1840 году ему было поручено составление большого финско-швед-

¹ Kalevala taikka vanhoja Karjalan runoja Suomen kansaan muinosta ajoista. Helsingissä, 1835.

ского словаря. Он намеревался исследовать карельские диалекты и языки лопарей и самоедов (т. е. саамов и ненцев), чтобы определить степень их родства с финским. Первая часть путешествия прервалась в Петрозаводске из-за формальных придирок чиновников, так что собирателю пришлось вернуться обратно. Осенью он вместе с прославившимся впоследствии исследователем народов Севера и Сибири М. А. Кастреном отправился в Лапландию и на Кольский полуостров. Путешествие проходило в тяжелых условиях полярной зимы. Весной 1842 года путешественники прибыли в Кемь, откуда морем отправились в Архангельск. Но выяснив, что язык самоедов имеет мало общего с финским, Лённрот расстался с Кастреном и пустился в обратный путь через Онегу, Каргополь и Вытегру. Прибыв в Лодейное Поле, он направился к оятским вепсам и в течение нескольких недель изучал вепсский язык. Домой в Каяни он вернулся в октябре.

11 Последнее, одиннадцатое, путешествие, которое в данном издании не приводится, Лённрот предпринял в 1844 году в Эстонию с целью изучения родственного финскому эстонского языка. В Таллине и Тарту он знакомился с литературой на эстонском языке и с деятельностью эстонских филологов. Он специально обучался эстонскому языку у своего коллеги, врача и писателя Ф. Р. Фельмана, видного деятеля культуры, который был президентом основанного им Эстонского ученого общества и профессором Тартуского университета. В течение длительного времени Лённрот странствовал по деревням, изучая тартуский диалект эстонского языка. Домой он возвращался в конце года через Петербург, в основном пешком. По пути, уже за пределами Эстонии, Лённрот ознакомился с устной поэзией прибалтийско-финской народности водь, язык которой он определил как нечто среднее между карельским и тартуским диалектом эстонского языка, но отметил в нем и самобытные черты.

В 1842 году Лённрот опубликовал подготовленный им сборник «Пословицы финского народа», в 1844 году — сборник финских загадок. Но самый главный труд был еще впереди — составление новой редакции, или так называемого полного издания «Калевалы». На помощь Лённроту пришли молодые собиратели, среди которых выделялись студенты Даниель Эуропеус и Аугуст Алквист. Им удалось найти замечательных рунопевцев в западной Карелии и в Приладожье, таких как Симана Сиссонен и род Шемеек. В 1847 году Эуропеус вместе со своим спутником Рейнхольмом открыли ранее неведомую область бытования калевальской поэзии — Ингерманландию¹. Эуропеус

¹ Ингерманландия (фин. Inkerinmaa, Inkeri) — «Ижорская земля» русских летописей, входила в состав Новгородского государства. Охватывала земли по обоим берегам Невы и южное побережье Финского залива до реки Нарвы. На юге не имела четкой границы. Наряду с русскими, была населена ижорой, водью и ингерманландскими финнами, относящимися к прибалтийско-финской языковой группе. Ныне входит в состав Ленинградской области.

настаивал на включении ингерманландских рун в новую редакцию «Калевалы», но Лённрот не считал это возможным, так как ингерманландская эпическая традиция отличается от карельской. Придерживаясь сюжетной канвы первого издания, Лённрот из огромного количества новых записей отбирал то, что не требовало перестройки готовой конструкции. Из ингерманландских материалов он использовал немного, в частности вступление к циклу рун о Куллерво, повествующее о родовой расправе между Унтамо и Калерво, отцом Куллерво. Изобилие материала создавало известные трудности при отборе. Лённрот писал в одном из писем: «Из всех собранных рун вышло бы семь «Калевал» и все разные». Кроме новых сюжетов и эпизодов из эпических песен, Лённрот внес в новое издание много лирических песен и заклинаний. Вторая редакция «Калевалы» вышла в 1849 году, оставив в тени ее первое издание (оно было переведено на шведский и французский языки до появления второго издания и на английский — в 1969 году). Именно вторая редакция «Калевалы» признана одним из великих мировых эпосов и переведена на тридцать три языка, причем на многие языки она переводилась несколько раз. Так, например, на немецкий имеется шесть переводов, на английский, французский, итальянский, шведский, венгерский, эстонский она переводилась по три раза; на русский, литовский, японский — по два раза. Переводы стареют, оригинал — нет.

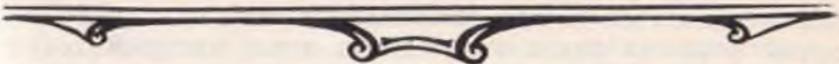
«Калевала» и «Кантелетар» закладывали основу для финского литературного языка, они оживили застывший книжный язык восточно-финскими и карельскими диалектами. Чтобы язык стал средством коммуникации и информации всех отраслей жизни общества, нужны были культурные термины, которых еще не существовало. Лённрот создал сотни новых слов, используя возможности родного языка, не прибегая к заимствованиям. Термины, введенные Лённротом, теперь кажутся исконными, как будто они родились вместе с языком. Последний свой большой труд, финско-шведский словарь, насчитывающий более 200 тысяч слов, Лённрот завершил уже в конце жизни. Отслужив десять лет в качестве профессора финского языка и литературы в Хельсинкском университете, он вышел в отставку, но продолжал трудиться в родном Самматти. Будучи по натуре просветителем, Лённрот писал книги для народа по вопросам обучения и воспитания детей, гигиены и первой медицинской помощи и другим отраслям знаний, необходимых в повседневной жизни. Не найдется, наверно, такой области культуры, в которой он не оставил бы ощутимого следа. Так, например, его труд «Флора Финляндии» не потерял научного значения до сих пор. Лённрот был избран членом многих зарубежных научных обществ и академий, в 1876 году — почетным членом Российской Академии наук.

Несколько замечаний, относящихся к данному изданию. Поскольку в первой половине XIX века главенствующая роль в Финляндии

принадлежала еще шведскому языку, большая часть опубликованных в книге материалов написана Лённротом по-шведски (письма, отчеты, очерки в шведоязычных газетах). Эти тексты для финского издания перевел Ялмари Хахли. Часть путевых заметок и писем Лённрот написал по-фински или по-карельски, не разграничивая два близких языка. Эти места помечены особо. Так как понятие «карельская национальность» в то время еще не утвердилось, Лённрот, как и другие собиратели и путешественники того времени, карел иногда называет финнами (из-за близости языка и традиционной культуры), иногда русскими — когда речь идет о восточных карелах.

Сокращения при переводе сделаны главным образом за счет наблюдений Лённрота над особенностями финских и карельских диалектов и второстепенных описаний, не представляющих интереса для современного массового читателя. Специалисты всегда имеют возможность обратиться к первоисточнику. Купюры отмечены многоточиями в квадратных скобках. Топонимические названия даны так, как в оригинале, поскольку это соответствует исконной народной топонимике. В конце книги помещен список населенных пунктов с их современными официальными названиями, составленный Р. П. Ремшуевой.

У. Конкка

Первое путешествие

1828 г.

ПУТНИК,

ИЛИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕШЕМ ПУТЕШЕСТВИИ

ПО ХЯМЕ, САВО И КАРЕЛИИ *

Лённрот отправился из Самматти 29 апреля. Путь его в Нурмес пролегал через Хяменлинна, Хейнола, Миккели, Кермяки, Сортавала, Иломантси, Пиелисьярви. В Весилахден Лаукко Лённрот вернулся через Куопио, Рауталампи и Лаукка 4 сентября.

После того, как мы расстались, я две недели провел в размышлениях, оставаясь в кругу родственников, и наконец-то прибыл сюда. Ты и сам, наверное, знаешь, с какой робостью мы отправляемся из дому в дальний путь. И когда в конце концов удастся рассеять беспричинную озабоченность родителей, всегда находятся еще тетушки, крестные и прочие, которых, наверное, замучила бы совесть, если бы они с миром отпустили меня в дорогу. Одни из них боятся, что я утону, и, призывая к осторожности, рассказывают мне допотопные истории о всевозможных утопленниках. Другие припоминают сон, увиденный незадолго до этого, и непременно связывают его со мною. То меня якобы грабят, то я иду к верной гибели, то брошен на съедение волкам и медведям. А под конец приводятся десятки примеров о ком-то, отправившемся на восток, или о другом, уехавшем на запад, и еще о многих и многих, которые разъехались в разные концы света и которых к безмерной горести и печали родственников уже никогда после этого не видели в родных краях. [. .]

23 мая я пешком направился в Миккели. Хофрен сопровождал меня до Иструала, первой деревни этого прихода. Мы пришли на подворье, хозяин которого был известен своим умением исцелять больных заклинаниями. Надеясь уговорить его поделиться со мною своими премудростями, я решил остаться здесь на ночь. Однако старик

* Пояснения к словам и выражениям, обозначенным звездочкой, см. в примечаниях.

либо не захотел ничего выкладывать, либо не знал ничего, кроме отрывка руны о рождении змен, который только и удалось записать от него. Старик утверждал, что его способности лечения, предсказания и прочая премудрость основываются на ночных видениях, в которые он, судя по всему, свято верил, но сетовал, что видения к нему являются не каждую ночь, иногда их приходится довольно долго ждать. Заклинаниям, не раз подводившим его, он доверял меньше, кроме заговора от укуса змеи, который я имел честь получить и на который, по словам старика, вполне можно было положиться. [. . .]

Следует упомянуть еще о Хирвенсалми, где я недавно побывал. По слухам, эти земли раньше были удельным имением графа Брахе*. Предание гласит, что граф хотел построить здесь крепость для защиты края от врагов. Одна из горок, вернее возвышенность, находящаяся примерно в четверти мили¹ от церкви, так и называется Торниала², на ней должна была быть возведена вышеупомянутая крепость, фундамент которой был заложен ранее.

Полуостров, на котором стоит церковь и ряд деревень, омывается водами озера Пуулавеси. Говорят, раньше оно называлось Пуолавеси³, в память о поляках, которые, по преданию, преследовали лопарей до этого озера, преградившего им путь.

24 [мая] под вечер я пришел в дом священника в Миккели, где пробст Бруноу тепло принял меня. Здесь я провел тронцу, и мне удалось увидеть крестьянскую свадебную чету в подвенечном весьма скромном наряде. Жители Миккели, между прочим, считают себя несколько культурней своих соседей, крестьян других приходов, но культура их весьма сомнительного свойства. Человек, сколько-нибудь патриотически настроенный, с удивлением и огорчением обнаруживает, что культура финского простонародья почти повсеместно развивается не в лучшем направлении. На смену скромности в обращении и в поведении приходит непозволительная вольность, вернее, наглость и непристойность. Исчезает радушное гостеприимство, его сменяет высокомерное обхождение с гостями. Невинные игры вытесняются картами, раздоры в семьях доходят до суда, появляется бахвальство одеждой, которое не к лицу про-

¹ Старая финская миля — 10 верст.

² Торниала — место, площадка для башни.

³ Пуолавеси — от фин. *Puola* (Польша).

столюдину и делает его смешным. Поскольку Миккели стоит на перекрестке дорог, летом здесь можно проехать из одной деревни в другую на повозке. Многие крестьяне имеют выездные тарантасы, на которых щеголяют по воскресным дням на церковном пригорке. [. . .]

27 числа я заночевал на постоялом дворе. Начав записывать песни, которые мне пели возницы и деревенские девушки, я работал, не глядя на часы, пока не стемнело. Когда сгустились сумерки, исполнители мои собрались уходить, и я перестал записывать, отметив, что стрелки часов перевалили за одиннадцать. В это время года здесь почти совсем светлые.

На следующий день я пришел в Юва. После пройденных мною Хирвенсалми и Миккели с их открытыми взору холмами и выжженными под пашню равнинами я испытал на себе благотворное влияние не только прекрасных лиственных лесов, сменяемых кое-где величественными хвойными борами, но и оценил гостеприимство здешнего народа, о котором и упоминаю с благодарностью. Поскольку я знал, что студент Готтлунд* уже собирал здесь руны, то не стал о них даже спрашивать. Для собственного развлечения я занялся сбором растений и выяснением их названий. Я считаю, что изучение финских наименований растений и других объектов природы способствовало бы выяснению вопроса о древней родине финнов. Известно, что в разных местностях и названия эти различны, но есть немало названий растений, птиц, рыб, животных, а также минералов, общих для всей Финляндии. Поэтому можно предположить, что финны знали их еще до переселения сюда, тогда как большинство объектов, имеющих совершенно разные местные наименования, по-видимому, стали известны им после переселения в эти края. Исходя из этого, можно было бы определить место обитания подобных животных и объектов природы и считать его местом древнего поселения финнов. [. . .]

В пятницу 30 мая я пришел в дом священника в Раптасалми. Здесь я встретил своего старого знакомого Сильяндера — помощника пробста Клеве.

В воскресенье я видел людей в выходной одежде. Я уже раньше был наслышан, что жители Раптасалми — самые культурные в провинции Саво, поэтому мне хотелось увидеть их в праздничной одежде, обычно надеваемой в церковь. Мужчины были одеты в длинные серые сермяжные кафтаны, некоторые были в коротких пиджаках. У женщин в одеянии тоже не было никаких особых украшений.

И все же кофты их были скроены по моде, с более короткими, чем я наблюдал в других местах, полами.

Внимание мое привлекла похоронная процессия. Все, несшие гроб, были одеты в белое: на них были длинные белые кафтаны из сермяги, перехваченные в талии поясами. Должен признаться, эти похороны показались мне более впечатляющими, чем те, что мне доводилось наблюдать в Хяме и Уусимаа, на которых все, несшие гроб, были одеты в черное. После полудня в доме священника обвенчали свадебную чету. Жених был в длинном сером кафтане с поясом, а невеста в очень простом наряде: в юбке в красную и белую полосу, в обыкновенной саржевой кофте и переднике. На голове ее не было никаких украшений, кроме сложенного вдвое красного платка, обхватывающего голову и завязанного спереди бантом. Видимо, он поддерживал волосы, заплетенные в косу и уложенные в пучок. [...]

Хотя на мне крестьянская одежда и я выдаю себя за крестьянина, идущего якобы в Карелию повидеть родственников, многие не верят этому. И все же мне больше чем кому бы то ни было следовало походить на крестьянина, ведь я крестьянин по происхождению и прожил среди них большую часть своей жизни.

На следующий день рано утром я продолжил свой путь. Весьма приятное впечатление произвела на меня старая, сплошь заросшая травой дорога, по обе стороны которой тянулся лиственный лес. Еще вчера я шел по ней, охваченный такой радостью, что едва не позабыл о ночлеге. А сегодня утром дух захватывало от звонких птичьих трелей в ближайшем лесу, от сотен мелодичных звуков, которые заставляли меня часто останавливаться и прислушиваться.

Пятилетний мальчуган обратился ко мне в Рантасалми: «У вас дома так же хорошо, как у нас?» «А что, потвоему, у вас такого хорошего?» — спросил я. Он ответил: «Да ведь у нас совсем рядом красивые леса, там живут маленькие птички, они поют, там много цветов и ягод и всего-всего». Позднее я не раз вспоминал слова этого мальчика о красоте леса и каждый раз думал: как же он был прав!

К полудню я пришел в деревню, где один мужчина, увидев у меня флейту, висевшую в петлице, спросил: «Что это?» Услышав, что это музыкальный инструмент, он попросил, чтобы я сыграл на нем. Флейтист я слабый, но стоило мне заиграть, как вокруг собралась толпа ребята-

шек, подошли девушки и люди постарше. Это не удивляло меня, уже и раньше я наблюдал, какое действие оказывает моя флейта на простых людей. Особенно им нравятся напевы финских народных песен. Часто, едва ли не каждый день, бываю я в окружении многочисленных слушателей и почитателей. Не скрою, это забавляет меня и немало тешит мое самолюбие. В подобной ситуации я всегда воображаю себя вторым Орфеем или новоявленным Вийнямейненом. Скопление деревенского люда весьма удобно для меня и в другом отношении. Мне легче разузнать в людской толпе, кто из односельчан знает песни и руны. Вот и на этот раз мне указали на девушку с очень хорошей памятью, знавшую много карельских песен, исполняемых обычно женщинами, и несколько старинных рун, которые я стал записывать. Но вскоре мать напомнила дочери, что ей надо вместе с другими идти на подсеку,— наступила пора жечь лес, вырубленный под пашню.

Поскольку я намерен опубликовать эти стихи и целый ряд других песен отдельно, то не буду приводить их здесь полностью. Но кое-кто из читателей, вероятно, пожелает ознакомиться с ними, поэтому приведу два отрывка из руны «Гордая девушка».

Эта девушка не станет
на саях сидеть батрацких,
у поденщика под мышкой.
Этой девушке однажды,
этой курочке красивой,
принесут кольцо из Турку,
привезут из Риги крестик.
Этой девушке однажды,
этой курочке красивой,
подведут коня за тыщу,
поднесут седло за сотню.
Этой девушке однажды,
этой курочке красивой,
под дугой узорной ездить,

в расписных саях кататься.
В честь красавицы однажды,
этой курочке во славу,
чару поднесут большую.
Каасо отопьет из кружки,
из ковша пригубит племя.

Кто же знал, что очень скоро
ей, прославленной невесте,
тропку мерять до колодца!
Кто же знал про то, кто ведал,
что уж сей год в это время
расплетать придется косу,
заплетать ее в печали.

Побывав во многих домах и записав несколько стихов от двух крестьянских девочек, пасших у дороги овец, я отправился на постоянный двор в Юля-Куона, где и заночевал. [. . .]

На следующий день около полудня я остановился в деревне, названия которой теперь уже не помню. Мне посоветовали сходить к сыну одного крестьянина, который, по слухам, знает много рун. Но как раз в это время он оказался в лесу, гнал смолу. Я отправился на поиски, но когда нашел его, начался дождь и записывать песни под от-

крытым небом стало невозможно. Молодой крестьянин сказал, что я мог бы записать руны, которые он знает, и еще много других от некоего сапожника. Тот жил неподалеку отсюда. Когда же я пришел к сапожнику, его тоже не оказалось дома. Жена его и сын сообщили, что хозяин в лесу, примерно в четверти мили отсюда, там помочь¹ на вспашке подсеки.

По их совету я свернул с дороги направо и пошел по узкой, отчетливо различимой лесной тропинке, но затем тропа затерялась. Подсеки сбивали меня с пути, и я шел почти наугад, но вскоре вновь заметил утоптанную тропу и по ней, к великой моей радости, добрался до нужного места. Вечером крестьяне вернулись домой с расчищенного и вспаханного ими участка. Что касается рун, то я обманулся в своих надеждах, так как руны оказались в основном духовными и ранее уже публиковавшимися. И все же я с удовольствием провел здесь вечер, вернее, праздник по случаю окончания помочи, участвовал в разговорах, более оживленных, чем обычно. Ужин состоял из соленой рыбы, тушеного мяса с соленным соусом, похлебки и пирога с творогом «коккели». Они знают и чарку под рыбу, а поговорка «рыба посуху не плышет» служит к тому сигналом. Но здешнее пиво не идет ни в какое сравнение с тем, что варят в Турку и Хяме.

Днем я совершал длинные переходы от одной деревни до другой, собирая болотные растения. Однажды меня настиг проливной дождь и пришлось искать укрытия под чахлой сосной с редкими ветвями. Промокнув в конце концов до нитки, я под дождем дошел до ближайшего дома и там заночевал. Дом этот находился где-то на границе между Саво и Карелией, поэтому, прежде чем перейти к другой провинции, следует сказать несколько слов о Саво. Что касается названия Саво, то пастор Бруноу из Миккели рассказал мне следующее. По преданию, дошедшему до наших дней, первые финны приплыли сюда по воде. Долго они искали какую-нибудь избушку, чтобы, выдворив прежнего хозяина, занять ее, но безуспешно. Наконец заметили дым над рыбацкой избушкой, принадлежавшей, как оказалось, лапландцу. Обрадованные, они закричали: «Саву, саву!»². В память об этом они назвали мыс, на котором

¹ Помочь (толока) — сбор населения всей деревни или части деревни у одного хозяина для выполнения какой-либо трудоемкой работы.

² Саву (фин. savu) — дым.

стояла избушка, Пирттиниеми¹, а залив, окружающий этот мыс, Савулахти. Впоследствии так стала называться окрестность залива, а еще позже и вся провинция Саво-лакс. [..]

Крестьянские дворы в этой провинции расположены на большом расстоянии друг от друга. Происходило это по той причине, что каждый земледелец, приступая к расчистке земли под пашню, здесь же ставил жилье. В Хяме и на побережье совсем иная картина, там дома стоят кучно. В Саво и Карелии немало деревень, жителям которых надо пройти не одну четверть мили, чтобы навестить соседа. Вообще для крестьян Саво и Карелии характерно стремление жить вдаль от других, в некотором уединении. Это видно хотя бы по тому, что люди, живущие довольно близко от соседей, при постройке нового дома стараются поставить его подальше. Дом выглядит просто: это изба, в потолке которой имеется дымоволок; в доме несколько больших застекленных окон. Печь кубической формы служит для выпекания хлеба, а также для отопления помещения. Опечек [основание печи] обшит досками, сверху [перед устьем] находится шесток с жаратком, или зольником, куда можно выгребать из печи горячие угли. В углу печи, обращенном к избе, — «опечный столб», от которого к обеим стенам идет по воронцу. Кое-где этого столба нет, особенно в местностях ближе к провинции Похьянмаа. Следует заметить, что в ряде домов, построенных в последние годы, ставят уже такие печи, какие встречаются в крестьянских избах южной Финляндии, то есть с дымовой трубой. Но ставятся они не повсеместно, поскольку не обогревают дом так хорошо, как старые испытанные печи, топящиеся по-черному. Когда такую печь топят, дым сначала густо стелется по всей избе, и непривычному человеку трудно выдержать это даже сидя на полу, где меньше дыма. Но вскоре дым начинает столбом выходить через отверстие на потолке [дымницу]. Потолок и стены поверху совершенно черны от сажи и поблескивают, словно их покрыли черным лаком. Нижняя же часть стен, в человеческий рост от пола или чуть выше окон, совсем белая. Копоть садится и тут, но ее сразу же счищают, состругивают специальным скребком — скобелем.

Та часть избы, в которой находится печь, называется *карсина* [женский угол], а другая, более просторная часть в обиходе называется *силта*, или просто пол. В старое вре-

¹ Пирттиниеми: от фин. *pirtti* — изба, *niemi* — мыс.

мя между ними ставили перегородку. Еще и сейчас иногда в некоторых домах можно увидеть бревно, которое проходит через весь пол и служит для той же цели — делит избу надвое. И хотя теперь пол чаще всего настилают гладкий, без видимой границы между карсина и силта, старинные названия их сохранились.

Когдаходишь в дом, то слева от двери видишь печь и карсина, справа — силта и ткацкий станок. В избе нет никакой другой мебели, кроме стола и нескольких стульев. Здесь нет ни шкафов, ни сундуков, ни полок, ни горшков, ни кроватей и т. п., которые потеснили бы многочисленное семейство. Летом вся семья спит в холодных помещениях: снях, амбарах, а зимой — в избе. Для мужчин на пол настилается солома, на которую набрасывают шерстяную и сермяжную подстилку и подушки, укрываются они своими длинными сермягами или чем придется. Женщины, занятые хозяйственными делами, проводят большую часть времени на своей половине — карсина — с прялками, веретенами и прочим, тогда как остальная часть избы находится в распоряжении мужчин. В некоторых домах еще можно увидеть своеобразное сооружение под пологом, которое раньше встречалось повсеместно. Это обычная кровать с четырехугольным шатром из льняной ткани, плотно прикрепленной понизу к краям кровати, так чтобы комары и мухи не досаждали спящему. За четыре угла он подвешивается к потолку. Это место для сна называется «уудин». Он очень удобен летом, поскольку спасает от комаров, которых здесь значительно больше, чем в южной Финляндии.

В противоположном от входа конце сеней зачастую держат молоко и небольшое количество продуктов, чтобы иметь все под рукой, когда садишься за стол. При каждом доме имеется несколько клетей и амбаров; у каждого из сыновей, особенно у женатых, — своя клеть. В них хранят одежду и другие вещи, а летом спят. В ряде мест баню топят ежедневно, но другие довольствуются тем, что парятся два-три раза в неделю. Рюс * заблуждается, утверждая, что мужчины и женщины парятся вместе. Я нигде не встречал такого. Мужчины всегда парятся первыми, а женщины — после них. В поварнях, или по-здешнему «кота»*, нет каменки. Деревянный пол отсутствует, и огонь разводят прямо на земле, а котел подвешивают на крюк.

В воскресенье 8 июля я дошел до местечка Кесялахти, которое относят уже к Карелии. Мальчишки у дороги бросали биты. Я остановился и стал наблюдать за их игрой.

Вскоре здесь же собралось несколько мужчин и один из них сообщил мне, что знает немало рун. Мы зашли в ближайший дом. Там же я записал руны от других собравшихся мужчин и девушек. Узнал о наиболее искусных рунопевцах этого края. Лучший из них жил за три четверти мили отсюда, в деревне Хумуваара, куда я, насквозь промокший под дождем, добрался к вечеру. Но рунопевца по имени Кайнулайнен* не оказалось дома. Он был на сплаве. Братья Кайнулайнена заверили меня, что он на самом деле помнит много рун, и я решил подождать его. Понедельник уже был на исходе, а Кайнулайнен все не возвращался. Ожидание мое, однако, не было тягостным. Прекрасное местоположение дома — у леса и дружелюбное ко мне отношение старой хозяйки — матери Кайнулайнена и остальных членов семьи скрашивали его. С неизъяснимой отрадой ходил я по лесу, где покойный отец Кайнулайнена когда-то читал свои заклинания, обращенные к богам и богиням леса, и где в былые времена «девы Метсо-лы» показывались своим любимцам. Следует заметить, что в бытность свою старый Кайнулайнен был лучшим охотником этих мест. И по суеверным понятиям людей того времени, его охотничье счастье во многом зависело от благосклонности лесных богов, которых он, как никто другой, умел расположить к себе своими песнями. Эти песни перешли от отца к старшему сыну, но младший Кайнулайнен — сын своего времени — уже не считал их столь могущественными, какими они являлись для предков. Они были для него скорее святым наследием отца и напоминали ему детство. Чтобы читатель мог представить, как финские охотники молились лесным богам, приведу здесь несколько заклинаний Кайнулайнена.

ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ОХОТЕ НА ОЛЕНЯ

Плакал глупый от нужды,
жаловался на нехватку:
где дарительница наша,
таровитая хозяйка,
где опрятная хлопочет?
Там дарительница наша,
таровитая хозяйка,
там опрятная хлопочет,
у дверей дворца из рога,
на краю лесного замка.
Что там делает хозяйка?
Из костей возводит замок,
из когтей сооружает.
Дева Анникка с ключами,
Ева, дева-невеличка,

заиграй-ка на свирели,
на своей медовой дудке
для ушей хозяйки доброй.
Верно, ты и не хозяйка,
коль прислуги не имеешь,
не содержишь ста служанок,
тыщей слуг не обладаешь,
теми, кто стоит у двери,
кто стадами управляет,
кто твою скотину холит,
кто пасет большое стадо,
кто за длинным стадом ходит.
Отпусти своих овечек
на места моей охоты,
на мои приспособленья.

Лумикки, Тапио дочка!
Позови своих теляток
под воздушным этим сводом,
пригони стада к мужчине,
подведи к ловушкам мужа,
к вынянченному у груди.
Пусть бегут стада быстрее,
пусть проворнее несутся.
Если нету стад поближе,
позови их издалека.
Проведи сквозь восемь ждущих,
сквозь охотников десяток
на места моих ловушек
из-за Таникки далекой,
из концов далекой Похьи,
тех, попамн не обжитых,
из краев неокрещенных,
незнакомых, безымянных,
скрытых за семью церквами.
Пусть бегут они быстрее,
пусть они проворней скачут.
Хийси, мальчик низкорослый,
прыгающий через тропы,
вынь-ка шпоры золотые
из лукошка золотого,
из корзинки, что из меди,
с воронца из серебра,
бок пощекочи бегущим,
поскреби у них под мышкой.
Пусть они бегут быстрее,
пусть они проворней скачут
пряником к ловцу-герою,
к мужу, ждущему добычи,
к вынянченному у груди,
пригони в упряжке медной,
в золотых оковах стадо.
Здесь должна пройти дорога,
нового пути начало
для великих и для малых.
Здесь мостки покрыты шелком,
полотном — места плохие,
холщевинною — худые,
плотным полотном немецким,
грубою сермяжной тканью.
Уккойнен, отец всевышний,
старец наш, владыка неба,
налицею золотую
с воронца из серебра
по бокам ты их стегни,
полосни своєю палкой
так, чтоб кости затрещали,
чтоб колени задрожали.
Леса щедрая хозяйка,
маленькая дева рощи,
коль рекой богатство льется,
коль оно стремится выше,
выше подними ограду;

коль оно стремится ниже,
опусти ограду ниже.
Коль рекой оно не льется,
пусть забор стоит на месте.
Пусть бежит оно быстрее,
пусть проворней стадо скачет.
Здесь, куда придешь ты, стадо,
красной лентой перекинут
мост над огненным порогом.
Шелком здесь мосты покрыты,
бархатом покрыты хляби,
полотном — места плохие,
плотным полотном немецким,
грубою сермяжной тканью.
Парусом, хвосты, расправьтесь,
парусиной трепещите.
Пусть бежит быстрее стадо,
пусть оно проворней скачет,
не сворачивая в топи,
не сходя с мостков в болото.
Дочка мглы, тумана дева,
Луоннотар, Тапио дочка!
Решетом просей туманы,
выдуи человечесий запах,
выветри ты дух героев.
Застели глаза коровкам,
заложн туманом уши.
Из ловушек, из капканов,
из сетей ты сделай по две.
Проведи ты к ним добычу.
Замотаи им рот шелками,
поверни носы в сторонку,
чтобы нити не порвались,
не запутались волокна.
Положи ты пястку льна,
горстку золотой кудели
под серебряную грядку
этой ночью, ночью первой,
ночью среднюю, второю,
ночью третью, последней.
Принеси богатство ветром,
вьюгой нагони, метелью,
непогодою, дождями
пряником к ловцу-герою,
к мужу, ждущему добычи,
к вынянченному у груди.
Золото мое иссякло.
Вицу выломаи в чащобе,
прут березовый в лошине.
Кто бежать не может быстро,
стегани того ты илетью,
подгони кнутом ремненным,
мелкими хлестни камнями,
сыпани вослед им галькой.
Вицу в пять возьми сажений,
в три сажени прут березы,
чтобы им стегать скотинку,

чтобы гнать большое стадо.
Нет других мужчин на свете,
кто б черней имел ресницы,
кто ногой ступил бы мягче,
кто б имел дуюю брови.
Нету нашего прекрасней.
Стукни палицею, Укко,
новою дубинкой грохни,
хлестани своею палкой
в местах рожденного стада,
в крае меха дорогого.
Добрая хозяйка леса,
ты, дарящая добычу,
золота тебе набрал я,
серебра я приготовил,

расстели платок свой лучший
под мои дары лесные,
чтоб на землю не упали,
чтоб в грязи не замарались.
Век у золота такой же,
как у месяца, у солнца.
Есть и золото такое,
что с войны привез отец мой,
Из России, с поля битвы,
с поля брани из-под Риги.
Золото мое полегче,
серебро мое потоньше.
Золото твое шерстисто,
золото мое поярче.

ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ОХОТЕ НА ЛИСУ

Встань, хозяйка мелкоколосья,
встань, хозяин с бороною,
поднимайся поживее,
ждут тебя и окликают,
здесь нужда в твоём народе.
Волосков своих надергай,
нащипай, нарви шерстинок,
надери своих волокон,
брось их к ждущему мужчине,
к ожидающему мужу,
вынянченному у груди.
Ты бросала раньше, дева,
на мои пути пушнину,
дслала мой край богатым,
красным берег мой родимый.
Муж красивый, красношлемый,
Тапио белобородый!
Красный шлем возьми с когтями,
в землю коготь брось поменьше,
в землю коготь брось побольше,
на места моей охоты,
на мои приспособленья.
Пяйстярюс, чащобы дева,
натряси своих волокон,
набросай своей кострики
на места моей охоты,
на мои приспособленья.
Мимеркки, хозяин леса,
в шапке хвойной, с бороною!
Мимеркки, хозяйка леса,

с оловянными ножнами,
с поясом из серебра.
Раммикко, хозяин денег,
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
звякни денежной рукою,
прозвени десницей щедрой
этой ночью, ночью первой,
ночью среднюю, вторую,
ночью третью, последней.
Если нету тех, кто ближе,
пригони их издалека
мимо девяти ловающих,
через восьмерых смотрящих,
через полдесятка ждущих
на места моей охоты,
на мои приспособленья.
Пригони ты шерсть носящих
на своих ногах проворных.
Если нету тех, кто ближе,
пригони их издалека,
проведи равниной Похьи,
наклоняя крышу Лаппи.
Пусть бегут они быстрее,
пусть проворнее несутся
из краев неокрещенных,
незнакомых, безымянных,
из краев, где нет попов.
Вицу в пять возьми саженой

и т. д.

ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ ОХОТЕ НА ЗАЙЦА

Уккойнен, отец всевышний,
старец наш, владыка неба,
с севера окликни тучу,
с запада пришли другую,

третью вызови с востока,
тучи те столкни ты вместе,
ты направь их друг на друга,
веточкам моим дай меду

из небес медоточащих,
с тучи сладкого накапай,
дай ты меду веткам средним.
Все тут горькие побегги,
лишь один побег медовый,
что опущен в снег верхушкой,
в небеса уперся комлем.
На конце его распорка,
лук натянутый на комле.
Я вчера ходил по лесу,
там заметил я три замка,
три дворца я там увидел.
Есть из дерева, из кости,
третья крепость вся из камня.
Это крепость полководца.
Шесть там золотых окошек
на углу любого замка.
Я смотрю вовнутрь в окошко,
там дарительниц я вижу,
там живут хозяйки стада,
руки в золотых браслетах.
Анника, ключей хозяйка,

Ева, дева-невеличка,
ты пойди в амбар на горке,
отпусти своих ягнятюк,
пригони своих овечек.
Пусть бегут они скорее,
пусть они проворней скачут
мимо всех чужих ловушек,
под чужою западнею
на места моей охоты,
на мои приспособленья,
прямиком к ловцу-герою,
к мужу, ждущему добычи,
вынянченному у груди.
Если кто бежать не хочет,
подхлестни его ты вицей,
подгони его легонько,
стегани концом хлыста,
если кто сойдет с дороги,
за ухо верни на тропку,
хлестани кнутом ременным,
мелкими хлестни камнями,
сыпани вослед им галькой.

В понедельник Кайнулайнен так и не вернулся и пришел только на следующий день, но, устав с дороги, решил сначала отдохнуть. Вечером Кайнулайнен все же кое-что спел и, закончив, стал уверять, что мне дня не хватит, чтобы записать все руны, которые он знает. На следующее утро я попросил его продолжить пение. Но он ответил, что, будучи старшим сыном в семье, он не может отстать в стороне от хозяйственных работ, это не понравится его братьям, а ссоры он не хочет. Кайнулайнен пообещал остаться дома в случае, если я найду ему замену. Я стал искать поденщика, но в эту горячую пору все были заняты делами. И мне пришлось примириться с тем, что Кайнулайнен вместе с другими отправился на работу. Я попытался найти поденщика хотя бы на следующий день, но мои попытки не увенчались успехом. Вечером Кайнулайнен с братьями вернулись из леса. Я поведал им о своей неудаче и стал уговаривать братьев рунопевца принять у меня дневной заработок поденщика с тем, чтобы они при возможности могли нанять его вместо остающегося со мной брата. Они обещали все взвесить и наутро приняли мое предложение. Теперь рунопевец был в моем распоряжении. Он был очень доволен этой передышкой и с радостью повторял, что никогда еще песни не принесли ему такой пользы. После обеда пошел дождь, и он обрадовался еще больше — мы-то были под крышей. Весь день, с утра до позднего вечера, я записывал его песни,

не считая перерыва на обед и того получаса, пока он готовил кофе. Последнее было выражением его радости по случаю обретенной им свободы на целый день. Вообще-то здешние люди не привыкли к кофе, но Кайнулайнен приобрел кофейник и научился готовить его. Он был выборным церкви и, видимо, ради своего престижа приобрел этот предмет роскоши. Когда я вечером спросил у него, знает ли он еще руны, он ответил, что их, наверное, осталось не меньше, чем записано за день, но сразу все трудно припомнить. Я попросил его петь на тех же условиях и следующий день, но он посоветовал не тратить из-за него столько денег. «Завтра,— сказал он,— мы все останемся работать дома, и если вам удобно, можете записать и остальное, мне нетрудно петь и работать одновременно». Я согласился и на следующий день, сидя подле него, записывал карандашом все, что он диктовал.

Я пробыл у них несколько дней. Все это время старая хозяйка да и остальные домашние обходились со мной очень хорошо. Хочется привести лишь один пример, который показывает, сколь добры они были ко мне. В среду вечером я вместе со всеми пошел в баню. Когда вернулся в избу и переоделся в сухое, то нижнее белье, совершенно вымокшее после бани, повесил сушиться. Утром белья не оказалось, и я недоумевал, куда же оно могло подеваться, пока в четверг уже под вечер оно не появилось на том же месте, отстиранное и разглаженное рубелем. Я поблагодарил хозяйку, и она в ответ сказала, что сделала лишь то, что предписывает гостеприимство, и добавила: «На то и человек, чтобы делать добро другому». Потом она спросила: «Может, вам еще что-нибудь надо было постирать, мне бы раньше спросить, да где старому человеку все упомянуть». Я ответил, что у меня еще осталось кое-что из одежды, которую следовало бы постирать, но мне не хочется утруждать ее. Но она не успокоилась до тех пор, пока я не отдал ей в стирку все оставшееся, причем уверила меня, что одежда успеет высохнуть до моего отъезда. Я дал ей летние брюки, потому что в Китээ собирался побывать в некоторых господских домах. Перед уходом, чтобы отблагодарить хозяйку за еду и прочие хлопоты, я предложил ей рубль, но она наотрез отказалась. Я тоже решил не отступать, и в конце концов ей пришлось принять рубль. Рунопевцу я дал 75 копеек на чай, уплатив прежде дневной заработок поденщика. Он тоже отказывался от денег, хотя и не столь упорно, как его старая мать.

Один из братьев рунопевца, сам кузнец, спел мне несколько рун о кузнеце. В одной из них говорилось о том, как Илмаринен научил самого первого кузнеца паять. Кузнец выковал топор, но никак не мог припаять прищину топора. Мимо кузницы проходил Илмаринен и услышал звук раздуваемых мехов. Он подошел, стал в дверях и спросил: «Сколько топоров ты сегодня изготовил?» Рассерженный кузнец, решив, что над ним смеются, отрезал: «Десятый доделываю!» Илмаринен повернулся и пошел, но, уходя, бросил кузнецу несколько знаменательных слов: «Об эту пору даже те кузнецы, что кидают песок на раскаленное железо, только девятый доделывают». Кузнец сразу же отправился за песком, бросил его на кипящее железо, и железо тут же схватилось. Это якобы и было открытием кузнеца. Секреты, известные сегодня каждому кузнецу и ставшие для них привычными, в прошлом были столь значительными, что сами боги указывали на них нашим предкам.

Для тех, кто заинтересуется руной, привожу ее полностью:

В дни былые Илмаринен
заставлял кипеть железо.
Что ж оно не закипает
на огне в моем горниле?
Я ведь также был в ученье,
был у кузнеца подручным,
зимь семьсот я проучился,
пять десятков лет, не меньше.
Скалы нарости на пятки,
сажень сажь мне на плечи,
на голову с локоть пепла,
гари — три четвертых локтя.
Напевал кузнец когда-то,
не жалел сухое горло,
заходя в родную кузню.
Сам кователь Илмаринен,
этот мастер вековечный,
спрашивал, осведомлялся,

задавал вопрос за дверью,
так через порог справлялся:
«Сколько топоров сковал ты?»
Отвечал кузнец лукаво:
«Я кую уже десятый!»
Говорил так Илмаринен,
изрекал он так за дверью:
«Мастера такие даже,
не куют еще десятый,
кто швыряет в пламя горна,
в лапы крепкие железа,
кто песок в огонь бросает!»
Тот урок кузнец усвоил,
принял тот совет полезный,
сунул он железо в пламя,
бросил и песку в середку,
так и топоры сковал он,
так же молотки он сделал.

За эту и другие руны, рассказанные кузнецом Кайнулайненем, я предложил ему 20 копеек. Он был очень доволен и посчитал плату хорошей. «Пожалуй, с этого дня я начну ковать руны», — сказал он. Я спросил, может ли он сочинить настоящую руну. И он ответил:

Сотнями слагали песни,
так же делали и раньше,
над ребенком песни пели,

в пастушонках дни за днями,
золотыми вечерами.

Едва я собрался уходить, как пришла старая хозяйка с рублем в руке и заявила, что она не может взять его:

«Ведь вам еще не раз придется обувь покупать, прежде чем попадете домой к родителям, не могу я взять ваши деньги». Я просил ее не беспокоиться насчет моей обуви и сказал, что на это у меня деньги остались. Так я расстался с этим приятным домом. Старушка благословила меня, проводила в дорогу и пожелала целым и невредимым вернуться в родные края.

Я не случайно так подробно рассказал про свое житье у Кайнулайнена, а с целью дать читателю какое-то представление о жизни простого народа в Карелии. Я выбрал для описания именно этот дом, поскольку пробыл в нем дольше обычного и сумел поближе познакомиться с людьми. Я мог бы на каждой странице приводить примеры карельского гостеприимства, но боюсь утомить читателя и поэтому не стану повторяться. В Карелии нередко встречаешь хозяек, которым совесть не позволяет брать плату за еду, и чаще это бывает в глухих деревушках. Люди, живущие возле дорог, как-то уже привыкли брать деньги, хотя и там на мой вопрос, сколько уплатить за еду, обычно отвечают: «У нас есть чем накормить путника и без денег». Но при повторной просьбе назначить плату они обычно говорят: «Ну разве какой-нибудь грош детям». С той же доброжелательностью и готовностью помочь не ради собственной выгоды я сталкивался и тогда, когда приходилось переправляться через узкие проливы и озера, — гребцы отказывались от платы. Несмотря на мои пояснения, что я путешествую не на свои средства и не из своего кошелька плачу деньги, они все равно ни за что не соглашались брать плату.

13 июня я покинул Хумуваара и к вечеру добрался до поместья Пухос, нынешним владельцем которого был магистр Фабрициус. Я провел здесь ночь и следующий день. Это живописнейшее место находится между Пюхьярви и Оривеси. Эти озера соединяются протоком Пухос, на берегу которого построена большая лесопилка. На озере Оривеси множество маленьких островков, сплошь покрытых лиственными лесами. Здесь я впервые в Карелии увидел несколько парусных лодок. Вид на озеро Пюхьярви, расположенное с другой стороны, не столь живописен. Нынешний хозяин поместья немало потрудился, чтобы украсить эту местность. Посаженные им в саду яблони в ближайшие годы начнут плодоносить. Климатические условия здесь не столь уж и суровы, есть примеры, когда яблони плодоносят и в более северных областях Финляндии.

Лесопилка, построенная на протоке между двумя озерами, является весьма полезным сооружением для жителей окрестных деревень. Люди учатся ценить свой лес. Крестьянин, получающий за проданный лес наличными, будет всегда проявлять заботу о том, чтобы этот источник дохода не иссяк. Те же, у кого нет такой возможности, напротив, не ценят своего леса, не знают лесоводства, не считаются ни с какими положениями и указами, считая, что это вздор и болтовня и что лес пригоден лишь на то, чтобы сжигать его под пашни. Так поступают жители Хирвепсалми, Миккели и многих других мест. В этих краях крестьянину приходится заготавливать бревна для строительства, а порой и дрова за много миль от дома. Там же, где лес служит источником дохода, крестьяне ежегодно продают его довольно много, и все равно он у них лучше, чем в названных выше местностях. Я спросил у крестьян, живших недалеко от Пухоса и только что доставивших на лесопилку плот из бревен, много ли они продали леса в этом году, и удивился, услышав, что за свои бревна они получили примерно по восемьдесят рублей. Далее я спросил их: «Надолго ли хватит леса, если вы каждый год будете столько вырубать?» Но их не пугало, что запасы леса иссякнут. «В будущем году,— сказали они,— мы начнем рубить в другом месте, в последующие годы еще дальше, пока на том месте, где нынче рубили, не вырастут деревья».

Из Пухоса я выехал вместе с землемером Теленом в имение под названием Леполахти, владельцем которого был его брат. Неподалеку от Пухоса с высокого холма открывался красивейший вид на Оривеси. Будь я художником, я охотно сошел бы с повозки, чтобы запечатлеть на бумаге эту изумительную картину, но я не обладаю таким даром. В имении Леполахти я провел несколько приятных дней.

Наконец 17 июня я вновь отправился в путь и прошел не одну четверть мили обратно по знакомой дороге на Пухос, прежде чем добрался до Нийникумпу и встретился со старым крестьянином Маккойненом, самым известным знахарем в этих краях. Едва перестал дождь, настигший меня в пути, как я уже был в Нийникумпу. Мне надо было решить, куда пойти раньше: к Маккойнену или в находящуюся поблизости господскую усадьбу. Я выбрал первое, прикинув, что Маккойнен охотнее поделится со мною своими секретами, приняв меня за своего, чем если бы я заявился к нему из господского дома. Старик с длинной

белой бородой показался мне немного странным, он и правда походил на настоящего колдуна. Я поздоровался и заговорил с ним. Возле старика лежал изогнутый рог для нюхательного табака, из чего я заключил, что он заправский нюхальщик. Я достал свою табакерку и предложил ему шепотку табаку. Должно быть, он подумал, что тут кроется какое-то колдовство, и ни в какую не соглашался брать, прежде чем я сам не взял первую понюшку. Этим я расположил его к себе, и он начал рассказывать о различных чудесных исцелениях.

Одним из лучших способов, по его мнению, был тот, которым он пользовался когда-то при лечении жены некоего купца из Ваасы. Он как-то поехал в этот город и остановился у купца. Жена хозяина страдала тяжелой болезнью, и ни один городской лекарь не мог ее вылечить. Узнав об этом, Маккойнен сказал купцу: «Ваши лекари никуда не годятся, если за много месяцев не могут вылечить несчастную больную, тогда как бедный крестьянин, если пожелаете, возьмется вылечить ее за несколько дней». Купец тут же стал упрашивать Маккойнена исцелить жену, спросив, не надо ли чего-нибудь из аптеки. «Горсть соли, это все, что мне понадобится»,— ответил Маккойнен. Сказав это, он пошел в сарай, чтобы никто не мешал ему, прочитал над солью свои заговоры и велел затем растворить соль в воде и давать больной пить. Так и сделали, и госпожа сразу же почувствовала себя лучше, а вскоре и совсем выздоровела. Позже врачи настойчиво пытались у него секрет лечения, но он так и не выдал своей тайны. Не буду пересказывать, с какими почестями после этого случая купец принимал Маккойнена, когда тому доводилось бывать в Ваассе. С тех пор прошло уже двенадцать лет, но Маккойнен просил меня разыскать этого купца, объяснил, на какой улице и в каком доме тот проживает, и уверял, что меня примут как нельзя лучше, если я привезу им привет от старого Маккойнена из Карелии.

Для подобных историй, передаваемых нашими финскими мудрецами, может быть три объяснения. Во-первых, кто-то разыгрывает знахаря, притворяясь больным и позволяя ему «исцелить» себя, тем самым укрепляя в нем веру в свои вещие слова. Во-вторых, кто-то на самом деле будучи больным прибегает к помощи знахаря, а потом поправляется, чему есть немало подтверждений. Это могло бы показаться невероятным, если бы мы не знали о силе внушения. Один из представителей высшего сословия из

Карелни рассказывал, как заклинатель вылечил его. У него долго болели глаза; было ли у него бельмо или какая-то другая болезнь, теперь не припомню. Естественно, что ему хотелось сохранить зрение, уже настолько ослабевшее, что он не мог читать. Он обращался к врачам в Куопио, которые нимало не обнадеживали его, а, наоборот, утверждали, что со временем он потеряет и остатки зрения. Услышав такое суровое заключение, он отправился в Савонлинна за советом к тамошнему врачу, но тот лишь подтвердил мнение врачей из Куопио. С мрачными мыслями он вернулся домой, где обратился к знахарю, который уверил, что вылечит его за одну ночь. Он подумал: «Раз уж мне суждено ослепнуть, то не все ли равно, на неделю раньше или позже». И согласился. Вечером перед сном знахарь приложил к его глазам какие-то предварительно заговоренные примочки, велел больному лежать с закрытыми глазами, ни в коем случае не открывать их примерно до трех часов утра. Знахарь уверял, что если больной хоть ненадолго приоткроет глаза, он тут же ослепнет и его уже не вылечит никто. Больной дает твердое обещание исполнить все, как велено, и, крепко закрыв глаза, с волнением ждет утра. Наконец в условленное время появляется знахарь и, бормоча заклинания, направляется к больному. Затем он снимает повязку, промывает веки и велит больному открыть глаза. Самое примечательное, что человек сразу же стал хорошо видеть и по сей день не жалуется на зрение. Никто так и не узнал, из чего была сделана та каша для припарки глаз. Известно только, что от нее исходил ужасно неприятный запах. Я мог бы привести немало подобных примеров исцеления, которые создают широкую известность заклинателю и привлекают к нему страждущих.

Есть еще и третья причина возникновения всевозможных рассказов о знахарях. Дело в том, что они сами их сочиняют и рассказывают людям, чтобы привлечь к себе внимание. Возможно, так же обстояло дело с рассказом Маккойнена об исцелении. Свидетели этого исцеления находятся далеко в Ваасе, сам заклинатель живет в Карелии, не так-то легко все узнать и проверить.

Однако вернемся к Маккойнену. Выслушав множество его рассказов и со своей стороны поведав ему кое-что в том же духе, я попросил его прочесть мне несколько заклинаний. Он ответил уклончиво, что почти все позабыл, но когда я обратился к нему еще раз и прочитал ранее записанные мною руны — согласился. [...] Он начал было

читать руны, но остановился и сказал, что для освежения памяти ему надо бы пропустить рюмочку, ибо без этого ему ничего не вспомнить. Я купил для него вина у молодой хозяйки и тем самым испортил все дело. Старец под действием вина стал более разговорчивым, но речь его, невнятная от природы, сделалась совсем невразумительной. Мне было трудно различать отдельные слова, а если и удавалось, нетерпеливый старик не делал передышки, и я не мог записывать. Едва я успевал записать несколько строк, как он перескакивал на другое, так что ничего цельного не получилось. Единственное, что я записал, это кое-какие мифологические имена и названия мест.

Я было собрался в дорогу, но узнал, что сегодня вечером сюда должен прийти портной этого прихода Киннунен. Такие люди обычно знают песни и руны, ибо, работая в разных домах, имеют больше возможностей сочинять либо выучивать их, чем другие. Я слышал, что Киннунен кое-что знает, и решил остаться ночевать. Киннунен и в самом деле пришел и без утайки рассказал мне все, что знал. Жаль только, что знал он не так уж много. Киннунену больше нравилось рассказывать сказки, и он пообещал развлекать меня хоть три дня подряд. Но мне не хотелось три дня угощать его вином, а я заметил, что для него это обязательное вознаграждение за труды. Поэтому уже на следующее утро я собрался уходить, но зарядил дождь и задержал меня почти до самого вечера. Итак, я целый день и, признаюсь, с удовольствием слушал сказки Киннунена. Правда, сами сказки не всегда представляли интерес, но их недостатки полностью возмещались умением рассказчика занятно их рассказывать. Интонациями и жестами Киннунен дополнял свой рассказ не хуже иного актера, природные его способности помогали живо и образно представить то, о чем он говорил. [..]

18 июня я пришел в дом священника в Китээ, где пробыл двое суток у Стениуса, замещавшего настоятеля церкви. В деревне Яма, у Пентти Хирвонена, по утверждению ряда крестьян, грамотного и поэтому сумевшего записать множество стихов, я не смог побывать, так как деревня находилась где-то в стороне от избранного мною пути. Вместо этого я отправился к Олли Халттунену в Рупповара, что поближе. Там я встретил двоюродного брата Халттунена, у которого был лучший в деревне двор. Он приветливо принял меня, пригласил в дом и обещал послать за Олли. Вскоре пришел и Олли, которого все здесь

называли «майстери»¹, видимо, потому, что у него был довольно разборчивый почерк. Я поинтересовался, много ли стихов он знает, на что он ответил, что много, и после этого знаком вызвал хозяина во двор. Там они, видимо, посоветовались, можно ли мне довериться. Дело в том, что финские рунопевцы до сих пор боятся, что их могут привлечь к ответственности за стихи такого рода*. Это я наблюдал повсеместно. Исподволь и незаметно они пытаются убедить себя, что это не так. Когда, например, я привожу из ранее собранных мною заговоров какое-нибудь сильное заклинание против нечистой силы, у меня нередко спрашивают, где я его записал. Догадываясь, куда клонит собеседник, я обычно отвечаю, что забыл имя человека, который мне дал эти заклинания.

Вскоре Олли вернулся в избу и начал было рассказывать свои руны, но с ним повторилась та же история, что и со многими другими,— он никак не мог начать. Я счел лишним оросить его память вином, и на этот раз мне повезло больше, чем с Маккойненом. Позже хозяин показал мне свою библиотеку, довольно хорошую для крестьянина. Помимо множества духовных книг, здесь были книги «Болезни животных» Ганандера* и несколько книжек Ютейни*.

21 июня я отправился в Потоскаваара, где, по моим сведениям, жил рунопевец Юхана Каттилуус. Пройдя с четверть мили, я оказался на длинном и узком мысу, вдающемся в озеро Китээ. Здесь стояло несколько домов. Мне предстояло разыскать человека, который перевез бы меня на лодке через залив, по ту сторону которого, в некотором отдалении от берега, на пригорке находилась Потоскаваара. На том берегу со мной приключилось несчастье: когда я, прислонив ружье к дереву, помогал гребцу вытаскивать на берег лодку, ружье упало на камень и вся дробь высыпалась из него. Я подосадовал, но делать было нечего, и по совету попутчика направился к деревне. Хотя мне было известно, что до дома Каттилууса не более четверти мили, я, не найдя тропинки, пропетлял более полумили. Наконец у одного дома на лужайке я увидел девушек за стиркой белья. Я спросил, не Каттилууса ли это дом, но они ответили, что нет, и посоветовали мне зайти в дом и узнать, как пройти к Каттилуусу. В доме был мужчина, он показал мне тропинку, по которой я и добрался до нужного места.

¹ Майстери — магистр.

Хозяйка радушно приняла меня, и поскольку время было обеденное, собрала мне поесть, так что и просить не пришлось. Старший сын, Юхана, был на рыбалке, но после полудня вернулся домой. Он без отговорок познакомил меня с рунами, вернее, с песнями, которые знал. Прошлой зимой Юхана болел и от нечего делать без чьей-либо помощи выучился довольно разборчиво писать. Теперь он пишет относительно хорошо и, что весьма редко среди крестьян, пишет грамотно, руководствуясь языком библии. Хозяйская дочь, сестра Юханы, так увлеклась чтением сборника рун Топелиуса* и некоторых других моих книг, взятых в дорогу, что чуть не забыла о свадьбе, на которую собиралась вечером. Я хотел в тот же день отправиться дальше, но остался, соблазненный возможностью побывать на свадьбе у соседского парня. Его избранница была из близлежащей деревни, куда за день до этого отправились прибывшие на свадьбу гости. Я же решил побывать только в доме жениха. Весь следующий день я провел у Каттилуса, а вечером мы с Юханом Каттилусом отправились за полчетверти мили отсюда в дом, где проходила свадьба. Хотя я был незваным гостем, но хозяева очень хорошо приняли меня и особенно обрадовались моей флейте. Пока мы ждали молодых, я записал у собравшихся мужчин несколько рун.

Вскоре из дома невесты в сопровождении толпы гостей прибыли новобрачные. Их приветствовали несколькими выстрелами из ружья, я тоже прихватил свой дробовик. В честь прибытия их угостили вином, сам хозяин поднес им во дворе, а хозяйка встретила с кувшином пива в руках. Сват, главная фигура в этой церемонии, лишь после свершения множества обрядов повел всех в дом. После того как он поздоровался, у него, как принято в Саво и Карелии, спросили: «Что нового?» На что он по обычаю отвечал: «В миру с миром». На вопрос, кто он такой, откуда родом и за каким делом прибыл, сват отвечал образно. Дескать, есть дело, предвещее его сюда. Он рассказал, что изловил огромного орла, который разбойничал в его курятнике, а кура, схваченная орлом, не захотела освободиться от его когтей. Тогда решили, что она заколдована. И тут стали гадать, откуда же орел родом. А когда он прилетел сюда, то подумали, не тут ли его дом. Вот и пришли узнать. Хозяин, задававший вопросы, заявил, что он не может продолжать беседу, пока гости не покажут паспорт, чтобы узнать, порядочные ли они люди. На это сват ответил, что он и рад бы это сделать, но устал с дороги

и хотел бы сначала присесть и отдохнуть. Тогда всех их пригласили к заранее накрытому столу. Невеста села за стол рядом с женихом, а *каасо** и *рюткя** — по другую сторону от нее, сват сел рядом с женихом. По обе стороны от них сели ближайšie родственники, а дальше — кто куда. Сначала за столом пустили по кругу чашу с вином. Когда сват отпил для аппетита, хозяин объявил, что иного паспорта не требуется, и так видно, что они порядочные люди. «Эге,— подумал я,— в таком случае в наших ресторанах полно людей в десять раз „более порядочных“». Предложенная пища не отличалась ни особо искусным приготовлением, ни большим разнообразием: хлеб, масло, рыба (свежая и соленая), похлебка, простокваша и пироги — вот и все. Братина с пивом ходила по кругу. Но я никак не могу похвалить их пиво, качеством оно уступало пиву из Хяме и Уусима и было не лучше обыкновенного кваса. Невеста за первым столом не притронулась к пище, а отведала ее только со второй сменой гостей. Не знаю, откуда такой обычай, возможно, она хотела оказать равное внимание всем гостям, поэтому сначала почтила присутствием тех, кто имел право сесть за стол первым, и стала есть, когда за стол сели все остальные. Таким образом, создавалось известное равенство, и никто из гостей не чувствовал себя обиженным.

Это пример того, как просто крестьянин выходит из затруднительного положения, когда надо оказать честь сразу многим. Я с большим интересом внимал застольной беседе. Хотя среди присутствующих здесь гостей не было ни попа, ни ленсмана* — меня же они считали себе равным и не стали бы стесняться,— здесь все проходило в рамках приличия. Ни сейчас, ни позже я не видел ни одного пьяного, который своим поведением вызвал бы нарекания со стороны окружающих. Это может показаться неправдоподобным, особенно для тех, кто не имел возможности наблюдать финского простолюдина, кроме как в местностях, прилегающих к побережью, где даже в присутствии представителей высшего сословия творится много недозволенного. Но те, кому довелось путешествовать по Карелии и по ряду мест Саво, могут это подтвердить.

После ужина столы были убраны и молодежь стала танцевать в избе, в сенях и на улице. Музыкантов не было, танцевали под песню. Иногда я подыгрывал им на своей флейте, и они были очень довольны и говорили, что у них на свадьбах никогда не было такой музыки. Люди постарше сидели и беседовали о хозяйственных делах,

о религии и обо всем, что их интересовало. Иные рассказывали сказки и забавные анекдоты, другие пели песни и руны, третьи играли с молодежью. Поздно вечером молодые отправились на брачное ложе, приготовленное для них в клетке. Гости проводили их и, попрощавшись, вернулись, чтобы продолжить свое веселье. Кто-то пошел спать, но большинство праздновало всю ночь.

На следующий день рано утром, часа в три-четыре, снова сели за стол и часов в восемь-девять — во второй раз. Теперь невеста, а правильнее сказать, молодая хозяйка или невестка, обносила всех гостей вином и пивом, и каждый должен был принять стакан из ее рук. После этого она начала раздавать подарки свекру и свекрови, деверям, золовкам и другим близким родственникам, а также свату, каасо и рютке. Дарила рубахи, рукавицы, пояса, носовые платки, носки и пр. Было принято, что невестка сама надевала на свекровь предназначенную той сорочку, но следует заметить — поверх другого одеяния. Некоторое время свекровь оставалась в ней и выглядела очень нелепо; случайный гость мог подумать, что она в сорочке справляет свадьбу сына. Такую же честь молодуха оказывала и свату.

Затем следовал здешний обычай — сбор денег для невесты. Одни давали 75 копеек, другие — 50, самое меньшее — 20 копеек. Многие давали по рублю и даже больше. Когда эти деньги, а также небольшая сумма в пользу бедняков прихода были собраны, начался второй сбор в пользу невесты. Он назывался «выкуп церкви». Каждый, кто желал выкупить церковь, клал на стол монету или, по желанию, бумажные деньги. Положивший деньги последним становился «владельцем церкви», пока не находился следующий покупатель. Я разменял на мелочь около рубля и по крайней мере раз пятьдесят «выкупал церковь» для родного края Хяме, но всегда находил еще кто-нибудь и выкупал церковь для своей деревни или хутора. Это состязание было долгим и принесло невесте много денег. За два сбора выручка перевалила за сорок рублей ассигнациями.

После этого молодая хозяйка принялась хлопотать по хозяйству: помогала накрывать на стол во время обеда и убирать со стола после еды, а также выполняла другую работу. Позже я пожалел, что не ходил в дом невесты и не видел, как там справляли свадьбу. Правда, Каттилус рассказал мне об этом, но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Говорят, что по прибытии жениха со

свитой в дом невесты их встречают примерно с такими же церемониями. Сват обычно придумывает себе имя и утверждает, например, что он сын Ананиаса Великого (имя из библии), что у его господина на самом хорошем и красивом месте чудесный сад, в котором растут всевозможные деревья, кроме одного — цитема (название из библии), и он мечтает, чтобы сад его пополнился еще и этим деревом. На поиски саженца он послал своих слуг. Слуги прослышали, будто бы здесь (в доме отца невесты) должно быть такое дерево, потому-то и пришли сюда с надеждой получить хотя бы веточку, ствол же обещают оставить в целости. Они уверяют, что за веточкой будет самый заботливый уход со стороны их господина, она хорошо приживется и в скором времени даст плоды. Дальше все происходило так же, как в доме жениха, с той лишь разницей, что перед уходом поезжан сват спрашивает, живы ли отец и мать невесты и что они дадут в приданое дочери. Некоторые дают корову, овцу и что-нибудь из одежды, но во всех случаях обязательно следует пообещать дочери косу, серп и косарь¹.

На свадьбах в Карелии встречаются и другие обычаи. В разных приходах они различны, и по ним нельзя составить единой картины свадебного обряда. Порой трудно даже выяснить, все ли эти свадебные обряды имели широкое распространение в прошлом. Некоторые из сохранившихся обычаев, видимо, являются древнейшими, другие, возможно, зародились в более поздние времена. Было бы хорошо, если бы кому-то выдалась возможность побывать на финских свадьбах, присмотреться к обычаям и сравнить их. Только так можно было бы выяснить, что в них восходит к древности, и тем самым была бы проторена дорога для получения более полных знаний как о самой свадьбе, так и о связанных с ней деталях.

Надеясь, что в дальнейшем исследователи расширят круг наших знаний, я все же считаю своим долгом рассказать о свадебном обряде, вернее, об отдельных его чертах у древних финнов. Женитьба — важнейшее событие в их семейной жизни. Из наиболее бывалых мужчин выбирается сват, которому предстоит, образно говоря, с мечом в руке бороться против множества неприятностей, препятствий, опасностей и всякого рода бед. Он должен суметь отразить

¹ Косарь — широкий косой нож с небольшой деревянной ручкой. Им срезали ветки лиственных деревьев (березы, ивы, рябины) для венков.

и предотвратить все зло, насылаемое на него и его свиту завистниками, колдунами и заклинателями. Но это всего лишь подготовка к главному, потому что в доме родителей невесты перед ним встанут другие, более трудные задачи. Благополучно добравшись сюда, сват пускается восхвалять жениха, иногда это делает и сам жених. Перед женихом ставится много условий и заданий, невообразимо трудных и опасных, которые он должен выполнить. Обычно ему предстоит выдержать три испытания. Зачастую эти задания ничуть не легче тех, что назначал Ахиллес Ясону*, когда тот добывал золотое руно. Когда наконец жених справляется с третьим, последним заданием, его, бывает, и не засчитывают, хотя и отдают девушку жениху.

Следовало ли в этом случае еще и платить за невесту, иными словами, продавали ли родители свою дочь — по этому вопросу нет единого мнения. Некоторые утверждают, что дело обстояло именно так. Основанием для такого утверждения является якобы старая руна, которая переведена на шведский в труде Рюса «Финляндия и ее обитатели», страница 13. Но прочтя последние строки этой руны, можно с таким же успехом утверждать обратное. Сперва жених рассказывает своей избраннице, что он дал, а вернее, подарил ее родителям и ближайшим родственникам (чтобы склонить их отдать ему невесту), на что невеста отвечает:

За хорошую дал мало,
за красивую немного —
о тебе не помышляю.

Таким образом девушка дает понять, что от нее зависит, примет ли она или отвергнет предложение мужчины.

У меня есть еще одна руна из Хяме, в которой рассказывается, что несколько столетий тому назад бывший владелец имения Лаукко, расположенного в Весилахти, Клаус Курки* пришел в дом родителей своей возлюбленной и спросил: «Нет ли девы на продажу?» Это могло бы быть подтверждением вышеприведенного утверждения, если полагаться лишь на данные слова, не учитывая дальнейшего ответа:

Кто ж другой, как не девица,
как не глупая девчонка
согласилась взять подарки.

Этот пример дает понять, что девушке представлялась свобода выбора. Такое же пояснение можно сделать по

ряду других рун (напр. Топелиус, II, 8; I, 23). Но никто не станет отрицать, что у финнов, как в старые времена, так и ныне, веское слово родителей может заставить девушку выбрать себе суженого и против ее воли. Даже среди образованных сословий просвещенных народов Европы найдутся тысячи примеров осуществления деспотичной воли отца или матери либо какого-нибудь иного родственника. Случается и там, что девушку продают, пусть даже не употребляя этого слова, но сам факт остается, каким бы словом это ни прикрывалось. Тем не менее мы знаем, как сам Вяйнямйнен, будучи всемогущим, не захотел навязывать свою волю и стеснять красавицу в ее выборе. Посватавшись к Туулетар (Тууликки), он не обращается к отцу и матери невесты, а сам усердно добивается ее согласия, тем самым давая нам прекрасный пример для подражания.

Так это или иначе, но вернусь к прерванному описанию, от которого уклонился. Получив согласие родителей, а чаще, по-видимому, достаточно было заручиться лишь согласием матери, жених раздает подарки родителям невесты и родственникам, с которыми ему предстоит породниться. Есть основание утверждать, что в этом случае не забывали и невесту, потому что в старинных песнях есть прямые ссылки на это. Следующие за этим обряды малоизвестны. Видимо, невесту обряжали в какой-то особенный наряд. Женщину, одевавшую невесту в этот наряд, называли по-фински «каасо». По-видимому, именно тогда молодые в присутствии свидетелей давали друг другу какие-то обещания. Затем жених сажал свою красотку в сани или на спину лошади, и свадебный поезд направлялся в дом жениха. Там каасо еще не раз давала советы жениху хорошо относиться к добытой им невесте и жить с ней в согласии. В пути их опять подстерегали опасности. Свату трудно было предугадать все козни завистников и недоброжелателей и предотвратить их. Потому-то он и обращался с искренними мольбами к могущественным богам, надеясь с их помощью одолеть все козни. В доме жениха свекор, свекровь и ближайшие родственники уже ждали прибытия свадебного поезда, встречали и поздравляли молодых, особенно невесту. В продолжение всей свадебной церемонии наибольшие почести оказывались жениху и невесте, а также свату и каасо.

По-видимому, между сватом и каасо происходило своеобразное состязание в умении восхвалять своего подопечного. Такие состязания и восхваления имеют место по

крайней мере в двух старинных рунах, которые изредка можно еще услышать в Карелии. Поскольку мне неизвестны ранее публиковавшиеся руны, которые бы соответствовали сделанному мною описанию, я счел возможным привести здесь некоторые свои записи. Так, например, сват, собираясь отправиться с женихом в дорогу, читает:

Дева Каве, дух природы,
ты, хозяйка золотая,
ткань из золота сотки мне,
пелену создай из меди,
мне под нею спать ночами,
днями на себе носить,
чтобы парень к нам вернулся,
юноша не удалился,
молодой не заблудился,
чернокудрый не отстал.
Дева Каве, дух природы,
приходи давать советы
и указывать дорогу,
как девицу получить,
как невесту обручить.
Поперек пути колода,
надвое ее сломай,
оттолкни ее в сторонку,
чтоб прошел большой и малый,
слабосильный бы пролез,
чтоб прошел и дьявол длинный.
Ты, мой Укко, бог верховный,
старец мой, отец небесный,
тын рябиновый воздвигни,
возведи забор железный.
обнеси стеной народ мой,
с двух сторон поставь ограды,

змеями их обвяжи,
их гадюками обвешай,
чтоб наружу головами,
чтобы внутрь хвостами были,
чтобы пели, словно крачки,
чтоб шипели и фырчали,
чтоб и спереди, и сзади,
по обем сторонам.
Нет ли старого народа,
просидевшего весь век свой,
чтоб со мной поколдовали,
вместе спели заклинанья,
чтобы парень к нам вернулся,
юноша не удалился,
молодой не заблудился,
чернокудрый не отстал.
Без мечей героев сотня,
тысяча мужей с мечами,
чтобы зависть одолеть,
чтобы повалить препоны.
Глаз у зависти ты вырви,
оторви ты нос у ведьмы,
распори живот у лжи,
чтобы Хийсп устрашились,
чтобы черти испугались,
чтоб навеки исчезла зависть.

На помощь призываются божества земли. Сам сват забирается в погреб или в какую-нибудь яму и произносит заклятье:

Поднимись, земли хозяйка,
с поля встань, хозяйни древний,
приходи на помощь сыну,
в сотоварищи мужчине,
здесь со мной поколдовать,
вместе заклинанье вспомнить,
здесь со мною покачаться,
чтоб и спереди, и сзади,
по обем сторонам.

Нет, они меня не против
и совсем не против рода,
они против всех препон,
против всяческих препятствий.
Ты пойдй туда со мною
за дугу тянуть совместно,
поворачивать оглобли,
стягивать хомут покрепче.

К духу смерти — *калме* обращаются следующим образом. Сват должен либо в четверг вечером, либо в воскресенье утром пойти на кладбище и сказать:

Нет ли старого народа,
просидевшего весь век свой,
что давно в земле почит,
что в песке лежит давно уж.
Встаньте вы, мужи с мечами,

встаньте, всадники былые,
выйдите на помощь сыну,
в сотоварищи мужчине,
здесь со мной поколдовать.

На долю дев водной стихии приходится такая молитва, которую сват должен читать, встав на пригорок:

Поднимсь из лога, дева,
вышитый подол, из топей,
дева, встань из родников,
выходи из черной почвы
здесь со мной поколдовать,
чтоб и спереди, и сзади,
по обем сторонам,

чтобы одолеть препоны,
все преодолеть преграды.
Нет, они меня не против
и совсем не против рода,
они против всех препонов,
против всяческих препятствий.

Чтобы оградить от опасностей лошадь, сват заклинает:

Я возьму у Хийси лошадь,
из горы коня получше,
мерина из самых рыжих,
чтоб с копытами стальными,
с гривой огненной железной.
Сам кузнец наш Илмаринен,
тот кователь вековечный,
лето прибывал подковы,
зиму целую работал,
чтобы сватать я поехал
девушек из замка Хийси,
из Пузырь-горы сестричек,
чьи копыта не скользят

и на скользком гололеде,
даже на каменьях Калмы.
Меч пылающий, меч Укко,
с неба свертся рукояткой,
головой упал из тучи
в руку правую мою.
Лезвие светило солнцем,
рукоять луной светила.
Ими разгоню злодеев,
ими отпугну погибель,
спереди их отгоню,
отгоню злодеев сзади,
от моих боков обоих.

Описав некоторые древние свадебные обряды, я снова возвращаюсь к событиям в Потоскаваара. По окончании празднеств гости разошлись и разъехались по домам. По настоянию хозяина я со своим спутником Каттилусом остался до вечера и провел здесь еще и следующий день. Был канун Иванова дня, празднование которого, как и везде в Финляндии, сопровождается множеством церемоний, хотя эти обряды в каждой местности имеют свои особенности. В Карелии, как и в Саво, принято в такую ночь жечь «кокко»¹, к которому здесь готовятся с вечера.

Очень важным считается, чтобы в костре горели старые бороны-суковатки, развалившиеся лодки и пр. Я заметил, что все это специально привозилось на лошади изда-лека, хотя дров хватало и поблизости. Все отслужившие свое предметы складывались в кучу, вокруг них ставились

¹ Кокко (фин., кар.) — костер, в данном случае обрядовый, в Иванову ночь; ошел.

длинные сухие жерди, концы которых соединялись так, чтобы образовался громадный конус. «Кокко» разжигали вскоре после захода солнца. И прежде чем «кокко» (орел) успевал взмыть ввысь на своих полыхающих крыльях, всюду вспыхивали все новые и новые костры, потому что почти у каждого дома был свой «кокко» либо один на несколько близлежащих домов. Внимание мое было настолько поглощено зрелищем взметнувшихся вверх огней, что я почти не видел, что происходило возле нашего «кокко». Казалось, будто звездное небо опустилось к самой земле. Дети и парни плясали вокруг костра, к ним присоединялся и кое-кто из взрослых. Люди постарше пели руны, а некоторые ради забавы стреляли в воздух. Одни, прихватив с собой бутылку вина, угощали собравшихся, другие подправляли огонь в «кокко».

Так прошла большая часть ночи. Возвратившись домой, я ждал продолжения праздника, но поскольку на этом, по всей видимости, он и закончился, то я, уставший от бодрствования в предыдущие ночи, с удовольствием лег в постель и на следующий день проснулся поздно. Вспоминая вчерашний праздничный вечер, я хотел узнать, откуда возник обычай жечь «кокко». Смысл и значение его, видимо, забыты современными финнами, хотя сам обычай сохранился. Полагаясь отчасти на догадки, можно заключить, что главная цель сжигания костров нашими предками — это жертвование божествам, прежде всего тем, что влияли на урожай, обеспечивали уловы, и не в меньшей мере тем, что покровительствовали охоте. В старину, как известно, в костер складывали старые луки и стрелы, а ныне, случается, кладут поломанные ружейные приклады. Все это отдается «кокко», который взлетает ввысь на огненных крыльях и с благодарностью возвращает небесным покровителям полученные когда-то ценности. По представлениям финнов, орел поднимается выше всех птиц. Как поется в песне: «Из птиц ни одна не летит так высоко, как кокко».

Трудно сказать, только ли на Иванов день наши предки жгли костры или это происходило и в другое время. На моей родине, в Карьялохья, рассказывают, что когда-то жгли костры, совершая примерно такой же обряд, в ночь на троицу, но позже якобы власти наложили на это запрет, и нынешняя молодежь уже не помнит об этом. И только старики еще вспоминают те времена, когда жгли *хелавалкиа* — троицкие огни. Похоже, что у наших предков, как и у финнов в более позднее время, подобное зажигание огней не было приурочено к определенному дню. Если

у древних финнов это было обрядом жертвоприношения, то при кочевом образе их жизни возникала необходимость чаще жечь «кокко». При перемещениях с места на место им становилась ненужной, например, борона и они жертвовали ее богам. Если же ломался лук, то и ему находилось достойное, по их мнению, применение. Если же они оставляли берег реки и не брали с собой лодок, их тоже отдавали в дар «кокко», чтобы он отнес все небесным божествам. Примерно так я представляю себе происхождение обычая жечь «кокко».

Но кто из нашего сегодня может пробиться через мрак прошлого и провозгласить: «Я нашел правильный путь». Мне хотелось бы одного: в канун Иванова дня побывать всюду, где только можно, чтобы познакомиться с обычаями своего отечества. Ведь всем известно, сколь они различны в разных местах.

В наших краях, например, в ночь на Иванов день обычно предсказывают будущее. С этой целью следует подняться на крышу трижды перемещенного дома либо на камень, который никогда не сдвигали с места. Полагалось сидеть там неподвижно и ждать видений, по которым затем предсказывали будущее. Девушки обычно надеются, что им привидится суженый,— чем же еще может быть озабочено девичье сердце! Старым женщинам хочется узнать, будет ли грядущий год благоприятным для коров и прочего скота. Кого-то интересуют иные дела. Но чтобы обрести уверенность в том, что никакие ведьмы и злые духи не помешают делу, накануне вечером с псалтырем в руках надо девять раз обойти дом или камень против солнца.

В детстве и я сживал с друзьями на крыше, будучи твердо убежден, что узнаю свое будущее; и подростком, уже не столь уверенным в этом; и позже, почти разуверившись в реальности появления видений, я все же сидел рядом с другими, наблюдая за проказами деревенских парней, ради забавы страцавших тех, кто сидел на крыше. Они подчас появлялись в белом одеянии, особенно в таких местах, где собирались девушки, и всячески разыгрывали их. Порой парни изображали привидения, да так похоже, что девушки принимали их за настоящие видения.

В такие ночи особенно удается всевозможное колдовство. И если пасхальная ночь благоприятствует ведьмам завораживать скот, то ночь на Иванов день помогает мужчинам-колдунам, которые надеются переместить урожай с чужого поля на свое. С этой целью они идут на поле, которое хотят лишить изобилия, заключают в охапку колосья,

не вырывая их из земли, затем возвращаются на свое поле и сеют на нем невидимое жито. Но не буду перечислять все суеверия и обычаи, к которым обращаются в Иванов день в моих родных краях.

Переночевав в доме, где справляли свадьбу, я на следующее после Иванова дня утро отправился со своим попутчиком Каттилусом к нему домой — там оставались моя сумка и прочие вещи. Каттилус рассказал мне забавную историю. Я уже говорил, что по пути в Потоскаваара заходил в один дом спросить дорогу к Каттилусу. Там, оказывается, меня приняли за беглеца и вообразили, что я веду за собой большую шайку с тем, чтобы ограбить дом Каттилуса, так как было известно, что у него имеются кое-какие сбережения. К тому же, как на грех, случилось так, что по дороге к дому Каттилуса я присел в тени берез и заиграл на флейте. Это утвердило их подозрения — они решили, что я подаю сигнал остальным. Соседи были уверены, что на следующий день от дома Каттилуса не останется ничего, кроме голых стен. Опасаясь худшего, хозяин дома на следующее утро отправился к Каттилусу, чтобы убедиться во всем воочию. Но как же он сконфузился, увидев на столе мои бумаги и книги и меня, совершенно спокойно сидящего с домочадцами за завтраком. Этот рассказ позабавил меня, но и огорчил, возможно, меня и раньше опасались, хотя я не хотел бы вызывать у людей чувство недоверия к себе.

Получив истинное наслаждение от гостеприимства в Потоскаваара, я в тот же день отправился в поповскую усадьбу в Тохмаярви. Чтобы не навлекать на себя подозрений, подобных тем, что сложились у крестьянина из Потоскаваара, и чтобы не нарушать покоя и праздничного веселья этих доброжелательных людей, я редко где останавливался, а если все же заходил в дом, то предусмотрительно оставлял свое ружье в сених. Здесь, похоже, не принято в этот день украшать избы ветками рябины, черемухи, березы и т. д., как в наших краях. По крайней мере, куда бы я ни заходил, я не видел этого.

По дороге в Еухкола со мной произошел досадный случай. Миновав луг, я вышел к ручью, через который были переброшены круглые бревна. Когда переходил ручей, нога соскользнула с бревна, и я по колену погряз в иле. В этом не было бы ничего особенного, но только что перед этим я надел свои лучшие брюки, потому как собирался навестить пробста. Не оставалось ничего другого, как пачать стирать брюки среди бела дня. К счастью, жена пастора

Клеве из Рантасалми дала мне мыла, и оно оказалось очень кстати. Я приступил к делу, утешая себя тем, что и в праздник на нашу долю выпадают будничные дела. Часа через два мои брюки высохли, и я смог идти дальше.

После полудня я пришел в Еухкола, куда подоспел к кофепитию и где меня встретили с обычным для Карелии гостеприимством. Человеком, путешествующим по чужой стране и встретившим земляка, овладевает вдруг неожиданная радость. То же самое чувствует и тот, кто, находясь в отдаленном уголке своего отечества, повстречает вдруг знакомого ему человека. Так произошло и со мной, когда я встретил здесь студента Алштуббе, который в свое время был домашним учителем у пробста Валлениуса. Хотя в Турку мы едва были знакомы, теперь мне казалось, что он мой давний приятель. В течение двух суток, проведенных мною в Еухкола, я писал письма друзьям и родственникам. Я намеревался из Тохмаярви отправиться в Архангельскую губернию, и мне хотелось через здешнюю почтовую контору послать своим домашним весть о себе. Но потом я выбрал другой маршрут — направился в Сортавалу. Имение Еухкола расположено на красивом месте у озера Тохмаярви, от которого его отделяют лишь узкая полоска пашни и роща из всковых деревьев у самого берега. На другом берегу озера недалеко стоит церковь.

26 июня я отправился из Тохмаярви и вечером того же дня пришел в поповское имение в Пялкъярви. Пробст Хултин сидел на крыльце, рядом с ним находился его помощник комминистер¹ Рейландер. По обыкновению, я представился, и, как и всюду, был очень хорошо принят. Узнав, что комминистер Рейландер родом из Раума, я обрадовался, будто встретил человека из родного прихода, хотя от Карьялохья до Раума целых двадцать миль. Это удивительно и подчас трудно объяснимо, но что за тайная радость охватывает нас, когда вдвали от дома мы встречаем вдруг своего земляка! Мы доверчиво открываем ему свое сердце и относимся к нему как к ближайшему родственнику. Я убежден, что посчитал бы своим братом любого финна, повстречайся он мне в Германии, а также любого европейца, с которым свело бы меня путешествие по Африке.

Пробст Хултин был столь любезен, что позвал одного из своих торпарей, знающего руны, почитать их мне. Тор-

¹ Комминистер — церковное звание в Финляндии, соответствующее капеллану.

парь, по-видимому, и знал кое-что, но ему явно не хотелось читать при пасторе Рейландере. Насколько я заметил, отсюда в сторону Сортавалы рунопевческое искусство все более ослабевает и, судя по рассказам, почти неизвестно в Олонецкой губернии. О том, что суеверия не исчезают вслед за уходящими рунами, как предполагают некоторые, говорит сохранившийся здесь обычай приносить на могилу еду и деньги. По слухам, сторож церкви в Пялкъярви часто находит монеты, пожертвованные церковной земле, и он, человек свободный от суеверий, не задумываясь жертвует их еще раз на несколько стопок вина. Неподалеку от церкви стоят три довольно больших господских дома: Юляхови, Алахови и Рантахови. В первом из них, владельцем которого был титулярный судья Олсони, я пробыл двое суток.

28 июня я в Карелии ел первую землянику. Меня удивило, что она поспевает здесь в то же время, что и в Уусимаа. Там собирают землянику сразу после Иванова дня. Я поинтересовался, всегда ли ягоды поспевают так рано или это исключение, но мне сказали, что в последние годы первую землянику зачастую собирали уже на Иванов день, а вот в этом году, из-за дождливой весны, она поспела позже обычного. А лет пятьдесят тому назад земляника поспевала лишь в середине июля, то есть на три недели позже. Настолько теплей стал здешний климат за такое короткое время.

Когда-то давно брат моего деда, кузнец, уехал из Уусимаа и обосновался в Пялкъярви. Его уже не было в живых. Однако мне было интересно повидать здесь одного из его сыновей, а также побывать в кузнице и доме, перешедших ныне в чужие руки.

30 июня я отправился из Пялкъярви по направлению к Сортавале. Я прошел около мили, когда меня нагнал некий крестьянин, тоже ехавший в Сортавалу. У мужика была хорошая лошадь, и я попросил его подвезти меня остаток пути. Вскоре мы приехали на рускеальский мраморный карьер, а вернее, на местожительство служивших на разработках чиновников. Сам карьер был за добрую русскую версту отсюда. Крестьянин решил дать лошади отдохнуть, а я пошел осматривать забои. Ничего особенного я там не увидел, только несколько отколотых глыб мрамора. Забой был довольно глубокий, прямоугольной формы, а нетронутая порода стеной поднималась вверх. Мрамор, добываемый здесь, большей частью с серыми прожилками, гораздо реже встречается черный и так называемый

зеленый мрамор. Мельком осмотрев все это, я пошел обратно. Сумку с вещами я оставил в повозке у крестьянина, и неудивительно, что я спешил, поскольку мой дальнейший путь во многом зависел от честности крестьянина, которого я даже не знал по имени. Но он никуда не уехал. Простой народ, как известно, повсюду отличается исключительной честностью, я не раз в этом убеждался. Зачастую, идя в баню, я оставлял в избе пиджак с деньгами в кармане, но никогда у меня не пропадало ни гроша.

Возвратившись с карьера, я снова сел в крестьянскую повозку, и мы тронулись в путь. Под вечер приехали в город Сортавала, где я остановился на постоялом дворе. Утром следующего дня я пошел к окружному врачу Лилья, который, как мне было известно, родом из тех же мест, что и я. Он принял меня с обычным гостеприимством и обходительностью, хотя до этого дня мы не были с ним даже знакомы. Вдобавок ко всему Лилья представил меня в нескольких здешних господских домах, что значительно скрасило мою жизнь в городе. Однажды утром мы обходили с ним его больных, и он отрекомендовал меня как доктора из Турку. Должен сказать, что хоть это и польстило мне, но из-за этого я чуть было не попал впросак. Среди больных был русский купец, жена которого на следующий день разыскала меня и принялась настойчиво упрашивать, чтобы я назначил ее больному мужу какое-нибудь лекарство. От неожиданности я растерялся и не сразу нашелся, что ответить. Мне вовсе не хотелось отречься от впервые присвоенного мне докторского звания, но, с другой стороны, я не мог написать рецепта ее мужу. Я счел наиболее удобным внушить ей надежду на то, что муж ее поправится, и вообще расхвалил Лилья, сказав, что он как врач опытнее меня и в данном случае сделает все возможное. Так я вышел из довольно затруднительного положения, и больше она меня не донимала.

4 июля, после четырехдневного пребывания в Сортавале, мне наконец представилась возможность поехать в Валаамский монастырь. Два монаха, приехавшие в Сортавалу, возвращались теперь обратно и пообещали взять меня в свою лодку. Мы должны были отправиться в четверг вечером. Уже около девяти я пришел на монастырское подворье, где сидел, поджидая монахов, до одиннадцати часов, пока они собрались в дорогу. Монахи приветливо приняли меня, даже пригласили поужинать с ними, но я незадолго до этого поел на постоялом дворе. Они принялись за еду, а затем стали креститься перед образом

богоматери. Часов в одиннадцать они наконец-то были готовы отправиться в путь, но тут, спускаясь с берега на пристань, один из монахов поскользнулся и уронил компас, который нес под мышкой, компас скатился вниз по ступенькам. Обычный человек в таком случае непременно бы чертыхнулся, у монаха тоже вырвались какие-то слова, но я их не разобрал. Мы пытались отыскать компас, но тщетно. Правда, нашли обломки футляра, но мыслимо ли было найти магнитную стрелку! Случившееся могло бы обернуться для нас довольно большой неприятностью, если бы не выдалась тихая ясная ночь без тумана.

Монахи сели в лодку, и гребцы налегли на весла, потому что от паруса не было никакой пользы: буря, свирепствовавшая несколько дней, к ночи улеглась. Даже дождь перестал, так что погода была самая подходящая. Я тоже сел на весла. Монахи не противились и все сорок верст, вплоть до самого Валаама, не мешали мне развивать мускулатуру рук.

Верст пятнадцать мы гребли проливами Сортавальского архипелага и только после этого вышли на открытый простор, а там до самого Валаама не было ни одного острова, ни одной скалы. На последнем из островов упомянутого архипелага есть причал, возле которого по распоряжению Валаамского монастыря построена избушка, где можно остановиться и отдохнуть. Монахи поклонились этому месту и перекрестились. Итак, осталось еще двадцать пять верст пути. На озере нам встретилась лодка, идущая из Валаама. В ней сидели два монаха, они ехали в Импилахти приглашать гостей на празднование Петрова дня. Встреча с нами обрадовала их.

Хотя Валаам не был виден, кормчий, опытный и хорошо знавший озеро, отлично справился со своим делом, и мы наконец прибыли на место. Поскольку я раньше не бывал в монастыре, то неудивительно, что с большим любопытством смотрел на приближающийся остров. Прежде чем пристать к главному причалу, мы миновали небольшой островок справа от нас. На островке возвышалась церковь, относящаяся к монастырю, и монахи в знак особого почитания усердно клали поклоны в ее сторону и крестились. Это был небольшой скит, а не монастырь, как я решил было сначала. Немного погодя мы прибыли к монастырскому берегу, вдоль которого проехали до пристани. Я долго смотрел на посеребренные купола многочисленных монастырских церквей. На берегу было несколько довольно больших лодок и солидный парусник. Позже

я узнал, что парусник еще больших размеров отплыл в Петербург за гостями, приглашенными на празднование Петрова дня. Берег у подножия монастыря обрывистый и заметно выступает над озерной гладью. Похоже, раньше вода в Ладоге была на несколько саженей выше, чем теперь, и доходила до верхнего выступа на прибрежной скале. Мы въехали в лодочную гавань, вышли на берег и по ступенькам поднялись в монастырь. Около десяти часов мы были в монастыре. Монахи, с которыми я приехал, посоветовали мне нанести визит келарю, потому что сам настоятель монастыря был нездоров. Келарь принял меня хорошо и сказал по-русски: «Добро пожаловать». Это-то я понял, хотя вообще с русским языком у меня были затруднения. Затем он попросил монаха проводить меня в отведенную мне комнату.

В это время в монастыре как раз бывает завтрак, к которому и мне пришлось присоединиться, несмотря на то, что я горел желанием посмотреть все вокруг. Но, похоже, здесь считается делом чести позаботиться о том, чтобы все гости присутствовали на трапезе, потому что меня с большой настойчивостью, почти насильно привели к столу. По обе стороны просторной трапезной стояли скудно накрытые столы. Направо за столом собрались монахи, а за левый стол сели остальная братия и трудники. За этим же столом разместились и присутствующие здесь гости. О начале завтрака возвестили ударами в колокол, находящийся тут же, в него звонили также, подавая знак прислуге, когда требовалось принести новое блюдо. С начала трапезы некий начетчик встал за особый амвон, установленный посреди комнаты между двумя столами, и начал читать молитву, насколько я мог понять, выдержки из библии на церковнославянском языке, и это продолжалось в течение всего завтрака. На столе были круглые деревянные тарелки, а на них по ломтю мягкого хлеба в полдюйма толщиной. На столе не было ни ножей, ни вилок, но у каждого была деревянная ложка. Сразу после ударов в колокол прислуживающие внесли деревянные миски и поставили с таким расчетом, что на каждые четыре человека приходилась одна миска. Столующиеся перекрестились и принялись за еду. Один из них посыпал еду солью и перемешал ее своим ножом. Видимо, здесь так принято, потому что солили все блюда. Вскоре опять позвонили в колокол и принесли другое кушанье, и так повторялось, пока не было съедено пять перемен, после чего завтрак, длившийся примерно полчаса, кончился. При появлении

каждого нового кушанья или питья едоки крестились. Питье чем-то напоминало наш квас, его принесли на стол в больших жестяных сосудах. Такая чаша, поставленная перед каждым шестым человеком, была единственной металлической посудой на столе, если не считать ковшей при этих чашах, из которых мы и пили, потому что стаканов вообще не было. Трудно описать все предложенные нам блюда. Пища на монастырском столе была приготовлена из самых разнообразных продуктов, измельченных и мелко порубленных. Тут были использованы свекла, пастернак, огурцы, редис, горчица, шпинат, редька — все, что поспело на огороде в это время года. По-видимому, их различные сочетания и составляли весь ассортимент кушаний. В иные была добавлена рыба, порубленная так мелко, что иначе как по вкусу нельзя было и определить, что это такое. А в конце завтрака принесли крупяную кашу, сваренную на воде с добавлением подсолнечного масла. Ели ее ничем не запивая. Молоко в монастыре не потребляют, вероятно так же обстоит дело и с вином. Не было на столе и масла. Примерно таким был монастырский завтрак. Более подробный пересказ был бы для меня затруднительным, поэтому не буду даже пытаться перечислить, из каких блюд состоял обед, скажу только, что он почти не отличался от завтрака.

После завтрака в монастыре обычно отдыхают несколько часов. Один из монастырских братьев проводил меня в мою комнату, сказав при этом, что теперь я могу прилечь, и добавил, что здесь такой порядок, а там кто как пожелает. Мне, естественно, не спалось, неутоленное желание осмотреть монастырь начисто отогнало сон. Итак, я вышел и начал снаружи осматривать монастырь и расположенные в притворе и воротах изображения святых. С внешней стороны монастырская стена образует громадный четырехугольник, внутри которого имеется строение, повторяющее форму внешней стены. В центре этого внутреннего строения расположен довольно большой монастырский двор, а между внешним и внутренним строениями остается широкая улица. Шесть церквей, а также покои настоятеля монастыря находятся во внутренней группе зданий. А во внешней группе — кельи монахов и комнаты для гостей. Постройки эти, как говорили, не очень старые, утверждали даже, что им не более пятидесяти лет.

Затем я отправился на монастырское кладбище и там среди прочих увидел могилу шведского короля Магнуса*. Я попытался разобрать надпись на деревянной плите, но

не смог, так как надпись была сделана на церковнославянском языке. Но я хорошо различил две даты, первая из которых, очевидно, означала время прибытия короля на Валаам, вторая — год его смерти. Если мне не изменяет память, первая дата была 1330, а последнюю не могу припомнить. Я познакомился с одним послушником, который понимал по-фински, и попросил его объяснить мне надгробную надпись. «Это всем знакомая история про то, как шведский король Магнус несколько столетий тому назад задумал завоевать, а может, и вовсе уничтожить наш монастырь,— начал он.— С большим флотом отплыл он из Сортавалы, уверенный, что легко завоеует монастырь». «Ну и как, завоевал?» — спросил я, заметив, что монах не так скоро дойдет до сути дела. «Ни он и никто другой никогда не завоеует Валаамский монастырь. А что касается короля, то в монастыре уже знали о его замыслах высадиться на берег. И все как один стали молиться и просить бога свети на нет дерзкие планы короля. Тогда колокола били не смолкая дни и ночи. Скорбь и ужас охватили людей, но все уповали на бога, и это придавало им силы. Молитвы их были услышаны. Поднялась страшная буря. Весь королевский флот пошел ко дну, сам король чудом спасся, ухватившись за доску, и его выбросило волнами на берег Валаама. Здесь он пришел в монастырь и поведал о своей судьбе. После этого он принял православную веру, стал послушником, монахом и по истечении ряда десятилетий умер в сане священника. Высокое густое дерево отбрасывает тень на его могилу. Деревянная плита на могиле вряд ли старше пятнадцати — двадцати лет, так как она в хорошем состоянии, и буквы, написанные кистью, совсем не стерлись». Когда монах кончил свой рассказ, я спросил, считают ли они, что и теперь надежно защищены от неприятеля. Последовал ответ, что бог не покинет тех, кто так усердно служит ему и днем и ночью. К этому мне нечего было добавить, поэтому, оставив в покое и короля Магнуса, и монаха, я продолжил осмотр реликвий, которых здесь было великое множество.

Сначала мое внимание привлекла небольшая мраморная часовенка по ту сторону монастырской стены. На ней были высечены имена царя Александра I и великого князя Михаила. Я попросил служителя, знающего финский язык, пояснить надпись. Он рассказал, что эта часовня построена в честь посещения Валаама Александром. [...]

Время было за полдень, когда я кончил осматривать памятники и другие достопримечательности острова. Сон,

в прошлую ночь замененный греблей, казалось, вот-вот сморит меня окончательно. Мне вспомнились слова монаха о том, что в монастыре существует обычай спать после завтрака. Я пошел искать комнату, которую мне отвели, но, запутавшись во множестве коридоров и лестниц, никак не мог отыскать ее. Когда меня вели туда, я не обратил внимания на расположение комнат. Заглядывая в разные кельи, я надеялся отыскать свою, но ошибался. Наконец один из послушников спросил, не комнату ли я ищу, и проводил меня. В комнате я улегся на матрац, постеленный на скамье длиной в три локтя¹. В монастыре совсем не было одеял, укрывались своей одеждой. Матрац был обтянут бумажной тканью, но я не могу сказать, чем он был набит, видимо соломой или сеном. Матрац и подобным же образом изготовленная маленькая подушка — вот и вся постель.

Через два часа я проснулся и снова вышел во двор. Вечернее богослужение уже началось, и я пошел в церковь. Я был немало удивлен представшим вдруг передо мной великолепием. Стены были сплошь покрыты картинами в позолоченных и посеребренных рамах. Позолочены и посеребрены были колонны и сводчатый потолок. То тут, то там поблескивали драгоценные камни, вправленные в серебро и золото окладов. Куда ни бросишь взгляд, везде лишь золото, серебро и упомянутые картины, на которых изображены сцены из Ветхого и Нового завета, а также лики святых и пр. Особенно много картин из жизни основателей монастыря, преподобных Сергия и Германа. На одной изображено, как они плывут по волнам на каменной плите, на других — как они основывают монастырь либо ведут службу и благословляют молящихся. Но здесь мне необходимо рассказать о них то немногое, что я слышал от монахов. Неизвестно, что заставило Сергия и Германа отправиться в путь с восточного побережья Ладоги на отколовшейся каменной плите, которую носило по волнам и прибило к берегу Валаама. Возможно, внезапное вторжение неприятеля вынудило их покинуть материк. Так это или иначе, но спасение они нашли на Валааме. Здесь они привлекли к себе внимание своей глубокой набожностью, а также тем, что умели творить чудеса, поэтому на многих картинах их изображают в виде чудотворцев. К ним шли богомольцы, среди которых были и такие,

¹ Локоть — старинная мера длины, приблизительно равная 0,5 метра.

которые пожелали оставить родной дом и вместе с ними молиться, чтобы снискать для себя царство небесное. Так было положено начало монастырю. Сами основатели немало потрудились для этого, установив строгие уставы, которых, видимо, придерживаются здесь до сих пор наравне с уставами, введенными позднее. Всюду роспись с изображением преподобных Сергия и Германа. Иконы с их лицами покоятся в серебряном ларце, который установлен в алтаре самой большой церкви монастыря. Оправившись от изумления, вызванного пышностью внутреннего убранства собора, я решил остаться на богослужение, похожее на те, что ведутся везде в русских православных церквях.

Затем я вышел из церкви и пошел на другой остров, где, по рассказам, был скит. Я спросил, как туда пройти. Некий трудник указал мне тропу, которая петляла по берегу монастырского залива через леса и луга. Я прошел по ней около версты и вышел к ручью, через который был перекинут мост. Я уже восхищался пышной растительностью острова, но как же я был удивлен, когда на этом маленьком островке увидел еще и ручей. Я перешел мост и, пройдя версты две, очутился посреди густого высокого леса; решив, что заблудился, я хотел повернуть обратно, но тут перед моим взором возник скит. Я вошел в церковь, где как раз шла служба. Постройки этой обители не шли ни в какое сравнение с главным монастырем, да и монахов здесь было намного меньше. Постояв немного, я присел на лавку, которая тянулась вдоль стены. Но мне не дали спокойно посидеть, один из монахов строго прикрикнул: «Стойте!» Я счел, что лучше послушаться, и встал. Затем я вернулся в главный монастырь, где уже началась вечерняя служба. Она продолжалась до поздней ночи. На следующее утро я встал часов в шесть и спросил у повстречавшегося мне человека, уже ли началась служба. Он засмеялся и сказал, что каждое утро служба начинается в два часа и что она скоро закончится. Я все же пошел в церковь, чтобы увидеть хотя бы окончание заутрени. Ежедневно служба длится часов до семи. После нее монахи идут пить чай. Чаепитие длится около часа, после чего снова идут в церковь.

Я уже охотно возвратился бы обратно на материк, но не представлялось оказии. В соседней комнате появились какие-то господа, которых вчера еще не было. Люди эти приехали ночью из Петербурга для участия в празднествах по случаю Петрова дня, кои должны были состояться в следующую пятницу. Чтобы как-то скоротать время жи-

дания, которое с каждой минутой становилось все тягостнее, я бродил по монастырю и его окрестностям. Поднимался на колокольню и снова спускался с нее, шел в лес, ходил по полям и садам, за которыми здесь был неплохой уход: яблони, посаженные на уступах, росли хорошо. Но чаще всего я заходил на пристань, чтобы на первой же лодке выбраться на материк. На колокольне я насчитал семнадцать колоколов разного размера, самый большой из них диаметром добрых полторы сажени, но были и совсем маленькие. Какой же это стоит перезвон, подумалось мне, когда все колокола приходят в движение, что, говорят, бывает только по большим праздникам. Русские звонари, должно быть, очень искусны в своем мастерстве, если умеют звонить одновременно в нужном такте во столько колоколов.

Говорят, на острове развелось невероятно много змей. Их запрещено убивать, потому что на всем острове нельзя лишать жизни ни одного живого существа. Меня они все же не тронули. Я лег спать на лугу, правда, не без опаски, хотя и владел собранными по всей Карелии заговорами и заклинаниями, с помощью которых завораживают змей и делают безвредными их укусы.

Как-то я взобрался на ближайшую горку и стал рисовать монастырь, но художник я неважный, и у меня ничего не получилось. Я зашел довольно далеко в лес, улегся на поляне, вынул из кармана книгу, случайно прихваченную с собой в Сортавале, и стал читать. Солнце стояло высоко и немилосердно палило. Я отыскал себе место в тени дерева и тут же заснул. Не знаю, как долго я проспал; меня разбудил какой-то прохожий, сказавший что-то по-русски, но я ничего не понял, повернулся на другой бок и снова уснул. Проснувшись, я вернулся в монастырь.

Было время богослужения, и я пошел в церковь. Среди монахов и богомольцев я увидел приехавших ночью гостей из Петербурга. Они усердно кланялись, осеняли себя крестом, а порою падали ниц и целовали пол. Даже женщины не оберегали свои дорогие платья, они стояли коленопреклоненные в пыли и грязи и молились. На некотором расстоянии от меня, рядом с женщиной постарше, возможно матерью, стояла молодая женщина необыкновенной красоты. И меня, восхищенного ее молодостью и красотой, поразила крайняя набожность этого юного существа. Когда она целовала землю, я думал, что эти розовые губки уже, верно, находили усладу на губах молодого возлюбленного. Но печать благоговения на ее челе и великолепие внутрен-

него убранства церкви отогнали все земные мысли из моей головы. На этот раз я был на службе дольше обычного. До сих пор я не привлекал к себе внимания людей, по случаю было угодно, чтобы взоры всех присутствующих вдруг обратились ко мне. Когда поп что-то пропел, все одновременно поклонились до пола. Я на мгновение заколебался, что делать, последовать ли примеру других или остаться стоять. И выбрал последнее, потому как не видел особой необходимости в первом. Я один возвышался в этой многочисленной толпе, подобно дереву, которое крестьяне иногда оставляют, когда рубят лес на подсеке. С радостью я вышел бы из церкви, чтобы не быть здесь «Саулом среди пророков»¹, но это было невозможно — вся церковь до дверей была наполнена людьми, склонившимися в земном поклоне. Посему мне пришлось стоять на месте, пока люди не поднялись и не стали оборачиваться в мою сторону.

Вскоре я вышел из церкви и пошел узнать, не поедет ли кто сегодня с острова, чтобы уехать вместе, но никто пока не собирался. Наконец один крестьянин из прихода Сортавала, который здесь заболел и пролежал несколько дней, пообещал завтра взять меня в свою лодку. Я попросил его сообщить мне время отъезда, сколь бы рано то ни было, и вернулся в монастырь. Чтобы быть готовым отправиться в любую минуту, я заранее пошел поблагодарить келаря. Сначала я обратился к нему на латыни. Но он, похоже, был не очень силен в ней и поэтому что-то сказал стоявшему рядом монаху. Тот спросил по-немецки, что мне угодно. Я ответил, что хотел лишь поблагодарить келаря за гостеприимство. Монах перевел. Келарь передал мне пожелание доброго пути, и я распрощался с ним.

В тот же вечер я ходил по монастырю, заглядывал во многие кельи и случайно попал в келью одного финского портного. Он знал несколько новых песен, и я записал их. Не успел я закончить запись, как около десяти часов вечера пришел человек и передал мне, что крестьянин решил поехать в этот же вечер. Я поспешил к нему, и около половины одиннадцатого мы отъехали.

В небольшую простую рыболовецкую лодку нас село шесть человек. Я спросил у крестьянина, как он рискнул выйти в озеро на столь никудышной лодочке. «Если озеро будет спокойным, нам нечего бояться, — ответил он. — А случись что, вся надежда на бога, не впервой». Так и по-

¹ Саул (библ.) — царь Израиля.

лучилось, что мы чудом спаслись. Мы проплыли версты две вдоль берега Валаама, как вдруг густой туман, которого поначалу не было и в помине, начал ложиться на воду. Посоветовавшись, мы решили было продолжить путь, однако вскоре поняли, что лучше нам, пожалуй, заблаговременно вернуться на Валаам,— туман все более сгущался, так что даже в нескольких локтях от нас ничего не было видно.

На ночь мы устроились на продолговатой скале недалеко от берега. Но ночная прохлада отгоняла сон, а бесчисленное множество комаров еще более усугубляло неудобство. Чтобы избавиться от них, мы поднялись повыше в лес, быстро набрали сушняка и разожгли большой костер. Огонь грел, но только с одного бока, и комары еще долго и назойливо вились над нами. Я, желая согреться, придвинулся как можно ближе к костру и уснул. Проснулся я от сильного укола в левое колено. Решив, что это комары, я резко ударил по колену, полагая, что либо сгною, либо придавлю их. Но это был особый комар — маленький раскаленный уголек вылетел из костра и прожег довольно большую дыру в моей одежде.

Туман не рассеялся, скорее наоборот, сгустился. Стало быть, нам не удастся выехать; ожидание затягивалось, вдобавок ко всему начался дождь. Я все же придумал, как укрыться от дождя, комаров, а отчасти и от холода. Я завернулся в парус, вскоре уснул и проспал на скале несколько часов. Около шести часов утра выбрался из своих свивальников, но туман все еще не рассеялся. Много часов ушло на ожидание, но никаких надежд на продолжение пути не было. Кое-кто предлагал вернуться в монастырь, и некоторые, похоже, были согласны с этим. Я же, уверенный, что, возвратившись в монастырь, они останутся там на целый день, всячески пытался отговорить их от этого.

Наконец в девять часов сквозь густой туман выглянуло солнце. Это вселило в нас надежду, что туман скоро рассеется, и мы единогласно решили отчалить от берега и ориентироваться пока по солнцу, как по компасу. Но не успели мы проехать и полмили, как солнце вновь ушло за тучи. Оказавшись в открытом озере, мы плыли почти наугад и не знали что делать. Я посоветовал рулевому держать лодку по отношению к волнам в том же направлении, какого мы придерживались при солнце. Он так и поступил, и мы еще сильнее налегли на весла, опасаясь, как бы не началась гроза и не поднялся шторм. Известно, что во время грозы ветер меняется беспрестанно, поэтому мы не могли ориентироваться даже по направлению воли, един-

ственному ориентиру в нашей богатой приключениями поездке. Нам не оставалось ничего другого, как предаться воле волн, но скоро на озере наступил штиль. Грести дальше не имело смысла. Мы оставили весла и с нетерпением стали ждать появления солнца и исчезновения тумана, боясь одного — лишь бы снова не поднялся ветер и не нагнал высокие волны. Все надеялись, что во время штиля ветер переменится. Через некоторое время пошел дождь, сильнее задул ветер, но, к счастью, не штормило. Мы не были уверены в том, что направление ветра не изменилось, но, подняв парус, продолжали держаться прежнего курса. Рулевой посчитал, что все равно, куда ехать, только бы не оказаться на середине озера во время шторма, который уж, верно, погубил бы нас. Мы долго шли под парусом и наконец, к великой своей радости, заметили, что туман расходитя. Вскоре мы разглядели невдалеке смутные очертания земли, направили к ней свою лодку и радостные поднялись на берег. Один из путников сказал, что это Хаапасаари, но другие, услышав это, дружно захохотали. Я спросил, почему они смеются, на что они ответили, что было бы невероятно, если бы так, потому что остров Хаапасаари совсем рядом с их домом, а значит, мы следовали по верному курсу. Мы долго стояли на месте, а крестьяне все рассуждали, что это за земля. Одни считали, что это мыс Импилахти, другие предполагали иное. Меня удивляло, что люди, привыкшие рыбачить и хорошо знавшие близлежащие острова, мысы и заливы своего архипелага, так долго стоят тут и не могут определить, где же они. Наконец мужчины отправились в глубь острова, чтобы оттуда с высоты разглядеть, где же мы находимся. Возвращались они по одиночке с разных сторон, и каждый уверял, что мы находимся на острове Хаапасаари. Радость крестьян не поддавалась описанию, и трудно сказать, радовались ли они больше или удивлялись, что так удачно добрались-таки до места. Еще небольшой отрезок пути на веслах, и мы были на материке. Там я расстался со своими попутчиками, и только один из них проследовал со мною почти до деревни Отснойсет, расположенной у проезжей дороги в 5/4 мили от города Сортавала, а я в тот же вечер отправился в Сортавалу.

Солнце уже садилось, когда я вошел в город, неся в руках купленный за несколько копеек у девочки-пастушки туесок с земляникой. Весь следующий день я писал письма, собираясь через день покинуть город. Я не хотел оставаться на ярмарку, которая открывалась здесь через пару

дней, поскольку уже успел приобрести все необходимое, к тому же в эти дни значительно возросли бы расходы на оплату жилья и прочие издержки. [...].

Незадолго до этого в аптеке я повстречал крестьянина из Пялкъярви, который обещал подвезти меня. Он ждал на улице, и мы, не задерживаясь более, сели в тарантас. По дороге нам встретились люди, едущие на ярмарку. У многих на телегах были бочки с маслом, особенно у жителей Иломанси. В Рускеале мы остановились покормить лошадей. С той же целью здесь собралось немало людей, едущих на ярмарку. Среди них было несколько человек из Китээ, видевших меня ранее на свадьбе в Потоскаваара. Они узнали меня и подошли поздороваться. Встретил я здесь и крестьянина Халттунена из Рупповаара, племянника Олли Халттунена, про которого рассказывал ранее. Поправившись после болезни, он тоже держал путь на ярмарку. Он поинтересовался, цела ли еще моя дудочка. Я ответил, что флейта у меня в кармане, но играть на ней перед такой большой толпой мне не хотелось бы. Он стал уверять, что я мог бы выручить неплохие деньги своей игрой, ведь каждый дал бы по три копейки. Я поблагодарил его за предложение и под благовидным предлогом отказался. Крестьянин, с которым я ехал, выручил меня, сообщив, что лошадь накормлена и нам пора отправляться дальше, чтобы успеть в Пялкъярви. Я попрощался с Халттуненом, сел в тарантас, и мы поехали. Часов в десять вечера мы были на перекрестке дорог, где наши пути расходились. Проехав с крестьянином пять миль, я уплатил ему рубль пятьдесят копеек и сошел с тарантаса, а он направился к себе домой. Когда я пришел в Пялкъярви, было уже довольно поздно, поэтому я не захотел идти ни к священнику, ни в другие господские дома, а пошел дальше. Ночь проспал в лесу, подложив сумку под голову и укрывшись еловыми ветками. Но комары не давали покоя. Тогда я набил трубку, закурил и снова залез под лапник. Дым отогнал комаров, я уснул и превосходно проспал до утра, пока кто-то не стал ворошить мое убежище. Я привстал, чтобы посмотреть, кто же это, и увидел стадо коров, случайно забредших сюда. Но едва я поднялся, как коровы испугались и разбежались.

Солнце стояло уже высоко, когда я снова двинулся в путь. Навстречу все еще попадались крестьяне, едущие на ярмарку. Дорогой я видел, что в местах, поросших травой, они останавливались покормить лошадей, а сами тем временем отдыхали у костра. Я спросил, берут ли они

когда-нибудь с собой корм для лошадей, на что мне ответили, что это было бы глупо, потому что везде по обочинам растет трава. «А как же в городе?» — «Если кто-то собирается побыть в городе подольше, тот накашивает на месте последней кормежки травы побольше и везет ее на телеге в город». — «А вы не боитесь, что лошади убегут, ведь они пасутся в лесу без привязи?» — «Нет, лошади животное умное, к тому же она приучена к этому еще с той поры, когда жеребенком бегала за кобылицей». Мои вопросы были исчерпаны. Когда я поинтересовался, не знают ли кто из них руны, то в ответ получил приглашение заходить к ним, когда мой путь будет лежать через приходы, где они живут, и, кроме того, назвали мне несколько известных им рунопевцев. Я отметил, что среди крестьян не было ни одного хмельного. Они мирно ехали своей дорогой без криков и галдежа, таких обычных в целом ряде мест, особенно среди прибрежного населения и жителей Хяме. День прошел очень неплохо.

Земляника в эту пору была уже совсем спелая, поэтому я частенько сворачивал с дороги, чтобы поесть ее. В тот же день в Тохмаярви я впервые отведал княженики, которая росла местами по обочинам дороги, затем на болотах отыскал также и морошку.

После полудня я пришел на постоялый двор Ватала, где решил остановиться на пару дней, увидев, что здесь имеется уютная горница, которая обычно отсутствует в карельских домах даже на постоянных дворах. Хозяйка — уже пожилая женщина — была дома одна, муж ее тоже уехал на ярмарку. Вначале, когда я попросил позволения переночевать в комнате для гостей, она отнеслась ко мне с некоторым недоверием, но все же согласилась. В горнице я сел за работу и писал до самого вечера и весь следующий день. Хозяйка, заметив мое усердие, спросила, что это я записываю. Я ответил, что записываю по памяти разное, увиденное мной здесь, в Карелии, чтобы потом на родине рассказать об этом. «А может быть, вы и наш разговор запишете в свою книгу?» — промолвила хозяйка. Чтобы она не остерегалась меня, я сказал, что охотнее всего записываю старинные руны и песни, и спросил, не знает ли она их. Она ответила, что в детстве знала их немало, но почти все забыла. Я показал ей ранее записанные руны и рассказал о своих пеших странствиях. Помимо этого я прочитал ей несколько песен, которые в основном исполняются карельскими женщинами. Оказалось, что она знала многие песни, про иные она говорила, что ее мать

или тетка исполняли их немного по-другому. Удивительна сила воздействия старинных песен на чувства финнов. Не раз я примечал особенную растроганность тех, кто исполнял их, и тех, кто внимал исполнителям. Подчас, услышав от меня лишь один-единственный отрывок из руны, они начинали относиться ко мне более доверительно, чем после длинных и, как мне казалось, занимательных бесед.

Хозяйка тоже становилась все более откровенной и поведала мне о своей жизни. После смерти первого мужа она осталась без детей. А за теперешнего вышла замуж необычно. Этот человек жил неподалеку от них, а когда умер ее хозяин, то поначалу выполнял кое-какие работы и дела по хозяйству. Когда же он объявил о своем желании жениться на вдове, она сразу ответила, что не пара ему. И хозяйка привела мне тогдашние свои слова: «По летам я гожусь тебе в матери, разве можно жениться на пожилой женщине? А женишься, сам будешь недоволен жизнью со старой женой. Нет, выбери себе другую жену по нраву, а дом после моей смерти все равно достанется тебе. Мне уже не хочется замуж, я могу дожить свой век и одна». Мужчина, а вернее, парень лет восемнадцати-двадцати, и после этого не отказался от своих намерений, он сумел убедить ее, что нигде не найдет себе лучшей жены, и вопрос был решен. На том и кончилось сватовство. Я спросил у нее, довольна ли она молодым мужем, на что она ответила, что счастливо прожила за ним все эти годы.

Но, несмотря на откровенность, хозяйку, видимо, временами охватывало беспокойство, что я за человек и что значит мое бесконечное писание. Но она ни разу не спросила об этом, не решаясь также прямо спросить и о паспорте, лишь обиняком дала понять, что это ее интересует. Это выяснилось, когда хозяйка спросила у меня, не доводилось ли мне в пути встречаться со злыми людьми. Я ответил, что ежели бы и довелось встретиться, то они поостереглись бы, увидев у меня ружье. «Да я не о ворах и разбойниках,— сказала она.— Слава богу, в наших местах их не бывало, но разве люди, у которых вы останавливались, никогда не принимали вас за кого-то другого и не причиняли вам неудобств?» Тут я догадался, что она имеет в виду, и разрешил ее сомнения относительно себя, достав паспорт. Это ее совершенно успокоило, и она сказала, что я могу жить у них, пока не закончу работу, и я остался еще на день.

На следующее утро случай привел сюда, на постоянный двор, пробста Валленнуса, направлявшегося в капеллан-

ский приход в Кийхтелюсваара. Он узнал меня и задержался ненадолго, чтобы расспросить о моих делах со времени нашего расставания. Сразу после его отъезда ко мне явилась хозяйка, и по выражению ее лица я понял, что она хочет сказать нечто очень важное. «Где нам все знать...» — начала она. «А что случилось?» — «Ничего особенного, но вы же магистр, а я принимала вас за сына крестьянина, как вы сами сказали». Я ответил, что так и есть, я на самом деле сын крестьянина, и спросил у нее, с чего она взяла, что я магистр. «Я слышала, что так называл вас пробст, хотя и не понимаю по-шведски», — ответила она.

Если бы я оставался здесь далее, я скорее проиграл бы, чем выиграл от исключительного внимания к моей особе. Если прежде я чувствовал себя здесь как дома, то теперь хозяйка считала своей обязанностью обхаживать меня как высокого гостя, что всегда является обременительным как для гостей, так и для хозяев. Незадолго до обеда она спросила меня, едал ли я когда-нибудь «карельское лакомство». Я ответил, что не слыхал раньше такого названия, и спросил, из чего его делают. Она обещала приготовить мне его. Это было не что иное, как обычная простокваша, перемешанная с молоком, по вкусу напоминающая творог с молоком. «Ну и лакомство!» — скажешь ты, дорогой читатель, но я убедился на собственном опыте, что эта простая еда очень вкусна, если есть ее не на полный желудок.

Я отправился отсюда уже под вечер и прошел 5/4 мили до одного дома, где остановился на ночь. На следующее утро я пошел дальше, изредка останавливаясь лишь затем, чтобы поесть земляники и княженики. Так я прошел около трех миль и в полдень присел отдохнуть у обочины дороги. Вскоре сюда подъехали крестьяне, возвращавшиеся с ярмарки. Они узнали меня, так как видели по дороге в Сортавалу. За проданное в городе масло крестьяне получили по восемь рублей с пуда, что, по их мнению, было очень дешево. Я собирался доехать на их повозке до Иломантси, но, когда мы приблизились к деревне Коннунниемеи (Хуосиоваара), крестьяне сказали, что если я хочу записать руны, то в этой деревне живет некий Раутнайнен, который якобы их знает.

И я, оставив своих попутчиков, пошел в деревню, которая находилась в версте от проезжей дороги. В доме только что отобедали. Раутнайнен спросил у меня, обедал ли я, и, услышав, что нет, пригласил к столу. После обеда он угостил меня спелой морошкой. Мы с ним съели большой

туесок этих вкусных ягод. Я дал несколько оказавшихся у меня монет его маленькой дочке, собравшей ягоды, и Раутиайнен велел ей принести еще второй туесок. Но я поблагодарил за угощение и перевел разговор на руны. Раутиайнен, проявивший такую щедрость и гостеприимство, в отношении рун меня не обрадовал. Он очень охотно слушал стихи, которые я ему читал, но в заключение сказал: «У вас же все руны уже есть, мне нечего добавить». Кроме нескольких совершенно никчемных вариантов, я ничего не добился от него. И все же нашлись люди помоложе, которые спели-таки мне пару более современных песен, и я записал их. Они же посоветовали мне пойти к Оллуке Парвинену, сказав при этом, что он не только знает стихи, сочиненные другими, но и сам неплохо слагает их. Кое-кто из молодежи вызвался проводить меня до дома Оллуки.

Когда мы оказались во дворе, я поздоровался с находившимся там мужчиной, не подозревая, что это и есть наш рунопевец, и прошел в избу. Сопровождавшие меня молодые люди остались на улице, чтобы сообщить, как я понял, о цели моего прихода. Вскоре и они прошли в избу, и я спросил у них, не видали ли они Оллуку. «Вы же с ним здоровались во дворе,— ответили они.— Но когда мы сообщили ему, что вы пришли записать его стихи, он бросился бежать, только мы его и видели». Я спросил, куда же он мог уйти, на что они ответили, что, может быть, к соседям, живущим неподалеку отсюда. Мы сходили туда, но там его не оказалось. Но я все же не зря шел сюда — хозяйка этого дома спела мне несколько старинных песен, которые я записывал по мере того, как она их припоминала. Она, как и многие другие до нее, уверяла, что я и за два-три дня не успел бы записать всех рун, какие она знала в молодости, и все сетовала на то, что память у нее ослабела и она многое перезабыла. «Но еще кое-что помню,— добавила она,— иногда целыми часами пою сама себе, особенно если чем-то расстроена и тяжело на душе. Тогда, кажется, песням нет конца, они сами приходят на ум — пою все песни подряд, а нынче вот никак не могу припомнить».

Оллука должен был прийти к вечеру в этот дом, потому что накануне обещался пойти на сенокос. Он и впрямь пришел поздно вечером, но ни в какую не соглашался петь руны. Мой вопрос, почему он днем убежал от меня, Оллука оставил без ответа и начал оправдывать себя тем, что все руны, которые он знает, как сочиненные им,

так и услышанные от других, якобы настолько плохи, что и записывать их не стоит. Уговаривал я его и упрашивал, и наконец он пообещал утром спеть мне лучшие из своих песен. Но произошло то, чего я и опасался: наутро Оллукка успел уйти, прежде чем я проснулся. Хозяйка была еще дома, она принялась вспоминать, какие песни остались неспетыми, и я надеялся получить от нее еще немало песен, но тут вмешался ее муж и сказал, что вместо этой старинной дребедени спела бы она лучше какую-нибудь духовную песню. Я же припомнил изречение о том, что муж есть глава жены, и не стал более упрашивать хозяйку петь для меня против воли мужа.

Утром того же дня, 14 июля, я оставил Хуосноваара и почти без остановок дошел до Коверо. Я намеревался в этот же день дойти до Маукола, где живет губернский фискал¹ Фальк, про которого мне говорили, что он большой любитель финских рун. Но сразу после Коверо на развилке дорог я ошибся. Вместо того чтобы идти по направлению к Иломантси, я пошел налево, и вскоре дорога привела меня к русской часовне. Мне пришлось повернуть обратно, но прежде я зашел в один дом. Почти все жители деревни, так же как и жильцы этого дома, православные. Хозяйская дочь, увидев мою флейту, спросила, что это за палочка. Я ответил ей, что это духовой инструмент, и в подтверждение сказанного заиграл на ней. Девушка была в восторге и, казалось, не знала, как ей быть — то ли стоять, то ли плясать. Кончив играть, я попросил ее, в свою очередь, спеть мне что-нибудь. «Мне уже некогда, — ответила она, — братья ждут на покосе, но мать дома остается, она знает песни». Девушка взяла косу и ушла. Однако мать ее была не столь охоча до песен. «В последний раз я пела на свадьбе, — обронила она, — и мне за это дали чулки (или рукавицы, не помню точно, что она назвала), и теперь не хочу бесплатно петь». Тогда я достал серебряный пятак и пообещал отдать ей монету, если она споет две-три руны. Она спела, а когда я начал их записывать, повторила еще раз. Я протянул ей деньги, но хозяйка отказалась. Тут я удивился и спросил, почему она сначала не хотела петь бесплатно, а теперь отказывается от денег. И она призналась, что ей вовсе не хотелось петь, но и отказываться более она не могла, видя, как настоятельно я прошу спеть эти пустячные песни. Я снова предложил ей деньги, и она наконец приняла их, но с условием, что

¹ Фискал (*фин. viskaali*) — общественный обвинитель в Финляндии.

я пообедаю у них за ту же плату. Старая хозяйка поставила на стол масло, молоко и здешние пироги. Затем она посоветовала мне зайти в избушку, стоящую возле самой дороги, и сказала, что хозяйка избушки знает много рун. Я зашел туда после обеда, но дома никого не оказалось. Я подождал немного, но никто так и не появился, и я продолжил свой путь. На дверях избушки не было замка — свидетельство того, что здесь еще живут спокойной жизнью. По старому обычаю, карсина и силта в доме были отделены друг от друга перегородкой.

Задержавшись немного, я не успел засветло дойти до Маукола и поэтому решил переночевать в ближнем доме. В Маукола я прибыл на следующий день рано утром. Губернский фискал, бывший одновременно управляющим волостного хлебного магазина, раздавал на этой неделе зерно заемщикам. В такие дни он обычно жил в доме священника, куда я и пошел после обеда. После Сортавалы мне все время приходилось жить среди народа, поэтому я с удовольствием отдохнул здесь целых шесть дней. Хорошее и радушное обхождение сделало мое пребывание в доме весьма приятным. Количество стихов заметно увеличилось за счет тех, что мне любезно передал губернский фискал, а также некоторых других. Незадолго до моего ухода церковный сторож принес мне пачку ранее записанных рун. Я переписал их, кроме тех, которые перекликались с уже имеющимися у меня. [...]

Мне пришлось отложить посещение известного рунопевца Пьетари Кеттунена*, проживающего в деревне Куолисмаа, что в четырех милях от Иломантси; но пугало меня не расстояние, а сложности другого плана: по пути надо было переправиться через несколько озер.

Финны Иломантси, исповедующие православие, составляют примерно треть всего населения волости. Несмотря на другое вероисповедание, большинство из них все же одолели грамоту. Во многих домах имеются финские книги, и они время от времени усердно читают их по примеру своих соседей-лютеран, с которыми живут в добром согласии. В этих краях не наблюдается того уничтожения веры соседей и возвеличивания своей, какое нередко встречается в отдельных местах южной Европы, где люди различных вероисповеданий живут поблизости друг от друга либо смешанно. Здесь, наоборот, финны-лютеране каждое воскресенье ходят на православное богослужение, которое начинается на несколько часов раньше, чем их служба, а православные, в свою очередь, прямо из церкви во главе

с попом идут в лютеранскую церковь. Во времена шведского владения православным разрешалось принимать лютеранскую веру, но не наоборот. Нынче все по-другому: дети должны исповедовать то же учение, что и их родители. Одежда мужчин у православных мало чем отличается от одежды лютеран, но у женщин различие в одежде все же имеется. У них своеобразный головной убор, и они носят просторные кофты, чаще всего красного цвета. В Иломантси проживают еще и православные другого толка, называемые «раскольниками». У них здесь два монастыря, но из-за дальности я не смог их посетить.

21 [июля] я отправился из Иломантси в Энонтайпале. В это же время по деревням, расположенным вдоль дороги, ездил по служебным делам оспопрививатель, некий Винтер, с которым я встретился в Иломантси. Он делал прививки против оспы. Я проехал с ним пару миль, но наутро мы расстались, и я снова продолжал путь один. Уже под вечер я пришел в дом священника в Энонтайпале, где остался на ночь. Утром я отправился к знахарю Хассинену, который жил в четверти мили от дома священника на острове Нестеринсаари. Мне говорили, что он знает множество заклинаний, да он и сам не отрицал этого, но записать мне удалось всего два заклинания. Он ни в какую не соглашался прочитать их, а если и читал, то не позволял их записывать. Когда же я читал ему ранее записанные руны, он непременно спрашивал, от кого я их услышал. Чтобы не возбуждать его подозрений относительно того, что я составляю якобы списки имеющихся в стране колдунов, дабы привлечь их к правосудию, пришлось сказать, что позабыл имена людей, от которых делал записи. Но он все равно не поверил и отговорился тем, что ему некогда петь руны, когда лососей ловить надо. А вообще-то он неплохо отнесся ко мне, предложил кофе и наказал приготовить для меня свежего лосося, выловленного им. Старая хозяйка была больна, и знахарь сам ухаживал за матерью. У двух ее невесток была договоренность между собой: пока одна ухаживает за скотом, другая ведет хозяйство, а через год они поменяются. Первая из них до самой осени находилась на дальних пастбищах и скот по вечерам домой не пригоняла. В хозяйстве у них было тридцать дойных коров. Позднее мне рассказали забавную историю сватовства младшего Хассинена к хозяйке, что нынче вела дом. В молодости она славилась редкой красотой. Многие сватались к ней, но она всем отказывала. Хассинен тоже приехал к ней со сватом. «Иди ты к чер-

ту!» — прозвучал ответ девушки. Тогда Хассинен выступил вперед и сказал: «Послушайте, ведь то, что вы говорите ему, вообще-то относится ко мне». — «А пошел-ка ты тоже туда-то и туда-то!» — послала она и его. Когда Хассинен попытался все же поговорить с ней, девица вскочила и убежала в ригу. Хассинен — за ней. У девушки в руках оказался серп, которым она грозилась ударить жениха, если тот не оставит ее добром. Тогда он схватил жердь и выбил из рук девицы серп, но нечаянно угодил ей по руке. Девушка заплакала, запричитала: «Изувечил меня». На что жених промолвил: «Я тебя и калекой прокормлю». Девица со слезами последовала за Хассиненом к матери. Мать, выслушав объяснение Хассинена, спросила у дочери: «Пойдешь ли ты, дочь моя, за него замуж?» — «Так кому я теперь нужна, калека...»

Для семейной жизни карел характерно, что сыновья обычно приводят молодых хозяек в дом отца. Наиболее достойный из братьев становится главным хозяином [большаком], но остальные тоже считаются хозяевами. Жена большака, однако, не всегда главенствует среди невесток, этой чести с согласия остальных удостоивается самая искусная и расторопная из них, а также самая властная.

В четверг, 24 числа, из Нестеринсаари я снова вернулся в дом священника в Энонтайпале. На берегу острова лодки не оказалось, и мой проводник провел меня к узкому проливу, переправиться через который было бы невозможно, если бы не проложенные по камням бревна. Рискуя свалиться в стремнину, мы все же удачно переползли по ним на другой берег, и я, весьма довольный и радостный, продолжил свой путь в Энонтайпале, где и переночевал. На следующий день сразу после завтрака я снова был в пути. [...]

Второе путешествие

1831 г.

Лёнрот отправился из Хельсинки 28 мая, намереваясь северным путем попасть в Беломорскую Карелию. Он миновал Рауталампи, Пиелавеси и Йисалми, дошел до Каяни, а оттуда по глухим местам через деревни Вуосанка, Микиття и Хярмяярви добрался до местечка Куусамо, что на границе с Россией, где его поездка неожиданно прервалась. 6 августа Лёнрота настигло письмо медицинского управления, в котором собирателю рун предписывалось вернуться обратно в южную Финляндию для борьбы с начавшейся в стране эпидемией холеры. 22 августа Лёнрот вернулся в Хельсинки.

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА

19 июня, в воскресенье, избавившись от мучительной простуды и чувствуя себя уже с неделю вполне здоровым, я отправился из Рауталампи в Пиелавеси¹. В церкви у меня была возможность наблюдать за людьми в праздничной одежде, которая мало чем отличается от той, что носят жители побережья. На мужчинах — короткие сюртуки, либо с отложным воротником, либо с так называемым воротником стойкой. Сюртуки эти шиты в основном из серого домотканого сукна и лишь у некоторых выкрашены в синий цвет. Длинные штаны из того же сукна либо из грубого некрашеного холста. Обувь такая же, как везде в Саво и в Карелии, — так называемые пьексы². Даже знатные люди не считают зазорным носить эту обувь. Большинство мужчин носят шляпы, шапки встречаются гораздо реже, но у всех шейные платки. Карманные часы, которые в южной Финляндии считаются предметом первой необходимости и имеются у каждого батрака, здесь встречаются очень редко. На женщинах длинные юбки и короткополые кофты, считается, что это очень красиво. У иных, кто побогаче, юбки шелковые. Раньше полы кофт были длинней,

¹ Рауталампи — приход в центральной Финляндии, Пиелавеси — в северном Саво.

² Пьексы (фин. *pieksut*) — кожаная обувь с загнутыми носками, без каблучков.

а юбки короче, но теперь это считается старомодным. *Тану* — своеобразный головной убор замужних женщин некоторых приходов Саво (в Мянтюхарью, Хирвенсалми, Миккели и т. д.) — здесь нигде не увидишь. На голове у женщин либо чепец, либо платок.

По окончании богослужения я пообедал и отправился в путь на лодке. Это была необыкновенно длинная, но не широкая семивесельная лодка. В нее село около пятидесяти человек — количество, вполне достаточное для нашего судна, но явно избыточное при таком сильном ветре. Одновременно с нами выехало еще десяток лодок. В целом это напоминало небольшую эскадру. Между гребцами начались состязания, чья лодка быстрее, и тут девушкам и парням пришлось попотеть. Мне жаль было бедных девушек, многие из них гребли не сменяясь почти весь путь, тогда как мужчины гребли поочередно. Я тоже предложил свои услуги, но то, чтобы магистр сел на весла, посчитали вопиющим нарушением установленных порядков. «Удивится всяк холоп, коль на весла сядет поп», — гласит пословица. И мне, таким образом, пришлось сидеть сложа руки. Несколько замедлили продвижение два порога на нашем пути. Первый, Тюуринкоски, длиной чуть более версты, но менее бурный, чем второй — Нокинен. Мы преодолевали пороги с помощью шестов, упираясь ими в дно и проталкивая лодку вперед. На одних веслах тут далеко не уедешь. Красивое и одновременно жуткое зрелище представляли порог и лодки, идущие впереди. Лодки с трудом поднимались по порогу, и порой казалось, что они вот-вот сорвутся и устремятся на нас. На этих каменистых порогах должен быть очень опытный кормчий. Если лодка наскочит на камень, с него трудно сняться. Но еще бóльшая опасность подстерегает людей при спуске.

Когда порог был пройден, шесты уложили на подпорки, вделанные по правому борту лодки, на четверть локтя выше уключины. Те, что уже одолели порог, наблюдали за лодками, которые вели схватку со стреминной, и сыпали шутки в адрес гребцов, казалось, начисто забыв о том, что сами только что были на их месте.

Особое очарование поездке придавали и красивые лиственные леса по берегам озера, и множество островов, и затишье, и веселое настроение людей. Время пролетело незаметно, мы прошли по воде целых три мили и высадились на одном из островов под названием Кунинкаансало¹.

¹ Кунинкаансало (фин. *Kuninkaansalo*) — Королевский бор.

Столь необычное название этого удаленного от больших дорог места связывают с тем, что будто бы когда-то король Эрик*, осматривая владения, велел доставить его на этот остров и приготовить здесь обед. Столом для него служил большой плоский камень. Мне так и не довелось увидеть тот камень, он был довольно далеко от берега. Пока я слушал этот рассказ, люди подоставали из своих берестяных коробов вино и еду, чтобы перекусить. Они и мне предложили поесть и поднесли стакан вина, который я осушил в память о короле Эрике. Во время еды кто-то заметил огромный комариный рой, который вился довольно высоко над землей. Видимо, слетелись несколько комариных роев и так сгустились, что казались черной тучей. Мне никогда не приходилось видеть такого большого количества комаров, хотя раньше они мне не раз досаждали, хорошо хоть на сей раз оставили нас в покое.

Нам предстояло пройти еще $7/4$ мили до деревни Йоутиннеми, куда держали путь все лодки. Мы прибыли туда к полуночи. Ночь была настолько светлой, что мои попутчики достали библию и без затруднений прочитали вслух вступительное слово к ней. Я тоже попробовал читать и заметил, что глаза совсем не устают от чтения, да и чему тут удивляться, если ночь отличалась ото дня лишь тем, что не светило солнце. Сумерки длятся всего несколько мгновений. Пока я не привык к белым ночам, мне казалось, что времени не больше десяти или половины одиннадцатого вечера, но оказывалось, что вот-вот должно взойти солнце. В доме, где я остановился на ночь, мне приготовили ужин. Было уже поздно, но хозяйка во что бы то ни стало хотела сварить мне что-нибудь, поскольку, по ее мнению, ужин без горячего — не ужин. С большим трудом мне удалось убедить ее, что достаточно и хлеба с простоквашей, но она все же принесла еще масло и мясо. Наутро для меня был приготовлен завтрак, за который никак не хотели брать платы.

Дальше мне предстоял путь в $6/4$ мили до Йокиярви, либо пешком по берегу, либо по воде. Я выбрал первое. В провозатые пришлось взять одного старого крестьянина по фамилии Яскиляйнен, поскольку на здешних дорогах, как мне говорили, легко заблудиться.

По дороге проводник рассказал мне о свадебном обряде, существующем в их краях. Молодых венчают в воскресенье, после чего они направляются в дом невесты, куда прибывают и свадебные гости, приглашенные со стороны невесты. На следующий день отсюда едут в дом жениха

с тем, чтобы быть там к вечеру. Чуть не забыл одну деталь: по дороге из дома невесты в дом жениха сват должен на свои деньги угощать вином и кормить весь свадебный поезд. Сват возглавляет шествие, он просит за деньги устроить всех на почлег и накормить. Их встречают в доме жениха, а после ужина новобрачных отправляют спать. Из девушек выбирают одну, чтобы прислуживала им, в ее обязанности входит принести утром свадебной чете воду для умывания. Такую прислугу называют *сааяс*. Утром, когда молодые выходят к гостям, начинается сбор денег и прочего, что необходимо в доме молодых. Входит каасо с чашей пива в руках, гости пьют из нее и при этом обещают что-нибудь подарить молодоженам. Одни дают деньги, другие обещают дать овцу или две, а кое-кто и телку и т. д. Понятно, что родственники при этом стараются отличиться. Часть сбора идет в пользу каасо. Вся эта церемония называется *туопписет*¹. После этого разыгрывается как бы небольшая ссора между женатыми и холостыми мужчинами. Первые хотят заключить жениха в свой круг, а последние не выпускают его из своего. Так они тянут поочередно бедного жениха к себе. Верх берет то одна, то другая сторона. Жених совсем как те пушки на поле Лютцена*, которые переходили из рук в руки: то их захватывали шведы, то имперская армия отвоевывала обратно. Наконец заключается мир и парни оставляют жениха на попечение женатых. При этом пьют чарку мира, которая называется *харьяллисет*². Потом начинается такая же игра между замужними женщинами и девушками за невесту. Если сват умелый и опытный, то, по словам моего попутчика, конца нет всяческим забавам, которые длятся целый день. На следующее утро молодуха раздает небольшие подарки новой родне. Свекровь получает сорочку, правда, в наше время более состоятельные невесты одевают ее с головы до ног. Остальным дарят сорочки, варежки, пояса, кушаки и т. д. Священнику еще до совершения обряда венчания подносят полотно на рубаху и носки.

Пройдя пелком 3/4 мили, я подошел к порогу Яускоски, где нанял гребца для переправы. На пороге были построены две мельницы и сукновальня. Я поднялся на берег и вышел на дорогу через двор одного мельника. Тут стоя-

¹ От слова *tuoppi* (фин.) — кружка.

² *Харьяллисет* (фин. *harjalliset, harjakaiset*) — угощение в связи с заключением сделки; магарыч.

ли две бабы и, невзирая на меня, отчаянно ругались. Спор разыгрался из-за того, кому первой молоть зерно, а я в толк не мог взять, как можно из-за такого пустяка столь яростно ругаться. Перевозчик, какое-то время сопровождавший меня, сказал, что, видно, обе они под хмельком. По дороге от Яускоски до Йокиярви, расположенного в четверти мили, встречались отдельные хутора и маленькие избышки. Заходя в некоторые дома, я отметил, что жилища здесь повсюду чистые и опрятные. Ковши для питья, которыми я из-за жаркой погоды часто пользовался, были чисто вымыты. Стены в избах, как вообще принято в Саво и Карелии, обструганы добела на высоту чуть выше человеческого роста. Следует заметить, что нынче все реже строят дома без дымохода. При постройке нового дома многие ставят печь с трубой. В Йокиярви я нанял перевоз в Кемилянниemi, до которого миля пути. Хозяин с девочкой лет 14—15 были моими гребцами, а вернее сказать, сопровождающими, потому что почти весь путь я греб сам. По дороге я спрашивал у них финские названия разных предметов, встречавшихся нам на пути. Девочка, несмотря на свои юные годы, живо отвечала на мои вопросы. Будь дорога подлиннее, она стала бы настоящим филологом по родному языку. «А как по-вашему называется это? А как то?» — беспрестанно спрашивала она, тем самым пополняя мои знания новыми диалектными словами. Когда мы доехали, я спросил у мужика, сколько я должен за перевоз. Он попросил всего лишь 20 копеек, но я дал ему 16 шиллингов, потому что не оказалось денег помельче. Но это было недорого, потому что сюда же входила и плата за обед, которым меня накормили в Йокиярви. В ответ я услышал: «Большое спасибо». В Карелии в таких случаях обычно говорят: «Бог воздаст».

Расставшись со своими попутчиками, я дошел до одного дома в Кемилянниemi, построенного на мысу в живописнейшем месте. Меня доброжелательно встретила старшая из дочерей, ставшая хозяйкой дома после смерти матери, умершей полтора года назад. За короткое время она рассказала мне об их жизни и хозяйстве, которое она ведет вместе с братом и сестрой. Она предложила поесть, но мне не хотелось. Молоко и вода — обычное питье в летнее время в здешних местах — казались наиболее желанными для моего пересохшего горла. [...]

(Далее мы можем следовать за Лённротом лишь по этим отрывочным заметкам)

Ночь в Котаниеми. Оттуда на восходе солнца (во вторник) отправился в имение к настоятелю Неовису. На следующий день была пожога болота и леса под подсеку. На болоте земля красная, (железистая?) [...] Искупался здесь. Вечером началась простудная лихорадка. [...] Иванов день провел у Люра, во время обеда за столом вновь стало знобить, такое состояние длилось до четверга. В Иванов день приходил рунопевец, но из-за болезни я вел записи лишь по нескольку минут, после чего приходилось снова ложиться. Певец был доволен, что его пригласили к настоятелю Люра да к тому же еще хорошо накормили.

В следующую среду был Петров день. Я отправился в Пиелавеси на день раньше. [...] Избы в основном курные, стены обструганы до высоты двери. Печь то слева, то справа от двери. [...] Развито скотоводство. Есть крестьяне, у которых по 20—30 коров. [...] Заморозки зачастую губят весь урожай. Хлеб едят с примесью заболони. Нищие. Покойники. [...] Вдоль дороги, по которой несут покойника, встречаются обкарзанные деревья, на которых помечены имя [покойника] и год [смерти]. Коровам устраивают дымокуры от комаров. По вечерам коровам [добавляют в пойло] соль. Волки и медведи [в этих местах] не встречаются.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАРОДНЫЙ ПРАЗДНИК ХЕЛКА * В ДЕРЕВНЕ РИТВАЛА

Во всяком народном празднике есть нечто необъяснимо отрадное и достойное уважения; вероятно, у каждого, кто бывал на них, создается такое впечатление. Сам праздник, корни которого уходят в глубокую древность, встает перед нами не мертвым памятником, а картиной живой старины. В современной жизни трудно найти другую форму, кроме народного праздника, где прошлое представало бы перед нами более явственно. Правда, кое-кому может показаться, что в театре, к примеру, древнюю жизнь изображают более полно, но это не так. [...]

Праздник, который я здесь хочу описать, проводится в приходе Сяксмяки, в деревне Ритвала. Его так и называют — Хелка деревни Ритвала. Деревня находится недалеко от большого озера. Один из хребтов возвышенности

Маанселкя, который тянется вдоль озера, значительно сужаясь, приближается к деревне Хуйттула, расположенной в четверти мили от Ритвала. [...]

Коротко опишу Хелку деревни Ритвала. Праздник этот проводится каждое воскресенье после полудня, начиная с Вознесенья и вплоть до Петрова дня, то есть до конца июня. Девушки собираются в одном конце деревни и, взявшись за руки, становясь по четыре-пять в ряд, медленно идут по деревне и поют древние руны. Довольно далеко от деревни на возвышенном ровном месте под названием гора Хелка девушки останавливаются. Там они образуют круг, танцуют и поют руны¹. Затем той же дорогой медленно и с песнями возвращаются обратно. Вечер проводят уже в деревне, где собирается большая толпа людей и затеваются разнообразные забавы и увеселения, не считаясь с этикетом. Непременным условием этого праздника является то, что ни один мужчина и ни одна замужняя женщина не имеют права участвовать в этом шествии. Им позволяется только присутствовать в качестве безмолвных зрителей и слушателей. Но это не обижает их. Другое дело — девушки, которые потеряли свое честное имя и которым тоже запрещено участвовать в празднике.

Теперь уже трудно выяснить, что послужило поводом для этого праздника и каково было его первоначальное назначение. Можно только предполагать, что зародился он еще до прихода в страну христианства, на что указывает слово «бог», употребленное в некоторых песнях во множественном числе, что вряд ли было возможно после принятия христианства. Кроме того, в той же песне, как мне кажется, есть некоторые указания на то, что первоначально этот праздник был обрядом жертвоприношения, но по ней невозможно определить, с какой целью его проводили — чтобы добиться хорошего урожая, или, возможно, из-за чего-то иного. Другие же песни дают материал для иных догадок относительно появления и первоначального назначения праздника. В одной из них речь идет о девушке, которая до конца осталась верна своему жениху и ни за что не согласилась обвенчаться с другим, хотя ей сказали, что суженый ее умер на чужбине. В конце концов

¹ В прежние времена девушки брали с собой корзиночки, в которые собирали на горке Хелка цветы, и потом шли, как пелось в песне «к чистым богам», возможно — для жертвоприношения. В песне упоминаются синий мост и красная пристань, через которые должно пройти шествие. Не знаю, что это означает. (Примечание Лённрота.)

жених вернулся, и девушка послала своего юного брата встретить его. На вопрос жениха, как поживает Инкери — так звали девушку, — мальчик необдуманно отвечает: «Да хорошо она живет, целую неделю играют ее свадьбу» и т. д. На этом песня обрывается. Жених, очевидно, понял эти слова буквально и совершил какой-нибудь отчаянный поступок, прежде чем узнал истину. А девушка либо плакала свои глаза от тоски-печали, либо с горя покончила с собой. Подобное событие наверняка должно было привлечь к себе большое внимание и, следовательно, могло явиться поводом для проведения поминок в честь девушки. [...] В другой песне поется о деве Магдалене, которая совершила три тяжких греха и трижды лишила себя чести называться девственницей. Признаться, не понимаю, почему именно с ее именем связывают проведение этого праздника, ибо тысячи других девушек могли бы считаться достойными подобной почетной памяти. [...]

Особенно торжественно проводится праздник Хелка в Троицу. Молодежь из соседних приходов собирается в Ритвала на праздник. Когда я услышал, сколько народу здесь бывает в этот день, у меня создалось впечатление, будто мне рассказали о древних Олимпийских играх, с той лишь разницей, что состязания здесь ведутся только в пении, и девушки, естественно, стараются, чтобы голос их звучал как можно приятнее — как во время шествия, так и после, в деревне. Молодежь, собирающаяся здесь, веселится всю ночь. Играм, танцам и песням нет конца. Не знаю, возможно, когда-то на празднике не были соблюдены рамки приличия, или что другое явилось причиной, но местный ленсман не так давно запретил праздновать Хелку. Правда, народ начал роптать, и особенно потому, что здесь живо еще старое предание, которое гласит, будто бы наступит конец света, если не праздновать Хелку. Так и говорят: «Конец света придет, когда забудется Хелка в Ритвала и зарастет поле в Хуйттула». В тот год, когда не проводили Хелку, случился в этом краю неурожай. Это сочли карой небесной за пренебрежение к празднику Хелка и после того стали опять праздновать, как и прежде. Если бы власти попытались снова помешать, мне кажется, недовольство было бы еще больше. С тех пор праздник проводится каждый год, очевидно, и в этом году скоро будут праздновать.

Третье путешествие

1832 г.

В свою третью поездку Лённрот отправился из Лаукко 13 июля. Почти до самой границы его сопровождали два студента, с которыми он прошел через Тампере, Ювяскюля, Куопио, Каави, Нилсия до Нурмес, где 25 августа расстался с попутчиками и приступил к сбору рун. Из Саунаярви — северо-восточной окраины прихода Нурмес — Лённрот отправился за границу, в Колвасъярви, оттуда через село Репола, деревни Каскинеми, Роуккула и Мийноа — в Аконлахти. Дальше на север Лённрот не попал, а вернулся через Лентийра, Кааяни, Куопио и Порво в Хельсинки, куда прибыл 17 сентября.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

[...] Если бы время и обстоятельства позволили мне, я бы совершил путь из прихода Нурмес, что на севере Карелии, в приход Репола Олонецкой губернии и оттуда дальше к северу в Вуоккинеми и в другие приходы Архангельской губернии. От центра Нурмеса верных шесть миль до деревни Йонкери, расположенной в отдаленном уголке прихода, напротив Репола, граничащей с приходом Кухмо. Еле приметные тропинки бегут то по болотам, то по низким холмам, покрытым величественными и бескрайними нетронутыми лесами. В начале пути еще встречались кое-где одинокие усадьбы, а дальше, кроме единственной захудалой избенки, не было ни одного жилья. [...]

Когда-то, несколько десятков лет тому назад, дети из Йонкери сами добирались на лыжах до церкви в Нурмесе, чтобы их окрестили.

Переночевав в одном доме, мы пошли дальше на север в Саунаярви, и там я попрощался со своими попутчиками. За час я добрался до Нискаваара, сначала по воде, затем по суше, и до нитки промок под проливным дождем. Отсюда я должен был идти в Уконваара, до которой, как мне говорили, три версты. Малыш лет пяти-шести — старших никого не было дома — проводил меня немного по тропе и, сказав, что дальше надо сворачивать то налево, то направо, повернул обратно. Я действовал точно по его

совету относительно поворотов направо и налево, но не знал, какая из свороток вернее. Наконец я пришел в усадьбу под названием Лосола, или Лосонваара. Отсюда мне предстояло пройти еще две версты до Уконваара и далее шесть верст до Куусиярви, куда я добрался поздно вечером. На следующее утро я отправился дальше, наняв одного мужчину проводить меня до Колвасъярви — первой русской деревни, что в двух с лишним милях отсюда. Мы прошли по сухим грядам, расположенным параллельно и поросшим сосняком, между которыми были болота. Чтобы лучше представить себе эту местность, можно вообразить, что когда-то здесь все было покрыто водой, которая, придя в движение, образовала огромные волны да так потом вдруг и застыла. Гребни волн как бы превратились в гряды, а у их оснований образовались болота. Трудно представить себе, какой же страшной силы была буря, если она смогла поднять такие гигантские волны, по сравнению с которыми все ранее описанные жуткие истории о кораблекрушениях покажутся ничтожно малыми, даже если их разглядывать сквозь лупу самых внушительных размеров. Идти по сухому гребню было легко. Посреди длинных и узких болот кое-где виднелись лесные ламбушки, но даже они не могли придать пейзажу очарования. Если бы нам вздумалось под прямым углом изменить направление своего движения, то нам пришлось бы без конца подниматься на гряды, переходить их, пробираться болотами и т. д.

Пройдя верст тринадцать, мы вышли на берег Осмаярви. Надежды наши отыскать здесь хоть какую-нибудь лодку не сбылись. Пришлось идти четыре версты по правому берегу до пролива, соединяющего озеро Осмаярви и Колвасъярви. Мы стали изо всех сил кричать: «Лодку! Лодку!», но так ни до кого и не докричались. Да и навряд ли наши крики могли быть услышаны в деревне Колвасъярви, которая находилась в трех верстах от пролива. Но нам все же надо было как-то переправиться через озеро — слишком большое, чтобы обогнуть его, к тому же в конце пути мы оказались бы у широкого ручья, перейти который было бы ничуть не легче. У нас не оставалось другого выхода, как самим соорудить средство для переправы.

Неподалеку от берега лежали сосны, поваленные друг на друга, с которых прошлым летом жители Колвасъярви сняли заболонь на пироги, как сказал мой провожатый.

Православные финны¹ и в праздники и в будни едят много пирогов, а ныне, при заметной нехватке зерна, сосновая заболонь стала основной примесью в муку. Из этих подсохших за лето сосен мой попутчик нарубил бревна длиной в три с половиной топорща, мы перетасили их на берег и соорудили из них плот. Шести таких бревен было достаточно, чтобы плот выдержал нас. В двух из них по концам мы сделали углубления и соединили их поперечными бревнами, на таком расстоянии, чтобы остальные уместились между ними под поперечными бревнами снизу. Уложены они были без всякого крепления, лишь небольшая выемка не давала им выскользнуть. А если на них наступить, они ушли бы под воду, сбились бы. Следовательно, мы должны были сидеть на боковых бревнах, скрепленных поперечинами. Для равновесия мы сверху уложили еще несколько бревнышек. И на таком на скорую руку сооруженном плоту пусть медленно, но благополучно мы переправились через пролив в полверсты шириной. Мужик рассказал, что ему часто доводилось переправляться таким образом. И он клал лишь одно поперечное бревно между боковыми, а теперь ради меня положил два.

В Колвасъярви я зашел в дом Хуотари. Старый хозяин провел меня в отдельную комнату и поинтересовался относительно моей поездки. Я без утайки ответил на все его вопросы и, в свою очередь, спросил, могу ли я чувствовать себя в безопасности, странствуя по этим краям? Он сказал: «В десять раз спокойнее, чем у вас, где человека могут избить до смерти». Была такая история. Не так давно сын одного богатого крестьянина из их прихода поехал в Финляндию и подкупил там мужчину, чтобы отправиться вместо себя в солдаты, но тот, получив деньги, убил его. Однако вскоре мы пришли к общему мнению, что поделом таким вербовщикам. Когда же я заметил, что здешние крестьяне всю долгую зиму торгуют у нас вразнос и ничего плохого с ними не случается, он согласился, что в общем-то и в нашей стране вполне безопасно. «Но все-таки у нас спокойнее,— продолжал он.— Могу заручиться всей своей собственностью, что куда бы вы ни пошли, вас никто не тронет, ни один волос не упадет с вашей головы». Не успел он это сказать, как вошел его

¹ Речь идет о карелах. В XIX в. как в финской, так и в русской краеведческой и этнографической литературе карел иногда называли финнами.

сын и резко прервал его словами: «Отец! Не ручайся за то, чего не знаешь». И он рассказал о беглых солдатах, которые прячутся по лесам, а кое-где и по деревням и которым может взбрести в голову вывернуть карманы у человека, а чтобы скрыть свое черное дело, помочь ему отправиться в мирной.

Отсюда я проделал пешком путь длиной в пятнадцать верст до Репола. Разговор в доме Хуотари запал мне в голову, поэтому я несколько раз сходил с дороги, дабы разбойник, если ему вздумается преследовать меня, мог без лишнего шума пройти мимо. Но, видимо, моя предосторожность была излишней — ни в тот раз, ни позже подобные неприятности со мной не случались. Репола — центр прихода, иначе говоря, погост. Здесь живет богатый крестьянин Тёрхейнен, к которому я и зашел. Он попросил меня показать паспорт, и я предъявил его. Бегло пробежав глазами текст, переведенный на русский, он спросил, когда я выехал из Куопио? Я сказал, что более трех недель тому назад. «Но паспорт получен менее двух недель назад, как же вы это объясните?» Я стал изучать свой паспорт и увидел, что он помечен вторым августа по новому стилю, та же дата стояла под русским переводом, где следовало поставить 21 июля по старому стилю. Я пояснил ошибку, и Тёрхейнен сразу все понял. Позднее, когда мы остались вдвоем, он признался, что вначале подумал, не подослали ли меня отравлять их колодцы, поэтому и спросил с такой строгостью про паспорт. И сказал, чтобы я не обижался, если кто-нибудь примет меня за такого. «Вот ведь было же в Салми такое...» — и он вкратце рассказал о нашумевшей во время эпидемии холеры истории. «Неужели вы верите вздорным слухам об отравлении колодцев?» — спросил я у него. «Положим, я не верю, — ответил он, — но другие-то верят, и не вздумайте доказывать им обратное». Выпив у него несколько чашек чаю и перекусив, я отправился с тремя крестьянами через озеро в деревню Вирта, где и заночевал. [...]

От Каскинеми до Роуккула, где на расстоянии в двадцать верст не было ни одного дома, я шел без проводника. Под конец я заблудился, свернул на какую-то тропу, и она вывела меня на берег озера, по другую сторону которого виднелись клочки пахотной земли. И хотя поблизости не было видно жилья, я все же прикинул, что оно где-то недалеко. Я решил обогнуть озеро, что оказалось делом нелегким, так как пришлось брести по топким болотам, проваливаясь иногда выше колена.

Не зная, с какой стороны короче путь, я свернул налево и вдруг увидел перед собой широкий ручей. Чтобы переправиться через него, я довольно долго шел вдоль ручья, но моста видно не было. Вот где пригодился бы плот, на котором мы переправились через пролив между озерами Осма и Колвас. Тут меня осенило — ведь можно перебросить вещи на тот берег. Сначала я перекинул сапоги, а чтобы они лучше летели, положил вовнутрь по камню. Перебросив их отличнейшим образом, я столь же удачно переправил все остальное, кроме пиджака, который, будучи связан в узел, развязался и упал в ручей, как подстреленная утка. Я ринулся в воду и, подхватив не успевший затонуть пиджак, выбрался на берег и начал собирать разбросанные по земле пожитки. Тут подошли две женщины, издали наблюдавшие за моей переправой: «Вам бы пройти немного выше, там ведь мост. Мы хотели крикнуть вам, но вы уже были в воде». Я подумал, что ничего страшного не произошло, и спросил у женщин, далеко ли деревня. «В полутора верстах отсюда», — ответили они. Именно эта деревня и была мне нужна.

Теперь, наверное, было бы уместно поговорить немного о здешних финнах, которые с давних пор являются подданными России и, вероятно, со времен Владимира Великого* — православными. Они называют себя «веняляйсет»* [русские]. По-видимому, в прежние времена так называли финнов, проживавших в этих краях, а теперь в Финляндии это название применяют по отношению ко всему русскому народу¹. Финнов, живущих на нашей стороне, они называют шведами, а нашу страну Руотси — Швецией или Землей шведов. В некотором отношении их обычаи и обряды правятся мне даже больше, чем те, что бытуют у нас. Так, например, они лучше, чем в целом ряде мест у нас, следят за чистотой. У здешних финнов не встретишь жилья, чтобы не были вымыты полы, а подчас до такого блеска, как в любом господском доме. Избы здесь такие же, как в Саво, с дымоволоком на потолке, но в них больше окон, обычно восемь — десять, часть которых застеклена, а другая — без стекол. В избах Саво окон меньше, обычно четыре — шесть, но там они большего размера. У финнов, живущих в России, подклеть в избах выше, там хранится у них ручной жернов и прочая хозяйственная утварь. Жилые помещения всегда соединены со скотным двором, являющимся как бы продолжением крестьянского

¹ По-фински Россия — Веняя (Venäjä).

дома. От избы хлев отделен сенями, из которых ступени ведут вниз, в скотный двор. Я говорю об этом не для того, чтобы перечеркнуть свои слова о чистоплотности людей, которую только что превозносил, наоборот, когда люди и животные находятся так близко, этот вопрос становится еще более важным. У нас жилые помещения располагаются всегда отдельно от скотного двора, и люди позволяют себе особо не заботиться о чистоте.

Хорошим обычаем у здешних финнов является то, что в каждой деревне покойников хоронят на своем деревенском кладбище. Наши же суеверия привели к тому, что покойника зачастую везут за четыре-пять миль, чтобы похоронить на кладбище у церкви. Нетрудно заметить, сколь это обременительно и даже противоестественно. Неудобства этого обычая особенно ощутимы во время эпидемий. Когда года полтора тому назад были выделены отдельные кладбища для холерных, в ряде мест возникли беспорядки, связанные с тем, что народ не соглашался, чтобы кого-то из покойников хоронили в неосвященной земле, тогда как для остальных это преимущество оставалось. Ежели бы у нас, как у православных, в каждой деревне было свое кладбище, то все проблемы с холерными кладбищами были бы решены, не говоря уже о прочих.

Здесьние финны считают гостеприимство добродетелью, а возможно, даже религиозным долгом, но сами же, к сожалению, нарушают его, примером чего является суеверный запрет не есть из миски, что стояла перед инаковерующим. Поэтому в поездку следует брать с собой свою чашку, которую потом можно выбросить. Правда, в некоторых домах имеются чашки и миски специально для инаковерующих и там всегда можно поесть. Я не взял в дорогу чашку, понадеявшись обойтись как-то. У Тёрхейнена, как было описано выше, я вдоволь наелся. Но это событие сильно озаботило некую крестьянку, к которой я зашел по пути. Она охотно накормила бы меня, но у нее не было «мирской чашки». «Вы заходили к Тёрхейнену?» — спросила она. «Заходил». — «Вы ели у них?» — «Да, а почему бы и нет?» — «Он, верно, угощал вас из своих мисок?» — «Что правда, то правда», — ответил я, хотя не был вполне уверен в этом. «Вот, вот, — запричитала старуха, — он такой же, как и все. Что будет с этим миром, если люди ни с чем не считаются?» Старуха, по-видимому, относилась к староверам, или старообрядцам, их еще немало в этих краях, они не всегда могут дозволить людям иной веры есть у них, а также не терпят сторонников офици-

альной русской православной церкви. Их религиозный фанатизм зашел так далеко, что даже лошадям, на которых наши крестьяне отправляются в Кемь, не дозволяется пить из тех прорубей, из которых пьет их скотина. Если кому-то случается нарушить этот запрет и напоить лошадь, женщины тут же окружают его и начинают орать во всю глотку: «Опоганил нашу прорубь!» Один из наших крестьян, по-моему, удачно ответил женщинам, когда они, по своему обыкновению, начали кричать: «Испоганит, испоганит!» — и хотели прогнать его. «Пусть лошадь пьет,— сказал он,— все лошади одной веры, что наши, что ваши». [...]

Они с осуждением относятся к тем православным финнам, кто курит. И предубеждение против табака у них настолько сильно, что даже гостю не разрешается курить в доме. Когда я просил разрешения закурить, некоторые запрещали, а иной хозяин позволял. Но стоило мне набить трубку и зажечь ее, как женщины тут же покидали помещение.

Вино и прочие крепкие напитки не так пугают их, как курение. Но напитки эти поглощаются в размерах, весьма редко доводящих до опьянения. Вино каждый день не употребляется. Мне кажется, что они употребляли бы это губительное зелье еще в меньшей мере, если бы не хорошая возможность тайно доставлять его из ближайших финских волостей. В некоторых местах интересовались, нет ли у меня вина для продажи. Я отвечал, что перевоз подобного товара через границу запрещен под угрозой большого штрафа. Они же считали, что это вовсе не опасно, да так оно, по-видимому, и есть. К сожалению, не во всех местах имеются должностные лица, которые могли бы если не искоренить контрабанду, то хотя бы штрафовать за это. Правда, в каждой волости есть свой староста, что-то вроде нашего ленсмана, он избирается из крестьян сроком на один год. Но староста не является особо влиятельной личностью, и если даже он захотел бы вмешаться в дела, то не всегда осмелился бы ссориться с крестьянами. Ему, например, приходится мириться с тем, что в округе много беглых солдат, которые творят все, что только вздумается подобному сброду, вынужденному скрываться от властей. А начини он бороться против них, у него не будет спокойного дня. Староста превращается в очень значительное лицо во время рекрутского набора, и тогда он неплохо наживается при составлении списков новобранцев. Во внимание при этом принимается количество сыновей

в семье. Если сыновей двое, то их обычно оставляют дома, лишь в крайнем случае могут забрать одного. Но бывает, что и троих сыновей при одном дворе оставляют, все зависит от того, к кому староста наиболее благосклонен.

В каждой волости кроме старосты имеется еще и священник. Но в некоторых волостях его нет порой годами, как, например, нынче в Вуоккиннеми. Примерно раз в год туда наезжает поп из Паанаярви. Здесь обязанности священника, как мне кажется, проще, чем у нас. Пару раз в год он объезжает свой приход и совершает все накопившиеся за полгода обряды: крестит, венчает и отпевает. Среди крестьян крайне редко встречаются грамотные, реже чем один на сто человек. Им очень трудно преуспеть в этом, так как совсем нет книг. А учиться они безусловно хотели бы. Если бы сочли грамотность полезной, то ее развитию можно было бы способствовать, нанимая учителей из числа православных финнов в приходах Иломанси и Липери. В обоих приходах крестьяне свободно читают финские книги и могли бы, не испытывая особых затруднений, обучить этому своих единоверцев. Хорошо бы содействовать этому, чтобы крестьянам не приходилось, как до сих пор, отправляться за несколько миль в Финляндию, чтобы там узнать календарный прогноз погоды. Кто-то может усомниться в этом, но я хорошо помню, как прошлым летом, когда во время сильной засухи все были обеспокоены за свой урожай, кто-то вполне серьезно изрек: «А мы так и не сходили на шведскую сторону узнать по календарю, какую осень бог даст!» А до ближайшей финской деревни оттуда было три мили. К сожалению, я не захватил с собой календаря, который в ряде случаев мог бы мне помочь, а предсказывать погоду наугад мне не позволяло мое чувство ответственности перед людьми.

Третий и самый значительный человек у здешних финнов — исправник, соответствующий в Финляндии судье и фохту. Он живет за тридцать миль от таких приграничных волостей, как Репола и Вуоккиннеми. Исправник также пару раз в год ездит по всей округе, разрешает людские тяжбы и взимает подати. Каждый двор здесь обложен налогом в зависимости от количества мужчин. Если мне не изменяет память, после того, как составлены ревизские списки¹, они остаются в силе целых двадцать лет. При составлении списков учитываются все лица мужского

¹ Имеется в виду перепись податного населения, проводимая в крепостной России.

пола, даже новорожденные. За каждого из них двор платит подушный налог по двадцать с лишним рублей ассигнациями в год. Даже если кто-то из мужчин умирает, ничто не меняется, подушная подать начисляется и на покойного до тех пор, пока не будут составлены новые списки. И, наоборот, все те, кто родился в этот период, свободны от уплаты налогов, причем многие только по достижении двадцатилетнего возраста попадают в списки податных душ. За женщин, сколько бы их ни было, ничего не платили. Одним из лучших исправников здесь когда-то был финский офицер, попавший в плен в Россию и после многочисленных мытарств ставший исправником в Кемпи. Об этом времени в здешних краях вспоминают, как о времени Сатурна в Лацнуме¹. Человек он был, по всей вероятности, примечательный, и когда я спросил, принял ли он их веру, если они так его хвалят, мне ответили: «У него была и своя и наша вера».

Все чиновники во время своих поездок живут за счет крестьян. Крестьяне обязаны бесплатно перевозить их, а также всю их свиту, сколько бы их ни было. Если бы мне еще представилась возможность путешествовать в этих краях, то я пошел бы к исправнику и напросился к нему в попутчики, когда он объезжает край. Это было бы выгодно во всех отношениях. Вообще-то в народе недовольны этим поведением должностных лиц — не знаю, законным или незаконным, — крестьяне завидуют иному положению крестьян у нас, где не приходится бесплатно кормить и возить чиновников. Они очень хвалили наших чиновников, которые жили у них вместе с местными представителями во время недавнего пересмотра границы.

Народ здесь очень религиозный, но все же не настолько, чтобы презирать наше вероисповедание. Когда наши попы проводят в пограничных деревнях церковные проверки по чтению катехизиса и объясняют библию, многие крестьяне из ближайших русских деревень обычно приходят их послушать. Некоторые, я слышал, говорили, что им больше нравится, как объясняют слово божье наши попы, чем свои. Четыре раза в год проводятся общие празднества, каждое из которых длится неделю либо две. В это время у них принято ходить в гости: собираются по очереди то в одном доме, то в другом, пока не обойдут определенный гостевой круг. Люди из отдельных домов и деревень собираются в том доме, для хозяев которого

¹ Век Сатурна — золотой век.

наступила очередь угощать гостей в течение всего праздника^{1*}.

Земледелию здесь, по-видимому, уделяется еще меньше внимания, чем у наших финнов. Поля обычно маленькие, да и покосы не очень хорошие. Поэтому во многих хозяйствах стада немногочисленны: обычно две-три коровы да лошаденка. Молоко у них не является столь важным продуктом питания, как у нас. К тому же три дня в неделю — в воскресенье, среду и пятницу — они молочной пищи не едят, в эти дни соблюдается своего рода пост. Мне припомнился один случай, свидетельствующий о том, сколь неразумно соблюдение подобного поста. Один православный крестьянин из Аконлахти провожал меня в обратный путь до первой финской деревни. В Лехтоваара хозяйка принесла нам поесть. Была как раз пятница, и мой спутник не стал есть ни молока, ни масла, а это была единственная пища на столе, не считая хлеба. Я уговаривал его поесть, уверяя, что на нашей стороне это не грех, на что он ответил очень резонно: «Для вас не грех, а для нас грех, где бы мы ни отступили от своего учения». В искусстве маслоделия здешние финны во многом уступают нашим. Мне ни разу не приходилось есть у них вкусного масла.

Поскольку здесь очень много озер, люди с успехом занимаются рыбной ловлей. Рыба считается продуктом, не оскверняющим желудок даже во время поста. Вообще люди здесь более состоятельные, чем в ближайших пограничных волостях на нашей стороне. Дело в том, что у них нет безземельных крестьян, а у нас в целом ряде мест это настоящее бедствие. Еще одна причина их зажиточности в том, что они из своей ржи пекут хлеб на пользу своего желудка, тогда как у нас силе ржи дают забродить и подняться в голову, а желудок остается пустым, отчего весь организм страдает². Возможно, их достатку способствует и их большая проворность и сметливость. Стоит после общения с нашими финнами с их медлительностью и неторопливостью в словах и поступках оказаться в кругу здешних людей, как сразу же бросается в глаза их живость и расторопность. Например, когда войдешь в дом к финну и поздороваешься: «Добрый день!», крестьянин, не особо раздумывая, ответит: «Дай-то бог!» Это от-

¹ Для хозяев это было не очень дорого, так как во время этих праздников народ обычно постился. (Примечание Лённрота.)

² Лённрот имеет в виду то, что карелы, в отличие от финнов, не занимались домашним винокурением.

ветное приветствие вылетает у него как бы само собой, произвольно и по привычке. Но он изрядно помучает ваше терпение, прежде чем добавит к сказанному еще хотя бы слово. После обмена приветствиями по народному обычаю хозяину либо одному из уважаемых членов семьи положено задать гостю вопрос: «Какне новости? Как дела?» Но задать этот вопрос, казалось бы, такой простой и бесхитростный, для крестьянина неимоверно трудно. Порою ждешь не дожدهшься, пока он раза три не почешет свой затылок — место, откуда крестьянин привык добывать свои мысли, — и не ответит тебе. Если же обратиться к нему с какой-нибудь просьбой, например перевезти через озеро, то он редко откажет и лишь по серьезной причине. К любому делу крестьянин должен прежде всего всесторонне подготовиться. Во-первых, это длительное совещание, на котором решают, кому следует взяться за дело. Даже если дома всего лишь один человек и, казалось бы, не может быть и разговора о выборе, все равно следует длительное раздумье. Во-вторых — неспешный завтрак, после чего, взвесив все как следует, крестьянин соглашается перевезти вас.

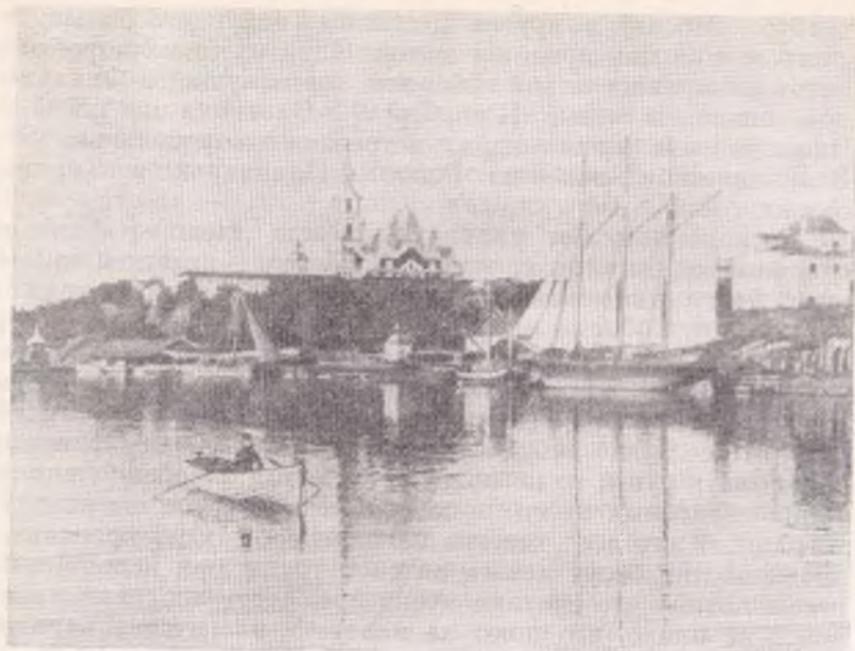
Иначе обстоит дело у православных финнов. Едва только гость переступит порог дома, как хозяин тут же задает ему множество вопросов, а когда завязывается разговор, он не подыскивает слова, а градом сыплет их в количестве даже большем, чем требуется. Но я не утверждаю, что тут не бывает исключений, иногда наблюдаешь и у православного финна чисто финскую медлительность, и у нашего крестьянина непривычную для него живость и предприимчивость. Я просто хотел указать на явления общего порядка.

У здешних финнов, как и у всего русского народа, наблюдается склонность к ведению торговли. Я склонен даже считать их потомками древних пермов, или «бьярмов»*, от которых они унаследовали интерес к торговле. Или, может быть, оставим за православными финнами право происходить от того народа, через земли которого проходили торговавшие с норвежцами пермские караваны. На своих землях они не ведут никакой существенной торговли, но зато оживленно торгуют в Финляндии, Ингерманландии и Эстонии, где от продажи платков и прочих мелких товаров выручают значительные суммы. Торговлей вразнос [коробейничеством] они занимаются с октября месяца, вплоть до следующей весны, после чего либо возвращаются домой обрабатывать землю, либо едут в Пе-

тербург, Москву и другие места, где закупают большую часть товара для продажи зимой. Один из таких коробейников из Архангельской губернии, торговавший в Финляндии, описан в поэме [Рунеберга] «Охотники на лосей». Чаще всего в наших краях встречаешь коробейников из Вуоккиниemi, реже — из Репола, Паанаярви и Корписелькя.

Насколько я мог сравнить, одежда здешних финнов сходна с одеждой русских. Предпочтение отдается красному цвету, любят они, по-видимому, и желтый, а также синий цвет.

Можно было бы еще многое добавить к этому, но придется оставить до следующего раза, так как не успею написать, пора отправляться в деревню. Хочу лишь отметить, что если кто-нибудь надумает поехать к этим финнам записывать руны, то не пожалеет об этом. Особенно много у них свадебных песен, подобных тем, что есть во второй тетради «Кантеле»*, многие из них необычайно красивые. Люди охотно берут деньги за свои труды при исполнении песен, потому что считают песни предметом торговли, и это вовсе не плохо, что поют за плату. У нашего же народа зачастую не выманишь песен ни за деньги, ни даром. Очевидно, духовенство и здесь против этих песен и считает исполнение их грехом, но не столь великим, чтобы нельзя было искупить его небольшой исповедью. Я бы посоветовал тому, кто захочет совершить поездку в эти края, осуществить ее зимой. Тогда ему было бы удобнее, взяв из дому лошадь и сани, довести до места необходимые вещи. К тому же в это время года легче застать людей дома, они менее заняты работой. Да и ездить зимой безопаснее, чем летом, когда в этих местах, как уже упоминалось, ходят бродяги и беглые солдаты. [...]

Валаамский монастырь

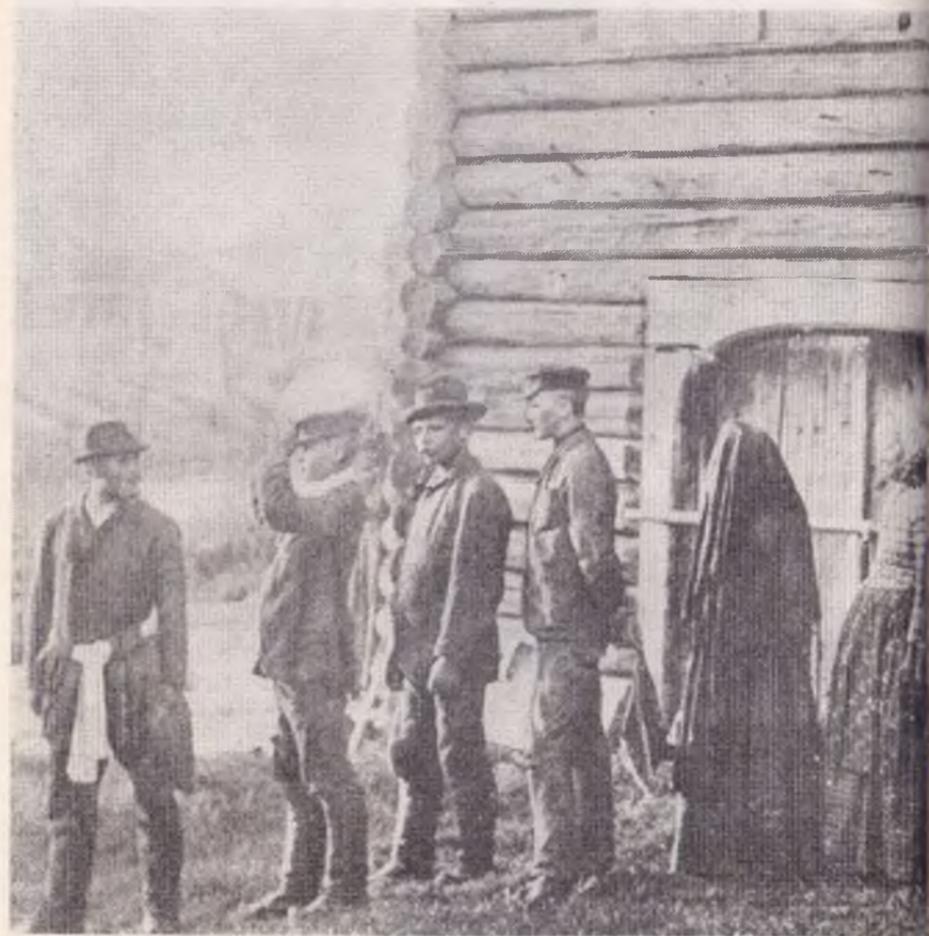
Дорога в Карелии

Охотник-карел
Игра в рюхи

Бабушка с внучкой

Свадебный поезд перед уходом в дом жениха.
(Невеста укрыта платком)

Прощальные плачи перед свадьбой

Обряд оберега новобрачных

В первые недели замужества сноха кланяется свекрови в ноги

Четвертое путешествие

1833 г.

Эта поездка Лённрота по сбору рун — без сомнения, важнейшая в плане составления композиции «Калевалы» — началась 9 сентября. Путь от Кааяи до Суомуссалми он прошел по существующему водному пути и оттуда через Вуокки, Хюрю и Вийанки в Кивиярви — первую карельскую деревню русской Карелии. Посетив Вуоннинен и Вуоккинниси, Лённрот через Чена, Кивиярви, Аконлахти и Кухмо вернулся домой. Эти путевые заметки, первоначально написанные по-шведски, Лённрот той же осенью, 18 ноября, отправил своему другу доценту Рунебергу* для опубликования в издаваемой им газете «Helsingfors Morgonblad», где они и были напечатаны в следующем году в № 54, 56—60.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

В надежде на то, что тебя, а может быть и часть читателей «Morgonblad», заинтересуют сведения об этом граничащем с Финляндией крае, посылаю тебе путевые заметки — результат обширной исследовательской поездки по этой губернии, совершенной мною в сентябре минувшего года. Девятого сентября вечером в сопровождении фохта¹ Викманна я отправился из Палтамо через озеро Оулу, северо-восточную его часть, в Кнехкимяенсуу, где мы и заночевали на постоялом дворе. На рассвете продолжили путь вверх по порогам до озера Ристиярви, а на следующий день — в приходы Хюрюнсалми и Кианта.

Весь этот путь, довольно сложный из-за множества больших и малых порогов, мы прошли на лодках. В это темное время года за день мы проплывали не более трех-четырёх миль, несмотря на то, что в пути находились с раннего утра и до позднего вечера. Не буду называть пороги, так как думаю, что перечень нескольких дюжин названий никому не интересен. Некоторые пороги были бурные и длинные, другие — помирнее и покороче. Каждый год с лодками смолокуров, которые спускаются вниз по

¹ Фохт — здесь: государственный чиновник, сборщик налогов.

реке, случаются несчастья, и это неудивительно, если учесть, что в большинстве порогов для лодки имеется только единственный узкий проход, да и тот местами настолько извилист и крут, что кормщику подчас приходится ставить лодку перпендикулярно ее ходу, чтобы не разбиться о камни. На наиболее опасных порогах есть кормщики, которые живут у реки и которым вменяется в обязанность за определенную плату проводить лодки вниз по течению, а также нести убытки в случае несчастья. Насколько это опасное занятие, можно понять по выражению лица кормщика, стоит ему приналечь на рулевое весло, специально прикрепленное к корме прочной закруткой из березовой вишны. На подступах к особо крутым и быстрым поворотам он берет в лодку помощника, который всей тяжестью своего тела налегает на кормовое весло, поворачивая его. Внимание кормщика во время преодоления порога предельно сосредоточено — он не допустит ни на полвершка отклонения от правильного пути. Многие крестьяне сами спускаются по этим порогам. Конечно, они не знают порогов так хорошо, как настоящие кормщики, но их удивительно зоркие и натренированные глаза уже издали замечают все камни, даже те, что глубоко скрыты под водой. Там, где новичок не видит ничего кроме воды и быстрого течения, они с довольно большого расстояния могут определить, где и даже на какой глубине находится камень. Благодаря этому умению они спускаются и по незнакомым порогам, конечно, если те не очень труднопроходимые. Но не каждый достигает такого мастерства. Большинство из них все же, не рискуя пускаться в путь самостоятельно, берут кормщика. Иначе можно дорого заплатить за свою лихость. Когда мы поднимались вверх по течению, под порогом Ийкоски, около погоста Ристиярви, встретили смоляную лодку, разбившуюся о камни. А незадолго до этого по реке плыли смоляные бочки, их несло течением. Финны волости Вуоккиннеми, расположенной на русской стороне, редко прибегают к помощи кормщиков, по осени сотни их спускаются с нагруженными лодками по этим порогам. Для того чтобы лучше запомнить норы каждого порога, они в стихотворной форме заучивают его особенности. Про Сийттикоски, что около прихода Хюрюнсальми, говорят: «На загровке Сийтти гладок, а внизу — осиный рой». Про другие пороги говорят: «Помоги бог на Юнккоски, сохрани на Каллиокоски, а по Леппикоски я и сам спущусь». Сказывают, однако, что и на Леппикоски божья помощь порою оказывается не лишней.

Когда благополучно проходят порог, то обычно выпивают чарку. Слава иных порогов так велика, что требуется выпить и не одну. Такой же чести, говорят, удостоивается и первый порог. Считается, что этим выражают почтение и всем последующим порогам. [...]

До 14 сентября я ехал с упомянутым выше попутчиком, расстались мы с ним в центре прихода Кианта, что примерно в двенадцати милях к северу от Каяни. Вместе со священниками, которым надо было проводить кинкери¹ в Вуокки, я отправился в ту же деревню. Весь путь около трех миль от прихода Кианта до этой деревни мы проехали по воде. Пока духовные пастыри проверяли знание прихожанами христианского учения, я в другой избе читал финские пословицы сидевшим здесь крестьянам и записывал от них руны. Дело в том, что на место проведения кинкери обычно собираются люди из соседних деревень, которых пастор на этот раз не опрашивает. Это были как бы мои «прихожане».

Трудно сказать, какого объема достигло бы полное собрание финских пословиц, но что оно получилось бы довольно большое, можно судить по тому, что повсеместно, где бы ни собирался народ и где бы ни читал я вслух ранее собранные пословицы, мои записи всегда пополнялись новыми. Достаточно было привести три-четыре пословицы, как кто-то из собравшихся тут же припоминал новую и спрашивал, не была ли она раньше записана. Бывало, пословицы так и сыплются со всех сторон, и я едва успеваю записывать. Так же обстояло дело и с загадками, которым, кажется, нет числа. Большинство пословиц и загадок имеют стихотворную форму, но встречаются и прозаические. [...]

Случайно возникающие пословицы появляются и исчезают одинаково быстро, и только в том случае, если в них заключена особая острота и мудрость, их начинают повторять и они постепенно переходят в разряд признанных пословиц.

Я отправился из Вуокки воскресным вечером в лодке с несколькими крестьянами, приехавшими на кинкери мили за четыре отсюда, из домов, расположенных недалеко от русской границы. Некто Киннунен, спевший мне несколько рун по моей просьбе, проводил меня три четверти мили до

¹Кинкери (фин. kinkeri) — проверка грамотности и познаний в катехизисе и священном писании, которая периодически проводилась лютеранским духовенством среди прихожан.

Киннуланниemi, где мы и заночевали. По пути в лодке я карандашом записал от него несколько рун и продолжил записи уже при свете лучины в Киннуланниemi. Я надеялся, что успею записать наиболее значительные из его рун, но когда прошла большая часть ночи, он стал уверять меня, что мог бы беспрестанно петь весь следующий день и последующую ночь, лишь бы ему время от времени подносили рюмочку (а исполнить его желания я не мог, так как у меня не было вина), и настроение записывать далее у меня пропало. Но я все же договорился с ним о встрече в Лентийра после моего возвращения из Архангельской губернии, на что он и согласился, хотя впоследствии слова своего не сдержал.

На следующий день я не записал от него ни строчки, потому что Киннунен охотно нанялся проводить домой попов, поскольку попутно мог справить свои дела.

Я ночевал в избе, битком набитой спавшими прямо на полу людьми, возвращавшимися с кинкери. Устроившись на скамье, я вскоре заснул. Ночью мне захотелось пить, но через спящих на полу невозможно было добраться до стола, на котором стоял подойник с водой, побеленной молоком. Мне пришлось выдержать танталовы муки, прежде чем снова удалось уснуть. На следующее утро я направился в деревню Хюрю. Несколько жителей этой деревни страдали экземой, по-видимому нервного происхождения. Путь от Киннуланниemi до Хюрю в две с половиной мили можно преодолеть на лодке. И чем ближе мы подъезжали к Хюрю, тем больше сужался фарватер. Многие пороги были такие узкие, что лодка чуть пошире нашей уже не смогла бы проехать по ним. Из Хюрю я прошел полторы мили до Вийанки, последнего двора на финской стороне, и отсюда продолжил свой пеший путь до Кивиярви, первого поселения на русской стороне. Деревня эта состояла из пятнадцати домов, построенных, по обычаям здешних финнов, вблизи друг от друга. Считается, что расстояние между этими приграничными поселениями полмили. Путь мой проходил через болото, расположенное на водоразделе Маанселькя, от которого реки текли в двух направлениях, а именно: в озеро Оулу через Кианта и Хюрюсалми, а также водоемы Архангельской стороны. Посредине болота виднелась протока, по которой крестьяне с большим трудом проводили свои лодки. С полверсты тянулось болото, затем по обе стороны начинались узкие канавы, окаймленные густыми зарослями; продвигаться по ним на лодке ничуть не легче, чем по болоту.

В Кивиярви случилось мне зайти в дом, единственным жильцом которого оказалась больная хозяйка. Она страдала от сильной боли под ложечкой и охала беспрестанно, но тем не менее не отпустила меня, чтобы я подыскал место поспокойнее. Она спросила, не знаю ли я какого средства от ее болезни. Умолчав о том, что я лекарь, я дал ей кое-какие лекарства, но она решила их выпить лишь после моих клятвенных заверений, что не умрет от этого. Кое-кто, может, удивится, зачем мне надо было скрывать свою профессию, ведь, казалось бы, скажи всем, что я врач, как обо мне сразу же пошла бы широкая молва. Но все дело в том, что тогда деревенские бабы начали бы донимать меня просьбами помочь от разных хворей. Несмотря на удовлетворение, которое я получал при оказании помощи в самые критические моменты, оказаться вдруг в окружении людей, страдающих всевозможными хроническими заболеваниями, вызываемыми плохим режимом питания, которое невозможно исправить, и требующими срочного и правильного лечения, было бы тягостно. Во избежание подобных обстоятельств я старался по возможности скрывать свою профессию. Однако вернемся к больной хозяйке. После того, как я дал ей лекарства, в дом вошли двое мужчин из Аконлахти, что в трех милях отсюда, и остались ночевать. Лекарство мое не успело еще подействовать, и старуха стонала без конца, мешая нам спать. В конце концов один из мужчин поднялся со своей лавки и словно полоумный подбежал к ее постели, разостланной на полу, резко схватил старуху за руки и так начал трясти, что я подумал, уж не хочет ли он лишиться ее жизни. Это продолжалось несколько минут, потом он прочитал отрывки каких-то заговоров, заклиная так страшно, что все мое существо дрожь пробирала. Через некоторое время он кончил, совершенно спокойный лег на лавку и уснул. Старуха тоже погрузилась в сон — то ли подействовало заклинание, то ли ранее выпитое лекарство. Наутро я слышал, как она благодарила заклинателя, совершенно забыв о моем лекарстве.

В Кивиярви я нанял верховую лошадь до Вуоккинеми, что в трех милях отсюда. В деревне около семидесяти домов, расположенных довольно кучно. Проводник то бегом, то шагом следовал за мною, он оказался таким услужливым, что даже нес мою сумку, чтобы она не мешала мне при езде. Не подумайте только, что я сам просил его об этом, наоборот, я не хотел расставаться с сумкой и уступил ее только по настоятельной просьбе крестьянина. За

любезность я оплатил ему тем, что на полпути предложил сесть на лошадь, а сам пошел пешком. Я упомянул об этом потому, что для наших крестьян этих широт такая услужливость — редкость. Примерно через полмили мы пришли в один дом, где во время отдыха нас угостили такой большой репой, какой мне в жизни не доводилось видеть. Нам обоим дали по репе, но я не смог съесть и половины. Пройдя от Кивиярви около двух миль, мы вышли на берег озера под названием Кёуняс. Здесь мы увидели толпу народа, в которой одни причитывали в голос, другие потихоньку всхлипывали, третьи еще как-то выражали свою печаль. Это была группа молодых парней и мужчин из Вуоккиниemi в сопровождении женщин. У парней за плечами были мешки с товаром, они направлялись за границу, в Финляндию, а провожавшие их родственники отсюда возвращались домой. Предстояла долгая разлука, по крайней мере на целую зиму, если не навсегда. Матери оплакивали сыновей, жены — мужей, девушки — братьев, а иные, возможно, и женихов. Немало лишений и бед испытают они в пути, прежде чем через полгода снова вернутся в родные края. Возвратившиеся недавно из Финляндии мужчины рассказывали, что многие места там охвачены эпидемией. Случись кому из них заболеть, кто будет ухаживать? И как прожить следующий год, как уплатить выкуп, если кто-нибудь из них вдруг попадет в лапы ленсмана или фискала?¹ Примерно в таком духе шел разговор при прощании. Когда они расстались, я решил поехать в Вуоккиниemi вместе с женщинами, приехавшими сюда на лодках, и отпустил своего проводника, заплатив ему за услуги. Хорошим и услужливым людям всегда везет, так и моему проводнику: в обратный путь он нагрузил на лошадь все мешки, а провоз каждого мешка давал ему примерно десять копеек.

От Кивиярви до Кёунясъярви вряд ли вообще возможно проехать на обычной колесной повозке, поэтому придумано другое приспособление: на двух шестах длиной пять-шесть локтей, перехваченных параллельными перекладинами, установлен короб. Концы шестов тянутся по земле, остальная же часть и короб приподняты над землей. По дороге нам встретилось несколько таких волокуш. Владельцы их были из Ухтуа — большого и богатого села, которое находится в четырех милях севернее погоста Вуок-

¹ Разносная торговля, направленная из Карелии в Финляндию, запрещалась властями.

киниими. Мужиков, по моим подсчетам, было около пятидесяти, а возов — не более десяти; на несколько человек была одна повозка, иные несли мешки на себе. Этой осенью четыреста человек из одной только волости Вуоккиниими вынуждены были отправиться в Финляндию торговать вразнос. Поскольку ни один из них не возвращается без прибыли, составляющей по меньшей мере около ста рублей, а у некоторых и до двух тысяч, то можно представить, что за одну только зиму они вывезут из Финляндии сто тысяч рублей ассигнациями. Многие занимаются меновой торговлей, обменивая свой товар на меха, полотно, женские полосатые юбки и т. д. Меха они большей частью сбывают на ярмарке в Каяни, а полотно, юбки и прочее — в Архангельской губернии.

В лодке, в которой я ехал, пожилая женщина всю дорогу проплакала об оставленном на берегу единственном сыне, которого она не увидит до будущей весны, а возможно, и дольше. Я пытался успокоить ее и отчасти преуспел в этом, заверив, что сын ее вернется домой живым и невредимым, если только сумеет уберечься от ленсманов и воров. За полмили до Вуоккиниими я завернул в маленькую, в четыре дома, деревушку Ченаниими. Хозяйка самого большого дома была родом из Финляндии, из прихода Кийминки в Похьянмаа¹. Ее покойный муж по фамилии Кеттунен* прожил много лет в Финляндии, шил крестьянам полсти и овчинные тулупы, а также другую одежду. Взяв там жену, он вернулся домой, завел хозяйство и справно зажил. Три-четыре года назад он умер, оставив после себя вдову и четверых детей, двух мальчиков и двух девочек. Он был известным в этой местности стихотворцем. К тому же Кеттунен обладал большим поэтическим дарованием. Это про него архангельские² крестьяне пять-шесть лет назад рассказывали, что он мог петь две недели подряд, прерываясь лишь для того, чтобы поест и поспать. У меня есть одна из рун, где он изобразил, как некий человек сватался к его дочери и получил отказ. Как нельзя более удачно описав жениха, Кеттунен рисует картину сватовства. Мать жениха говорит:

Я хотела б, я желала б
взять в невестки молодую,
сыну моему в супрути.

¹ Похьянмаа (фин. Pohjanmaa) — Эстерботния, область в западной Финляндии.

² То есть карельские крестьяне из северной Карелии, которая тогда входила в состав Архангельской губернии.

На это Кеттунен отвечает за свою дочь:

Маловата моя дочка,
мамы ветка низкоросла.

Мать жениха, Наталья, пришедшая сюда со своим сыном Ортьё, понимает, что Кеттунен не хочет выдавать свою дочь, но продолжает, не пугаясь отказа:

Не пошлю корье толочь,
не отправлю бить солому,
тесто отведу месить,
каравай ровнять огромный,
хлеб ржаной на ломти резать.

Кеттунен очень вежливо возражает, намекая на то, что его дочь слишком молода и мала еще, и добавляет:

Кто бы поднял на вершок,
кто бы ей хоть пядь прибавил,
удлинил мою дочурку,—
сотню бы вручил тому,
сунул бы хоть тыщу марок.

Лишь после этого жених и его мать отказываются от своей затеи и уходят из дома Кеттунена, чтобы просватать невесту в другом месте.

Подобно певцам Востока, наши народные стихотворцы охотно вплетают в стихи свое имя. Кеттунен заканчивает упомянутое стихотворение словами:

Кто ж придумал песню эту, песнь короткую исполнил? Это лис ¹ , парнишка быстрый, стройный парень, чуб короткий,	по глухим местам он бродит темной ночью в непогоду, в распроклятое ненастье.
---	--

Говорит, что даже на смертном одре он обратился к жене со словами в стихотворном размере, и, в частности, печалась о ее судьбе, сказал:

Без плода осталась Марья,
в горести жена из Руотси,
при моем уходе в Ману²,
при разлуке с этим миром.

Эта самая Мари, о которой говорится в стихе, еще прошлым летом вдовствовала в Ченаними. Сразу же после замужества она перешла в русскую веру, переняла все здешние обычаи, так что и не подумаешь, что она

¹ Лиса (*фин. kettu*) — намек на фамилию автора Кеттунен.

² Мана, Манала — царство мертвых.

родом из другой страны, из других мест. Я порадовался за нее, когда услышал, что она слывет образцовой хозяйкой. Привыкшая в родных местах к работе, она научилась здесь от женщины чистоте и опрятности. Когда речь зашла о ней, одна из женщин сказала: «Бывает, и удачно женятся в Финляндии, но многим не везет». И она назвала имена нескольких хозяек, привезенных из Финляндии, якобы так и не привыкших к опрятности и поддержанию чистоты в доме. Если бы все привозили с вашей стороны таких жен, как Кеттунен, заключила она, наши девицы, чего доброго, оставались бы незасватанными.

В тот же день я прошел от Ченанними еще милю до Понкалаhti. Понкалаhti — маленькая деревушка, состоящая всего из четырех-пяти домов. Я намеревался сначала отправиться прямо в Вуоккинними, но мне сказали, что в Вуоннинен есть много хороших певцов, и я направился туда. По моей просьбе в проводники мне дали крестьянского мальчику; я считаю, что поступил благоразумно, не отправившись один по этой глухомани, хотя идти предстояло не более мили. Мы шли прямо по дремучему лесу, местами казалось, что тут никогда не ступала нога человека. Примерно на полпути на свежесрубленной подсеке мы увидели крест с двумя поперечными перекладинами. Я вспомнил упоминания путешественников о крестах, которые встречались им по обочинам дорог во многих католических странах и которые якобы указывали на совершенные в этих местах убийства. Я рассказал об этом своему проводнику, он сильно удивился, как это я мог такое подумать об их стороне. Он рассказал мне, что в минувшем году один крестьянин рубил здесь лес, его придавило деревом, и он умер тут же на месте. Поскольку вынести тело из леса было трудно, попросили у попа разрешения похоронить его здесь, на месте происшествия, в знак чего и поставили этот крест. Я мысленно представил себе, как поступили бы в подобном случае у нас. Случись это хоть в самый разгар сенокоса, тут же позвали бы всю деревню тащить покойника в церковную землю, но на месте гибели хоронить не разрешили бы.

Поздно вечером я пришел в Понкалаhti. Хозяева дома сразу же спросили, не хочу ли я попариться. Я думал, что баня уже истоплена, и немало удивился, узнав, что топить ее начали только сейчас, специально для меня. Здесь повсюду такой гостеприимный народ. Всегда предложат поесть, попариться в бане, угостят брусничкой, которой им хватает не на весь год.

На следующее утро я отправился в Вуоннинен. Эта деревня находится в двух милях от Понкалахти, и добраться туда надо по озеру Верхнее Куйтти. Я нанял гребцов — двух братьев: парнишку лет пятнадцати и другого, лет семи-восьми. От них я узнал, какую оплошность допустил вчера вечером в Понкалахти. В доме, где я остановился на ночлег, я читал вслух стихотворение Кеттунена, в котором, как оказалось, зло высмеивалась одна из присутствующих. «Разве вы не заметили, что женщина рассердилась и вышла?» — спросил паренек постарше. Я не заметил этого, видел только, что некоторые заулыбались и обменялись многозначительными взглядами. Старший из братьев очень удивился, когда узнал, что я отправился в путь ради такого пустякового дела, как собирание старинных рун, а затем сам начал петь отрывки из древних рун о Вяйнямёйнене, Йоукахайнене, Лемминкяйнене и других*. Заметив, что они во многом отличаются от ранее собранных мною, я начал записывать. Когда я спросил мальчика, где он выучил эти руны, он ответил, что столько может спеть кто угодно, если не лень. В это трудно поверить, но действительно, кроме малых детей, здесь не найдешь человека, который не припомнил бы отрывок из старинной руны или более новой песни, а зачастую даже могут дополнить ту, которую им зачитываешь. Я уговорил старшего «не лениться» и петь всю дорогу, обещав ему за это сверх договорной платы еще двадцать копеек. Младший брат, тоже пожелавший немного заработать, спросил, не дам ли я и ему «грош» (двухкопеечную монету, на которой изображен всадник) за сказку, которую он расскажет. Я сказал, что дам ему и два гроша, пусть только подождет, пока я запишу руны у старшего. Он согласился, но когда до берегов Вуоннинен оставалось версты две, а я все еще записывал руны, он заплакал. Мне пришлось прервать записи рун и заняться его сказкой. Ветер гнал лодку к берегу, и я велел паренкам не грести, чтобы растянуть время. Сначала я попросил мальчика рассказать всю сказку до конца, чтобы знать, стоит ли ее записывать, тем более что у меня не было с собой лишней бумаги, поэтому не хотелось расходовать ее на случайные записи. Затем я записал сказку и, не будь она такой длинной, поместил бы ее здесь целиком. То была сказка о дочери Сюоятар*, обольстившей одного парня. Со слов мальчика я записал следующее: «Жила-была старуха. Родился у нее сын. Старуха умерла. Парень пошел на охоту. Пришел на мыс морской. Сюоя-

тар заставила свою дочь пойти к нему. Прилетела она лебедем на мыс морской. Парень разделся. Пошел купаться. Украли одежду. Стал искать свою одежду. Идет ему навстречу дочь Сюоятар. Парень думает, кем назовется, тем и будет. Если братом — то братом, если сестрой — то сестрой, если отцом — то отцом, если матерью — то матерью, если невестой — то невестой. Стала невестой. Утром приехали забирать их на трех кораблях. Воткнули парню сонные иголки в уши и понесли с корабля на корабль. Тут дочь Сюоятар сказала матери...» Я привел здесь это начало, чтобы показать, каков стиль подобных сказок. В том месте, где мальчик хотел показать, как птица взлетала все выше и выше, пока совсем не скрылась из виду, он говорил «поднималась, поднималась, поднималась, поднималась, поднималась, поднималась, поднималась, поднималась» и «летела, летела, летела, летела, летела, летела, летела», так, что последнее слово ряда было так же трудно уловить, как и увидеть птицу на той высоте, куда возносил ее мальчик в своем воображении.

Таких сказок много, они мифологические по содержанию и заслуживают того, чтобы их собирали. Теперь я жалею, что в студенческие годы обычно проводил время на островах, вместо того чтобы устроиться на лето у здешних финнов. Времени тогда было достаточно, чтобы записывать как руны, так и сказки, а кроме того, можно было бы вести языковые наблюдения.

Еще в Ченаниеми мне посоветовали зайти в Вуоннинен в дом Мийны, который расположен выше по берегу, крайний слева. Сказали, что дом этот построен получше да и посостоятельней других. Говорили, правда, что хозяева немного угрюмы и строги, но в общем-то порядочные люди. Выяснилось, что неподалеку от их дома живет известный певец Онтрей* и другой — не менее известный — Ваассила*. Я, стало быть, направился в дом Мийны, где застал обоих сыновей хозяина. Один из них чинил большой невод, другой шил себе сапоги, собираясь в ближайшее время по торговым делам в Финляндию. Жива была и их старушка мать, родом из Латваярви, что недалеко от Кивиярви. Кроме нее в доме находились две молодухи — жены сыновей. Одна, судя по всему, более влиятельная, была дочерью Кеттунена из Ченаниеми, которую упомянутый Ортьё некогда тщетно пытался засватать. Она приняла меня чуть ли не как родственника, поскольку сама была финкой по матери. Ее младшая сестра тоже была замужем в Вуоннинен, за сыном хозяина соседнего дома,

рунопевца Онтрея. Хотя изба Мийны, с большими окнами и чисто вымытым полом, выглядела уютно, хозяева все же настояли, чтобы я спал в горнице, расположенной по другую сторону сеней. Эта комната, с белыми стенами, столом, скамьей, полом и с висящими на стенах образами, тоже была опрятной, и я охотно повиновался. На следующий день с утра я записывал от Онтрея. С удовольствием провел бы с ним и послеобеденное время, но он не мог остаться дома — без него не справились бы на тоне. Я пожелал ему хорошего улова, предварительно договорившись о том, что если он наловит достаточное количество рыбы, то будет петь весь следующий день. Улов был не такой большой, но мне все же удалось записать под его диктовку довольно много рун. Вечером, когда Онтрей снова ушел на тону, я пошел к Ваассила, который жил на другой стороне узкого пролива. Ваассила, известный знаток заклинаний, был уже в преклонном возрасте. Память его за последние годы ослабла, и он не помнил того, что знал раньше. Тем не менее рассказал множество эпизодов о Вяйнямёйнене и других мифологических героях, которые мне до этого были неизвестны. Если ему случалось забыть какой-либо эпизод, знакомый мне ранее, я подробно расспрашивал его, и он вспоминал. Таким образом, я узнал все геронческие деяния Вяйнямёйнена в единой последовательности и по ним составил цикл известных нам рун о Вяйнямёйнене.

На следующий день меня пригласили на завтрак еще в один дом. Хозяин вызвался спеть для меня несколько новых рун. Затем он рассказал, как пять-шесть лет назад они с товарищем, будучи в Финляндии коробейниками, всю ночь напролет пели в одном господском имении в Хяме. Я спросил, не помнит ли он названия этого имения, и он назвал Весилахден Лаукко*. Узнав, что перед ним сейчас тот же самый человек, который и тогда записывал его стихи, он очень удивился, как, впрочем, и я при упоминании этого имения. Мы разговорились словно старые знакомые, как вдруг запыхавшись прибежал какой-то маленький мужичок, стремительно схватил хозяина за руку и потянул за собой. Я не мог понять, что все это значит, пока мне не объяснили, что у мужика была тяжба с соседом, лошадь которого зашла на его поле. Он хотел, чтобы по этому делу созвали деревенский сход и наказали виновного. «Возьми с собой хорошую палку, может, пригодится», — сказал мужик. По его мнению, правосудие должно было сначала присудить его противнику порку, а затем

без промедления осуществить ее. В подобных случаях здесь, по-видимому, так и поступают. Но хозяин все же отказался, сославшись на то, что у него гость. Мужик ведь мог зайти в любой другой дом и подыскать судью для этой распри. Итак, к немалой досаде сутяжника, хозяин остался дома. Мужик, пытаясь уговорить его, угрожал даже исправником.

Хозяин пел для меня всю первую половину дня, затем меня угостили обедом. Я ел с большим трудом, поскольку меня всюду — и в этом доме тоже — угощали брусникой и мои зубы так отерпли от кислого, что я с трудом пережевывал пищу. Как я и предполагал, хозяин наотрез отказался брать плату за еду и за песни. Но я все же нашел способ отблагодарить его: совершенно не торгуясь, я купил у него пояс и другие мелочи, которые он предложил мне приобрести. В этом доме тоже было очень чисто, пол вымыт, стол, лавки и стулья оттерты добела.

В каждом доме на стене несколько икон. Входя в избу, гость крестится на них. Все крестятся перед едой и после еды, а также когда уходят работать вне дома на несколько часов и по возвращении с работы. В горнице в доме Мийны перед группой образов был подсвечник с восковыми свечами, а рядом с иконами — пахучая смола для кадения, которой, однако, за время моего пребывания здесь ни разу не пользовались.

У Онтрея имелось кантеле с пятью медными струнами, на котором он сам и оба его сына очень искусно играли.

Повседневной едой в доме Мийны были масло, хлеб и свежее молоко, перемешанное с простоквашей. Кроме этого — картофель, рыба, мясо либо похлебка. Хозяйка почти всегда потчевала меня со словами «ешь, все съешь» и, казалось, была недовольна, если я что-нибудь оставлял. Сначала они не хотели брать плату за четверо-пятеро суток, что я провел у них, но когда я снова предложил деньги, не отказались.

Расстояние от Вуоннинен до Вуоккинеми, которое равнялось четырем милям, или сорока верстам, можно проехать только на лодке. Хочу коротко остановиться на том, какие здесь в ходу меры длины, потому что вначале они показались мне очень странными. На финской стороне, в Кианта и Кухмо, для исчисления длины обычно пользуются старинными четвертями, равными примерно версте, а теперь для удобства стали считать две четверти за одну новую четверть, или шведскую четверть мили. Равно и новые мили соответствуют шведской миле, то есть вдвое

длиннее прежних. Но несмотря на это наши финны, живущие ближе к границе, чаще пользуются верстами. Похоже, что население на финской стороне привыкло в основном к русскому способу исчисления, хотя с большим основанием этого можно было бы ожидать от тех, кто живет на русской стороне. Когда я спрашивал у здешних людей о протяженности какого-нибудь пути, они обычно называли ее в шведских милях, и я подумал сначала, что они всегда пользуются этой мерой. Но причина была в другом: разговаривая со мной, они думали, что я не знаю, какой длины верста, поэтому и не называли ее.

Старая хозяйка дома Онтрея, ее невестка и дочь согласились подвезти меня на лодке до маленькой деревушки Мёлккё, за две мили от Вуоннинен. Договорились, что я заплачу им один риксдалер. Здесь повсеместно в ходу шведские бумажные деньги. Меня снабдили на дорогу оленьей и ячменными колодами, хотя я и не просил об этом, да и незачем было, ведь дорога не длинная. На озере было много островов и выступающих мысов, один из них мы проезжали, на других делали остановки, выходили на берег поесть брусники. Когда проезжали мимо большого лесистого острова, хозяйка, сидевшая на веслах, указала на него и сказала: «В следующий раз вы придете нас навещать уже сюда». Я сначала подумал, что на острове кладбище и что она намекает на то, что при их жизни я больше не приеду в эти края. Но она пояснила значение своих слов: следующим летом они собираются переселиться сюда из деревни. Одна из причин переезда та, что теперешние их поля часто страдают от заморозков, чего, по ее мнению, не должно быть на острове. Остров находится в доброй миле от Вуоннинен. Во многих других местах жители тоже покидают большие деревни, и вполне вероятно, что в будущем поселения здесь тоже станут более разбросанными, как, скажем, у нас в Саво, в Карелли и в части Похьянмаа.

Когда мы проехали две мили, хозяйка осведомилась, доволен ли я тем, как они гребут. Я не имел ничего против, и тогда она попросила разрешения грести и оставшиеся две мили до Вуоккиннеми. Конечно, я доехал бы до места быстрее, если бы сменил гребцов, но я не мог лишить своих проводников столь желанного для них заработка. Всегда отрадно видеть, когда здесь люди стараются что-то сделать и заработать честным трудом, тогда как в Финляндии, напротив, зачастую приходится умолять и упрашивать, обещать двойную плату за перевоз, прежде

чем уговоришь кого-либо грести те же две мили. Но до Вуоккиниemi нам так и не удалось дойти тем же ходом — возле маленькой деревушки Пирттилаhti мы встретили лодку, в которой везли инвентарь для мельницы в Кёуняскоски. Я попросился к ним в лодку и отпустил своих гребцов. Был уже вечер, а до Вуоккиниemi оставалось еще с полмили, и мы решили переночевать в одном из домов в Пирттилаhti. У хозяйки дома была манера ругаться через каждые три слова. По характеру она была добродушной, но, видимо, ругань стала у нее привычкой. Порою она крестилась и вслед за этим тут же ругалась, иногда ругалась даже крестясь. Вечером она крестилась по крайней мере четверть, а может, и целых полчаса. Вероятно, замаливала какие-то грехи. Рассказывали, что хозяин дома отменный певец, но петь мне он отказался.

На следующий день рано утром с людьми, едущими на мельницу, я добрался до села Вуоккиниemi. Я пошел в дом Лауринена, потому что встреченная мною на берегу Кёунясъярви в плачущей толпе провожающих молодая хозяйка этого дома просила меня во что бы то ни стало остановиться только у них. Тотчас же сюда пригласили двух женщин, чтобы они спели мне свадебные песни. У меня было ранее записано немало вариантов этих песен, но далеко не таких полных, как эти. Пять имеющихся у меня более полных свадебных песен называются:

1. Песня-зачин (Alkuvirsi); 2. Песня зятя (Vävyn virsi); 3. Величальная, или песня-приглашение (Kutsuvirsi); 4. Провожальная (Lähtövirsi) и 5. Песня прибытия (Tulovirsi).

В качестве примера я здесь приведу отрывки из этих песен. Песня-зачин звучит следующим образом¹:

Вот летит орел с востока
над землей под небесами,
крыльями касаясь неба,
море бороздя когтями:
озирается, кружится,
в воздухе парит, летает,
на мужской садится замок,
по стрехе колотит клювом.
Замок был с железной крышей —
он не смог туда проникнуть.
Вот летит орел с востока
над землей под небесами,

крыльями касаясь неба,
море бороздя когтями:
озирается, кружится,
в воздухе парит, летает,
сел орел на женский замок,
по стрехе колотит клювом.
Женский замок с медной крышей—
он не смог туда проникнуть.
Вот летит орел с востока
над землей под небесами,
крыльями касаясь неба,
море бороздя когтями:

¹ Эти образцы свадебных песен соответствуют текстам, вошедшим в рукописи Лённрота «Свадебные песни» и «Собрание рун о Вяйнямейнене», и отчасти скомпонованы Лённротом.

озирается, кружится,
в воздухе парит, летает,
на девичий замок сел он,
по стрехе колотит клювом,
в замок с крыши полотняной —
он сумел туда проникнуть.
На окошко опустился,
светлоперый сел на стену,
на угол слетел стоперый.
Лучшую нашел из стаи,
присмотрел с косою погуще
среди тех, кто носит косы,
среди тех, кто носит перстни,
у кого и пух нежнее,
у кого помягче перья,
вот кого орел хватает,
забирает длинный коготь,
кто лицом был похрасивей,
кто и станом был прекрасней.

«Осенью уже сказал я,
говорил весною этой,
строя тайную избушку,
косяки окошек тайных,
где бы мог девицу прятать,
длиннокосую делять.
Нелегко девицу прятать,
укрывать с косою длинной».
«Как же ты узнал, счастливчик,
яблочко ты золотое,
о рожденье этой девы,
повзрослении девицы?»
«Так вот я узнал, счастливчик,
яблочко я золотое:
сажа густо поднималась,
черный дым валил из дома,
дома славного девицы.
Так рожденная весною
вдруг заблела овечка:
«Время дать мне веток свежих».

Это песня-зачин. Под орлом подразумевается либо сват, либо жених, высматривающий себе длинноперую пташку (невесту) и хватающий ее. Последние строки проносят сват или жених.

В песне зятя сначала изображается приход жениха и его провожатых. Приход их сопровождается таким грохотом, будто надвигается ураган или падает высокая поленница дров:

Что за шум на горке слышен,
что за гром в конце проулка?
Думал: ветер расшумелся,
повалил костер поленьев,
может, камни покатались.
То не ветер расшумелся,

не костер поленьев рухнул
и не камни покатались.
Женехи к нам подъезжают,
приближаются толпою,
сотни две подходят к дому.

Затем следует ряд наставлений присутствующим: чтобы они позаботились о черном скакуне зятя, достоинства которого описываются очень подробно и которого сравнивают, в частности, с летящим вороном и танцующим ягненком. Жеребца следует вести за шелковую уздечку, дать вывалиться на золотом покрывале, а потом отвести на молочный родник. Когда же он в лучшем стойле будет привязан к дубовому столбу, то его надо накрыть медоносными травами и накормить пропаренным ячменем и овсом. Если так заботливо предлагают ухаживать за лошадыю, то ясно, что и зятя [жениха] не забывают. Обычно его изображают таким большим и высоким, что он едва проходит в двери. Тут свекровь начинает осматривать его поближе и говорит:

Дайте, женщины-голубки,
огонька мне из бересты,
света-пламени из воска,
из лучины из смолистой.
Пламя бересты трескуче,
дым смолистый очень черен,
вычернит глаза у зятя.
Дайте, женщины-голубки,

дайте огонька свечного,
света-пламени из воска,
чтоб глаза увидеть зятя:
иль темны они, иль сини,
иль белее полотна —
белые, как пена моря,
светлые, как травы моря,
как морской тростник, прекрасны.

Чтобы не утомить читателя, пропущу на этот раз песню для гостей и весь обряд оказываемого им гостеприимства. Приведу лишь строки из провожальной песни. Сначала свекровь обращается к зятю:

Что сидишь ты, сын отцовский,
что ты ждешь, из братьев
старший?

Не из-за отца сидишь ты,
не из-за хозяйки ждешь ты,
не из-за избы уютной.
Ты сидишь из-за девицы,
из-за красоты девичьей,
из-за белизны желанной.
Женишок мой, долго ждал ты,
подожди еще немного,
не наряжена невеста,
избранная не готова,
суженая не одета.

Заплели одну лишь косу,
а другую заплетают.
Женишок наш, долго ждал ты,
подожди еще немного:
ей один рукав надели.
а другой лишь надевают.
Женишок наш, долго ждал ты,
подожди еще немного:
лишь одна нога обута,
а другую обувают.
Женишок наш, долго ждал ты,
подожди еще немного:
варежка одна надета,
а другую надевают.

Когда терпение жениха подобным образом испытано и невеста наконец-то готова, свекровь говорит:

Женишок, наш милый братец!
Суженую нарядили,
нареченную собрали,
в путь любезная готова.

И затем она обращается к своей дочери-невесте:

Вместе с ним иди, девица,
купленная, отправляйся,
раз была жадна до денег,
отдала охотно руку,
согласилась взять подарки.
Слишком ты юна, девица,
ты недолго размышляла,
не раскаешься ли после:
не на месяц уезжаешь,
даже не на половину,
не на день ты обещалась,
отправляешься надолго,
разлучаешься навечно,
навсегда идешь из дома.

Долго тосковать придется,
целый год придется плакать:
дом покинула отцовский,
материнское жилище,
двор родительницы милой.
Думаешь: уйдешь на месяц,
на полмесяца уедешь,
на один денек всего лишь —
на век жизни материнской.
Станет двор на шаг длиннее,
на бревно порог повыше,
шире пол на половицу,
как домой ты возвратишься.

Естественно, что слова эти действуют на невесту, она вдруг осознает, что, покидая родной дом, так много теряет, а впереди ее ждет неопределенное будущее. Тогда она сама начинает говорить:

Так я знала, так считала,
так всю жизнь предполагала,
так, несчастная, твердила:
«Дева вовсе и не дева
под отеческой опекой,
материнскою подмышкой.
Станешь девушкой, девица,
мать родную покидая,
в избу мужа отправляясь:
на порог — одной ногою,
в санки жениха — другою.
На голову станешь выше,
на полголовы длиннее».

Вот уже отъезд мой близок,
вот сбылось мое желанье,
на порог — одной ногою,
в санки жениха — другою.
Не со смехом уезжаю,
разлучаюсь не в веселье
я с родительским жилищем,

Матери становится жаль ее, и она утешает дочь словами*:

Матушка сказала дочке,
своему дитю, седая:
«Не печалься ты, девица,
дочка матери, не сетуй,
муж тебе достался лучший,
самый видный из героев.
У тебя жених охотник,
муж, ходящий по чащобам.
Псы его не дремлют дома,
в закутах не отдыхают.
Трижды этою весною
от костра он поднимался,
он вставал с постели хвойной,
хвоя чуб его чесала,
стан его хлестали ветки.
Не горюй-ка ты, девица,
дочка матери, не сетуй.
Для тебя у жениха
сотня есть рогатых в стаде,

с жизнью молодой, беспечной.
Слабая, иду в заботах,
разлучаюсь я в печали,
в ночь осеннюю иду я,
так что путь на льду не виден,
след ноги на гололеде,
след от юбки на сугробе.
Зов мой матушка не слышит,
батюшка — моих стенаний.

Думы женщины, о чем вы,
Помыслы невесток прочих?
Таковы заботы юных,
как восход весною солнца.
У меня ж, у бедной, думы,
как на торге у кобылки,
как на ярмарке у сивки,
как у жеребца, что куплен.
Таковы мои заботы,
словно мрак осенней ночи,
словно зимний день кромешный.

тысяча носящих вымя,
для тебя у жениха —
закром у ручья любого,
по скирде на всех полянках,
все ольховники под рожью,
все лесочки под пшеницей,
у него и камни — деньги,
даже камешки — копейки,
бочками амбары полны,
бочки полны добрым пивом.
Не горюй-ка ты, девица,
дочка матери, не сетуй.
Для тебя у жениха
рябчики поют на санках,
на резной дуге резвятся,
шесть кукушек золотых
вертятся на хомутах,
на гужах поют красиво.

Далее мать говорит дочери:

Дам еще советы дочке,
поучу я сиротинку:
ты, невестушка-сестричка,

мною взлелеянный листочек,
слушай, что тебе скажу я,
что я, старая, промолвлю.

Нынче в дом другой уходишь,
ты идешь в семью чужую,
в дом под власть другой хозяйки.
Все иначе в доме этом,
в доме у другой хозяйки,
у других все по-другому,
не как в доме материнском,
под отцовскою опекой.
Коль в дому другие нравы,
этим нравам подчиняйся.
Если муж плохого нрава,
покоряйся воле мужа.
Слушай, что тебе скажу я,
что я, старая, промолвлю.
Если свекр как волк в углу,
как медведь свекровь в закуте,
честь оказывай все так же,
кланяйся еще пониже,
чем отцу ты поклонялась,
матери своей любимой.
Коль гадюкой деверь в доме,
коль гвоздем в дверях золовка,
честь оказывай все так же,
кланяйся еще пониже,

чем в избышке материнской
брату старшему родному,
дорогой своей сестрице.
Слушай, что тебе скажу я,
что я, старая, промолвлю:
голову свою склоняй ты,
чисто вымытую шею,
как черемуха вершинку,
словно ветки можжевельник.
Слушай, что еще скажу я,
что я, старая, промолвлю:
не сиди без сарафана,
без рубахи не работай
и без обуви не бегай.
Утром, вечером мой скамьи,
мой столы и днем вдобавок,
мой полы под каждый праздник.
Пересчитывай все ложки,
счет ведн своей посуде,
чтоб не растаскали кошки,
птицы лишних не украли.
На дворе рябины святы,
святы ветви на рябинах,
ягодки еще святес.

Песня прибытия начинается такими словами:

Как село ждет новолунья —
миром ждет село невесту;
как причал ждет челн смоленый —
ожидаю я сыночка,
жду я сына, жду невестку.

Эти две руны не требуют особых пояснений. Я всегда с большим удовольствием записываю их и полагаю, что они проливают свет на жизнь и быт, а также на многие обычаи наших предков, о которых теперь трудно узнать. Не буду касаться их художественной ценности. С помощью стихов и тех данных, что предоставляет язык, можно выяснить целый ряд вопросов. Например, язык свидетельствует о том, что когда финны составляли единое племя, у них было представление об общем боге Юмала*, и поэтому у всех разбросанных ныне финноязычных племен он обозначается одним словом. Многобожие, вероятно, зародилось позднее, иначе у разных племен сохранились бы одинаковые названия богов. Но я считаю, что у финнов многобожие [политеизм] не было развито вообще, и, думается, не следует составлять длинные списки богов, якобы почитаемых ими. По моим сведениям, те боги, которым они поклонялись, не более как мифологические существа, их

можно сравнивать с греческими полубогами или христианскими ангелами и святыми. [...]

Изучая язык, узнаем также, что финны до распада на отдельные племена занимались скотоводством, рыбной ловлей и обработкой железа, а отчасти и земледелием. Слова, обозначающие эти понятия, большей частью одинаковы для разных племен, во всяком случае, живущих в Финляндии и в граничащих с ней областях. Названия же трудовых процессов и орудий труда, связанных с прядением и ткачеством, в разных местах разные, из чего следует, что это искусство финские племена освоили, по-видимому, уже после разделения. [...]

Обращаясь к языку, можно отчасти выяснить и то, какую одежду носили финны прежде и какую стали носить в ходе самостоятельного развития отдельных племен. Можно узнать, какие птицы, животные, рыбы, растения и прочее были на их прародине; можно даже предположить, что эти наименования сохранились у них и на новом месте расселения, а для ранее неизвестных предметов и понятий придуманы были новые названия. Деревья, которые не встречаются в северных районах Финляндии, тем не менее имеют общие названия, как например: *omepari* (яблоня), *tammi* (дуб), *pähkiärii* (ореховое дерево), так и животные, которых нет во всей нашей стране, например: *tarvas* (тур) и другие, указывают непосредственно на прародину финнов, где они знали эти предметы, но откуда получили в наследство только одни названия. По всей вероятности, многие из цветов, например *horsma* (кипрей), были известны финнам до разделения. Цветы, имеющие разные названия, вероятно, были встречены ими позднее, на новых местах обитания.

Ранее я уже высказывал свое убеждение, что если изучить диалекты разных финских племен, то можно выяснить многие неизвестные еще факты. Исследование это наверняка продвинулось бы вперед, если бы выделить из каждого племени двух-трех молодых людей и дать им научное образование в одном из наших учебных заведений. Перед приезжим исследователем открывается слишком широкое поле деятельности, чтобы он мог быть точным в своих выводах. А специально подготовленные люди могли бы выяснить множество интересных данных.

Но оставим пока мои проекты, или как их там лучше назвать, а заодно и здешних рунопевцев. Из Вуокки-ниemi я снова направился в Ченаннеми. Чуть раньше меня сюда приехал на лошади один крестьянин из Киви-

ярви за товаром. Узнав, что нужный ему человек прибудет только завтра вечером, он услужливо предложил мне свою лошадь. Я принял его предложение. Вместо седла набили полмешка сеном и привязали на спину лошади. Чтобы мешок держался, его туго стянули веревкой, и мне даже жалко стало бедное животное. Казалось, что седло это неудобно для лошади, но, вероятно, так только казалось, потому как известно, что крестьяне очень любят своих лошадей и прекрасно знают, что им полезно и что вредно, и, наверно, не стали бы привязывать седло, которое причиняло бы лошади страдания. Наступил вечер, стемнело, и мы зашли на ночлег в дом, стоящий в полумиле от Ченаннеми. Хозяин дома был родом из Финляндии, он переселился сюда и взял этот надел под новое жилье. Убранство дома и порядки были обычными для финнов этого края. Дочери его были одеты по обычаям страны. Мы выехали отсюда на следующий день рано утром, при свете луны, а когда взошло солнце, были уже в Кивиярви, следовательно, мы проехали две с лишним мили. Крестьянин, который привез меня сюда из Вуоккинеми, предложил подвезти еще до Салмиярви, куда мы и добрались к полудню. Я сначала намеревался сходить в деревню Латваярви, совсем в другую сторону, но не пошел, узнав, что рунопевца Архиппы* нет дома. В Салмиярви я раздавал лекарства, а также навещил одного больного. Меня удивило, что здесь мне предложили очень вкусное масло, тогда как в других местах оно даже не походило на свежее. Мне объяснили, что все зависит от соли: когда она грязная, и масло получается грязного цвета. [...]

Отсюда я направился в Аконлахти, где бывал уже ранее, осенью 1832 года. Моей проводницей, правда, не без колебаний, согласилась быть девушка, приехавшая в Салмиярви по личным делам; оказывается, она сомневалась, не пострадает ли ее доброе имя, если она отправится с незнакомым мужчиной в путь длиною в полторы мили. Мы поладили, и в конце пути она не удержалась, чтобы не похвалить меня за умение хорошо вести себя. Начиная от Вуоккинеми все дороги были в хорошем состоянии и везде можно было проехать верхом на лошади, а при необходимости даже на повозке. Через болота и рямники¹ были проложены гати, сохранившиеся еще с войны 1788 года*. И хотя их с тех пор не чинили, они были все же в довольно сносном состоянии, что свидетельствует о том,

¹ Болота, поросшие чахлым сосновым лесом (фин. gäme).

сколь долго дерево сохраняется в воде. В Аконлахти я зашел в дом Трохкимы*, где меня, как старого знакомого, встретили радушно. Несмотря на весьма позднее время, затопили баню — ведь я отмахал в тот день пять миль, две верхом и три пешком. В этот год у Трохкимы на подсеке уродилось много ржи, поэтому хозяйство его, столь бедное в прошлый мой приезд, теперь производило впечатление более крепкого и благополучного. На следующее утро я отправился в Юортана, что на финской стороне. Старый хозяин Трохкима пошел проводить меня и по дороге показал родник под названием Култакаллио¹. Он находился недалеко от дороги на краю болота, из которого, по словам старика, вода вытекает в разные стороны. Родник этот уже почти зарос мхом и не представлял собой ничего особенного, кроме, пожалуй, названия, которое Ганандер, видимо, посчитал примечательным, поскольку включил его в свое произведение «*Mythologia Fennica*». Единственное, что смог рассказать мой проводник, это то, что родник никогда не замерзает и снег вокруг него всегда тает.

В Юортана я намерен закончить описание своего путешествия: к этому меня побудила довольно веская причина — сапоги мои пришли в полную негодность.

Э. Л.

ПРИЛОЖЕНИЕ МАГИСТРУ ВИРЦЕНУ² В КАЗАНЬ

(Черновик письма)

11 октября 1833 г.

[...] 8 сентября я отправился из Каяни, затем шел вместе с фохтом Вихманном (порядочный человек для этих мест) до Кианта, где расстался с ним 14 числа, чтобы продолжить путь в Кухмо по безлюдью около пятнадцати миль. Мне пришла в голову идея пойти из Кианта в Кухмо через Архангельскую губернию и волость Вуоккиннеми, что я и осуществил. Я пробыл там до 24 сентября, собрал за это время большое количество рун о старом Вьяйнямёйнене, Лемминкяйнене и других. Православное финское на-

¹ Култакаллио (фин. Kultakallio) — Золотая скала.

² *Вирцен Ю. Э.* — ботаник, был стипендиатом Казанского университета в 1833—1835 гг.

селение, живущее в этих краях, по-моему, очень выгодно отличается от людей уезда Каяни. Будучи на редкость гостеприимными и услужливыми, они к тому же поддерживают в своих жилых помещениях большую чистоту, чем на упомянутой финской стороне. Полы в доме моют каждую субботу, скамьи, столы и стулья — почти каждый день. К тому же эти люди отличаются такой живостью в движениях и разговорах, что можно подумать, что они относятся к совершенно отличной от финнов нации. Одежда их резко отличается от финской. У мужчин поверх рубахи надето что-то вроде блузы или короткой рубахи, сшитой из ткани синего цвета, а сверх того еще суконный кафтан, который, однако, надевают только на дорогу. Свообразием отличается и женский костюм, состоящий из исподней сорочки и сарафана, который застегивается спереди на часто пришитые по всей его длине пуговицы. На улицу они надевают кофту, которая состоит почти из одних рукавов. На голове у них красная повязка шириной с ладонь, в верхней части которой нашита полоска, тканная золотом. Эта повязка завязывается вокруг головы и стягивается сзади шнурками. Головной убор замужних женщин отличается тем, что темя у них всегда закрыто, а у девушек, наоборот, открыто. [...] Девушек здесь обычно выдают замуж очень рано, зачастую в возрасте тринадцати-четырнадцати лет, вследствие чего они стареют раньше времени. [...]

РЕКТОРУ АППЕЛЬГРЕНУ

(Отрывок из черновика письма)

За письмо ему спасибо,
за его стихотворенье,
что меня в пути застало,
в путешествии далеком,
в странствиях моих по Кухмо,
в Кианте, селе церковном,
с пребываньем еще дальше
за границей у карелов,
в том приходе Вуоккиннеми,
в лучшем песенном местечке,
на земле большой России,
где набил я до отказа
песнями мешок дорожный,
теми, что собрал в селеньях,
что услышал я в избушках,

что мне были петы в лодках,
что исполнены певцами,
чтоб остались на бумаге
песни о деяньях мудрых
Вяйнямйнена седого,
также о коварных кознях
Еукахайнена младого,
о заботах неизменных
раскрасавца Каукомиели,
Лемминкяйнена-героя,
и о том, как Илмаринен,
тот кователь вековечный,
в копоти кует осенней,
как он трудится зимою,
как он жарится у горна.

ДОКТОРУ КАЯНДЕРУ

(Черновик письма)

3 декабря 1833 г.

[...] Одних только рун о Вяйнямёйнене у меня около пяти-шести тысяч строк, из чего можешь заключить, что получится изрядное собрание. Зимой думаю снова заглянуть в Архангельскую губернию и продолжить сбор рун до тех пор, пока не получится собрание, соответствующее половине Гомера. Все имеющиеся у меня руны по содержанию относятся к одному циклу о Вяйнямёйнене, и я поместил их в том порядке, в каком мне их отчасти спел, отчасти рассказал один старец¹. Таких рун у меня шестнадцать. [...]

ПРОФЕССОРУ ЛИНСЕНУ²

(Черновик письма)

6 февраля 1834 г.

Господин профессор, Ваше письмо от 10 января и приложенное к нему письмо Копенгагенского королевского общества древней литературы получил 28 числа прошлого месяца. Я с удовольствием передам имеющиеся у меня руны в Финское литературное общество; собирался сделать это уже раньше, но медлил пока, надеясь получить новые дополнения к старым стихам. Отчасти мне удалось это осуществить прошлой осенью в Архангельской губернии, где я собрал порядочную коллекцию еще не издававшихся мифологических рун. Сравнив их с ранее известными, мне захотелось объединить эти руны в единый цикл, чтобы на основе финской мифологии создать нечто соответствующее исландской Эдде. Я сразу же приступил к делу, работал в течение нескольких недель или даже месяцев, до самого рождества, и подготовил большое собрание рун о Вяйнямёйнене, в том порядке, в каком и задумал. Особое внимание я уделял последовательности героических деяний, о которых говорится в рунах. Поначалу это казалось трудным, но в процессе работы все стало проясняться. Я опирался при этом и на прозаические рассказы, слышанные мною от старых людей в Архангельской губернии

¹ Имеется в виду Ваассила Килевяйнен.

² Линсен Ю. Г.—председатель Финского литературного общества в 1833—1841 гг.

в виде сказок, в которых рассказывалось о тех же героических деяниях. Я думаю, господин Профессор не сочтет за обиду, если я кратко изложу здесь содержание рун с наиболее полно представленным поэтическим материалом. Приведу их в той последовательности, какой придерживаюсь в упомянутом собрании.

Руна первая. В дороге Вяйнямёйнена встречает некий лапландец, уже давно затаивший зло на него. Когда Вяйнямёйнен едет верхом по берегу бурного порога, лапландец стреляет в него из лука. Стрела же поражает только коня, который, споткнувшись, падает вместе с Вяйнямёйненом в порог. Течение уносит Вяйнямёйнена в море, где он долго качается на волнах, не в силах выбраться на берег и не видя вокруг ничего, кроме воды до самого горизонта.

Это собрание в настоящее время состоит из шестнадцати рун, в общей сложности более восьми тысяч строк. Его можно было бы напечатать, и даже с большим основанием, чем ранее собранные отрывки, но я все же думаю, что лучше отложить это до следующей весны. Дело в том, что этой зимой я задумал совершить новую поездку в Архангельскую губернию, чтобы записать руны от знаменитых рунопевцев, которых мне называли прошлой осенью, но которых я не застал дома. От них я несомненно получу много дополнений к сборнику, поэтому торопиться с изданием не следует. Вот только не знаю, способен ли один человек объединить отрывки рун в единое целое, или это лучше сделать группе людей, поскольку последующие поколения, возможно, оценят его столь же высоко, как готские народы Эдду, а греки и римляне — если уж не как Гомера, то по крайней мере как Геснода*. Поэтому я и решил предложить свою рукопись на рассмотрение Литературному обществу.

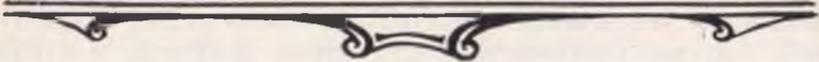
В настоящее время привожу в порядок, в основном переписываю набело, собранные мною новейшие финские руны, думается, скоро закончу и пошлю их в Литературное общество.

Затем думаю подготовить для печати руны-заклинания. Я нашел способ издать их в наиболее сжатом виде. Каждое заклинание состоит из нескольких частей, из которых только одна относится к данному заголовку, другие же являются общими, одинаковыми для всех. Различно, например, описание зарождения зла, которое следует изгнать заклинанием; повторяются же такие части, как мольба, обращенная к различным божествам, слова о бане, о пчеле и прочее. Если не делать такого разграничения, то

в каждом заклинании придется повторить места, одинаковые для всех заговоров, будет много повторов, и стихи станут слишком длинными. Ни Топелиус¹, ни другие не обращали на это внимания, поэтому у них одни и те же строки повторяются в каждом заговоре, иногда с незначительными изменениями, ухудшающими заклинание. [...]

В качестве члена Финского литературного общества осмелюсь высказать здесь пожелание, чтобы Общество изыскало возможность отметить наиболее одаренных финских поэтов-самоучек. Может быть, уместно было бы выписать им одну или обе наши финноязычные газеты. Тем самым мы поощрили бы их и одновременно содействовали стремлению Общества, направленного на просвещение народа. Вообще-то нетрудно перечислить имена наиболее одаренных поэтов, но не знаю другого, заслуживающего большего внимания, чем живущий в Рауталампи Корхонен*. [...]

¹ Имеется в виду сборник С. Топелиуса Suomen kansan vanhoja runoja, уппä муõс пукуисемпиä lauluja, 1822—1831 (см. вступительную статью, с. 7).

Пятое путешествие

1834 г.

Основной целью поездки, предпринятой Лённротом во второй половине апреля, был сбор дополнительного материала для ранее подготовленной им рукописи «Собрание рун о Вяйнямейнене». Лённрот через Кианта дошел до русской Карелии и тем же путем вернулся обратно, побывав в карельских деревнях Лонкка, Вуоннинен, Ювялахти, Ухтуа, Вуоккинниemi, Чена, Кивиярви и Латваярви. Особое значение этого путешествия заключается в том, что Лённрот встретился с лучшим рунопевцем Беломорской Карелии Архиппой Перттуненом. Основной текст путевых заметок был опубликован в № 56—60 газеты «Helsingfors Morgonblad» за 1835 год. К данному тексту добавлены выдержки из дневника, написанные в 1835 году, а также письма, относящиеся ко времени поездки Лённрота в Репода осенью 1834 года, о которой нет других данных.

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

4 января, воскресенье, 1835 г.

Принято считать, что в Кианта, как и в других отдаленных приходах, жить скучно. Кто знает, как было бы, живи я там постоянно, но мне здешняя жизнь показалась интересной. Да и помощник мой не жаловался на скуку. Он был мастером на все руки: делал скрипки и прочие предметы, вырезал разные инициалы для печаток, содержал школу для трюх ребят. Дети, почти одногодки, читают, мастерят луки, стреляют из них, катаются и т. д. За их занятиями и забавами приятно наблюдать.

От Кианта я проделал путь в пять-шесть миль в сторону Куусамо, заходил во многие дома на своем пути. Почти в каждом доме есть [духовные] книги, которые хранят обычно в корзине на столе или на лавке. [...]

Ночевал в усадьбе в Кюльмясалми. Мне показали здесь мальчика, который с детства был глухонемым. Ему было

лет шестнадцать, на вид он был здоровый и подвижный. Рассказывали, что он хорошо выполняет любую работу, понаблюдав сначала, как это делают другие. Я ничем не могу ему помочь.

Вечером хозяйка дома поведала мне о медвежьем празднике, о том, как проводили его во времена ее молодости. В течение нескольких дней пили пиво и вино. Убив медведя, посылали двух мужчин за тушей, а еще двоих — встречать. Мужчины задавали друг другу соответствующие обряду вопросы и отвечали на них, сначала во дворе, затем в избе и наконец — когда выносили голову медведя на улицу. За один день тут не справиться, неоднократно повторяла женщина, рассказывая об этом. Слова обряда имели стихотворную форму, но она помнила лишь некоторые из этих рун. [...]

16 января, пятница, 1835 г.

От Кюлмясалми я прошел до Тормуа — последнего дома на границе. По всей видимости, здесь жили бедно, судя хотя бы по тому, что на завтрак ели лишь хлеб с примесью сосновой коры. К тому же здесь жестоко свирепствовал тиф. Из тринадцати обитателей дома выжило лишь несколько детей, всех остальных скосило эпидемией. Нынешние хозяева переселились сюда позже. Они сообщили, что болезни переместились теперь в Куусамо, и жильцы дома считали за счастье, что избежали их.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Мне предстояло совершить довольно трудный переход от Тормуа до Лонкка — первой деревни на русской стороне. Путь, правда, не более трех четвертей мили, но дорога почти непроходимая. К вечеру я добрался до места и сразу пошел к Мартти, или, как его называли, Мартиска*. Я прослышал, что он отличный рунопевец. И на самом деле он был речист, жаль только, что, рассказывая руны, он часто перескакивал с одной на другую, так что записанное от него годилось лишь для пополнения ранее собранного. Ни одной руны целиком записать от него не удалось. Он усердно пробовал ром из моей бутылки, чтобы освежить память, как он говорил, но от этого мысли его еще больше путались. Несмотря на это он пел мне до са-

мого вечера и еще два следующих дня. Хуже всего он пел в последний день и никак не мог вспомнить новые руны, все повторял старые, уже записанные мною в первые дни.

Мартиска и сам сочинял стихи. Когда-то он сидел в тюрьме, сначала в Каяни, затем в Оулу, по обвинению в краже оленей, что нередко являлось причиной раздоров между соседями, живущими по разные стороны границы. На нашей стороне повсеместно жаловались, что стоит оленю чуть переступить границу или просто подойти к ней, как на русской стороне тут же вылавливают или убивают его. И вот недавно народная жалоба доншла наконец до правительства, которое назначило из сената «первого», по словам крестьян, человека после царя для рассмотрения жалобы. Но решение пока не было вынесено и обнародовано, и оленей крали пуще прежнего. Однажды вечером я видел, как двух пойманных оленей подвели к одному из домов в Лонкка. Я спросил, как же это они не боятся отлавливать оленей, если их уже обвиняют в краже. Они ответили, что нынче самое подходящее время для этого, ведь все равно все сплывет на прошлое, а с прошлого какой спрос.

Причина этих досадных приграничных краж в том, что у нас держат оленей, а на русской стороне нет. Именно это обстоятельство побуждает жителей здешних мест считать бродящих возле границы и за ее пределами оленей ничейными, ищущими себе хозяина. Бояться им нечего, возбуждаемые нашими людьми тяжбы из-за множества правовых уверток, как правило, ни к чему не приводят. Но если бы даже и удалось выиграть дело, то прибыли истца не покрыли бы судебных издержек, говорил один житель из Лонкка. Иначе обстоит дело в более северных приграничных районах: у жителей обеих сторон имеются свои олени, дело каждого заботиться о том, чтобы его олени никому не досаждали. В районе Лонкка один финский крестьянин попытался покончить с кражами, взяв себе в компаньоны по пастьбе оленей русского¹ крестьянина. Так ему легче уследить за тем, чтобы соседи не убивали оленей, но предотвратить вышеупомянутые кражи и ему не под силу.

Однако вернемся к Мартиске. Будучи в тюрьме по обвинению в краже оленей, он сочинил там стихи про это. Он спел мне руну, которая, по его словам, неполная, он уже многое забыл из того, что сочинил. Я собрал воедино

¹ То есть карельского крестьянина, живущего по русскую сторону границы.

все, что помнил и сам автор, а также и другие лица. Звучит это следующим образом:

В Похьёле олень родился,
к нам напет олень из Лаппи,
оттого и швед скандалит,
неспокойно на границе.

Осенью случилось это,
перед самою зимою:
шведские явились власти,
в Куусамо приход проникли.

Весь народ пришел в движенье,
держит путь в места шные.

Встал на лыжи Хассалайнен,
уходил на лыжах Хутту,
убегал и Ойкаринен.

Вот приходят в Лауттолампи.

Путь оттуда в лес уводит.

«Это что?» — «Да так,
безделка!» —

«Здесь следы». — «И что ж
такого?» —

«След от лежки!» — «Эка
важность!»

Дальше в лес они стремятся.

Чудеса вдруг увидали:
среди утесов — олененок,
между скал застрял, бедняга.

За ноги весь день тащили,
голову освобождали,
морду из камней тянули,
что застряла среди утесов.

Закричал тут громко Хутту,
поддержал его и Кела.

«Это что еще за чудо?

Это что еще за диво?»

У него глаза живые,
уши чуткие, все слышат,
есть на шее колокольчик,
малости лишь не хватает —
нет дыханья у бедняги.

Принеси дыханье, ветер,
грудь дыханием наполни.
Кела в колокол трезвонит,
колокольчиком бряцает,
слышен в Куусамо бубенчик,
стук летит до Куусиваары,
звон до Кианты несется.

Буйный Антти, Хутту сын,
с ним Микитта слабоумный
в Вуоннинен бежать пустились,
все местечки озирают.

Хутту все углы обрыскал,
все обнюхал уголочки,
что там бабы набросали,
кинули девицы Тийро.

Все сложил в свою котомку,
все обедки, что собрал он,—
харч в пути не помешает,
всякое в пути бывает,
все случается в дороге.

Хутту здесь и вовсе спятил,
ошалел совсем Микитта.

Восемь мужиков вертелись,
усмиряли одного,
полночью его скрутили,
необутого связали,
прямо в рог его скрутили.

«Ну, пора в дорогу, Мартти?
В Куусамо теперь пойдем мы,
в город Оулу путь направим,
где вовек не светит солнце,
где вовек не светит месяц».

Тут сказал карел несмелый
самому себе в защиту,
уклоняясь от расправы:

«Слышь ты, Курвилы хозяин,
уж теперь скажу я правду.
Слышь, как бык ревет, который
прошлой осенью заколот,
прошлого зимой зарезан,
в Хойвуле бычок прикончен.
Мясо — в пузо, кости — в землю,
шкура продана в Шуньгу,
в города на студень — ноги».

Юрки был виноторговцем,
Он ходил через границу,
он возил вино почамаи,
развозил при лунном свете,
всех к вину он приглашает.

Тут-то их и осенило:
хороша у Анни лошадь
Мартти довести до места.
Юрки лошадь дать согласен,
Анни спорит, распрягает,
рассупонивает лошадь.
Взят был конь без разрешенья.
Вот уже в дороге Мартти,
тот в пути, кто съел оленя.

В Швеции все веселятся,
в Куусамо ликуют люди:
вот уже в дороге Мартти,
тот в пути, кто съел оленя.
Бабы все вокруг хохочут,
все хозяева довольны.

Вот уже в дороге Мартти,
Едет-катит Карьялайнен,
уезжает он надолго,
не навек ли уезжает.

В Куусамо его везут.
Путь он держит в дом судейский
отвечать перед властями.

Собрался тут целый город.
Сам судебный заседатель
посреди избы без шапки
речь держал перед властями.

Вот теперь в дороге Мартти:
крепко в кандалы закован,
скручен он тремя цепями,
цепи — три, один мужчина.

Вот из Куусамо он едет
в город Оулу, крепкий замок,
в Энари, тюрьму дрянную,
где достаточно запалов,
где достаточно оружия.

Об одном лишь он гадает:
вырастал на пище рыбной,
вытянулся на рыбешке,
вывьсь на окунях поднялся,
но за то его ни разу
в Куусамо не приволили.

Это Хутту обезумел,
сильно навредил мне ближний,
долго злость во мне кипела,
далеко зашел я в гнев,
хоть и был он другом прежде.

Не большой ущерб принес я,
если взял свою добычу,
усыпил я олененка,
есть еще у оленихи,

есть детеныши в утробе,
принесет она другого.

Не пришла ль ко мне погибель,
к небутому, средь почи?
Знаю место, где родился,
те края, где подрастал я,
но того не знаю места,
где меня погибель встретит,—
у неведомых дверей,
на дорогах незнакомых.

Об одном он размышляет,
о словах гадает божьих,
о создателя твореньях:
«Месяц, солнце, отпустите,
Отава¹, мне укажи
путь из края, мне чужого,
от чужих дверей дорогу».

Вот судья к нему приходит,
господин из самой Кемпи,
отпустил на волю Мартти.

Швеция была разбита,
посильней была Россия.
Хутту побежал спасаться,
прямоком под стол помчался,
под скамейкою укрылся,
про себя бубнит он что-то.
Лучше было бы, конечно,
поживать в дому высоком,
мало здесь теперь народу,
мало силы у артели,
покрупней бралась добыча,
силтой меньшею, чем эта.

В четырех милях от Лонкка находится Вуоннинен. На всем пути нет ни одного поселения. Мартиска взялся подвезти меня на лошади, и к нам присоединились еще два крестьянина, которые ехали туда же по своим делам. Мы отправились в путь рано утром и вскоре прибыли на место. На середине пути была построена избушка для проезжающих и рыбаков, которые ловят неводом рыбу в близлежащем озере. Сделали привал на час, чтобы покормить лошадей, развели в каменке огонь и расположились поудобней вокруг него. Вскоре помещение наполнилось дымом, что и не мудрено при такой маленькой и низенькой постройке, где нельзя даже выпрямиться во весь рост. Здесь мы пообедали, и я записал от Мартиски еще ряд отрывков, которые он вспомнил. Чем дальше мы продвигались по зимнику, тем меньше становилось снега: в Лонкка, откуда мы начали путь, снег лежал слоем в пол-локтя, а в Вуоннинен земля была совсем голой. Дело в том, что

¹ Отава (*фин., кар. Otava*) — созвездие Большой медведицы.

Вуоннинен находится на берегу озера Верхнее Куйтти, тогда как Лонкка — на гряде Маанселькя.

В Вуоннинен я зашел в дом Мийны, чаще называемый просто домом Теппаны. Мне хотелось встретиться со знакомой хозяйкой¹. Но оказалось, что полгода тому назад она умерла от тяжелых родов. Муж, рассказывая о ее смерти, плакал, я также не мог сдержать слез. [...]

У Теппаны я перекусил, хозяин поставил на стол масло, хлеб и солонину. После того, как я поел, одна старая женщина вызвалась спеть мне несколько песен. За два-три часа я успел записать от нее все, что она знала. Затем я сходил в дом Онтрея и на ночь глядя покинул деревню. Мне надо было спешить, чтобы не попасть в распутицу. В провозатые я нанял мужчину средних лет. Мы решили доехать до Ювялахти по льду Куйтти. Поскольку дни стояли солнечные, снег на озере растаял, и мы ехали по льду. Ювялахти находится в четырех милях от Вуоннинен. В путь мы отправились перед заходом солнца. Сначала какое-то время бодрствовали, и провозатый рассказал мне, что хозяин Теппана после смерти жены с месяц был как помешанный. Он пристрастился вдруг к водке и рому, хотя раньше не употреблял ни того, ни другого, почти ни с кем не разговаривал, ел и пил крайне мало. Лишь через три-четыре недели он пришел в себя, перестал пить и вернулся к прежнему образу жизни.

Солнце село, вид был изумительный, на западе красное во все небо зарево отражалось на гладком льду. Вдали то тут, то там виднелись острова, поросшие елями, и это придавало пейзажу свое очарование и усиливало впечатление от картины в целом. Бывают моменты, когда нас особенно пленяет красота природы, неожиданно охватывая восторгом наши души. [...] Когда солнце зашло, пурпур небес угас и его сменила ночная мгла, сквозь которую лишь кое-где проглядывали звезды. Мы оба задремали. Постель была не из лучших, но ведь сон не всегда застает нас в самом удобном месте. Мне приходилось видеть людей, спавших в седле и не падавших с коня. Итак, мы погрузились в сон. Лошадь же неизвестно по какой причине — то ли она не сумела сориентироваться по звездам, то ли ей захотелось поскорее попасть домой в тепло родной конюшни, — как бы то ни было, но коняга повернула обратно, и когда мы проснулись, она резво шла в Вуоннинен, вместо того чтобы идти в Ювялахти. Мужик толкнул меня

¹ См. четвертую поездку, с. 104.

в бок и спросил: «Где мы находимся?» Странный вопрос. Что я мог ответить на это? Разве только, что находимся на льду Куйтти, а не подо льдом, как я успел заметить. Провожатый вскоре справился со своей растерянностью. Несколько раз оглядевшись и отыскав знакомые ему звезды, он понял, что лошадь повернула обратно, и направил ее в нужную сторону. После этого он уже не спал, а я, кажется, снова задремал. Время перевалило за полночь, когда мы приехали в Ювялахти, постучались в один дом, и нас впустили. Нам наспех постелили на полу. В этих краях постель настилают не из соломы, которую заносят в дом с вечера, как у нас в деревнях, а из шкур оленей и разной одежды, которую обычно ничем не застилают. По мне же нет ничего лучше, чем спать на чистой и сухой соломе, которую только что занесли в дом и застелили чистой домотканой простыней. Даже на самой лучшей пуховой постели не спится так хорошо. Солому настилают в нескольких местах, так что у каждой супружеской пары, а в больших домах их обычно несколько, есть отдельная постель; у холостых парней, равно как и у незамужних дочерей, тоже свои постели. Для более почетного гостя стелют отдельно возле длинного стола, гости же попроще, особенно нищие, должны довольствоваться местом возле двери. И хотя я не имею ничего против отдельных для каждого члена семьи кроватей, поднимающихся в несколько ярусов до самого потолка, как в южной Финляндии, но постели из соломы, настилаемые каждый вечер на полу, мне все же нравятся больше. Они чище сами по себе, да и днем изба выглядит опрятнее без плохо либо совсем не заправленных постелей. По утрам, когда все уже встали, солому сразу уносят и подметают пол начисто. Во внутреннем убранстве жилых помещений у южных и северных финнов очень много различий. У первых, кроме упомянутых кроватей, по всей комнате наставлено множество шкафов, сундуков, здесь и ушаты для воды, подошники, кадушки и пр. Пол чаще всего грязный. На столе остатки от завтрака, обеда и ужина, тут же неряшливо оставлены хлебные корки, тарелки, миски из-под рыбы и т. д., притом столешница редко бывает чистой. На очаге варится и парится еда для следующего раза. В Саво и на севере Финляндии, а особенно в северной Карелии, избы не захламлены, пол более или менее чистый, столы и скамьи выскоблены добела. В избе нет грязных шкафов, сундуков, ушат, кадушек и пр., так как для хранения подобной утвари у них имеется специальная клеть, куда все это убирается

после употребления. Для приготовления пицци имеется особая постройка — котла¹. Казалось бы, все должно быть наоборот: южные финны, являясь более состоятельными, могли бы поддерживать лучший порядок в домах, но этого нет.

На следующее утро я отправился из Ювялахти в Ухтуа. В этой самой богатой деревне края восемьдесят домов, большинство из них добротные. Название происходит от реки Ухут, протекающей через деревню. Отсюда до Ювялахти по озеру Среднее Куйтти насчитывается три мили. Деревня делится на четыре части: Ламминпохья, Мийткала, Рюхья и Ликопяя. Половина села относится к волости Вуоккиннеми, другая — к волости Паанаярви. Граница между волостями проходит по реке Ухут. Я провел здесь целую неделю, усердно записывая руны и песни, которые пели мне деревенские мужчины и женщины. Самой лучшей певицей среди них оказалась некая вдова Матро. Она с вязанием в руках пела в течение полутора дней, после чего ее сменили другие, которые частично исполняли спетые Матро варианты, а также новые руны. Попутно я оказывал людям врачебную помощь, особенно на третий день своего пребывания здесь, так что, когда наступила пора уходить, из взятого с собой запаса лекарств осталось совсем немного. Но, врачуя, я извлекал выгоду и для себя: за порошки мне удавалось заполучить то подлиннее руну, то покороче. Другой платы я не брал, и поэтому тот, кто не знал песен, получал лекарство даром. Меня здесь всюду подстерегала опасность лопнуть от переедания, потому что, где бы я ни появлялся, на стол выставляли еду, и всегда приходилось есть, чтобы не обидеть хозяев. Несмотря на то, что был пост, во время которого даже инаковерующим обычно не дают ничего кроме постной пицци, меня везде угощали и маслом, и мясом, и молоком. Во время поста особым способом сохраняют молоко, припасая его к тому времени, когда снова можно будет употреблять мясную и молочную пищу (скоромное). Сначала молоко отстаивают и квасят. Затем снимают сметану, из которой взбивают масло. Когда снята сметана, в оставшейся простокваше образуется более густая и более жидкая масса. Жидкость отливают, после чего простоквашу сливают в глиняные горшки и ставят в умеренно теплую печь, где она превращается в своего рода творог, так называемое *рахкамайто*. Через пять-шесть часов его выни-

¹ См. примечание. с. 22.

мают из печи. В таком виде он, оказывается, не портится и его можно хранить хоть полгода. Творог имеет очень приятный вкус, остается только пожелать, чтобы и у нас научились его делать.

Однако вернусь к своей врачебной практике. Болезни, с которыми ко мне чаще всего обращались, это боли под ложечкой вследствие надрывов, и встречались они повсюду, куда бы я ни пришел: нередко были глазные заболевания. Мне пришлось удалить правый глаз одной десятилетней девочке, глазное яблоко которой, раздувшись до величины куриного яйца или чуть больше, выпирало из глазницы. Следует отметить, что старый знахарь из местных тоже хотел сделать операцию, но мать девочки не согласилась. Несомненно, она поступила разумно, так как результат мог быть менее удовлетворительным, потому что знахарю пришлось бы проделать операцию обычным пуукко¹. Здесь нет бритв, которыми пользуются у нас при операциях, так как никто не бреется. Даже я, имея в своей аптечке специальный инструмент, приступил к операции после долгих колебаний: ведь мне на следующий день предстояло идти дальше и надо было оставить больную на произвол судьбы. Уже позднее у себя в Каяни я слышал от людей из Ухтуа, что девочка поправилась, к тому же все произошло именно так, как я и предсказывал: воспаление, нагноение и т. д.; поэтому я уверен, что, попади я еще раз в эти края, количество моих пациентов значительно увеличилось бы. Когда я удалил глаз, мать девочки упала к моим ногам и выразила свою радость словами: «Вы сам бог, раз избавили меня от такого горя». На мою долю еще никогда не выпадало таких почестей, и подобное восхваление показалось мне очень странным. Однако следует упомянуть об одном обстоятельстве, несколько снижающем ценность такого возвеличивания, — здесь люди порою называют обычных деревенских знахарей и заклинателей полубогами и идолами. Скверный обычай у здешних людей — возможно, это влияние Востока: если они хотят оказать кому-нибудь особую честь, то падают в ноги. Каждый раз, когда мне оказывали такие почести, я старался внушить людям, что человеку нельзя так унижать себя, но мои замечания никто не брал во внимание. Однажды

¹ Пуукко (*фин.* puukko) — универсальный нож у карел и финнов, применяемый на охоте и в хозяйстве; обычно его носили на поясе в ножнах. Карельское название veitsi — нож; русское — финский нож, финка.

я попал в глупейшее положение: во время ярмарки зимой этого года один мужик из Вуоккиниemi пал ниц передо мною, и прежде чем я успел поднять его, вошли мои друзья, и это стало предметом их насмешек.

Помимо рун и возведения в «божественный сан», которое я заслужил лечением людей в Ухтуа и своими лекарствами, мне дарили медные колечки и другие подобные предметы, которые я до сих пор храню. Я повстречал здесь женщину лет тридцати родом из Финляндии, из прихода Рауталампи. Ее звали Анни. Девять лет тому назад она прибыла в эту деревню. Рассказ о ее судьбе, который я услышал, мог бы послужить материалом для целого романа. Попытаюсь коротко описать, что с ней произошло. Два ухтинских коробейника по пути в южную Финляндию остановились в Рауталампи в доме, где Анни была служанкой. Один из них все поглядывал на нее, но, так и не сказав ничего, утром отправился дальше. Весной, возвращаясь с побережья, он снова пришел в эту деревню. Войдя в избу и увидев девушку, сидящую за прялкой около печи, он бросился обнимать ее и сказал: «Больше мы никогда не расстанемся. С той поры, как я осенью ушел отсюда, я из-за тебя лишился сна». И он предложил ей поехать вместе с ним в Россию и там обвенчаться. Девушка вначале ни в какую не соглашалась, но когда парень сказал, что иначе он не уйдет из дома, она уступила. Кое-какие небольшие подарки, которые коробейник поднес родственникам девушки, склонили и их к этому. Так и пришлось Анни последовать за ним. «Первым делом, прибыв сюда, мы пошли к попу, тот окрестил меня в другую веру и обвенчал нас». Она вынесла показать мне богато расшитую бумазейную юбку, подаренную мужем по этому случаю. «Но вскоре я узнала, что муж мой еще раньше был обручен с другой девушкой, живущей в этой же деревне,— и она назвала имя женщины, которую я, оказывается, накануне видел.— Та начала всячески приманивать к себе моего мужа, но это ей долго не удавалось. В конце концов она заморозила его, он совсем перестал обращать на меня внимание и был только с нею. Видя, что никаких изменений к лучшему не ожидается, я решила поехать в Кемь и заявить об этом исправнику. Было расследование, которое кончилось тем, что мужа моего взяли в солдаты, так что мы обе остались ни с чем». Меня тронула ее судьба, тем более, что она была родом из знакомых мне мест в Финляндии. Теперь у нее было двое детей, мальчик и девочка. Она бы с радостью верну-

лась в родные места, но ей нельзя было брать с собой мальчика, родившегося в России. И по языку, и по облику Анни настолько походила на остальных женщин этого края, что я ни за что не догадался бы, что она нездешняя.

Прежде чем покинуть Ухтуа, хочу остановиться на истории этой большой зажиточной деревни: при правлении Карла XII во времена Северной войны деревня была уничтожена дотла. В здешних краях эту войну называют «суконной», а также «грабительской войной». Первое название произошло от того, что тогдашний фискал из Каяни конфисковал у русских сукно, что и явилось поводом к жестокой войне в этих пограничных краях. До той поры здесь жили в мире и поддерживали хорошие добрососедские отношения, тогда как в других местах шла война. Но после конфискации и здесь все изменилось. Второе название указывает на грабительские набеги, которые и сделали эту войну печально известной. Мы привыкли давать односторонние оценки и содрогаться от ужаса, читая о разорениях, совершенных неприятелем на нашей земле, зачастую забывая о том, что наши земляки действовали ничуть не милосерднее и не человечнее, стоило им оказаться за рубежом, на вражеской земле. Жуткие истории о бесчинствах врагов рассказывают наши старики: о младенцах, заколотых в колыбели, об изнасилованных женщинах, о людях, сожженных заживо либо как-то иначе замученных до смерти в то злополучное время,— подобное же старики здешних мест рассказывают о действиях наших соотечественников. В ту пору некая группа финских крестьян пересекла границу, грабила и жгла все вокруг и в волости Вуоккинеми, и в соседних волостях и сожгла Ухтуа. Потом, говорят, деревня пустовала, а первый житель якобы пришел из Финляндии из прихода Кианта губернии Каяни. Если это правда, пусть она будет подтверждением того, насколько война опустошила этот край, коли на эти плодородные места, поля и нивы, расположенные к тому же на берегу богатого рыбой озера — что тоже было немаловажно при выборе места для поселения,— не нашлось человека ближе, чем из Кианта, до которого отсюда не менее двенадцати миль. Мне так и не удалось выяснить, кто же возглавлял тот финский поход. В Кухмо и Репола еще помнят наиболее известных главарей времен «суконной войны». На финской стороне прославился Олли Кяхкёнен, а на русской — некий крестьянин по имени Большой Петри. Расскажам об их подвигах

нет конца, поэтому оставим все это до следующего раза, а теперь — снова в путь.

Из Ухтуа я вернулся в Ювялахти, где пробыл очень недолго, так как мне удалось отыскать там лишь одного рунопевца, да и то весьма посредственного. Я не мог посетить богатого крестьянина Дмитрея, потому что жил он в миле от деревни, около порога Энонсуу, разделяющего Верхнее и Среднее озера Куйтти. Этот Дмитрий — несомненно, самый богатый человек в волости Вуоккиниemi. Его собственность оценивали в шестьдесят, а то и в сто тысяч рублей. Такой богач сам уже не ездил торговать, а извлекал из своих денег прибыль иным путем. Он закупал сначала различные товары, которые затем продавал за деньги либо давал в долг несостоятельным односельчанам. Кроме того, бывая на ярмарках и скупая товары в одном месте, он перевозил их и продавал в другом. К тому же он давал под большие проценты в долг деньги начинающим предпринимателям. Я слышал, что ему платят даже по двадцать пять — тридцать процентов за сотню, в зависимости от того, каким доверием пользуется получатель ссуды. Разбогател Дмитрий, говорят, на торговле рыбой. В местах, где он живет, рыба водится в изобилии, отсюда и хорошие уловы из года в год.

Из Ювялахти я отправился в село Вуоккиниemi. Зашел в дом Липпонена, с сыновьями которого уже был знаком. Здесь мне сразу же предложили чаю. На следующий день я ходил в ближайшие дома и записывал руны. Меня, в частности, привели в один довольно бедный с виду дом, хозяйка которого, по словам моего провожатого, знала немало хороших рун. Но я никак не мог уговорить ее петь, она отговаривалась тем, что во время поста грех заниматься таким пустым делом. Мужчина, сопровождавший меня, сказал, что с самого начала сомневался, согласится ли она, потому что она относится к другой вере. Я спросил, к какой другой вере. «Есть и у нас такие, как ваши кёрты*, которые считают себя более святыми, чем все остальные». Он рассказал, что существует три или четыре старобрядческих толка. Я заинтересовался, какие расхождения у них в вопросах религии, но мужчина не смог мне толком ответить на это. [...]

Из дома Липпонена, где меня потчевали чаем, французским вином и другими хорошими угощениями, я направился в Ченанниemi, где застал ранее упомянутую мной старую Мари в полном здравии и благополучии. Чаю и здесь было более чем достаточно. В здешних местах пьют

не внакладку, а вприкуску, как у нас кофе. Сухарей вообще не едят, сливки во время поста не потребляют, хотя на сей раз для меня поставили на стол сливочник. Иные так строго соблюдают пост, что не едят даже сахар, считая, что его рафинируют кровью. Всякая еда, хотя бы маломальски связанная с кровью или мясом, во время поста отвергается. Вместо сахара употребляют мед.

Я заночевал в Ченаниеми и до поздней ночи записывал руны от Юрки Кеттунена* — хозяина соседнего дома. На следующее утро я продолжил запись. В свое время Юрки пел ныне покойному доктору Топелиусу в Уусикарлепу, как он сам сказал, целых три дня. Меня очень удивило, что в собрании Топелиуса я не нашел тех рун, которые он спел мне на этот раз. Сам он пояснил это следующим образом: «Зачем петь те, которые уже и так напечатаны?» Когда он исполнял песню, сочиненную его двоюродным братом Пиетари Кеттуненом, возможно, уже знакомую некоторым читателям¹, здесь сидела вдова Пиетари, Мари. Я спросил у нее, правда ли то, что говорится в отрывке, посвященном ей. Она, несмотря на свой преклонный возраст, заметно покраснела и ответила: «Правда, насколько это может быть в песнях». Этим она хотела сказать, что стихи вообще не отражают полной жизненной правды. «Однако,— продолжала она,— Юрки забыл лучшие места, которые, кроме меня, никто не знает». Я возразил, сказав, что эту руну помнят даже на ее родине в Кийминги, где мне довелось услышать ее от одного возницы. Тогда она принялась расспрашивать меня о своей родине, но я, к сожалению, мало что знал. Вдова жаловалась, что родственники уже много лет не навещают ее, а сама она слишком стара, чтобы навеститься к ним. На глазах у нее выступили слезы, когда она промолвила, что, по-видимому, уже никогда не вернется в родные края, где впервые увидела дневной свет, услышала первую кукушку весной, собрала в лесу первые ягоды. И хотя она прожила здесь сорок лет, воспоминания о родине сильно взволновали ее, и на какое-то время она погрузилась в свои мысли. Сменив разговор, мне удалось уговорить ее спеть забытые Юрки отрывки руны: сперва она отказывалась, но когда ее стали просить еще и сыновья, согласилась.

Пробыв целый день в Ченаниеми, я отправился в деревню Кивиярви, находящуюся в двух с половиной милях отсюда. Теперь взору открывалась иная картина, по

¹ См. примечание к с. 100. В оригинале песня не напечатана.

сравнению с той, что я видел, когда ехал из Лонкка, в Вуоннинен. До этих мест земля была почти полностью свободна от снега, но чем ближе мы подъезжали к Кивиярви, тем лучше становился санный путь. Распутица меня уже не страшила, и я пожалел, что не задержался подольше в деревнях Ухтуа, Ювялахти и Вуоккинеми. А в Кивиярви снегу было еще на пол-локтя.

Не задерживаясь здесь долее, я отправился в деревню Латварви, расположенную, в стороне, в миле отсюда, где некий крестьянин Архиппа слыл хорошим рунопевцем. Это был уже восьмидесятилетний старец*, обладавший на удивление хорошей памятью. Целых два дня и еще немного третьего я записывал от него руны. Он пел их в хорошей последовательности, без заметных пропусков, большинство из его песен мне не доводилось записывать от других; сомневаюсь, чтобы их можно было еще где-либо найти. Поэтому я очень доволен, что посетил его. Как знать, застал бы я старика в живых в следующий раз, а если бы он умер, изрядная часть древних рун ушла бы с ним в могилу. Когда речь зашла о его детстве и о давно умершем отце, от которого он унаследовал свои руны, старик воодушевился.

«Когда мы, бывало,— рассказывал он,— ловя неводом рыбу на озере Лапукка, отдыхали на берегу у костра, вот бы где вам побывать! Помощником у нас был один крестьянин из деревни Лапукка, тоже хороший певец, но все же с покойным отцом его не сравнить. Зачастую, взявшись за руки, они пели у костра все ночи напролет, но никогда не повторяли одну и ту же песню дважды. Тогда еще мальчишка, я слушал их и постепенно запомнил лучшие песни. Но многое уже забылось. Из моих сыновей после моей смерти ни один не станет певцом, как я после своего отца. Да и старинные песни уже не в таком почете, как в годы моего детства, когда они звучали и во время работы, и в часы досуга. Бывает, правда, когда соберется народ, иной, выпив малость, и споет, но редко услышишь что-нибудь стоящее. Вместо этого молодежь теперь распевает какие-то непристойные песни, которыми я не стал бы и уста свои осквернять. Вот если бы в ту пору кто-нибудь искал руны, как теперь, то и за две недели не успел бы записать всего, что только один мой отец знал».

Говоря это, старик растрогался чуть не до слез, да и я не мог без волнения слушать его рассказ о добрых старых временах, хотя, как это часто бывает в подобных случаях, большая часть похвал старца основывалась лишь

на его воображении. Старинные руны пока еще не забылись настолько, как он полагал, хотя их на самом деле становится все меньше и меньше. Руны еще можно услышать в наши дни, возможно, их услышат несколько поколений и после нас. Неверно и то, что к рунам относятся с пренебрежением. Наоборот, когда их поют, то слушают и молодые и старые.

Несмотря на бедность, дом Архиппы был мне более по душе, чем иные зажиточные дома. Все в доме почитали старого Архиппу, как патриарха, таковым он казался и мне. Он был лишен многих предрассудков, широко распространённых здесь. Он и все домочадцы ели вместе со мной, за одним столом, из одной и той же посуды, что вообще редко бывает в этих местах. Что в сравнении с этим маленькая неуклюжесть, которую старик проявил во время еды! Он руками взял рыбину из общего блюда и положил мне на тарелку. Сколь ни странной казалась такая манера угощения, но у меня хватило ума оценить ее как проявление доброжелательности. Аппетит у меня от этого не пострадал, тем более, что, как и во всех здешних домах, тут строго соблюдают правило мыть руки перед едой и после еды. Для этого в каждом доме имеется рукомой, подвешенный к грядке недалеко от входной двери, тут же висит полотенце. Под умывальником находится довольно большая лохань. Рукомой обычно делают из какого-нибудь металла, дерева, бересты и т. п., в зависимости от состоятельности хозяина.

Может быть, кому-то интересно узнать, как исполняет руну настоящий певец*. Если рядом нет другого певца, он поет и один, но если рунопевцев двое, как того требует более торжественное исполнение рун, они садятся рядом либо друг против друга и, взявшись либо за одну, либо за обе руки, начинают петь. При пении они размеренно покачиваются вперед и назад, и создается впечатление, будто они по очереди тянут друг друга к себе. Сначала один из них поет строку, другой присоединяется к пению на последнем такте и повторяет всю строку. Во время повторения первый обдумывает следующую строку, и так продолжается пение, независимо от того, исполняют ли они уже известную руну или создают новую. По большим праздникам, когда собирается сразу несколько певцов, между ними порой возникает состязание. Знакомые и друзья с обеих сторон бьются об заклад, кто из певцов окажется победителем. Архиппа рассказал, что от их деревни петь на состязаниях всегда выдвигали его и он не припомнит ни

одного поражения. Как же они состязаются в песнопении? Иначе, чем в академиях изящных искусств: побеждает не тот, чьи песни лучше, а тот, кто больше пропоет. Сначала один исполняет какую-нибудь руну, на которую другой отвечает рунной примерно такой же длины. Затем опять очередь за первым, и так пение продолжается. Если у одного песни иссякли, а другой еще продолжает петь, последнего признают победителем. Когда певцы посредственные, то тут можно вдоволь посмеяться над их усилиями сказать последнее слово. Такое состязание напоминает драку двух курок: побеждает та, что дольше прокудахчет. Лучшие песни ими давно позабыты, приводятся лишь разрозненные отрывки рун и отдельные слова, с помощью которых певцы стремятся выйти в победители. Иначе обстоит дело у хороших рунопевцев, о которых говорится в руне: «День за днем он распевает, скazujeет ночь за ночью». И в самом деле, только сон прерывает состязание, в котором либо не оказывается победителей, либо выигравшими считаются оба. Хороший рунопевец обычно начинает песню словами:

Овладело мной желанье,
 мне подсказывает разум:
 не приняться ли за песню,
 не начать ли песнопенье?
 Золотце мое, мой братец,
 мой красивый соплеменник,
 мы встречаемся не часто,
 чтобы говорить друг с другом
 в стороне суровой этой,
 на печальных землях Похьи.
 Подадим друг другу руки,
 пальцы с пальцами сведем мы,
 чтобы песни спеть из лучших,
 чтоб хорошие исполнить
 слушателям дорогим,
 слушателям ненаглядным
 среди растущей молодежи,
 среди юного народа,—
 эти песни, что добыты,
 заклинания, что взяты
 с пояса у старца Вяйнё,
 из-под Илмари горнила,
 с кончика меча у Кауко,
 с острия стрелы у Еуко
 на полянах дальних Похьи,
 на равнинах Калевалы.

Так когда-то пел отец мой,
 пел, строгая топорище,
 мать меня учила песням.
 Матушка их напевала,

колесо вращая прялки,
 запуская веретенец.

Есть еще слова другие,
 выученные реченья,
 выхваченные с обочин,
 выдерганные с кусточков,
 с вереска на боровинках
 в дни пастушеские в детстве,
 в дни, когда ходил за стадом
 по медовым кочкам дуга,
 по лужайкам золотистым,
 по следам моей Чернушки,
 по путям моей Пеструшки.
 Сотни слов я взял оттуда,
 тысячи набрал я песен.
 Все в клубочек замотал я,
 закрутил в моток покрепче,
 положил клубок на сани,
 в чулочник моток упрятал.
 Долго были на морозе,
 долго зябли от печали.
 Вот несу с мороза песни,
 приношу из стужи руны
 на конец скамьи железной,
 на конец доски сосновой
 здесь под матицу родную,
 под прославленную кровлю,
 вот развязываю узел.
 вот клубочек распускаю.
 Запою я песнь из лучших,

из прекраснейших исполню
на ржаной на грубой пище,
лишь залив ячменным пивом.
Коль не будет рядом пива,
не окажется и кваса,
я спою сухою глоткой,

я спою и на водице,
чтобы вечер не был скучным,
день счастливо завершился,
началось прекрасно утро,
наступил бы день грядущий.

В доме Архиппы, когда я пришел к ним, один из детей был при смерти. Все домашние, как и я, понимали, что лекарства уже не помогут. Они спросили у меня, как я думаю: от бога ли эта болезнь или же наслана дурными людьми? Я сказал первое, да и сами они были склонны так думать. Вечером все легли спать, одна мать осталась сидеть возле постели больного ребенка. Через некоторое время меня разбудил пронзительный, душераздирающий, глубоко трогающий плач-песня¹ матери, который возвещал о кончине ее ребенка. О сне нечего было и думать. Пока мать причитала и плакала одна, было еще терпимо, но вскоре из соседнего дома привели специально приглашенную плакальщицу, голос которой был во много раз пронзительней, чем у матери. Они обняли друг друга и начали причитывать что есть мочи. Наконец тело было обмыто теплой водой, обтерто березовыми листьями и одето в чистую льняную рубашку. Рот прикрыли чистым полотняным лоскутом, по такому же лоскуту положили на ноги. В талии тело обвязали шнурком, заменяющим пояс, поскольку, отправляясь в путь, не говоря уже о вечности, принято подпоясываться. Все это время женщины голосили, повторяя тот же душераздирающий плач. Мать и другие плачущие (а днем их собралось несколько человек) время от времени обнимали друг друга либо старого Архиппу и других домочадцев. Лишь меня избавили от этих объятий. Старик Архиппа несколько раз просил мать успокоиться, но напрасно. Голошение продолжалось целый день. Подобное выражение скорби здесь называется *причитанием*, а сама скорбная песня — *иткувирси* [плач]. Но мне придется оставить объяснение содержания плачей на следующий раз.

Э. Л.

¹ Так Лённрот называет жанр причитания, с которым встретился впервые.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ¹

(Черновик письма, по-фински)

1 мая 1834 г.

[...] На следующий день рано утром я поехал в Кивиярви, где поменял лошадей, чтобы доехать до деревни Латваярви. Прибыв туда 25 апреля, я этот день и весь следующий записывал от одного восьмидесятилетнего старика различные руны.

27-е было воскресенье, и я попросил деревенских баб собраться вместе, чтобы записать от них песни. Вскоре изба наполнилась людьми. Я сварил большой котелок чаю, чтобы напоить всех желающих. Пели почти до самого вечера.

Оттуда я вернулся в Финляндию. 28 число провел в Кианта в доме священника Сакса и уже в самую распутицу добирался до Каяни, куда и прибыл вчера днем. Теперь тебе известно о моих странствиях... Ты, по-видимому, знаешь, что повсюду в российских деревнях живут кучно. Например, в Ухтуа более восьмидесяти домов на одних пахотах, точно так же в Вуоккиниemi, Ювялахти и других. Так что можешь представить себе, сколько рун мне удалось собрать за поездку. Записал много новых рун о Вяйнямейнене и добавлений к старым. Хорошо, что не успели напечатать те руны². От женщин я записал много *сетований*, если можно так назвать те песни, которые у других народов называются балладами,—впрочем, скоро сможешь их посмотреть. За поездку я исписал целых две книги бумаги. За время всех моих поездок я не встречал более искусных рунопевцев, чем в 1828 году в Кесялахти Юхана Кайнулайнен и во время нынешней поездки в Латваярви—Архиппа. Первому по своим тогдашним средствам я дал один рубль, второму—три с половиной риксдалера, но будь я побогаче, я дал бы им в качестве почетной награды по двадцать рублей каждому. [...]

¹ Кекман К. Н.—секретарь Финского литературного общества в 1831—1838 гг., первый преподаватель финского языка в Гельсингфорском университете (с 1829 года).

² Имеется в виду рукопись, которую Лённрот зимой 1834 года отправил в ФЛО для напечатания.

АПТЕКАРЮ СКОГМАНУ

(Черновик письма)

20 ноября 1834 г.

Спасибо тебе за письмо, которое я получил по возвращении из Кухмо и волости Репола, что на русской стороне. Ехал я туда по открытой воде, но пока занимался прививками и разными другими делами, лед стал и выпал снег. Начало пути совпало с кекри*, поэтому, наверное, догадываешься, что у меня ни в чем не было недостатка. К слову, до сего времени мне не приходилось видеть этот край таким богатым. Вот только домашнее пиво, приготовленное к приезду, не заслуживает похвалы, поскольку в нем совсем нет хмеля. Но я вышел из положения таким образом, что не пил его вовсе. Иначе обстояло дело с чаем, которым меня усердно поили в Репола, в доме священника. По весьма достоверному описанию того чаепития можешь судить, сколько мне пришлось выпить в тот день: утром — шесть чашек чаю и четыре чашки кофе в доме попа (в первой половине дня), после завтрака я был приглашен в гости в дом крестьянина Тахвонена, где выпил четыре чашки чаю и три чашки кофе, сразу после обеда (перед отъездом) — еще шесть чашек чаю, опять в доме попа. Бог весть чем бы меня угостили вечером, но я своевременно уехал, познав на горьком опыте, сколь трудно приходится порой бедному желудку.

Подробности после, через пару недель, когда я собственной персоной буду иметь честь нанести тебе визит. [...]

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

Каяни, 6 февраля 1835 г.

...Этой осенью по возвращении из Хельсинки я вновь съездил на русскую сторону в волость Репола за пополнением к записям¹, о чем уже писал ранее...

¹ В этот раз Лённроту удалось записать в деревнях волости Репола песни, относящиеся к медвежьему празднику.

Шестое путешествие

1835 г.

Закончив работу над «Калевалой», Лённрот с еще большим энтузиазмом продолжает начатое дело, значение которого он стал более ясно осознавать. В апреле 1835 года он совершает поездку в восточную часть территории, занимаемой русскими карелами, о чем и рассказывается на следующих страницах. Из Кухмо он прошел через Репола в Рукаярви, оттуда вдоль реки Чиркка-Кемь — в Юшкюярви, Ухтуа, Ювялахти и Вуоккиниemi и через Кванта вернулся домой. В приложении приводится несколько отрывков из писем, по которым видно, что в конце августа 1835 года Лённрот побывал в Лапука, что находится на русской стороне.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

(По-фински)

Кухмо, 12 апреля 1835 г.

Дорогой друг!

Минула уже целая неделя, как я выехал из Каяни, намереваясь до начала распутицы переправиться на русскую сторону. Распутица уже на носу, а я пока что не продвинулся дальше пасторского дома в Кухмо. Но себя я не виню за излишнюю медлительность, просто пришлось задержаться на несколько дней из-за одного тяжелобольного. Кроме того, я поджидал свежую противоосповую вакцину, чтобы отвезти ее в Россию. Эту вакцину просил у меня и устно и письменно священник из Репола. Но скучать здесь не пришлось. В начале недели я ходил с попами, которые проводили кинкери в деревнях, расположенных вдоль границы с Россией. Там мне удалось записать несколько рун от крестьян, приехавших на кинкери с русской стороны. Вторую половину недели в доме священника Кухмо играли в карты с тремя попами, ленсманом из Соткамо, волостным писарем и пр. Но, как говорят, и хорошей свадьбе приходит конец, и теперь после обеда мне предстоит отправиться в путь в Репола. Началась распутица, дороги развезло, а до погоста Репола семь миль. Тем не менее надеюсь попасть туда так или иначе, хотя

бы на лыжах. По-видимому, так и придется добираться, говорят, лошадь проваливается на каждом шагу. Так я заранее хочу поприветствовать тебя письмом, поскольку есть возможность отправить письмо с ленсманом из Соткамо до Каяни, откуда он перешлет его тебе. В прошлый раз я, кажется, забыл попросить тебя подправить заголовки к каждой руне, прежде чем печатать тексты. Если будет надобность, могу более пространно написать во вводной статье о поэтике рун. Хотел бы о поэтике написать по-шведски в газету «Helsingfors Morgonblad», но времени на все не хватает. Может быть, ты напишешь, а то наши господа поэты, даже сам Ютейни, совсем отошли от настоящего стихосложения, не худо бы им напомнить об этом.

Как тебе нравится название «Калевала»? Если хотите, можете и другое название дать. [...]

Кажется, я не все материалы отправил в архив, так как на листах со старыми рунами записаны и некоторые новые, а их я еще не сдавал.

На этом кончаю. Передавай привет всем и пиши мне, я же отвечу, как только вернусь из России. С дружеским братским приветом

Элиас Лённрот

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

*В Рукаярви 21 апреля 1835-го,
во вторник на святой неделе*

В свадебном обряде патьвашка* нужен для того, чтобы злые люди не испортили отношений между молодыми. Он предохраняет их своей магической силой.

Несколько лет тому назад священников в России наделили землей. Но из них редко кто годится в хлебопашцы, а наемная сила обходится дорого — плата за работника сто рублей в год. Поэтому они отдают землю в аренду и за это получают третью часть урожая. Когда попов наделяли землей, им отводили лучшие поля и луга, не спрашивая согласия тех, кто раньше обрабатывал эти угодья. Из-за этого в ряде мест некогда богатые крестьяне обеднели. Но у них нет права жаловаться на несправедливое отношение к ним, ведь вся земля принадлежит царю, а за

ними закреплено лишь право на возделывание земли, но не на владение ею.

В Рукаярви встают рано, около пяти-шести часов утра. Затапливается печь. В нее кладут большие круглые камни, которыми потом нагревают пойло для коров. Возможно, в древности и пищу варили при помощи раскаленных камней. Вероятно, отсюда и произошло слово *keittää* (варить), которое сначала, по-видимому, было *kivittää* (нагревать камнями, от *kivi* — камень). Позднее, видимо, прибегали к помощи плоских камней — плитняка, отсюда и произошло слово *pata* (котел), т. к. варили на плитняке *paella*. Так же от слова *paasi* (плитняк) произошел глагол *paistaa* (печь).

Затопив печь, начинают стряпать калитки, сульчины, пироги, блины и т. д. на целый день. Для калиток сначала раскатывают сканцы толщиной примерно в две линии¹, на которые накладывают начинку — кашу из ячневой крупы, сваренную на молоке. Края сканца загивают кверху и ставят калитки в печь. Для сульчины раскатывают сканцы еще тоньше, даже до пол-линии, и выпекают на углях. Они из пшеничной муки. Вынув из печи, стряпню смазывают квасом, а в середку калитки кладут еще сметану. Перед едой сульчины начиняют довольно густой пшеничной кашей, сваренной на молоке, и сгибают пополам. Кроме того, на обед, *муркина*², готовят еще мясную или рыбную похлебку, молочный суп, рыбу, мясо, второг, масло. Когда печь протопится, закрывают дымоволок на потолке и готовят кофе или чай и пьют по несколько чашек подряд. Затем обед. После него до шести часов вечера ничего не едят, а там опять пьют чай, а затем ужинают. Время, когда топится печь, не из приятных, потому что низенькая изба наполняется дымом, то и дело приходится открывать двери, чтобы проветрить, и тогда становится холодно. Проходит три-четыре часа, прежде чем можно будет закрыть дымоволок. [...]

Только что пришел с танцев, или игриш, *кисат*, как их здесь называют. Нанятая за два гроша с каждого юноши маленькая изба быстро заполнилась народом. В моем присутствии играли под русские песни тремя способами. Первый называется *шина*. В нем, как и в кадрили, все стали парами. По две пары находятся в беспрестанном движе-

¹ Линия — старинная мера длины, равняется 1/12 дюйма, или 2 миллиграмм.

² Муркина (кар. *murkina*) — обед около 11—12 часов.

нии. По очереди то одна, то другая пара переходит с одной стороны избы на другую, обходя встречную пару, причем девушки проходят по центру, а парни обходят девушек справа. Это повторяется несколько раз и сопровождается выходом каждого парня перед девушкой, которая все это время старается стоять неподвижно. Затем пары кружатся и отходят в сторону, а две другие, стоящие друг против друга, выходят танцевать им на смену. И так весь круг танцующих втягивается в танец, как в пурпуре¹.

*Кясиветелюс*² также играли под русские песни. Здесь вперед выходит только одна пара. Парень и девушка становятся друг против друга. Сначала кавалер берет, к примеру, правой рукой девушку за левую руку, проходит с нею несколько шагов, находясь слева от нее. Затем меняет руку и ведет девушку обратно левой рукой за правую руку, находясь теперь справа от нее. Так они прохаживаются несколько раз, и на этом танец заканчивается.

Третий танец называется *круг*. Сначала все встают в круг. Затем пары перемещаются с места на место: с одного конца переходят на другой, под поднятыми руками танцующих проходят за круг, иногда оказываются спиной к кругу или выходят из круга, то вновь возвращаются в него. Все эти игры исполняются медленно, кроме первой, при которой чуть не стучаются лбами о воронец.

Игрище едва не закончилось печально. Явилась хозяйка с кочергой: «Что за разбойники ворвались в дом?» Оказывается, муж без ее ведома разрешил играть в доме. Ее увели, и игры возобновились, как только вернулись девушки, успевшие в испуге убежать на улицу. Иногда девушка приглашала парня в игру, а иногда — наоборот. Пары то и дело обменивались любезностями, как и водится на танцах. У меня была с собой флейта, и я стал наигрывать песни. Оказалось, что не было особой разницы в том, что играешь, плясали под любые песни. Мне сказали, что кроме этих есть еще много разных игр, которые сегодня не игрались. Здесь не танцуют полек, контрдансов и пр., которые танцуют у нас.

Все девушки были одеты кто в красные, кто в белые рубахи, поверх которых — юбки с выкроенными вместе

¹ Пурпури (*фин.* purpuri) — финский народный танец из 14 и более фигур.

² Кясиветелюс (*кар.* käšivetelys) — букв. «хождение рука об руку», старинная карельская игра.

либо пришитыми к ним лифами, если можно так назвать две полоски, или лямки, шириной в два или более дюйма, перекинутые через плечи¹. Волосы у каждой были заплетены в косу, от косы вдоль спины висела шелковая лента, длиной в пол-локтя и шириной в полтора дюйма². Голова была повязана косынкой, предварительно сложенной в полосу шириной в четыре с половиной дюйма, как обычно мужчины складывают свои шейные платки. Ею обвязывали голову, начиная со лба, а сзади под косой завязывали на один узелок. Любой, увидев этих девушек, подтвердил бы, что они были нарядно одеты. Да и на лицо недурны, правда, некоторые из них были рябые, зато другие по-настоящему красивы. К тому же они скромно вели себя, что меня особенно порадовало. Парни были одеты по-разному. У некоторых брюки заправлены в высокие голенища сапог. У иных верхняя часть носков с узором — паголенки — отвернута на голенища. Рубашка, синяя либо красная, приспущена на штаны. Поверх рубашки у одних кафтан, у других полушубок. У кого шейный платок, а кто и без него. Лишь один парень был в сюртуке, но он и танцевал все время с дочерью попа.

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Рукаярви, 22 апреля, среда, 1835 г.

Теперь осталось пустить кровь одному больному и можно отправляться из этой большой деревни дальше. Здесь не удалось записать ни слова, ни полслова. Ухожу, как некогда Вяйнямёйнен уходил из Туонелы, но где мне отыскать Антеро Випунена, чтобы пойти к нему и найти нужные слова?³ Не побоялся бы, если бы пришлось идти хоть по остриям иголок. Осталось записать причитание от одной женщины, если она согласится его исполнить, так как опасается, как бы не было дурных последствий от этого.

¹ Так Лённрот описывает сарафан — предмет одежды карельских женщин.

² В Швеции и Финляндии локоть равнялся 0,594 метра, дюйм — 2,47 сантиметра.

³ Намек на эпический сюжет «Хождение к Випунену», составляющий 17-ю руну второго издания «Калевалы».

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Дом священника в Кианта, 1 мая 1835 г., в пятницу

22 апреля, в среду, отправился из Рукаваара, унося с собой добрые воспоминания о том, как меня там принимали. Но тщетно я пытался отыскать там руны. Лишь в последний день записал от женщин несколько причитаний, да и то не особо значительных. Я уже и раньше пытался записывать причитания, но все безуспешно. Похоже, они очень древние, так как в них есть совершенно немислимые слова, которых не понять ни с первого, ни со второго раза. А если начнешь переспрашивать, то исполнительница, как и записывающий, перезабудет половину, и поэтому не удастся записать все полностью. На свадьбе причитывают по девушке-невесте, покидающей отчим дом, на похоронах — по покойнику и т. д.

Из Рукаваара прошел 13 верст до хутора Екко деревни Тийкши, оттуда до Келловаара 20 верст, затем в Чиркка-Кемь — 7, Юшкюярви — 43, Нурмилахти — 40, Луусалми — 10, Ухтуа — 30, Ювялахти — 15, Вуоккиниemi — 30, Чена — 5, Кивиярви — 25 верст, затем 6 верст до Вийанки, 4 — до Хюрю, 10 — в Пуссила и 50 — до Кианта.

Переночевал в Екко. Затем дошел до Келловаара. Там записал несколько рун от одной старухи — сестры Архиппы из Латваярви*. Пополудни продолжил путь по реке Кемь в сторону Юшкюярви. Опасаясь, что лед уже тонкий, со мною поехали двое провожатых: сын упомянутой старухи со своим дядей. Ночью поспали немного в лесной избушке и снова отправились в путь, я проспал в санях всю дорогу. Затем был весьма приятно разбужен песней. В следующей избушке я два часа записывал песни от сына старухи — Симаны, а под вечер мы были уже в Юшкюярви.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

(По-фински)

Каяни, 8 мая 1835 г.

Дорогой друг!

С тех пор как я около месяца тому назад отправил тебе письмо из Кухмо, я почти все время пробыл на рус-

ской стороне от границы. Сначала из Кухмо прошел 7 миль до села Репола, затем — 12 до Рукаярви, оттуда — 8 в Юшкюярви, далее — 8 в Ухтуа, оттуда — 1½ в Ювялахти, затем — 3 в Вуоккиниemi и там — 3 в Кивиярви, откуда наконец вернулся на свою сторону. Кроме перечисленных мест заходил по пути в несколько мелких деревень, пройдя за пять недель всего 80 миль. Рун записал в разных местах целую книгу. Они могут послужить дополнениями и поправками к «Калевале», но я пока еще не успел определить, что куда отнести. Пожалуй, лучше все-таки напечатать то, что уже подготовлено, а со временем добавить все, что еще удастся собрать. Потому что если сейчас начать дорабатывать, то это задержит издание прежних. Я всегда считал, что чем дальше от границы, тем больше рун, но теперь убедился, что это не так. В Рукаярви — погосте, расположенном примерно в десяти милях от Белого моря, руны исполняются очень редко, а оттуда в сторону побережья они, по слухам, исчезли почти полностью. В этих краях русские песни совсем вытеснили финские¹. Когда мы от Рукаярви поднимались вверх по реке Кемь к Юшкюярви, то по дороге в некоторых деревнях, а также в самом Юшкюярви мне спели немало рун. В Ухтуа я повстречал прежде мне незнакомого мужчину по имени Ямала*, который сначала обещал за пять рублей петь целый день с утра до вечера, но увидев, что карандаш в моей руке движется быстрее, чем он ожидал, решил переиграть. Теперь он брался спеть двадцать рун подлинней за ту же плату и остальное, что припомнит, за добавочную оплату. Так я и записывал целый день только от него. Рядом сидел мальчуган и после каждой руны делал отметку на палке. Уже стемнело, когда Ямала спел обещанное количество рун, а на другой день до полудня я записывал от него же руны покороче. Когда я кончил, собрались деревенские девушки, которые начисто освободили мой карман от двадцатикопеечных монет. Таким образом, здесь и в других деревнях я записал довольно много рун. Если бы у меня было время, я с удовольствием отправился бы вновь вдоль границы до самой Лапландии, хотя вряд ли удастся выбраться туда раньше следующего года. После этого мне хотелось бы направиться в другую сторону, вдоль границы вплоть до Ладожского озера. Пограничные районы все же наиболее богаты песнями.

¹ Имеется в виду — карельские.

В прошлый раз я писал, что мне хотелось бы совершить более продолжительную поездку за счет Академии¹, и ты посоветовал мне написать прошение канцлеру, но, подумав и взвесив все еще раз, я решил отказаться от этого. И не потому, что считаю такую поездку бесполезной, но если даже она окажется удачной, я все же сомневаюсь, смогу ли я сделать столько, чтобы оправдать издержки. А если не смогу, то станут говорить, что я бесполезно трачу казенные средства. Лучше поехать на свои деньги, тогда, если даже потрачу их впустую, меня никто за это не упрекнет. Так что решил совсем выбросить из головы эту затею, но хотелось бы, чтобы кто-нибудь другой был отправлен в поездку с таким заданием. Это было бы нужное для Финляндии дело. [...]

Как ты находишь объяснение, полученное нынче мною относительно слова *Сампо**, по которому Сампо обозначает всю нашу Землю, а из-за звездного неба оно получило второе название — «пестрая крышка?» По-моему, недурно, особенно если вспомнить его первоначальное название у лопарей *sabme*, которое у финнов легко переименовалось в *sampo*. По этой версии все войны за Сампо являлись бы отражением завоеваний финнами лопарских земель. [...]

ФОХТУ ВИКМАНУ

(Черновик письма)

Кианта, 30 августа 1835 г.

После того как писал тебе последний раз, я направился в Россию, где посетил деревню Лапука по ту сторону границы. Заморозки почти везде погубили урожай, так что ячмень, к примеру, скошили косами и даже не обмолотили. Видать, для них будущий год будет очень тяжелым. Хоть на пожогах и сохранилось кое-что, но этого так мало, что зерна не хватит даже на семена. Может, на той стороне дела обстоят лучше. Эту неделю еще похожу с попами на кинкери, а затем не задерживаясь вернусь через Пуоланка. Через неделю, вероятно, покину эти края.

¹ Российская Академия наук.

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

Каяни, 18 сентября 1835 г.

Мой дорогой брат!

Только что вернулся домой через Кианта, Пуоланка, Хюрюнсальми с русской стороны, где странствовал около шести недель и прошел в общей сложности шестьдесят миль. Благодарю тебя за те три письма, которые пришли за время моего отсутствия. Слова, которые ты просишь объяснить в «Калевале», я подыскал и постараюсь отправить этой почтой. Присылай и впредь поболее, я постараюсь объяснить, что знаю. За последнюю поездку опять накопилось несколько сот новых пословиц и загадок. Как только перепишу их, сразу же вышлю их тебе или твоему брату в Оулу. Пробовал упорядочить загадки лучшим образом, чем у Ганандера¹, у меня оказалось сотни полторы новых, кроме того, нашлись более удачные варианты некоторых старых. [...]

¹ Имеется в виду сборник финских загадок, опубликованный Ганандером в 1783 году.

Мийхкали Перттуен, сын Архиппы

Рунопевцы Юрки Малинен, сын
Онтрея, и Ошво Хоманен

Деревня Вуоннинен

Латвиярви

Латвиярви

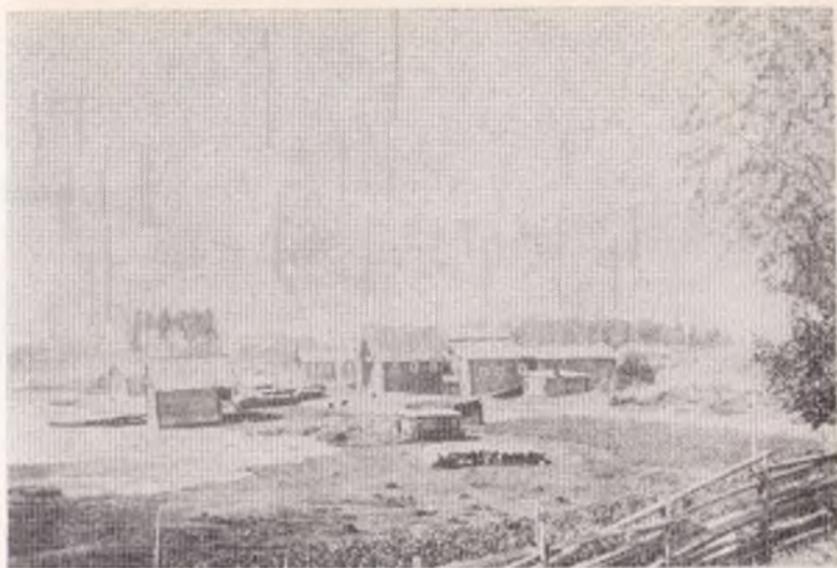

Кладбище в Луваярви

Плакальщица из Ювялахти

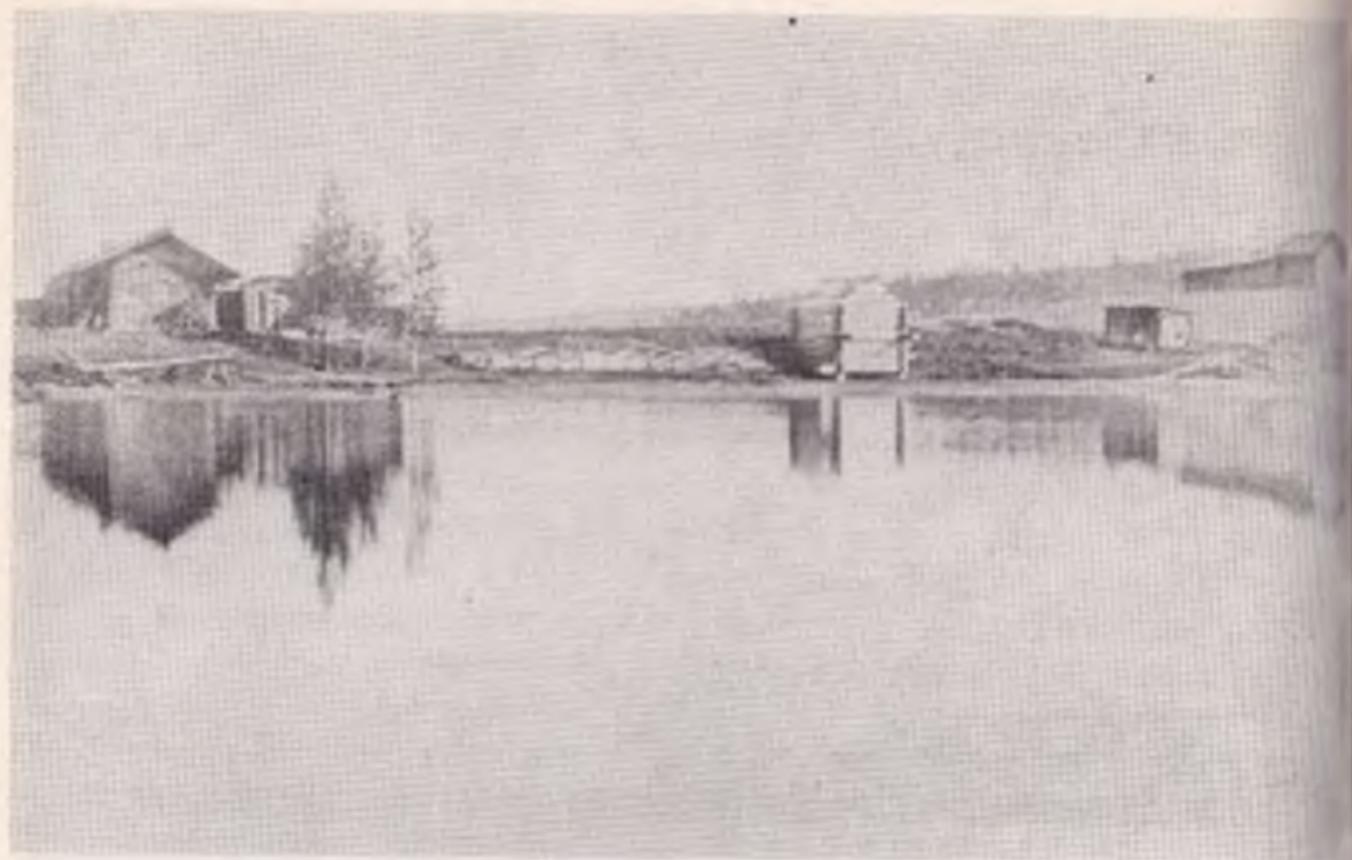

Деревня Ювялахти

Вид на Ченаниеми

Девушка Окахви из Ювялахти

Деревня Венехъярви

Супружеская пара из Венехьяри

Дервня Вуоккинеми

Порог Кёунас

Мальчик из Кианярви

Седьмое путешествие

1836—1837 гг.

Еще в 1835 году Лённрот задумал совершить поездку по всем тем местам, где бытует финский язык, и с этой целью хотел обратиться в университет за помощью, но не осуществил своих замыслов. Ему удалось выехать лишь осенью 1836 года, когда Финское литературное общество выделило для этого средства.

Эта поездка оказалась самой продолжительной и была совершена в двух направлениях — на север и юг. Сначала Лённрот отправился на север, в деревни Ухтуа, Куусамо, Кереть, Ковда, Кандалакша, Кола, Инари, Соданкюля, Куолаярви, а дальше через Куусамо и Кианта в мае 1837 года вернулся в Каяни. Затем Лённрот отправился на юг, сначала в деревни Вуоккинми и Репола, а оттуда в финляндскую Карелию, где пробыл до поздней осени, как об этом свидетельствует прилагаемый путевой очерк.

В ФИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

[Отчет]

Каяни, 8 марта 1838 г.

В письме от 28 февраля 1836 года Финское литературное общество предложило мне совершить очередную поездку по сбору финских рун и прочих видов народного творчества, которые, передаваясь из уст в уста, могли сохраниться до сих пор, но которые еще не записаны. Общество выделило мне для этого тысячу рублей. После того как мне был милостиво предоставлен отпуск сроком на год, составили и план поездки: сначала я должен был побывать у финнов, живущих в пограничных районах к северу отсюда, а затем совершить поездку на юго-восток, частично по территории России, частично — Финляндии.

Согласно нашему плану, мы отправились в Архангельскую губернию в сентябре вышеупомянутого года, наш путь пролегал через деревни Лонкка, Вуоннинен, Ювялахти и Ухтуа. В Ухтуа я расстался с господином Йоханом Фредриком Каяном, студентом, делившим со мной путь до этой деревни и возвращавшимся теперь в Финляндию, сам же направился на север, в места, расположенные меж-

ду озером Туоппаярви и финским приходом Куусамо. До рождества я побывал в деревнях Охта, Пистоярви, Суванто, Макари, Тухкала, Катослампи, Аккала, Кяпяли, Сууриярви, Вааракюля, в Ските и на Святом Острове. Рождественские праздники я провел в Куусамо, а оттуда поехал в окрестности Пяярви и Кантаярви. В России, севернее этих мест, финноязычное население не проживает, финские поселения кончаются здесь на двадцать-тридцать миль южной, чем в Финляндии, где земледелие и скотоводство распространены вплоть до деревни Кюрё, что на южном побережье озера Инари. Если бы целый ряд вопросов, неотлагательно требовавших выяснения, не заставил меня поехать в Колу, мне бы не пришлось удаляться так далеко на север и я от Пяярви мог бы направиться прямо в Кемиярви, Соданкюля и Куолаярви. И тогда бы те два месяца, которые я впустую странствовал среди лопарей и русских, не пропали бы даром для моей непосредственной работы.

Но перед поездкой я не представлял себе, сколь далеко на север России распространилось финское племя, я надеялся встретить финнов у Кандалакши и еще дальше. Самые северные финские деревни — Рува и Тумча — расположены недалеко от Пяярви. На всем побережье довольно большого озера Коутаярви теперь не осталось ни одного поселения, севернее его финны уже не живут. Поэтому из Пяярви я отправился на юго-восток в Кереть — довольно-таки большое село на берегу Белого моря, где живут русские. Мой путь проходил южнее Коутаярви, через деревни Маявалахти, Хейнярви, Елетъярви и Уусикюля, в которых проживает финское население. От Керети до Кандалакши считают 12 миль: 4 — до деревни Мустайоки, 2 — до погоста Ковда, 3 — до деревни Княжая и 3 — до погоста Кандалакша. Во всех этих поселениях говорят по-русски. От Кандалакши считают до города Кола 22 мили, из них 3 — до озера Имандра, 11 — вдоль по его берегу и еще 8 — до города. Все эти расстояния легко покрывают на оленях. В дороге через каждые три-четыре мили — почтовая станция. Лопари, живущие на станциях, довольно сносно говорят по-русски. Кола — невзрачный городок на берегу Кольского залива, протяженностью в четыре мили, который нынешней зимою, как бывало и раньше, не замерз. Городок со всех сторон окружен сопками. Дрова для отопления возят на собаках, так же как в Ковде и Кандалакше. Самые толстые березы, в диаметре не более двух дюймов, доставляются почти за милю по реке Туломе.

В начале марта я отправился из Колы, проезжая через лопарские поселения Муотка, Петсамо, Паатсйоки, Няутямё и доехал до Няутямёйоки, находящейся на границе с норвежской Лапландией, в пятнадцати милях к северу от погоста Инари. Говорят, будто весь путь составляет тридцать миль. Эти деревни находятся всего в каких-нибудь трех-четырёх милях от Ледовитого океана. В каждой из них в рубленых на скорую руку бревенчатых избушках живет с десяток лопарских семейств. Большинство мужчин говорят или хотя бы понимают по-русски. Русские лопари — оседлый народ, говорят, что они даже при желании не смогли бы вести кочевой образ жизни, поскольку во время постов ловят рыбу и едят ее вместо мяса. Видимо поэтому они не разводят больших оленьих стад.

От Няутямёйоки до самой северной оконечности озера Инари насчитывается десять миль, оттуда до погоста Инари — пять миль и еще пять миль до деревни Кюрё, где опять встречаются финны, с их курными избами и банями. Лопари прихода Инари говорят не только на родном, но и на ломаном финском языке, не выговаривая при этом некоторых окончаний, почти так же, как в южной Финляндии. Богослужение у них совершается на финском языке, и в их избушках я видел только финские книги. Но многие все же завидуют своим соседям — норвежским лопарям, у которых богослужение идет на родном языке, на нем же напечатаны и книги.

Как известно, говор лопарей Инари так сильно отличается от говора лопарей России, Утсйоки и Норвегии, что люди с трудом понимают друг друга. Язык русских лопарей показался мне если не самым чистым, то наиболее близким финскому языку. Но это пока только мое личное впечатление.

От Кюрё до Соданкюля считается двенадцать миль. Когда мы проезжали через сопки Сомпиотунтури в Соданкюля, здесь было намного больше снега, чем в Лапландии. Возница рассказал, что в Лапландии всегда меньше снега, чем в Соданкюля и других более южных приходах. Если это в действительности так, то все рассказы о Лапландии, хотя бы, например, о том, как здесь добывают дрова для отопления, дают превратное представление о крае, и придуманы они путешественниками и другими бывавшими здесь людьми, которые сильно преувеличили трудности, якобы перенесенные ими среди лопарей. Мне бы не хотелось присоединяться к подобным сетованиям, поскольку я считаю, что люди в Лапландии живут ничуть не ху-

же, чем в других местах, и счастливы, чему доказательством служат их радостные лица и умение не унывать в любой обстановке.

От Соданкюля до Куусамо я прошел двенадцать миль или чуть больше и оттуда двадцать пять миль до Каяни, куда прибыл в мае.

Так закончилась моя поездка на север, продолжавшаяся восемь месяцев. На юг я отправился в первых числах июня, снова добрался до Вуоккиннеми, оттуда — в Репола, Пиеллинен, приход Эно в Иломантси, Липери, Ряккюля, Тохмаярви, Рускеала, Сортавала, Яккима, а также побывал в некоторых деревнях — Куркиёки, Париккала, в приходе Раутаярви, Руоколаhti, Еутсено, Лаппе, Лаппеенранта, Леми, Савитайпале, Тайпалсаари, Руоколаhti (второй раз), в Сяминки, Керимяки, Липери (снова), в приходах Конттиолахти и Юка, затем в Нурмес и Каяни. Эта поездка заняла у меня шесть месяцев. Мне еще не пришлось побывать в той части русской Карелии, которая находится к югу от прихода Репола, в будущем я собираюсь съездить туда специально.

Что же касается результатов поездки, то по крайней мере сам я ими вполне доволен. Вот что мне удалось собрать:

1. *Историко-мифологические руны*. Большая часть из них — дополнения и варианты к «Калевале».

2. *Заклинательные руны*. Если бы напечатать их, объединив с теми, что были собраны Топелиусом и другими, то издание достигло бы объема пятисот и более страниц форматом одна восьмая доля.

3. *Идиллические руны** (по содержанию это лирические песни, романсы, баллады и т. д.). Я начал их классификацию еще в пути и продолжил дома. Я уже распределил 274 руны в следующие группы: детские песни — 9, песни парней — 12, пастушьи песни — 10, песни девушек — 62, свадебные песни (жениху, невесте, каасо, свату, провожатым и т. п.) — 32, колыбельные песни — 14, песни снохи — 24, песни мужчин — 7, песни рабов — 8, долгие песни (романсы, баллады) — 16, короткие песни — 34. Впоследствии этот сборник пополнится песнями, которые напечатаны во второй тетради сборника Готтлунда под названием «Маленькие руны», во второй части «Кантеле», в нескольких номерах «Мехиляйнена»* и «Мнемозины»*, а также другими песнями, которые находятся пока еще в рукописном виде. Одни из них относятся к перечислен-

ным группам, другие — к таким, как песни охотников, песни жерновые, песни о песне и т. д. [. . .]

4. *Песни позднего происхождения.* Известно, что такие по форме бывают как обычного¹ стихотворного, так и других размеров. В наши дни семистопные песни распространены очень широко по всей стране, отчасти они известны уже и в русской Карелии. По всей видимости, язык подстраивается к новому стихосложению так же хорошо, как и к старинным формам, которые отступают на второй план. По внутреннему строению новые стихи отличаются от обычных тем, что в них каждая стопа начинается ударным слогом. Всякая стопа, как правило, хорей, который иногда может заменяться трибрахией или дактилем. Для первой и пятой стоп очень хорошо подходит и пиррихий, а четвертую стопу порой образует всего один слог. Два первых стиха рифмуются между собой и составляют предложение. Очевидно, стихотворный размер такого рода является нашим исконным, а не заимствованным извне. В различных местностях песни различаются по мелодии. Жалоба девушки об уехавшем любимом пусть будет примером этого стихотворного размера:

В сердце дум-забот немало, и уныло в доме.

Я не знаю, что с милником: жив он или помер.

Все с любимыми на пару и во сне, и наяву.

Я же, бедная, старею, одиношенька живу.

Вот и солнце спать ушло, вечер на пороге,
мой в пяти верстах застрял где-то на дороге.

Далеко ушел мой милый, и душа моя болит:
через семь деньков и птица до него не долетит.

Если б весть мне принесла маленькая пташка,
тут же перестала б я горевать, бедняжка.

Ты скажи, скажи мне громко о моем миленке,
ты была ли, ты была ли на его сторонке?

Расскажи мне поскорее, как там солнышко

встает,

в счастье там проводят время иль хуеют

от забот?

Что же ты еще видала и видала ль это?

Тот здоров ли, от кого жду вестей-привета?

Приходи ко мне, мой милый, возвращайся

поскорей,

чтобы зря не пролетали годы юности моей.

Собрание новейших песен, если даже изъять не совсем удачные, видимо, превзойдет по объему любое из выше-названных.

¹ То есть «калевальского» размера.

5. *Пословицы финского народа* (поговорки, сравнения и прочие). Их набралось несколько тысяч. Я намерен начать их систематизацию сразу, как только приведу в порядок идиллические руны. Было бы желательно одновременно издать и то, что собрано другими. Общество могло бы осуществить это, если бы через газету обратилось с просьбой присылать такой материал для указанной цели. Не составило бы особого труда присоединить их к рукописи, которую я вышлю отсюда в Общество, или, наоборот, присоединить к ним руны¹, собранные мною.

6. *Загадки финского народа*. Их собрано немногим больше тысячи.

7. *Так называемые таринат*² (сказки, анекдоты). Их мною записано около восьмидесяти.

8. *Новые финские слова, выражения, пояснения по диалектам* и др.

Пословицы, загадки и сказки встречаются повсеместно, но сказки преобладают в основном в русской Карелии и в приходах близ Сортавалы. Волости Вуоккинеми и Паанаярви в русской Карелии являются центрами историко-мифологических рун. И поскольку я сам в этом убедился, а также слышал подобные утверждения от других, то могу сказать, что чем дальше удаляешься от названных мест в любую сторону, тем реже встречаются такие руны. Очень мало их в окрестностях Туоппаярви и Пяярви, а также в Соданкюля и Куолаярви. Немногим лучше помнят руны в губернии Каяни и в Ребольской волости. В Саво и финской Карелии они почти полностью забыты, а в русской Карелии, восточнее и южнее вышеупомянутых мест, поют в основном малопонятные для них русские песни. Эти песни проникают уже и в Вуоккинеми, Паанаярви и Реполу, где приобретают большую популярность, чем исконно финские песни.

Идиллические руны³ все еще живут в волостях Сортавала, Яккима, Куркиёки, Кесялахти, Китээ, Рускеала, Пялкъярви, Тохмаярви, Иломанси, Липери и Пиелисьярви. Ближе к Лаппеенранта почти никто не знает подобных рун, говорят, так же обстоит дело и в южной части Куркиёки. Очень мало поют их в Саво, немногим больше в русской Карелии.

¹ В рукописи Лённрота, очевидно, описка: речь идет о пословицах; правда, они часто имеют стихотворную форму.

² Тарина (*фин. tarina*) — устный рассказ, предание; (*кар. stari-na*) — сказка.

³ То есть лирические песни и баллады.

Моя мечта об осуществлении во время этой поездки более или менее полного сбора финских рун, пословиц, загадок и т. п. у жителей Карелии оказалась напрасной. Лишь половина из них сохранилась в памяти народа, и их следовало бы успеть записать, пока и они не исчезли навсегда. Пословицам, загадкам и сказкам, которые нечем заменить, не грозит столь быстрое забвение, как древним рунам, которые оттесняются полурусскими, полушведскими и другими новейшими песнями. Поэтому было бы весьма желательно, чтобы Общество и впредь проявляло заботу об их собирании, что значительно облегчилось бы после того, как будут систематизированы и изданы ранее собранные руны. Кстати сказать, тот, кто заинтересовался бы этим и захотел совершить поездку, мог бы обойтись меньшими затратами. В 1828 году я совершил поездку с первого мая до середины сентября, имея с собой меньше ста рублей банкнотами. На поездку этим летом, которая длилась шесть месяцев, ушло не более двухсот рублей. Но хватило бы и половины этих денег и цель поездки была бы достигнута, если бы и в этот раз, как тогда, я путешествовал в крестьянской одежде. Для таких поездок летнее время во многих отношениях лучше, чем зимнее.

Элиас Лённрот

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

(По-фински)

Ухтуа, 24 ноября 1836 г.

Дорогой брат!

Я уж было совсем собрался выехать из Каяни, но оказалось так много редакторской работы с журналом «Мехилияйнен» и другими, что я смог поехать только 16 сентября. Хотел написать тебе из Каяни, но время пронеслось так быстро, что не успел. И лишь здесь, в деревне Ухтуа, я мог наконец исполнить свое намерение и заодно рассказать тебе немного о первых результатах моей поездки, ведь скоро два месяца, как я нахожусь в России. Уже почти три недели я живу в этой деревне и записываю все, что мне рассказывают: руны, песни, сказки, пословицы, загадки, пояснения незнакомых слов и тому подобное. Здесь, пожалуй, еще месяца два можно было бы записы-

вать, особенно сказки, называемые здесь *старинами*, или *саарнами*, которым, кажется, не видать конца. Но все же я решил сегодня отправиться дальше, чтобы побывать и в других деревнях. Пословиц и загадок так много, что новые уже некуда записывать, поэтому надо начать понемногу переписывать то, что накопилось, набело. У меня набралось также немало пополнений к «Калевале».

Отсюда я отправлюсь сначала в деревни на побережье Туоппярви, затем в сторону Пярви, Кандалакши и Имандры. И, вероятно, в феврале я буду в городе Кола, а на обратном пути загляну в деревни, которые не мог посетить ранее. В конце апреля я, видимо, буду в городе Кемь, расположенном на берегу Белого моря, и переправлюсь оттуда через море в город Архангельск. Говорят, движение там хорошее, так что в скором времени я опять буду на этом берегу и направлюсь отсюда прямо к границе волости Нурмес. Затем я пройду вдоль границы к берегам Ладожского озера, заодно зайду в некоторые деревни Олонецкой губернии и далее через финскую Карелию и Выборгскую губернию в октябре будущей осени думаю добраться до Хельсинки. В намеченном мною маршруте я намерен придерживаться тех мест, где хорошо говорят по-фински.

В прошлом письме ты просил меня высказать свое мнение о переводе на шведский пятнадцатой руны «Калевалы» для газеты «Helsingfors Morgonblad». По-моему, перевод сделан очень удачно, и было бы желательно, чтобы все остальные руны были переведены так же хорошо. В нем есть кое-какие ошибки, но их немного. [. . .] Мне удалось записать еще одну страницу необычных слов, прилагаю их к письму. В следующем году в Хельсинки ты сможешь получить некоторые пояснения к «Калевале» у Каяна, который этой осенью сопровождал меня до Ухтуа и старательно выяснял здесь значения многих незнакомых слов. Я тоже готов дать тебе некоторые пояснения, если напишешь мне в Колу или Архангельск. Я писал тебе в прошлый раз о «Мехиляйнене», надеюсь на твою помощь журналу. Перед отъездом из Каяни я подготовил для него заметок на верных полгода. Думаю, что и из Колы кое-что вышлю, но мне не хотелось бы уделять этому слишком много времени. Будь здоров.

Твой друг и брат
Элиас Лённрот

ПОРУЧИКУ ЭРНХЪЕЛМУ

(Черновик)

Ухтуа, 24 ноября 1836 г.

Я нахожусь сейчас где-то в десяти милях от границы Финляндии и завтра намерен продолжить путь. Но прежде мне хотелось бы передать тебе и твоей жене приветы со студентом Каяном, который завтра отправляется обратно в Каяни, иначе когда еще будет такая возможность? Хотелось бы узнать о делах в Каяни. Я уезжал оттуда озабоченный тем, что тамошнее и без того малочисленное общество распалось из-за раздоров. Даруй нам всем господь и впредь здоровья. Сказывают, будто отсюда на север пойдут очень бедные края. Но все же надеюсь не умереть там с голоду, поскольку там, где живут другие, должны выжить и я.

Я вынужден побеспокоить тебя одной просьбой: прошу тебя купить воз хорошего сена и во время зимней ярмарки отдать его русскому¹ крестьянину Дмитрею, который придет из Энонсуу. Дело в том, что мы с Каяном целую неделю жили у него в доме и он не взял с нас платы, но зато попросил, чтобы на зимней ярмарке для него купили небольшой воз хорошего сена. Я посоветовал ему пойти к тебе, для меня это долг чести, и мне приходится беспокоить тебя. Деньги на это возьмешь у фохта. Если нигде не удастся купить сена, попроси в Полвила. Будь здоров.

ФОХТУ ВИКМАНУ

(Черновик)

Ухтуа, 25 ноября 1836 г.

Перед дорогой в северные края пользуюсь приятной возможностью передать приветы тебе и твоей жене. В течение длительного времени у меня не будет возможности написать, если только в конце декабря не наведаюсь на ярмарку в Куусамо. Но и это будет зависеть от того, где я буду находиться в то время. Я приступил к сбору финских сказок и уже записал их с четверть сотни. Возможно, до моего возвращения в Каяни число оных увеличится до нескольких сотен. Дело в том, что я надумал кроме этих

¹ То есть карельскому.

краев побывать еще и в финской Карелии, а также в Выборгской губернии. Думаю, что тогда я смогу хоть несколько дней подряд потчевать твоих детей сказками. Будь здоров.

ПОЧТМЕЙСТЕРУ ГОСМАНУ

(Черновик)

Ухта, 25 ноября 1836 г.

Я не сомневаюсь, что ты сможешь моим родителям в случае возникновения у них хозяйственных или каких-либо иных затруднений, поэтому я гораздо спокойнее за них, чем перед отъездом из Каяни. Напомни им, чтобы во время зимней ярмарки они закупили столько льна и конопля, чтобы хватило на весь год, а также пищевых продуктов, мяса и прочего. В это время у фохта, наверное, будут деньги, и он сможет дать им все, что потребуется.

До сих пор моя поездка была довольно приятной, какой она будет дальше, этого не могу сказать. Отправившись из Каяни, я пришел сначала в Сярайсниemi, где и пробыл два-три дня, затем по лесной глухомани добрался до Пуоланка. Там провел пару дней в доме пастора и пошел дальше в Хюрюнсальми, где остановился на три дня у пробста. Оттуда в начале октября поехал в Кианта. Восьмого числа того же месяца туда приехал Аксели¹, и только 16-го я отправился дальше, сперва водным путем пять миль до границы с Россией. Около 20 октября мы перешли границу, и с тех пор я живу в этих деревнях и веду записи. До сих пор я чувствовал себя уютно, не знаю, так ли хорошо будет и в дальнейшем, когда останусь один, потому что попутчик мой Каян покидает меня и возвращается к вам, я же должен следовать дальше. Подробнее в другой раз. А пока будь здоров.

СУДЬЕ ФЛАНДЕРУ

(Черновик)

Ухта, 25 ноября 1836 г.

Этими строками своего письма я приветствую тебя и всех твоих домочадцев. В следующий раз мне, по-видимому, удастся написать не раньше чем в феврале из

¹ Аксели Эльфинг — секретарь надворного суда.

Колы. До сих пор меня задерживала распутица, так что я продвинулся не более десяти миль от границы. Но сегодня, после трехнедельного пребывания в этой деревне, я думаю отправиться дальше. Мы со студентом Каяном жили в просто-таки замечательной *горнице*, как здесь называют комнату. Каждый день девушки и женщины, а также мужчины и парни пели для нас песни и рассказывали сказки, так что работы хватало, некогда было скучать. Отсюда направляюсь на север, по пути побываю в Ските, женском монастыре, до которого отсюда около десяти миль. Будь здоров.

СТУДЕНТУ КАЯНУ

(Черновик, по-фински)

Пистоярви, 27 ноября 1836 г.

Ты себе и представить не можешь, с каким грустным настроением — ни в словах рассказать, ни в песне передать — я покинул Ухтуа. Я раньше не раз бывал в России, но так тоскливо мне не было еще никогда. Порой я не мог удержаться от слез, да и сейчас они набегают мне на глаза. С какой радостью возвратился бы я обратно домой, если бы меня не удерживала мысль, что дело, за которое я взялся, останется невыполненным. Но и это можно было бы пережить, если бы не другое. Меня влечет туда жажда познания. Следует хоть один раз побывать в тех краях, может, кое-какие руны и песни и удастся записать. В деревне, где я сейчас остановился, ну совсем нечего записывать: здесь ни рун, ни песен, ни преданий, так что, не заполучив ни единого слова, завтра продолжу свой путь.

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Макари, 29 ноября 1836 г.

В пятницу 25 ноября я отправился из Ухтуа в деревню Охта. Считается, что тут сорок пять верст пути и нет ни одной деревни. Распутица уже кончалась, хотя зимник еще не был проложен. В одном месте лошадь по грудь провалилась в болото, и мы с трудом вытащили ее. По словам возницы, здесь бывали случаи, когда лошади даже

тонули. На других болотах лед тоже был не очень крепкий. Болота сменялись ламбушками и борами — обычные пейзажи для этих северных мест. В двадцати верстах от деревни была лесная избушка, в которой остановился один ухтинский мужик, чтобы порыбачить в ближайшей ламбушке. Когда мы подъехали, он и его сын сидели у очага. Тут же был еще один мужик из деревни Кольёла с женой и дочкой, приехавший незадолго до нас. Они надумали поехать в Россию искать лучшей доли, чтобы, как он сказал, прокормиться, другими словами, собирать милостыню, или попросту *просить*, как здесь говорят о нищих. Для этого он взял с собой лошадь, котел, ставцы и мешочки.

Рыбак дал этой семье рыбы на уху, крупных светлых ряпушек, которые ловятся только в хороших ламбушках, а нерестятся, сказывают, уже подо льдом. Баба стала варить из них похлебку, мы оставили ее за этим занятием, так как наш проводник успел покормить лошадь и мы могли продолжить путь.

Я узнал, что этот мужик из Кольёла считался лучшим певцом в своей деревне. Но мне не удалось записать от него песен, хотя я был готов делать записи, сидя на земле, в дыму и опираясь на стол из собственных коленей. Но старик не согласился петь. Он уверял, что только после рюмки-другой его голос обретает силу. Старика считали также лучшим знахарем края, да он и сам рассказывал, что за ним приезжают даже издалека, чтобы изгонять из людей порчу. Однажды в Петрозаводске у некоего господина случилось помрачение рассудка, так старика возили даже туда. «Ну и как,— поинтересовался я,— удалось ли вернуть ему разум?» «А как же, а то чего бы я туда поехал?» — ответил старик. Не каждый доктор столь уверен в себе. Я спросил, как с ним расплатились за лечение. Старик ответил, что он много не берет, а довольствуется малым. Вот и в тот раз ему пытались подsunуть целую пачку белых бумажек (ассигнаций по 25 рублей), но он взял только одну синенькую (5 рублей) и немного продуктов в дорогу. Ростом старик был чуть меньше трех локтей, в молодости, так про него говорили, колесом мог пройти по земле и белкой перелететь с дерева на дерево. В деревнях Охта, Пистойярви и Суванто все мужчины низкорослые, не выше двух с половиной локтей, и я предполагаю, что они произошли от лопарей. Не знаю, какие люди живут севернее этих мест.

Я переночевал в Охте, а наутро, 26 ноября, отправился за пятнадцать верст в деревню Пистойярви. Там я про-

вел два дня. Хозяин предложил мне поехать вместе с ним в понедельник в Суванто, поскольку он собирался ехать туда на лошади по своим делам. И я остался на воскресенье, попытался разыскать рунопевцев, но их в этой деревне не оказалось, так что и записывать было нечего. В понедельник утром хозяин отправился в Кереть за мукой и довез меня до Суванто. Я думал, что он возьмет с меня за дорогу пять гривенников, но он запросил целый рубль. Я немного опешил и спросил: «Не хватит ли восьми гривенников?» На том и поладили.

Сегодня в Суванто я прикидывал, куда же мне поехать: то ли в Куусамо, то ли на Святой Остров. Я бы с радостью завернул на финскую сторону, но считал более разумным прежде посетить деревни Туоппаярви, разведать там насчет рун и сказок, а заодно заглянуть в обители отшельников*. Все это займет не больше трех недель, так что на рождество надеюсь попасть в Куусамо. Под вечер я отправился из Суванто и прошел шесть верст до Макари, или Мултимакари, как иногда называют это селение. Здесь все очень бедные. (В доме, где я сейчас записываю, хозяйка из Скита. Мужа нет дома. Женщина только что кончила отделять ножом колоски от соломы, из зерна сварила похлебку. Один ребенок болен.) В этой деревне поднимается всего три дыма, и то хозяин одного из дымов только прошлым летом переселился сюда из Куусамо. Я побывал у них, и было приятно видеть, что в доме живут по нашим обычаям. [. .]

Не помню более трудной ночи, чем прошлая, на 30 ноября в Макари. В избе, где я сначала писал, было очень холодно, так что нечего было и думать ложиться там спать. Я пошел в другой дом, к переселенцу из Финляндии, так как знал, что у него немного теплей. Там мне постелили небольшую оленью шкуру, но одеяла никакого не было. Я пробовал укрыться своей накидкой, но и это не помогло. Немного тут пришлось поспать, всю ночь дул сильный ветер в окна. Карельские избы не идут ни в какое сравнение с нашими. Во-первых, в них много окон, расположенных так близко друг от друга, что на лавках не найти места, где бы не сквозило. Пол также находится высоко от земли и из-под него беспрестанно дует.

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Вааракюля, 2 декабря 1836 г.

Из Макари я прошел на лыжах сначала пять верст в Тухкала и в тот же день еще три версты в Ильяла, где переночевал. Отсюда в Сууриярви едут обычно в объезд, через деревни Аккала и Кяпяли, что составляет около тридцати восьми верст. Когда же я узнал, что напрямик по бездорожью будет только тридцать верст, то предпочел этот путь, хотя мне и предстояло идти на лыжах по целине. Один деревенский мужик за рубль согласился проводить меня, это было недорого так как он тратил на дорогу туда и обратно почти два дня. Я во время этого перехода хватил полной мерой того, чего сам же и пожелал. Мы шли без лыжни по снежной целине, к тому же снег покрыт был ледяной коркой. Но к вечеру добрались-таки до деревни и остановились у попа-старообрядца Фомы.

Насколько мне известно, в этих краях люди относятся к трем разным старообрядческим толкам, и каждая из них запрещает есть из одной посуды с теми, кто исповедует иную веру. Поповская вера называется *миром*, причем небольшое количество ее сторонников — *мирян* — все уменьшается. Напротив, последователей старообрядчества становится все больше. Говорят, что старообрядческий поп, распространитель этой веры, живет в деревне Каркалаhti, расположенной на берегу моря между Кемью и Керетью. Но округа для него слишком велика, поэтому он назначил еще несколько попов, которые на местах крестят детей, венчают молодых, отпевают покойников и др. Сам он примерно раз в год объезжает округ и совершает обряды. Во время обходов жители деревень должны бесплатно перевозить и кормить святого отца и сопровождающих его лиц. Я точно не знаю, получают ли они еще какое-либо жалование или живут на подношения единоверцев. Скорее всего, нет, так как об этом ничего не говорится. Да и многовато повинностей пришлось бы на сельскую общину, если бы нужно было платить еще и раскольничьим попам. Ведь за все совершаемые раскольничьими попами требы приходится платить законным церковным попам, и это только за то, что церковный поп хранит все в тайне. Я часто спрашивал у старообрядцев, в чем отличие их веры от мирской, но и по сей день не получил никакого объяснения, скорее всего, они сами этого не знают. Утверждают

лишь, что сторонники поповской веры крестятся не теми пальцами, что бог велел, а иные называют тех, что крестятся тремя пальцами, *проклятыми*.

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Остров на Туоппаярви, 5 декабря 1836 г.

Вчера я прошел на лыжах двенадцать верст от Вааракюля до Скита, оттуда восемь верст до Святого Острова. Шел по лесам и болотам, миновал четыре ламбы, или озера: Ваараярви, Хаапаярви, Нейтиярви и Памоярви. Скит напоминает деревни в Хяме, дома расположены не слишком кучно и не слишком далеко друг от друга, они довольно беспорядочно разбросаны по берегу одного из заливов Туоппаярви. В деревенской церквушке каждый день проводятся богослужения, но на них присутствуют одни женщины. Мужчин в Ските вообще очень мало. Не знаю, чем занимаются здешние женщины помимо того, что ходят в церковь, они, наверное, шьют либо заняты другими подобными делами. Здесь же девочки из ближайших деревень обучаются чтению, церковному пению и письму. Молодые женщины, а иные и постарше живут взаперти и не сразу впускают в дом незнакомого.

Путь из Скита на Святой Остров я прошел по льду озера, миновав несколько островов поменьше. Большой остров, длиною в десять верст, окружен несколькими малыми островами. Не знаю, что на меня напало, но стоило показаться строениям и церкви, и мне опять, как и при посещении Валаамского монастыря, захотелось повернуть обратно. Но все же я пошел в деревню. Уже на озере меня застигла темнота, поэтому, придя в деревню, я начал осматриваться, куда бы пойти. Я спросил у одного человека, где живет Большой Старец. Он показал мне, где живет старец и как пройти к нему. Этот еще не очень пожилой одноглазый старик занимал две крохотные комнатки размером в четыре на четыре с половиной локтя, да и то не один, а с другим монахом, который сидел в дальней комнате и, похоже, читал книгу. Когда я вошел, Большой Старец поднялся навстречу и спросил что-то по-русски. Я ничего не понял и ответил: «Я не говорю по-русски, а по-немецки, по-шведски, по-латински, по-карельски». Тогда он разыскал какого-то мужика, через которого пояснил

мне, что ему пора идти в церковь, и велел проводить меня в дом для приезжих. Там я провел ночь, так и не встретив больше старца...

ИЗ ДНЕВНИКА

(По-фински)

Тёрмянен, 1 января 1837 г.

Комната для приезжих в Пустыне (или монастыре на Острове) довольно большая, но проходная; в дальней комнате повар по нескольку раз в день варил еду, там же и ночевал. Мне постелили на лавке оленью шкуру, на ней я проспал ночь, подложив под голову свою сумку. Остальные трое или четверо приезжих спали на полу. Говорят, что сюда почти постоянно, как зимой, так и летом, наезжают люди. С одним из них, родом из Кинсйоки, мы от нечего делать обменялись ножами. У здешних мужчин, как и у наших, особенно в дороге, на поясе всегда нож-пуукко, только носят они его на правом боку, а у нас принято на левом. Их ножи больше наших, с загнутым вверх кончиком, лезвие около четверти локтя, ручка длиной в четыре дюйма. [...]

СТУДЕНТУ ҚАЯНУ

(Черновик, по-фински)

Тёрмянен, 1 января 1837 г.

[...] Трудно поверить, но после того, как мы с тобой расстались, я одолел более трехсот верст (303), то ехал на лошади, то шел пешком, то на лыжах. В деревне Макарни я купил себе две стоящие вещи — лыжи и пуукко, но теперь у меня уже нет ни того, ни другого. На Святом Острове я обменял нож на другой, получше, а лыжи забыл в одном доме, уже перейдя границу и добравшись до Куусамо. Я все же успел пройти на них около шестидесяти верст, так что бог с ними.

От деревни Катослампи до Сууриярви я тридцать верст шел на лыжах по целине и едва не выбился из сил. Отправился я не без проводника, но и он, укрывавшийся от воинской повинности беглец, был не лучше меня. К вечеру мы все же добрались до деревни и остановились у попа-старообрядца Фомы. Если ты помнишь Якконена из Ювя-

лахти, то легко можешь представить себе этого Фому. Во-первых, он не позволил мне пойти в баню, пока все не помылись, хотя мой проводник, жалкий беглец, пошел вместе со всемн. Затем, к моему удивлению, он полвечера бил поклоны, а потом сказал, что его старые закоптившиеся старославянские книги написаны на греческом языке.

В Ските я встретил и племянниц упомянутого Якконе-на. Они уговаривали меня почитать им книги на русском языке, спеть по-карельски и поиграть на флейте. Их наставница, вернее, попечительница, русская старуха, знала только свой язык и, возможно, происходила из господ. Внешне Скит мало чем отличался от других деревень на русской стороне, расположенных вдоль залива озера Туоппаярви. Церковь тоже ничем не примечательна. То же можно сказать и о Святом Острове. Говорили, что наставник их знает все языки мира, но, должно быть, в их число не входили финский, шведский, немецкий и латынь, которые, как мне показалось, были ему вовсе неизвестны. Всего одну ночь пробыл я на Острове, по-моему, больше смахивающем на логово разбойников, чем на монастырь. Стояло мне появиться, как меня тут же окружили мужики и стали допытываться, нет ли у меня вина продать, до которого, как говорят, они очень падки. Затем один из них, прослышав, что я доктор, захотел выяснить у меня то же самое, что и панозерский писарь в горнице у Васки. Он повел меня к себе домой и показал, что его беспокоило, уплатив за хлопоты две луковицы. Я дважды посетил церковь, но не увидел там ничего примечательного. Из-за темноты я не смог разглядеть иконы, но думаю, их там было немного. Посетив Вааракюля, я два дня провел у Ёукконе-на. Его дом — несколько лучше и богаче других здешних домов, и я поел там досыта. Старые хозяин и хозяйка были еще живы, но старуха большую часть времени находилась в отдельной горнице, видимо, молилась. Я туда не заходил. У них четыре женатых сына, жены у всех живы. Трое из сыновей находились в Финляндии, где торговали вразнос. Четвертый, старший, был дома. Недавно они ездили в Кереть (место торговли хлебом на берегу Белого моря) и привезенную оттуда муку бойко продавали односельчанам по цене три рубля шесть гривенников за пуд. Невестки ухаживали за стариком как за каким-нибудь патриархом: разували его по вечерам, а утром подавали ему носки, обувь и одежду. Незадолго до моего отъезда он снова отправился в Кереть. Мне было забавно смот-

реть, как его снаряжали в путь: укрывали в санях и пр., и все это доставляло невесткам немало хлопот. Младший из братьев хотел было взять себе жену из Хяме в Финляндии, но почему-то передумал и женился на здешней. Странно, однако, что девушки из Финляндии соглашаются ехать на чужбину, разве не лучше им было бы на родной стороне? *Что невесте делать в Турку, коль просватают и дома.* Или: *Ленивая в Лаппи идет, нерадивая, воду грести.*

В Вааракуля я нанял лошадь до Кяпяли — неказистой деревушки, где около десятка домов. В доме, который мне расхвалили как лучший, меня вообще не хотели кормить. Правда, моему проводнику сварили похлебку из рыбы, но когда я за плату попросил налить немного и в мою миску, хозяйка отрезала: «Пусть сперва гость поест, если останется чего». Когда мы поели, проводник мой ушел в деревню, а старуха занялась своими вечерними хлопотами. И вот, сидя в пустой избе, я набил трубку табаком и затянулся несколько раз. Но из-за этого чуть не остался без крова. Когда хозяйка вошла, я успел вынуть трубку изо рта, но она учуяла запах дыма и сказала: «А вы тут не табак ли трескаете? Если табак, то нам не ужиться под одной крышей»... Может, стоило перейти в другой дом, но и там не лучше. Я заходил уже в некоторые дома, везде нищета: кроме зерна и ухи — никакой еды. Старая хозяйка собиралась уйти в Скит. «Может, приняли бы меня в свою веру», — говорила она. Дело в том, что женщины Скита получают с Острова пособие по двадцать пять рублей в год, правда, жалуются, что этого им не хватает. Одна старуха пришла туда даже из Финляндии и приняла их веру. Сын у нее был в работниках на Острове.

Говорят, что в деревне Кяпяли сплошные оленекрады. Жители съели всех оленей друг у друга, так что кормиться уже нечем стало. Рассказывали также, что во всей деревне едва ли найдется два-три дома, в которых путник мог бы быть спокоен за свои вещи. Не лучшая слава шла и о деревне Тухкала, куда я пришел позже. Один крестьянин по имени Куйсма нанял здесь пастуха на все лето. Осенью тот немного приболел. Куйсма сам взялся его лечить. Велел вскипятить воду и через воронку влил кипяток в рот больному. От этого мужик, как и следовало ожидать, сразу же умер, как того и желал Куйсма, ведь теперь ему не надо было платить за работу. Мне довелось видеть этого Куйсму — сладкоречивый, скользкий старикашка.

В Макари жил некий человек из Куусамо с женой и детьми. Он переселился сюда, чтобы безнаказанно угодить ворованным оленей.

В Суванто, в доме Ротто, вдоволь было хлеба. По слухам, у них полный амбар прошлогоднего зерна. Но хозяин тот амбар не трогает, а закупает в Керети новое зерно для себя и для продажи. Возможно, они разбогатели честным трудом, но многие утверждали иное. О братьях Ротто говорили, что они разбогатели после того, как убили двух беглых из России, у которых было много денег. Ночью те, почуяв опасность, сбежали из деревни на какую-то сопку и, решив, что они в безопасности, разожгли костер и уснули. Три брата Ротто заметили огонек, подошли и т. д. Про братьев Лари тоже говорят, будто они разбогатели обманом: отчасти тем, что обманывали московских богачей, у которых брали большие суммы в долг и не возвращали их, а во-вторых, тем, что им случилось быть во время пожара в городе Архангельске, где они хватали все, что попадало под руки. Вышеупомянутый Ёукконен тоже, говорят, обманывал финских крестьян, не отдавал им долги и на этом разбогател. Был даже суд, но оказывается, закон бессилён в подобных случаях. По последнему решению из Архангельска Ёукконену предписывалось ежегодно выплачивать долги по пять рублей, но это не покрывало даже процентов. А основная сумма? Я много слышан о богачах, да мало говорят о них хорошего. Все они начинали каким-нибудь нечестным путем, а затем увеличивали свои доходы, обманывая своих сограждан.

Из Суванто в Нярхи, а затем на финскую сторону, в Мультиярви, меня подвезла одна баба. По дороге я спрашивал ее о многом, особенно о различных верах, в которых она мало разбиралась. Она не знала даже о десяти библейских заповедях. Переехав границу, я словно попал в иной мир. Я почувствовал себя как дома. Здесь я теперь живу недалеко от церкви. Старая хозяйка из «мамзелей» стала хозяйкой дома. Вот если бы так происходило чаще! По крайней мере, я заметил, что хозяйство в таких домах ведется лучше, чем в других [...] Уже третью неделю я здесь переписываю набело загадки и прочие записи. [...]

СУДЬЕ ФЛАНДЕРУ

(Черновик письма)

Куусамо, 4 января 1837 г.

Многоуважаемый брат!

Я писал тебе из Ухтуа уже в начале декабря, но не припомню, как получилось, что письмо осталось неотправленным. Я хочу повторить тебе его содержание и прежде всего пожелать тебе всего доброго в новом году, который, как я полагаю, явится последним годом твоей холостяцкой жизни!

Вкратце расскажу о своей поездке: сначала мы со студентом Каяном несколько недель ходили по знакомым русским деревням, а затем я почти на месяц остановился в Ухтуа, где записывал в книгу руны, загадки, пословицы, сказки и все прочее, что удавалось услышать. Я жил там весьма роскошно в отдельной горнице, после чего с жильем было похуже, пока опять не приехал сюда, в Куусамо. Но худшее, что выпадало на долю крещеной души, — находиться зимним утром в этих проклятых курных избах. Во-первых, они очень малы, размером лишь в 1/4 части наших крестьянских изб, затем — все долгое утро, от двух до шести часов, открыт дымоволок на потолке, а кроме того, настежь распахнута дверь, так что в избе холодней, чем на улице. В это время стряпают, варят, готовят пойло для скота. Не раз мои зубы отбивали дробь от холода, но все же я живу надеждой, что когда-нибудь наступит лето.

Три недели назад я побывал в одном женском монастыре на Туоппаярви. Там мне пришлось и петь, и играть на флейте для монашек. К тому же меня уговаривали остаться на ночевку, на что я никак не мог согласиться, так как нигде здесь не нашел бы лошади, если бы отпустил своего возницу. Монастырь находится всего в пятнадцати милях от Куусамо, так что любой из вас сможет побывать в нем следующим летом. В восьми верстах от женского монастыря, на одном из островов озера Туоппаярви, есть мужской монастырь, там я провел одну ночь.

Что я еще могу рассказать о своей поездке? Иногда мне бывало сносно, но, пожалуй, чаще все же тоскливо. Не раз я голодал, а бывало, и наедался за двоих. Часть пути я проехал на лошади, часть прошел пешком либо на лыжах. Один раз я даже прошел тридцать верст подряд без всякой лыжни. Правда, у меня был тогда провожа-

тый, но когда к вечеру мы добрались до места, оба валились с ног от усталости.

Будь здоров и передавай привет Адольфу и своей матери, прими также мой хотя и несколько запоздалый поздравления с Новым годом.

Твой брат
Элиас Лённрот

ПОЧТМЕЙСТЕРУ ГОСМАНУ

(Черновик)

Тёрмянен, 12 января 1837 г.

Поздравляю с Новым годом! После долгих странствий я появился здесь отчасти для того, чтобы купить себе новую сумку, потому что старая совсем обветшала, в ней я отсылаю домой некоторые ненужные книги и бумаги. Теперь у меня новая сумка, хотя она и стоила двенадцать рублей, зато в ней есть восемь отделений для разных моих пожитков. Сейчас я особо не скучаю, по крайней мере — очень редко, но охотно отдал бы пятнадцать—двадцать рублей, чтобы хоть на один день оказаться дома. До сих пор я обходился без шубы и кафтана, думаю, что они мне и не понадобятся, если не будет сильных морозов. Но новый длинный сюртук мне придется заказать, потому что тот, в котором я имею честь писать это письмо, основательно поизносился. А на ногах у меня уже третья пара сапог.

Отсюда я отправлюсь в сторону Пяярви и Коутаярви, а затем, вероятно, пойду вдоль границы до Утсйоки, оттуда — в Колу и опять поверну обратно на юг — в Кемь и Архангельск. Может быть, в начале лета я приеду на недельку домой. Я просил родителей купить корма для скота, а также прикупить ржи. Напомни-ка и ты им, чтобы не забыли.

ФОХТУ ВИКМАНУ

(Черновик)

Тёрмянен, 12 января 1837 г.

Счастливого Нового года! Еще до ярмарки я приехал сюда, в Куусамо, и вновь отправляюсь в путь. Перед рождеством я встретил губернатора и ассессора Бергбома. Гу-

бернатор просил меня о том, чтобы я вернулся домой, если начнется какая-нибудь эпидемия, с тем условием, что потом мне продлят отпуск. Я обещал и сослался на тебя, что ты знаешь, куда написать в случае необходимости. Но думаю, что если и не вызовут, я зайду повидаться с вами, когда в начале лета буду проходить вдоль границы мимо Кухмо. Мне немного грустно покидать эти места, в которых я неплохо провел несколько недель. Но было бы еще лучше, если бы мне не надо было чертовски торопиться со своими записями, из-за чего я даже не смел поселиться ни в одном господском доме округи, а жил в крестьянском доме и лишь изредка наносил визиты господам...

ДОКТОРУ ХЕГЛУНДУ

(Черновик письма).

Тёрмянен, 14 января 1837 г.

Недавно, тому несколько дней, я начал писать тебе и теперь перед самой дорогой хочу продолжить. Отсюда я вновь направляюсь в Россию. Начну свой путь с северной оконечности озера Пяярви, где, как говорят, преобладает лопарский язык. Далее я намерен обойти все озеро, длина которого девять-десять миль и примерно такая же ширина, и побывать во всех селениях по его берегам. Затем я вернусь обратно в северный конец озера и, по-видимому, через четыре-пять недель доберусь до Куоляярви в приходе Кемиярви. Далее я думаю пройти вдоль границы на север до Утсойки. На русской стороне к северу от этих мест, говорят, живут одни лопари, с которыми я уже не буду иметь никаких дел. [. . .]

ОТРЫВОЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

(По-фински)

Все кресты: задней стороной на северо-восток, лицевой — в сторону захода весеннего солнца [на юго-запад], перекладина одним концом на юг, другим — на север.

«Сколько всего богов?» — «А кто их считал, как-то раз семь возов из Москвы в Питер доставили». [. . .]

В *Хейккиля*. Я уже третье поколение после него. Он, мой дед, родом из Соткамо, одним из первых поселился здесь. Тогда еще в этих местах жили лопари в своих

вежах. Они терпеть не могли финнов¹ и с помощью колдовства пытались помешать заселению. Лопари жили тогда на том месте, где сейчас Коскентало. Вот однажды мой дед рубил лес для подсеки. А у него был работник, который видел то, чего другие увидеть не могли. Так и тут. Видит он, что по льду со стороны порога идет нечистая сила. Он подождал немного, а как стала она на берег подниматься, давай гнать ее обратно к тем, кто наслал. И все в семье лопаря умерли. Вскоре и сам хозяин последовал за ними. [...]

В Хейккиля. Богу было угодно, чтобы я все же попал на родину отца. Нанялся я тут в работники к Тёрмянецу — первому мужу моей будущей жены. Потом он умер. Еще четыре года я тут работал, потом она захотела взять меня в мужья, я и согласился. Три раза был на грани смерти. Один раз я ходил искать коров, упал с дерева на землю. Полетел вверх тормашками. А земля каменная, еще когда залезал наверх, подумал, что отсюда если упадешь, так ничего не останется. Пролежал сколько-то и пришел в себя. Вижу — солнце встает. В полном сознании, а не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой. Попробовал пошевелить пальцем ноги — немного шевелится. Подвигал левой ногой, затем левой рукой. Наконец, дополз на животе до коровьей тропы. Кое-как добрался до дома. Жена чуть в обморок не упала, когда увидела, что со мной. Второй раз, когда на лодке ездили с дочерьми за глиной. Я сидел на ушате с глиной, а они гребли. Поднялся сильный ветер. Я уж думал, не доехать до берега. Доехали-таки. Третий раз в лесу тесал я доски для лодки да и ударил топором по ноге. Дополз до проталины, здесь переночевал. Утром меня отыскали.

В русской Карелии. Старообрядцы сами себя венчают. И поп им не нужен, даже свой, так же и при погребении. Поп нужен лишь при крещении.

В Хейккиля. Однажды пришли кивеккят*, заставили одного мужика отвезти их в соседнюю деревню. Мужик на своей лодке поехал первым, а они — следом за ним на других лодках. Доехали до большого острова. Проводник едет впереди и гребет вокруг острова, они — за ним. Наступил

¹ В оригинале *Iantalaisia* — букв. «навозников». Так финляндские саамы называют переселенцев с юга, финнов, которые занимаются земледелием.

вечер. Стемнело. Они спрашивают: «Куда нас ведешь, ведь должна быть деревня?» Мужик помалкивает. Вышли на берег. Когда все уснули, мужик оттолкнул лодки от берега, сам вскочил в последнюю. «Ой, Лаврушечка, дорогой, верни лодку!» — «А вернул бы — развесили бы кишки на сосне». Поплыли следом, а он их веслом по пальцам.

Когда финны поселились здесь, лопарей становилось все меньше и меньше, они умирали, как от мора.

Оленину продавали по 1 руб. 80 коп. за пуд. Дичь, куропатку — по 10—25 коп. [за штуку]. Сигов — по 3 рубля за пуд. Березовый деготь — по 80 коп. за меру. Нутряное сало и масло — по 20 коп. за фунт. [..]

«Они антихристы (царь, господа и попы). По-нашему, они еще хуже, чем вы, финны. ...Раньше, когда была старая вера, не воевали, был мир на земле. Швед мог три раза выстрелить, только тогда один раз в ответ стреляли. А когда антихрист пришел, беспрерывно друг на друга лезут»¹.

Люди здесь красивей, чем в Саво и Карелии на финской стороне. [..]

Когда выпускают скот из хлева, обходят его с косой в руке, сначала по солнцу, потом против солнца, бьют прутом. Перед воротами кладут рябиновую палку и разжигают костер из щепок, взятых с трех пней, по три щепки с каждого. Через этот костер прогоняют скот. Хозяйка считает: первая Туорштиikki, вторая Пуниikki и т. д. Затем она еще раз обегает вокруг них с косой, затем прячет косу так, чтобы никто ее не трогал.

Сваты дважды появляются без жениха², а на третий раз — с женихом. Если он понравится девушке, то она подносит обоим сватам в стаканах вино. Сваты от имени жениха наливают в стакан отцу, в другой — матери девушки. Затем мать невесты наливает стопку жениху и дарит ему шелковый шейный платок. Жених в ответ дает девушке серебряную монету. Гостей сажают за стол, угощают. Затем отец невесты и сват бьют по рукам и говорят: «Слушайте все крещеные люди: дочь Петра Анна и Иван заключили сделку. Кто эту сделку расторгнет, того сто раз оштрафуют, шестьдесят раз опозорят. Все слышали?» Отвечают: «Слышали». — «Ну, раз слышали, то кто слово

¹ Лённрот приводит здесь рассказ какого-то старообрядца.

² Здесь описаны некоторые моменты свадебного обряда.

нарушит, тот за это и ответит». Трое со стороны жениха и шестеро со стороны отца невесты поют, пьют и едят за двумя столами. В приданое обещают дать овцу, корову, оленей, зерна и пр. Невеста подходит к гостям, обнимает их и плачет. Молодых ведут к постели. Сваты с косой обходят три раза вокруг кровати, чтобы не испортили молодых. Жених опускает деньги в свои бахилы. Сестры невесты разуваяют его и подбирают упавшие на пол монеты. Утром, когда встают, сестры невесты — свояченицы — приносят воду и белый платок, который остается у жениха. В постели жених дает невесте деньги. Поутру невеста идет за женихом в избу и бросает эти деньги под порог. Приходят свояченицы и собирают деньги, берут у жениха шапку и кладут в нее шелковый пояс. Затем начинают завтракать. После завтрака свекровь подносит новобрачным белый платок, а сестры дают второй. Когда поезжане приходят в дом жениха, выпивают чарку за невесту. Разрешается выпить до четырех рюмок. Невеста со свахой обносят вином всех по кругу и кланяются. За первую рюмку не платят, за вторую кладут на тарелку гривенник либо два. Первая идет как угощение.

Перед уходом молодых теща дарит жениху белую полотняную рубаху, за что он дает ей два риксдалера. Невеста одаривает всех: свекрови подносит сорочку и чулки, свекру — белую полотняную рубашку, порты и рукавицы; братьям жениха — красные шейные платки и белые полотняные рубашки, сестрам — красные платки и белые сорочки, детям — рукавички.

Ехали двое русских по льду реки. Оба уснули в санях. А лошадь попала на льдину, которую оторвало от берега и понесло вниз по течению. «Как же так, братец,— конь стоит, а лес бежит?»

В лесной избушке спали два русских мальчика. Меньшой проснулся: «Эй, Петри!» — «Что тебе?» — «Зуб выпал». — «Так выкинь». Немного поспали: «Эй, братец Петри!» — «Что такое?» — «Второй выпал». — «Выкинь его». Через какое-то время опять: «Эй, Петри!» — «Чего тебе?» — «Третий зуб выпал». — «Уж не леший ли спал на этом месте! Ложись-ка на другое». Вот и в Хяме однажды даже конюшню из-за этого передвинули на другое место.

В святки и мужики, и женщины сидят на перекрестке дорог и гадают на судьбу. Но прежде надо три раза обойти это место с косой. А в Новый год льют расплавленное олово и гадают по нему.

ПУТЬ ИЗ МАЯВАЛАХТИ В ХЕЙНЯРВИ ИЗ ДНЕВНИКА

Первую половину пути мы ехали по такой чащобе, что порою не видели ничего, кроме деревьев, ветви и гибкие стволы которых под тяжестью снега сводом смыкались над нашими головами. Всякий раз, когда дуга задевала за ветки и груды снега сыпались на нашу возницу, она радовалась обилию снега, предвещавшего урожайный год. Слева виднелась сопка Маяваара, весьма внушительная издали и почти незаметная вблизи. Случается, великое при близком рассмотрении теряет свою значительность. В конце пути было три ламбушки (Руокоярви, Хирвасъярви, Виксиярви), между ними простирались леса.

В России, как и у нас, боятся кладбищ — иные верят, что там ходят покойники. На кладбище лес оставляют невырубленным. Верят ли они в духов, я не знаю. Пожалуй, они им и не нужны, потому что бронзовые божки служат для той же цели, причем с большим удобством: им можно плюнуть в лицо и даже поколотить, как иногда и случается. «Я тебе молось, а ты, *поганый*, не помогаешь мне».

Резные деревянные календари есть во многих местах.

Однажды кивеккят были на русской стороне, плыли по Пяярви. Проводник привел их к истоку Кунтуйоки, которая вытекает из Пяярви в Коутаярви и далее в море. Ниже по течению начинается порог Кумакоски, большой, кипучий, по которому никогда не спускаются на лодках. Проводник направил их в порог, дескать, теперь сюда. Сам впереди. Поравнявшись со скалой, успел выпрыгнуть, а лодку унесло в пучину, вслед за ней — всех до одного кивеккят.

Армяк отличается от кафтана тем, что кафтан расклешенный, а армяк прямого покроя. (Хяйнярви.)

В окрестностях Пяярви избы обычно высотой в четыре локтя и семь—девять локтей в ширину и длину. Слева или справа от дверей стоит печь, стороны ее — четыре-пять локтей. По боковой стороне, во всю длину печной кладки и вплотную к ней, встроен шкаф высотой полтора-два локтя и шириной $3/4$ локтя. По размерам он напоминает шкаф для посуды и называется *колпица*, или *рунтукка*¹. Одной стороной он прикреплен к стене, а другой — обращен к из-

¹ Слова заимствованы из русского: голбец, рундук.

бе. Печь, что с одного боку выступает вперед на пол-локтя, вместе с рундуком образует прямой угол. С той же стороны печи высится онечный столб, сделанный из толстой доски, высота которого около трех локтей, ширина — пол-локтя и толщина — $1/8$ локтя. От припечного столба под прямым углом расходятся два воронца — один вдоль, другой поперек избы. Длина их — шесть локтей, и сделаны они из таких же досок, что и столб, но чуть поуже и потолще. Эти воронцы расположены так низко, что человек выше среднего роста из-за них должен ходить пригнувшись. Обычно от одного из воронцов к стене прикрепляется широкий полук, который называется *полати*. На полатах, как и на рундуке, а тем более на печи можно спать. Помимо того, печь, рундук и воронцы имеют другое назначение: там хранят квашню, туески с мукой, разную мелочь, а также сушат сапоги, обувь, носки и что придется. Собственно, для сушки носков в печи над рундуком сделано несколько углублений, которые называются *печурками*. От воронца, расположенного поперек избы, к противоположной стене над очагом протянуты две жерди на расстоянии в пол-локтя друг от друга. На них с вечера ставят сушиться дрова, поэтому их называют дровяными воронцами.

В нижней части печи [опечье], под шестком и жаратком (зольником), имеется отверстие, называемое подзольником, куда днем сметают мусор. [. . .]. Напротив печного угла от одного из основных воронцов отходят две параллельные жерди — воронцы для лучины (грядки), на которых обычно лежат ружья.

Вдоль стен избы тянутся лавки в пол-локтя шириной и в четыре дюйма толщиной. Над лавками вдоль стен установлены полки, *полавошники*, на которых, как и на воронцах, хранят разную утварь. Около дверей находятся полки, на которых держат миски, ставцы и тому подобное.

Потолок поκειται на четырех толстых бревнах — *матцах*, два из которых идут вдоль, а два поперек избы. Потолок обычно настиляется либо из досок, либо из наката. Полы всегда настланы из гладко отесанных досок, чтобы их можно было мыть.

Окон в избе шесть, три из них — на лицевой стене, причем среднее высотой в пол-локтя, а крайние пониже. Одно окно на той стене, где печь, и два — на противоположной от печи стене. Обычно в них вставлены маленькие, шириной в два-четыре дюйма, стеклышки или кусочки желтой слюды. Некоторые окна открываются. Стол

длинной в два локтя и шириной в локоть, столешница установлена на подстолье, в котором хранятся чашки, миски, ложки и прочая посуда. Стол всегда стоит торцом к среднему окну, по фасаду разделяя избу на две половины — мужскую и женскую. Стульев нет вообще, но есть скамьи длиной в два с половиной локтя, у которых обычно две ножки на одном конце, а другим они ставятся на лавку. На день эти скамьи поднимают на воронец, а на ночь представляют к лавке — и спальное место готово. В каждом доме около печного столба либо в углу между дверью и печкой находится рукомоиник, чаще медный, но иногда и берестяной. Под рукомоиником — лохань побольше, так называемая *стригона*, или тренога, куда стекает вода при мытье рук. Полотенцами для вытирания рук зачастую служат куски старых сетей, но обычно имеются и полотняные. Над рукомоиником прикреплен светец с двумя пальцами для лучин, имеется еще и второй, стоящий отдельно. Но не буду описывать все мелкие предметы, а также деревянные гвозди и приспособления для хранения ножей на стенах. Перечислю лишь, какая еще одежда и утварь имеется в избах: невода, сети, прялки, два-три сундука, кадушки, ушат с водой, ведра, квашня, поленья для щепления лучинок, пояса, сбруи, шапки, треухи, нелуженые котлы, безмен, топоры, ружья, сапоги, носки, обувь, корыто для пойла, двое-трое четок, пара икон и тому подобное. В большинстве домов еще имеется ткацкий станок. И в такой избе подчас проживает более двадцати человек. [. .]

Около рундука находится дверь, за ней — ступеньки, ведущие в подполье, называемое *карсина*, — помещение это без пола и находится под избой. В подполье держат ручной жернов, ступу и другую хозяйственную утварь. Дверь из избы ведет в сени, чаще темные, но бывают и с небольшими окнами. Из сеней можно пройти в клети, на сарай, а также спуститься по лестнице вниз во двор — *танхуа*, где расположен хлев. Двор одновременно используется и как конюшня. Потолком служит пол расположенных над ним помещений — сеней, сарая и клетей. Из сеней дверь ведет на крыльцо, откуда лестница, называемая *ваё*, с навесом, крытым берестой, ведет на улицу. Со двора же попадают в хлев, описание которого я пропускаю, но стоит еще заглянуть наверх. Между потолком и крышей имеется чердак треугольной формы, над ним — двускатная крыша, от охлупня, или коневого бревна, к потокам наклонная и выступающая примерно на локоть от стены. Стены

избы и других построек сделаны из окоренных необтесанных бревен.

Помимо основной постройки — избы с примыкающими к ней клетями, двором, хлевом и прочим, в крестьянском хозяйстве нет других строений, кроме риги и бани и в лучшем случае какого-нибудь отдельного амбара. В бане полук намного ниже, чем в финских банях: на полтора-два локтя от пола. Риги — без гумна (отдельного помещения для молотьбы), но иногда с сенами.

ИЗ ДНЕВНИКА

Елетъярви, 28 января 1837 г.

От местечка Куусамо до Кантониemi — 12 верст, 18 — до Хейккиля, до Хянниля — 10, до Коутаниemi (Коутала) — 15, до Оуланкансуу на берегу Пяярви — 25, до Маявалахти — 40, до Хейнярви — 20, до Елетъярви — 80. Между Коутала и Оуланкансуу расположена самая большая сопка — Нуоруйнен. Неподалеку от Оуланкансуу находятся Кивакка и целый ряд других сопок. В окрестностях Пяярви вообще много возвышенностей. Даже один из островов — Лупшинки — возвышенность, поэтому лес на нем почти полностью вырублен и выжжен под пашни. Жители деревень, расположенных на южном берегу озера, называют лопарями всех, проживающих на северном берегу, хотя там обитают точно такие же финны, как они сами. Исключение, пожалуй, составляют две деревни — Рува и Тумча, расположенные чуть севернее Пяярви и являющиеся к тому же самыми северными финскими поселениями в России. Население этих деревень почти не занимается земледелием, а живет за счет оленеводства. За этими деревнями начинается *Коталаппи*¹, но это не значит, что здесь живут одни лопари в своих вежах. [..]

ИЗ ДНЕВНИКА

Елетъярви, 29 января 1837 г.

Танцы называются *кисат*, *кисасет*, они самые разные, их много и танцуют их везде. «Ночные» посиделки²

¹ Букв. «лопь, живущая в котлах», т. е. вежах.

² Фактически это были вечерние посиделки, но так как старшие ложились спать рано, эти посиделки назывались «ночными», в противовес дневным посиделкам (*päiväkesrät*), на которые собирались в основном старшие женщины с рукоделием, главным образом с прядением, на что указывает слово — *kesrät*.

(yökesgät) обычно заканчиваются танцами. Кроме того, молодежь почти каждое воскресенье между постами собирается на игры. Но главная забота в том, чтобы найти помещение для игр (*кисапиртти*), ведь игры считаются греховным занятием, и поэтому старые люди, от которых зависит, разрешить или нет играть в избе, не охотно соглашаются на это. Но вот изба найдена. Все парни и девушки становятся в круг, независимо от того, есть ли у каждого пара или нет. Один из играющих берет рукавицу и кидает ее в кого-нибудь — парень в девушку или наоборот. Тогда тот, в кого попали рукавицей, бежит за бросившим ее по кругу. Бегут то в одну, то в другую сторону, как вздумается, делают крутой поворот и т. д. Главное, чтобы догоняющий не смог попасть рукавицей. Но когда это случается, игрок, в которого попали, становится обратно в круг, а догонявший бросает рукавицей в другого и тот, в свою очередь, бежит за ним вдогонку. Эта игра называется «рукавички» (*кинтахисет*), и чаще всего начинают именно с нее.

Следующая игра «в женитьбу» (*найгтайсет*), или «венчание» (*венчакиса*), которую иногда называют «игрой с платком» (*пайккакиса*), поэтому в нее нельзя играть без шейного платка (*каклапайкка*). Все становятся парами, образуют круг. Обычно девушки приглашают кавалеров следующим образом: одна из них подводит каждую из подруг по очереди к ее избраннику. Ведущая берет девушку за руку, и они низко кланяются тому, кого приглашают на танец. Поклоны повторяются несколько раз, а между поклонами приглашающие на танец делают два-три шага назад, затем опять подходят к кавалеру и снова кланяются. Когда один таким образом приглашен, ведущая с другой девушкой подходит к следующему кавалеру, и так продолжается до тех пор, пока не наберется нужное для игры количество пар. Есть и второй способ приглашения к танцу: девушки, взявшись за руки, подходят к парням, сидящим рядом на скамейке, и становятся перед ними. Каждая из девушек приглашает того, кто оказался перед ней.

После приглашения на танец все становятся в круг, причем кавалер должен подать своей даме руку и ввести ее в круг. Затем одна пара выходит в центр круга, парень держит платок за один конец, а девушка — за другой. Кавалер стоит на месте не двигаясь, а дама обходит вокруг него и низко кланяется ему. Потом она идет по кругу, останавливается и кланяется кому-нибудь. Снова идет по

кругу и кланяется следующему. И так далее, пока не раскланяется со всеми играющими, как девушками, так и парнями, вновь кланяется своему кавалеру, и они оба становятся в круг. После этого ближайшая к ним пара по ходу солнца начинает обходить круг, а за ней все остальные по порядку. Затем опять выходит первая пара. Парень бросает платком в кого-нибудь из стоящих, а девушка забирает его и подает обратно кавалеру. Он бросает в другого, девушка опять приносит платок обратно и низко кланяется парню, после чего он набрасывает платок ей на плечо. Но теперь платок будто бы и не нужен девушке, она кидает им то в одного, то в другого. А парень, в свою очередь, должен забрать его и снова накинуть ей на плечо. Наконец он просит девушку отдать платок другой паре и, желая показаться очень вежливым, слегка кланяется и опускает платок ей на плечо. Девушка отдает платок и вместе со своим кавалером становится в круг. Все пары одна за другой выполняют то же самое. Эта игра завершается танцем-кружением. Одна из пар выходит на середину круга. Парень правой рукой берет девушку за правую руку и кружит ее один раз. Лево́й рукой он выхватывает из круга еще одну девушку за левую руку и кружит ее, затем опять первую девушку, которая все время стоит внутри круга. После этого парень выхватывает из круга следующую девушку и т. д. На этом танец заканчивается.

Шинка — танец, в котором девушки приглашают кавалеров, как и в предыдущем танце, и пары становятся в обычную четверку, или кадрили. Стоящие друг против друга пары начинают продвигаться навстречу друг другу. Сперва идут парни, оставляя своих дам на месте, идут они одновременно перебежкой, и, пройдя мимо друг друга, обходят вокруг стоящих напротив девушек. После этого девушки совершают такую же перебежку и каждая как бы выписывает на полу большую цифру восемь. Когда обе противостоящие пары перебегут подобным образом дважды, они встают на свои места. Теперь вступают в танец две другие пары, стоящие друг против друга. Когда они, проделав ту же фигуру, встают на свои места, парни начинают пробегать вдоль круга по солнцу, а девушки — против солнца. Притом парни сначала правой рукой подхватывают свою девушку, затем левой — следующую за ней, и так по очереди всех. Когда каждый из них доходит до своей дамы, снова начинаются встречные перебежки и т. д.

Игра-прогулка (кявелюкиса) — это медленный танец, в котором пары сначала стоят друг за другом около дверей. Сначала проходит в другой конец избы первая пара, за ней — все остальные. Затем пары расходятся — одна направо, другая налево — и идут обратно мимо пар, проходящих вперед. Так образуется четыре ряда играющих: два из них перемещаются вперед посередине и два — по краям и идут в противоположную сторону (к дверям). Двигаются они без остановок и, едва дойдя до дверей, тут же берутся за руки и снова идут вперед.

Игра-бег (юоксентакиса) несколько напоминает предыдущую, но отличается от нее тем, что вперед перемещаются не шагом, а пробежкой. Вначале парни бегут в одном ряду, а девушки — в другом. Затем они поворачиваются и огибают бегущих вперед с внешней стороны и еще раз огибают с внешней стороны следующих за ними. Наконец они оказываются в среднем ряду, хотя бегут теперь в направлении, противоположном первоначальному.

Кясиветелюс — игра попроще¹.

Рямсю и тому подобное — танцы другого рода.

Обычно напоследок играют в «короля». Играющие садятся в круг. Один из них протягивает руку, другие по очереди кладут руки сверху. Тот, чья рука снизу, вытаскивает ее и кладет сверху. Так проделывает каждый, по четырнадцать раз. У кого на четырнадцатый раз рука окажется сверху, тот король. Он определяет, кто и что должен делать: обнять такого-то, поклониться такому-то и т. п.

Танцы сопровождаются песнями. Более быстрые танцы исполняются под песни на ломаном русском языке. А медленные — как под песни на русском, так и на финском (карельском) языках. Бывает, что голоса уже охрипли от песен, а ноги еще не наплясались до усталости, тогда танцуют без песен и музыки.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 1 февраля 1837 г.

Игра с мячом (паллокиса). Пинают большой кожаный мяч. У кого мяч летит дальше установленной границы, тот побеждает.

¹ Эта игра описана на с. 142.

*Игра «в сущики»*¹. В землю воткнут шест, к основанию которого привязаны «сущики». Один сторожит и пинками отгоняет всех, кто пытается стащить их. Если кому-то удастся подойти незадетым, он становится хозяином «сущиков».

Считается грехом брить бороду и оставлять волосы нестриженными. В Пяярви и Керети есть остриженные наголо. Грешно курить, грешно есть похлебку, оставшуюся с предыдущего раза, грешно употреблять в пищу кровь животных или позволять это делать другим, брать печень и внутренности и т. д. При забое скота кровь не собирают, считая ее нечистой. А мясо тщательно моют и отмачивают в проруби.

Яры — верхние сапоги из шкуры дикого оленя. *Пяяккё* — носки (носки без паголенка) из шкуры с головы оленя.

Нуотио[нодья]. Берут две сухостойные сосны такой длины, чтобы всем хватило места у костра, и кладут их друг на друга. Верхнее укрепляется с помощью рычагов с двух концов. Делается это так: в оба конца вбивают по клину и к ним прикрепляют рычаг. По другую сторону от спящих сооружается стена из снега. [..]

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 1 февраля 1837 г.

Хяннинен пояснил старику Хуотила, кто я такой, — и на стол сразу же принесли масло, а старик просил извинить его.

Хяннинен уплатил тридцать копеек за пуд за доставку груза из Керети в Куусамо. Это расстояние равно ста восьмидесяти восьми верстам. Бывает, что груз перевозят и за двадцать копеек. Этот перевоз опасен, в Елетъярви дело чуть не дошло до грабежа. Но дед Мийхкали, повстречав шайку, обратил ее в бегство. В Елетъярви у меня не менее семи раз спрашивали, нет ли вина, хотя сами отбирали вино у тех, кто его привозит. Я знал про то и говорил, что ведь это запрещено и т. д.

В следующее воскресенье в доме устроили танцы. Меня попросили поиграть на флейте, но, будучи несколько раздосадован их вчерашними вздорными расспросами,

¹ Под «сущиками» (кар. кара — сушеная рыба) подразумевались старые веники.

я отказался. В понедельник ко мне подошел один мужчина и вызвался меня подвезти. Я ответил, что не нуждаюсь в этом, и решил, что если Мийхкали не придет в назначенный день, то ночью я отправлюсь обратно в Хейняярви либо возьму в проводники старшего сына из этого дома, который показался мне чуть лучше остальных деревенских мужчин, и, не раскрывая никому своих намерений, пройду четыре мили пешком до Уусикиюля. Но ничего этого мне делать не пришлось, потому что в понедельник приехал Мийхкали. Когда же я отказался от предложенного мне перевоза, то давешний мужик отозвал хозяйского сына во двор и долго с ним говорил, я, конечно, не знаю, о чем, но у меня были основания полагать, что он советовался с хозяином, как меня ограбить. В этом я еще больше уверовался после того, как одна из женщин сочла нужным пойти и послушать их разговор. Единственное, что промолвил при прощании парень, когда я уезжал, было: «Ко мне уже начали приставать из-за того, что вы у нас так долго живете, и велели выгнать».

Утром третьего дня я без малейшего сожаления покинул эту деревню с ее скверными обычаями и столь же скверной едой. Но от ее негодного люда не так-то легко было отделаться. Некий Мийхкали, сын Сергея, вместе со своим хорошим дружкой Кирилой, сыном Хилиппя, отправился из Сяркинеми следом за нами в Кереть по той же дороге. На полпути между Елетъярви и Уусикиюля, в двадцати верстах от обеих деревень, есть избушка, где останавливаются путники, чтобы перекусить и покормить лошадей. Тут они нас и догнали. Опять завели разговор о моем паспорте. Я уверял их, что я не беглый, поскольку еду в Кереть, где обязан предъявить свой паспорт. После этого они принялись бранить старика Мийхкали, который не постыдился взять в свои сани такого человека. Пока мы были тут, они все время докучали мне своими вопросами, и я понял, что не хватит никаких слов, чтобы убедить их. Потом мы поехали в Уусикиюля. Там, к моей великой радости, мы остановились в разных домах. Но на следующий день мы опять встретились в одной избушке в двадцати верстах от Уусикиюля. И на меня снова посыпалась ругань. Они грозились, что свяжут меня, как только мы прибудем в Кереть: «Можете сделать это хоть сейчас, если считаете, что у вас есть такое право». Не хочется повторять всего, что я от них наслушался. Но одного из них мне удалось заставить замолчать следующим образом: мне рассказали об этом Мийхкали, сыне Сергея, что он

нахально поселился в одном из домов в Сяркиниemi и был в хороших отношениях с женой хозяина (т. е. был любовником). Мужу, естественно, это было не по душе, он пытался выгнать соперника, но не смог, потому что наглец был дюжий мужик. Однажды хозяин с помощью деревенских мужиков связал его и отвез в Елетъярви, но и это не помогло. Приживалец вскоре вернулся обратно. В другой раз мужики из Сяркиниemi пригрозили утопить Мийхкали и чуть было не исполнили свою угрозу — привезли его к озеру и окунули в воду, но потом все же отпустили. Однако и от этого не было никакой пользы, так как потерпевший грозился донести начальству об имевшей место попытке утопить его и тем самым заставил искателей справедливости замять дело выкупом. Так он в основном и продолжает жить в упомянутом доме и повелевать, словно он тут второй хозяин. Говорят, муж ни словом, ни наказанием не мог наставить свою жену на путь истинный... Услышав эту историю, я спросил у рассказчика, почему же они не сообщили властям о насильнике, тогда его наверняка забрали бы в солдаты. На что он ответил: «Кабы знать наперед, что так получится, давно бы сообщили. Но если его оставят дома, он сожжет всю деревню и поубивает всех жителей».

И теперь этот самый мужик, что в Елетъярви вместе с другими доказывал, что мне по закону не дозволено нанимать перевоз из другой деревни, вновь принялся меня бранить. Когда же он совсем разошелся, я сказал: «Позавчера ты объяснил мне закон, что якобы я не имею права нанять возчика из другой деревни. Но знаешь ли ты, что по закону ожидает таких, кто захватывает чужой дом и жену? По приезде в Кемь мне хотелось бы узнать, что за это полагается. Елетъярви-то относится к Кемскому уезду, а Сяркиниemi — к Кольскому». — «А об этом в законе ничего не сказано, по нашим обычаям так можно», — заорали они в несколько голосов мне в ответ, даже мой возчик, восьмидесятилетний Мийхкали, присоединился к ним. Однако мужик, которого это касалось, покраснел как рак, сделал пару шагов в мою сторону, в гневе пробурчал что-то, но сумел взять себя в руки. Его дружку, второму мужику из Сяркиниemi, не очень понравилось, что смутили их главаря, и он начал подзадоривать того словами: «Что ты на него смотришь? Всади-ка ему топор в глотку или отведи в избушку и повесь за ноги под потолок, пусть повисит в дыму». В избушке в это время и впрямь что-то варилось, и дым стелился до пола, совсем

как в бане, когда ее топят. Но этот его призыв не достиг своей цели, потому что Мийхкали после моих слов заговорил по-другому и сделался чуть ли не моим покорнейшим слугой.

Уж и не знаю, что я успел наболтать за это время, но вскоре заметил, что и старый Мийхкали уже начал сомневаться во мне. Может, он подумал, что по дороге я могу сбежать, поэтому перед последним перегоном в двадцать верст он напомнил, чтобы я рассчитался с ним. Это напоминание показалось мне смешным, а посему я и не выполнил его просьбу, лишь спросил, на что ему сейчас в дороге деньги. Он ответил, что и в самом деле в дороге ему деньги ни к чему, но зато нужны будут в Керети. «Ну там ты и получишь плату за перевоз,— ответил я,— и тебе нечего бояться, что я сбегу,— в качестве залога у тебя ведь моя сумка (еще утром он взял ее в свои сани, хотя сам ехал в моих санях). Стоимость одной только кожи почти покроет стоимость перевоза, да и внутри там кое-что имеется». На том и поладили. Вообще-то я мог бы расплатиться тут же, но опасался, что если эти полудикие люди увидят деньги, то страсть займет их переселит в них все другие чувства.

Путь из Елетъярви. Сначала мы ехали несколько верст вдоль берега озера Елетъярви. Затем миновали череду лесов, болот и маленьких ламбушек. А верст за десять от деревни брала начало река Мерийоки¹, по ширине не больше обычной дороги, но получившая столь громкое название оттого, что она впадала в море. Мы ехали по льду реки, обходя пороги, до Уусикюля, затем ехали где по берегу, где по маленьким озеркам, пока наконец не приехали на большое озеро Луовушкаярви. Там внимание мое привлекло множество островов. По площади они казались небольшими, но местами поднимались отвесными скалистыми стенами с лесом внизу. Когда мы переехали озеро, до Керети оставалось десять верст. Здесь свернули на тракт, который идет от Кеми. К удивлению своему, я заметил, что санный путь на озере был помечен вехами. В том месте, где надлежало подняться на берег, по обеим сторонам пути лес был вырублен на ширину дороги, но поднявшийся возле самой колени подрост свидетельствовал о том, что летней порою здесь проходит обычная тропа. Так оно и оказалось на самом деле.

¹ Мерийоки (кар. Merijoki) — Морская река, или река Кереть.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 2 февраля 1837 г.

Я еще не знаю, что решат относительно моего паспорта. Но вчера я ходил к господину Байтраму, единственному человеку из общества в здешних краях, который ведет контроль за торговлей казенным вином в Керети, Ковде, Кандалакше и Умбе. Он сказал мне, что вообще все боятся моего дальнейшего пребывания в этом поселении, так как не знают, какое зло я могу им причинить. Тем не менее я спокойно ожидал бы их решения, если бы квартира, где я остановился, была получше. Но, к досаде своей, я заметил, что домочадцы даже днем большую часть времени проводят в комнате, снятой мною, здесь совершаются торговые сделки, женщины целыми днями сидят тут же и шьют. Поэтому я, пожалуй, отправлюсь в путь раньше, чем предполагал, поскольку в таких условиях невозможно спокойно работать.

К великой моей радости и удивлению, я вчера узнал, что госпожа Байтрам, родом из Архангельска, прекрасно владеет финским языком, на котором говорят в Выборгской губернии. Я спросил у нее, почему она в первый мой приход к ним скрыла свое умение говорить по-нашему. Госпожа ответила, что ей и в голову не пришло, что я могу знать именно этот финский, ведь крестьяне, приезжающие сюда, говорят на малопонятном ей языке. Где же она сама научилась финскому? Оказывается, ее мать была родом из Выборгской губернии. Родители переехали в Архангельск, когда их дочери было всего три года. Мать чаще всего говорила с детьми по-фински, хуже она владела немецким, а русского почти совсем не знала, когда приехали. [. . .]

Отец господина Байтрама во время войны 1788 года был поручиком в русской армии, участвовал в морских боях при Гогланде и попал в плен к шведам. Это я узнал из родословной книги, которая перешла к его сыну. После освобождения из плена Байтрам стал карантинным надзирателем в Архангельске. По словам сына, он был родом из Выборга. В том, что он знал языки, меня, помимо рассказов о нем, убедили записи в упомянутой родословной книге, перелистывая которую в один из вечеров, я нашел сотни сердечных стихотворных отрывков и автографов. Стихи были написаны на немецком, шведском, французском, русском, голландском, английском, датском и на ла-

тинском языке. Сын уверял, что отец его говорил еще и на еврейском и даже на финском, но стихотворных записей на этих языках не было сделано.

Редко где встретишь кузнеца, особенно хорошего. Все кузнецы — финны. Столы и стулья — из Архангельска. У женщин вся одежда покупная. Изготовление масла плохое. Лен и коноплю закупают. Оконного стекла нет. Изготовление сыра им неизвестно. Картофель совсем не сажают либо сажают ничтожно мало. Сравните теперь обеспеченность на русской стороне с финской. В России можно встретить людей, которые не знают, что им завтра есть. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 3 февраля 1837 г.

Основной промысел жителей Керети — рыболовство. В более состоятельных домах имеется от трехсот до тысячи сельдянок¹, которые продают в Архангельске по рублю, а то и дороже. Сельдянки эти небольшие. Здешние люди ездят на своих судах к местам добычи рыбы на Белом море, скупают там рыбу подешевле, доставляя туда продукты питания и прочие товары, к примеру вино и т. п.

В деревне ложатся спать часов в пять-шесть и встают около двух часов, по сути дела, совсем напрасно. Все долгое утро мужчины полеживают на рундуке или на полатях либо до завтрака привезут воз дров или сена. Женщины же готовят пойло для скота, стряпают (обязательное занятие, повторяющееся каждое утро), варят похлебку на завтрак в нелуженых медных котлах, что-то толкут в ступе или размалывают зерно на жернове. Так за хлопотами и приготовлением завтрака проходит все утро — лучшее время суток.

Вчера в Кереть приехал исправник, и мне велено было показать ему свой паспорт. Вслед за этим ко мне подошел хозяин и сказал, что исправник попросил узнать, не могу ли я дать ему картуз² датского табака или хотя бы половину. Мне пришлось отказать. В два часа после полудня я пошел к исправнику, но он был в это время в бане,

¹ Сельдянка — небольшой бочонок для засолки беломорской сельди.

² Картуз — мера табаку, который продавался в бумажных мешочках.

а еще через два часа — он отдыхал после бани. Сегодня я уже с утра побывал там и показал ему свой паспорт, который был признан настоящим.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 6 февраля 1837 г.

Говорят, в церкви хранятся мощи некоего Варлаама, гроб которого висит привязанный к потолку. Мне так и не довелось самому сходить и посмотреть на это, опишу лишь то, что слышал в деревне. Рассказывают, что этот Варлаам, совершив какой-то тяжкий грех — убийство, ограбление или что-то подобное, сделался набожным и впоследствии слыл как святой. В последние годы своей жизни он ставил кресты и часовни на каждом мысу в окрестностях Керети. Сказывают, человек этот проявлял такое усердие, что даже никогда не ложился спать под крышей. Как уж обстояло дело зимой, о том мне не довелось спросить. Все это время, говорят, он не ел мяса и ничего такого. Насколько я понял из рассказов, Варлаам сначала нечестным путем добыл себе довольно большое состояние, а потом его стали мучить угрызения совести. Вот он и попытался искупить грех и примирить его со своей совестью вышеописанным способом, то есть избрал путь лишений и трудов, что было полной противоположностью тому, чего он прежде добивался. Ныне Варлаам стал настолько известным святым, что когда три года назад архангельский архиерей захотел посмотреть на его мощи, он был так потрясен, что чуть не лишился чувств. Но сама память о Варлааме безнравственна.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кереть, 6 февраля 1837 г.

Начиная с середины и до конца мая непрерывным потоком через Кереть тянутся обозы. С окрестностей Кеми, с Сумы, Шуньги и т. д. едут люди — так называемые *мурманские* — в Кандалакшу и оттуда к Ледовитому океану на рыбную ловлю. По всей дороге можно видеть, как идут лошадь за лошадью, и это длится целых две недели. Бывает, что крестьяне за сто, а то и за двести верст приезжают на своих лошадях и оленях, чтобы перевозить рыбак. Говорят, что рыбак за лето может заработать сто —

двести рублей и даже больше. Они либо рыбачат для себя, либо нанимаются к крестьянам из Керети, Ковды, Кандалакши, Умбы, Колы или других местностей. Хозяин, нанявший рыбака, должен снабдить его едой, дать судно, а также рыболовные снасти; сам он получает по договору третью часть добычи. [. .]

ИЗ ДНЕВНИКА

Кола, 13 февраля 1837 г.

*Pervenit huc tandem, (nobis ubi defuit orbis)
mihi quo jam defuit, orbis*¹.

Я отправился из Керети 6 февраля под вечер. За шесть дней поста я на квартире заплатил десять рублей, включая сюда плату за хлеб, молоко и чай (плохой). Злая судьба подсунула мне в ящики некоего мужика из Хейняярви, который тоже ехал в Ковду. Я был крайне встревожен этим, поскольку он был родом из тех мест, что недалеко от злополучного Елетъярви, и в довершение всего перед нашим отъездом кто-то мне сказал: «Кабы он только не был в сговоре с разбойниками». Я не смел заснуть, хотя мы ехали ночью; немного успокоился лишь после того, как проехали первые десять верст.

К полуночи мы прибыли в деревню Мустайоки², которая является первым поселением на север от Керети и находится в сорока верстах от нее. Это довольно большая деревня, в ней пятьдесят-шестьдесят домов по обе стороны реки. Люди здесь занимаются рыболовством и в большинстве своем живут бедно. Правда, есть и более зажиточные, но все же не настолько, чтобы торговать. Я не видел ни одного судна с мачтой, кроме совсем старых. Проспав до восьми утра в доме, куда привел меня возница, и позавтракав, я отправился в другие дома, чтобы узнать, поют ли здесь карельские песни. Но таковых не оказалось, здесь пели только русские песни, поэтому около двух часов пополудни я выехал в сторону Ковды, дальше на север. Мы проехали до деревни две мили за три часа. Меня по-прежнему сопровождал мужик из Хейняярви, но я взял себе в доме, где ночевал, еще одного возницу. Большую часть

¹ Наконец я прибыл сюда, (где мы уже не нашли) где я уже не нашел знакомого мне мира (лат.).

² Мустайоки (кар. Mustajoki) — Черная Река.

пути они ехали в других санях, но иногда оба перебирались ко мне, переговариваясь между собою по-русски. Хотя я и не понимал их, но догадывался, что они, по-видимому, сговаривались насчет того, каким образом вынудить меня дать им денег на выпивку. Где-то с середины пути каждый из них начал приставать ко мне, чтобы я по приезде дал им сорок копеек на вино. Однако я заверил их, что они не получают от меня ни копейки, и сдержал слово. Я почти полностью преодолел чувство страха и готов был даже применить силу, если понадобится. Но все обошлось, хотя я все время был настороже. Многим мой страх, вероятно, покажется смешным, таковым он, впрочем, представляется теперь и мне самому: ведь если подумать, то на большой дороге почти невозможно было напасть на меня. Тем не менее страх не отпускал меня до самой Ковды, а частично преследовал еще и до Кандалакши. Это были последствия испытаний, выпавших на мою долю в Елетъярви. Я не смог взять себя в руки настолько, чтобы освободиться от него, хотя и старался, так как опасался, что чувство страха может превратиться в злобного мучителя, иными словами, в навязчивую идею (*idea fixa*), многоликий призрак которой мог долгое время тяготеть надо мною (ведь обычно она навязывается тому, кто предоставляет ей обитель).

Вечером я приехал в Ковду — довольно большое поселение, расположенное в северной части реки Ковда, возле порога с таким же названием. Я остался ночевать и, по своему обыкновению, начал поиски рун, которых здесь оказалось так же мало, как в Керети и в Мустайоки, а равно и в последующих поселениях — Княжой и Кандалакше. Финны мне все же встречались. В основном они переехали сюда из карельских деревень либо из приграничных деревень Финляндии. Они живут во всех упомянутых деревнях, но в Керети их меньше, чем в остальных. В Ковде я встретил две финские семьи, которые переехали из волости Кемиярви. Они поселились в маленьких убогих банях, так как им не посчастливилось раздобыть себе жилье получше. Я несколько раз заходил в одну из этих избушек. Семья состояла из семидесятилетнего старика, его шестидесятилетней жены и двух детей. Старик рассказал, что летом он пасет деревенское стадо, в котором около семидесятивосьмидесяти дойных коров, т. е. на треть меньше, чем домов. За каждую корову ему платят по восемьдесят копеек, так что доход его составляет чуть больше пятидесяти рублей. [. . .]

Местечко Ковда — чуть меньше Керети, но мне показалось, немного лучше отстроенное. Половина домов, как и в Керети, двухэтажные: изба или две внизу и две наверху. Верхние избы можно назвать горницами, потому что они всегда чисто вымыты, в них много — чаще всего шесть — довольно широких застекленных окон, высота которых три четверти локтя. Во всех домах установлены печи с трубами. Сама печь невероятной величины и сделана так, что в ней можно и варить.

Говорят, что в Ковде имеется шесть-семь кораблей — трехмачтовых лихтеров. Ими владеют богатые крестьяне Мериккяйнен, Клеменцов и другие, разбогатевшие на продаже хлеба и прочего.

Утром я приехал из Ковды в Княжую — небольшую деревню, в которой было всего тридцать домов. Вечером того же дня я приехал в Кандалакшу. Лишь один крестьянин, родом из Куусамо, принявший русскую веру и записанный в здешние книги, был, как говорили, побогаче, все остальные — бедные. Воспользовавшись тем, что в деревне не было лошадей, с меня взяли большую плату за перевоз, чем в других местах. Обычно платят по пять копеек за версту. Мне пришлось, как и в Ковде, показать здесь свой паспорт, но от этого они, видно, ненамного поумнели, потому что неоднократно спрашивали, кто же я такой и по какому делу еду.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кола, 14 февраля 1837 г.

[. . .] После двух часов пополудни я отправился из Княжой в сторону Кандалакши в перегон длиной три мили. Уже начиная с Керети дорога порою проходила через узкие, вдающиеся в берег морские бухты. На этом пути нам пришлось переезжать через несколько более широких заливов, один из которых был шириной восемь верст. Сани плохо идут по льду таких заливов, потому что морское течение поднимает на лед воду, которая вместе со снегом образует кашицу — шугу, мешающую скольжению полозьев. Эту шугу называют также «смолой»: «Нынче много смолы на дороге». Продвижение через небольшие бухты, попадавшиеся нам в пути, раньше не казалось мне утомительным, отчасти из-за того, что они были неширокие, к тому же стояла тихая погода. А теперь дул ветер, пур-

жило и шел настолько густой снег, что даже за несколько шагов ничего не было видно. Не раз мне на ум приходила поговорка: «Шуба в ветер и т. д.» Да, шубы были бы теперь очень кстати, но пришлось обходиться без них. Больше всего меня заботило, как бы баба, моя возница, не сбилась с пути. Правда, дорога была помечена вехами, но вешки были низкие, причем сбиты полозьями саней и расставлены так далеко друг от друга, что невозможно было их разглядеть. Вдобавок ко всему, из-за встречного ветра старуха возница должна была повернуться спиной к передку саней и прилечь. «Ну, с богом», — подумал я и молил только об одном: чтобы лошадка не сбилась с дороги, чтобы шла она к берегу, а не в сторону моря, где на заливе лед такой тонкий, что не выдержал бы, поскольку море на середине еще не замерзло. [..]

При подобном положении дел, когда я оказался на льду между Княжой и Кандалакшей, ничто не могло быть для меня более желанным, чем услышанный мной звон бубенцов настигающей нас почты. Мои опасения, что мы заблудились, разом исчезли, да и лошадка наша затрусила за почтовой. Часам к десяти-одиннадцати мы приехали в Кандалакшу, где и почтовые и наши сани въехали во двор первого же дома. Сначала мы попали к почтальону, или почтмейстеру, — не знаю, которое из названий вернее. На первый взгляд это был человек весьма странной наружности. У него было короткое туловище, черные как смоль волосы, худое лицо и необычайно большой нос. Одет он был в длинный форменный сюртук. Мне не довелось узнать, откуда он родом, русский или нет. Позднее его внешность уже меньше удивляла меня, но в первое мгновение мне хотелось пойти ночевать куда-нибудь в другое место. Кстати, это мое желание исполнилось — вскоре мне передали, чтобы я спустился в нижнюю избу, весь пол которой был заполнен спящими домочадцами. На том и закончился этот день.

Когда на следующее утро здешние люди прослышали о том, что я финский врач, меня пригласили пить чай к почтмейстеру. Он показал мне своего ребенка, страдающего пупочной грыжей. Затем он попытался как можно понятнее разъяснить мне, кто изображен на висевших по стенам иконах.

Позже я побывал в двух финских семьях, которые жили в том же доме. Они приехали из Куоляярви (из Салды), только что отделенной от капелланского прихода Кемиярви. Они жили частью на милостыню, частично на

какие-то заработки. В обеих семьях восхваляли свою родину и ругали места, где теперь жили. Мне вспомнилось то, с чем не раз приходилось сталкиваться в Турку и Хельсинки. Захудалый люд, приехавший туда из Швеции, не перестает восхвалять Швецию — свою родину и хулить Финляндию. Коли так, то почему же они не остаются там, где лучше, ведь никто не заставляет их ехать туда, где хуже? *Своя земля — земляника, чужая — черника*. Один из мужчин довольно сносно говорил по-русски, но самому ему казалось, что он владеет языком лучше, чем это было на самом деле. Он не переставая хвастался, что за шесть недель научился говорить лучше некоторых русских. Он даже брался обучить меня русскому, утверждая, что коли я знаю буквы, то на это дело уйдет всего два-три дня. [. .]

Его сосед по комнате, бывший присяжный заседатель (которого русские так и дразнили теперь — «заседатель»), был у себя на родине отстранен от должности и вдобавок осужден на двадцать восемь дней на хлеб и воду. Он сбегал и теперь хотел выяснить, как долго ему придется скрываться, чтобы наказание потеряло силу. Я не был настолько осведомлен в законе, чтобы ответить на это, но сам он, имевший дело с законами, припоминал, что вроде бы этот срок должен кончиться через год и одну ночь. Пока я завтракал, его жена с двумя детьми отиравилась просить милостыню. Здесь просят не так, как в Финляндии. Нищие останавливаются под окном с чашей в руке и выкрикивают, или, вернее, выпевают: «Милости, милости, милости...», пока им не откроют окно и не положат чего-нибудь в чашу. Впервые я наблюдал эту манеру просить в Керети и севернее от нее. В карельских деревнях нищие входят в избу и молча стоят возле дверей или же говорят: «Подайте Христа ради». Трудно сказать, какой обычай лучше. Наверное, первый лучше для подающего, второй — для просящего. Деревенские нищие, те, которые не ходят по другим селениям, а живут в одной и той же деревне, обычно два раза в день обходят деревню: утром во время завтрака и в вечерних сумерках, когда садятся второй раз за стол.

За ночь, или, вернее, накануне вечером, по деревне разнеслась весть о том, что я — доктор. Поэтому ко мне явилось много больных, которым я как мог помогал лекарствами, а то и просто советами. [. .]

Позже я сходил еще к двум больным и начал готовиться в путь. Но перед отъездом я еще раз обошел Кандакшу. Она построена хуже Ковды, хотя и напоминает

ее. Расположена она на северо-восточном берегу Канда-лакшского залива, в самом конце его. Стекающий с восточной стороны не очень широкий проток образует напротив залива мыс, на котором и отстроена большая часть деревни, на другом берегу протока всего несколько домов. Я видел три корабля с мачтами, это, говорят, все, что имеется. На севере, северо-западе и северо-востоке я насчитал целую дюжину заснеженных голых сопок. Таких совсем безлесных сопок я раньше не видывал, но потом на-смотрелся на них вдоволь. В селе две церкви, по одной на каждом берегу. У церкви, расположенной южнее, очень красивое местоположение, но она уже старая и не действует. Земледелие здесь, как в Керети и в других деревнях, не развито. Единственное культурное растение, какое здесь возделывают,— репа. Нередко можно увидеть обнесенные изгородью репные поля, похожие на маленькие огороды. Не может быть никаких сомнений в том, чтобы здесь не уродились ячмень или рожь, но поскольку рыболовство у них основное средство существования, они не берутся за эту работу, требующую немало времени.

Под вечер я был готов отправиться дальше и здесь, в Кандалакше, впервые сел в оленью кережу. Меня спросили, доводилось ли мне раньше ездить на оленях. Признаваться в том, что я не ездил, мне не хотелось, и, уклонившись от прямого ответа, я сказал, что надеюсь управиться. Но все оказалось не так-то просто. Через пару верст олень вынес меня с дороги в лес, кережа опрокинулась и я вместе с ней. Хорошо, что я из предосторожности перед дорогой привязал вожжу к своему поясу. Вскоре после этого начался большой спуск, и я попал в еще большую беду. Кережа снова опрокинулась, и я, привязанный, волоком тащился за оленем до половины длинного спуска. Потом пошло лучше, а через десять верст пути мы подъехали к южному берегу озера Имандра, где на ровном льду уже не было никакой опасности. По Имандре мы ехали еще двадцать верст до первой почтовой станции Зашеек. Я договорился с проводником из Кандалакши, что он отвезет меня за пятнадцать верст к одному лопарю, живущему в стороне от почтовой дороги — в Кемиённеми. Там я надеялся нанять перевоз подешевле. Я всегда старался рассчитать наперед, чтобы с меньшими затратами доехать до конца пути, что просто необходимо в долгих путешествиях. А отдельных случаев, когда приходится платить большие деньги, все равно не избежать. Кроме того, мне было интересно увидеть и других лопарей, кроме тех,

которые живут у большой дороги и которые, как говорят, уже так обрусели, что все, даже жены и дети, кроме как на своем языке, говорят еще и по-русски.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кола, 15 февраля 1837 г.

Я оказался прямо-таки посреди настоящего смешения языков, почти такого же, какое можно себе представить после падения Вавилонской башни. Уже в Керети на мою долю досталось с лихвою, когда приходилось общаться и с русскими и с немцами одновременно. Но там я все же кое-как справился с этим, не умея еще говорить по-русски, но припоминая немецкие слова, которые я когда-то усвоил, читая книги, однако говорить по-немецки мне ранее почти не приходилось. В Кандалакше я впервые повстречался с лопарями, с которыми я общался так же, как и с русскими в Керети, то есть не разговаривал с ними вообще. Самые необходимые слова я находил в русском разговорнике, ими и обходился. Но здесь, в Коле, я заговорил по-русски. И в то же время с женой градоначальника мы порою беседовали по-немецки, а с доктором — по-латыни, и он, стыдно признаться, владеет этим языком лучше и свободнее, чем я. Кроме того, с крестьянами я порою говорю по-фински. Но, за редкими исключениями, я нигде не могу применить знания шведского языка, второго почти родного для меня языка. Иногда разговариваю на нем с хозяином, а он, в свое время заучивший в Вуорейка кое-какие норвежские слова, нет-нет да и вставит их в свою речь. Так что, если считать и шведский, то выходит, что я одновременно вынужден объясняться на пяти языках — а этого уже предостаточно. Но не следует думать, что я упоминаю об этом ради хвастовства, наоборот, должен признаться, что я не владею в совершенстве ни одним из этих языков; ведь есть большая разница в том, умеешь ли ты сносно объясняться и писать на каком-то языке или владеешь им свободно. Вполне естественно, что при таком смешении языков порой случались смешные недоразумения, особенно если учесть, что я недавно заговорил по-русски и по-немецки. Так, например, хозяин однажды спросил у меня по-русски, есть ли у меня жена. Возможно, для того чтобы я лучше понял его, он употребил норвежское или датское слово *копа*, которое в его русском про-

изпошени прозвучало как «коня» или «кони». Я подумал, что он хочет узнать, есть ли у меня дома лошадь, и ответил, что у меня их две. Услышав это, хозяйка сперва вытирашила на меня глаза, а когда поняла, в чем дело, смеялась до слез. Видимо, и хозяйка поняла датское слово, и это дает мне повод верить, что в Коле вместо слов жена, жёнка употребляется слово «кона». Случались у меня и другие ответы невпопад, но не буду на них останавливаться. Кроме уже упомянутых языков, я мог бы общаться по-французски, знай я его получше, с женой исправника, а со многими жителями — по-лопарски. Выходит, всего на семи языках, а этого более чем достаточно для такого маленького местечка.

У жителей Колы, как и вообще у русских, принято начинать есть с похлебки, а потом уже приниматься за рыбу или мясо и другие блюда. В Коле передо мной на стол поставили сперва семгу и лосося, затем мясо и под конец молоко. И каждый раз блюда появлялись на столе в том же порядке. Насколько я заметил, здесь не принято выпивать перед едой рюмочку для аппетита. Но чай пьют дважды в день. Обычно часов в восемь утра пьют четыре-пять больших чашек чаю, часов в одиннадцать — завтрак, часов в пять — снова чай и в семь-восемь часов вечера — ужин.

ПИСЬМО С ДОРОГИ ¹

Кола, 16 февраля 1837 г.

На этот раз я не стану касаться всей поездки, а лишь расскажу в нескольких словах о местах, где живут финны и саамы, и границах их расселения. Собираясь в путь, я думал найти финнов на полуострове, омываемом с севера Ледовитым океаном, с востока Баренцевым морем, с юга Белым морем и Кандалакшским заливом, граничащим на западе — с тем же заливом, озером Имандра, Куо-лаярви, рекой Кола и участками суши между ними. Я предполагал также, что финны местами живут на землях Печоры, к востоку от Архангельска, потому что на карте там обозначены финские названия, например: Кул-майюки, Элмайюки, Усайюки, Елецйюки, Колвайюки и т. д., которые, вероятно, произошли от обычных финских назва-

¹ Опубликовано в журнале «Мехиляйнен» в мае 1837 г.

ний: Kylmäjoki, Ilmajoki, Uusijoki, Jäletjoki, Kolvajoki. Но когда я решил узнать об этом подробнее на месте и по пути на север, то выяснилось, что на этом полуострове изредка встречаются лишь лопари, а в печорских землях — лишь самоеды. Выходит, туда не стоит ехать, поскольку пострадало бы мое основное дело — поиски финских рун и пр. Поэтому я отправлюсь отсюда на финскую сторону, в Инари, пройду вдоль границы на юг до Пяярви, откуда снова поверну в русскую Карелию и вдоль восточного побережья озер Туоппаярви и Нижнее Куйтти дойду до города Кемь. А оттуда вновь выйду к финской границе и в конце мая на неделю или на две загляну в Каяни, чтобы сменить свою одежду на летнюю. Затем отправлюсь вдоль границы до города Сортавала, а далее, возможно, до Олонецкого края. Так что в Архангельске я не побываю, хотя и намеревался. Эта поездка отняла бы у меня две-три недели, но иной пользы, разве что выучиться лучше русскому языку, я в ней не вижу. [..]

Самая последняя финская деревня на русской стороне — Тумча, которая находится на северном берегу Пяярви, на одной широте с северной частью прихода Куусамо в Финляндии. На всем пути отсюда до Кандалакши нет никаких поселений, к северу от этой линии уже не встретишь ни одной финской деревни да и к югу от нее — весьма редко. Обычное расстояние между деревнями от двух до четырех миль. На побережье Белого моря во всех деревнях говорят по-русски и мало кто понимает по-фински или по-карельски. Таковыми поселениями на побережье являются: Кереть, в сорока верстах на северо-запад от нее — Черная Река, в двадцати верстах по тому же направлению — Ковда, к северу от нее в тридцати верстах — Княжая и последняя на северо-восток — Кандалакша, ровно в тридцати верстах пути. Итак, на всем берегу протяженностью в сто двадцать верст нет других поселений, кроме упомянутых, хотя Кереть и Ковда по величине равны городу Каяни, Кандалакша — чуть поменьше их, а Черная Река и Княжая — еще меньше, в них всего по тридцать-сорок домов. В маленьких деревушках, вдали от побережья, говорят по-карельски, но в них вряд ли найдется хоть один мужчина, даже мальчонка, который не говорил бы одновременно и по-русски. Карельские руны почти совсем забыты, а вместо них поют обычные русские песни.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кола, 19 февраля 1837 г.

[...] Уже пачиная с Ковды в Княжой Губе, Кандалакше и у лопарей в Коле для перевозки дров, сена и прочего служат собаки. Собаки в основном рыжие или же в белых пятнах, иные из них довольно большие. Собачья упряжь прикрепляется к шейному подхомутику, от которого по обонм бокам к кереже отходит по ремню, так что собака идет между ремнями, как лошадь в оглоблях. Вожжа, как и у оленей, всего одна, она перекидывается через спину собаки. [...]

На постоялом дворе под названием Риккатайвал, расположенном между Йокостровом и Разнаволоком, мы кормили оленей. Мой попутчик угостил лопаря вином, и в благодарность за это тот сварил чай, которым напоили и меня. Куда бы мы ни заходили, везде для нас готовили еду, мясо или рыбу, за что не хотели брать плату, но все же были очень довольны, когда я давал им копеек десять-двадцать. Помимо погостов местами встречались небольшие избушки, в которых жили отдельные лопарские семьи. В таких домах — открытый очаг, два-три довольно больших застекленных окна и деревянный пол.

Мааселькя, что в тридцати пяти верстах от Разнаволока и где был постоянный двор, сплошь состояла из таких лопарских избушек да еще часовенки, или церквушки с колоколом, в который усердно били по случаю воскресенья. Правда, по своему звучанию этот колокол едва ли был лучше большого коровьего ботала. Здесь я приобрел себе койбинцы¹ и яры² с пришитыми к ним штанами. За первые заплатил один рубль, за вторые — пять рублей. Мне предлагали еще и платье из оленьей шкуры (печок³), за которое просили десять рублей. Но его так неудобно надевать, что я не стал покупать. В Разнаволоке я торговался с лопарем о плате за перевоз, в том же доме одолжил в дорогу печок, надевая которую задел себя по глазу. Будь я более суеверным, я бы подумал, что это лопарь наколдовал мне в отместку, но я постарался отогнать эту мысль, прекрасно сознавая, что глаз, который и без

¹ Койбинцы — рукавицы, сшитые из оленьей шкуры мехом наружу.

² Яры — традиционная обувь саамов из оленьей шкуры мехом наружу с длинными голенищами и острыми, загнутыми вверх носками.

³ Печок — глухая верхняя одежда из оленьих шкур мехом наружу, длиной ниже колен, расширяющаяся к подолу.

того уже третьи сутки побаливал, и в самом деле может разболеться как заколдованный. [..]

Начиная от Кандалакши до Мааселькя и дальше довольно хорошие леса, которые дают жителям этого края строевой лес и другую нужную древесину. Ближе к Коле лес становится хуже. В Коле лес для строительства сплавляют по реке Тулома, иногда за десять миль. Но дрова для топлива, сосну и березу, заготавливают поближе — за полмили или за милю от дома.

Почти половина пути от Кандалакши до Колы проходит по озеру Имандра, но не из конца в конец его, а так, что самая длинная северо-восточная часть озера остается в стороне от дороги. Открытых пространств было меньше, чем я предполагал, да и те зачастую пересечены то широкими, то узкими мысами.

На этот раз обошлось без пурги, которая доставляет путникам немало хлопот. Говорят, что при пурге и встречном ветре олени перестают слушаться, поворачиваются головой к кережке, неотрывно смотрят на ездока, и никакая сила тогда не заставит их идти вперед. Наши олени порою поступали так же, но потом все же подчинялись хозяину и шли дальше. А вообще эта манера оленей поворачиваться мордой к кережке и глазеть на тебя — самое неприятное, что я испытал при езде на них. Проходит немало времени, прежде чем заставишь оленя сдвинуться с места. Порой ездоку приходится слезать с кережки и тащить оленя за потяг, пока он не соблаговолит идти сам. И все же, как говорят, попадать в Коле летом намного труднее. Бывает, что буря на Имандре и встречный ветер задерживают путников на несколько суток, а то и на целую неделю. Кроме того, горы, камни и болота замедляют путь.

Вот так я и добрался до Колы, без особых неприятностей, если не считать довольно сильного катара, который терзал меня головными болями, шумом в ушах и прочими неприятными ощущениями, а потом на несколько дней приковал к постели.

ДОКТОРУ РАББЕ *

Кола, 3 марта 1837 г.

Дорогой брат!

Только я успел приготовить все необходимые письменные принадлежности, чтобы приветствовать тебя отсюда,

с самого крайнего города на Севере, как принесли долгожданное письмо от тебя. Здесь, в чужих краях, последние две недели мне было особенно тоскливо, поэтому каждое письмо с родины бесконечно радует меня. Хозяева дома говорят только по-русски, я же еще не вполне освоил его. Из горожан лишь доктор, человек очень порядочный, говорит по-латыни, и жена коменданта, родом из Риги, владеет немецким. Не будь их, я, пожалуй, совсем пропал бы от тоски. Особенно часто я бываю у доктора, где посылаю ко всем чертям общество трезвенников, которое оставил в Каяни. Но все же по этому письму ты можешь заключить, что я делаю не очень большие отклонения, поскольку только что вернулся от него и сел писать. [...]

О своей поездке могу сказать, что в основном дорога была скучной, но надеюсь, что впредь она будет интереснее. Я шел то пешком, то на лыжах, то на лошадях или оленях. На собаках мне еще не довелось ездить, хотя в деревнях по побережью Кандалакшского залива повсюду ездят на них. А здесь, в Коле, даже дрова из леса вывозят домой на собаках, запрягая одну либо две перед кережкой. Пригодного для топлива леса ближе чем за милю от города нет. Лошадей мало, несколько лет тому назад во всем городе была всего одна лошадь. Но теперь их насчитывается четыре-пять. Иногда жители катаются на них с невообразимым шумом, хотя большинство развлекательных поездок совершается на оленях. Господ здесь наберется с дюжину: комендант, исправник, судья, два заседателя, врач, почтмейстер, управляющий магазинами с мукой и солью, начальник, распорядитель торгвейлей вином, таможенник, два попа, писарь и прочие.

Сам город расположен на мысу, между реками Кола и Тулома. Сливаясь за городом, они впадают в Кольский залив, длиной в четыре мили, который, по сути, является уже Ледовитым океаном, во что трудно поверить, так как он почти никогда не замерзает. Домов насчитывается больше сотни, пять-шесть из них отстроены получше. Одна главная улица, остальные — невзрачные переулки. Две церкви: одна — большая деревянная, другая — из камня и сработана очень хорошо. Здание казенной палаты также каменное, но весьма невзрачное. Город окружен высокими обнаженными горами, в низине между ними всегда дует ветер.

На этом заканчиваю свой рассказ про Колу. Следующей осенью, по приезде в Хельсинки, расскажу еще. Теперь я отправляюсь в Инари, дальше пойду вдоль границы

по финской стороне. В мае я заеду в Каяни, чтобы написать рецепты Малмгрену¹ и заказать себе новую одежду. Я, видишь ли, и предположить не мог, что за полгода моя одежда так сильно обносится. Затем из Каяни я направляюсь вдоль границы в Сортавалу, а там буду проходить как по русской, так и по финской стороне. Из Сортавалы через Выборгскую губернию вернусь в Хельсинки. [. . .]

Сегодня из того местечка, где я нанял себе перевоз в Финляндию, приехали лопари. До сих пор я обходился без шубы и кафтана, но, видимо, теперь, в конце зимы, на оставшиеся недели придется справиться себе или шубу, или печок, иначе я не осмелюсь пуститься в путь, равный двадцати милям, по безлюдным местам. [. . .]

ПЯТЬ ДНЕЙ В РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ²

Мало кто из наших бывал в Лапландии, еще меньше кто доходил до Колы. Пишущий эти строки уже дважды побывал в этих краях по делам: первый раз прошел по побережью Белого моря до Кандалакши, оттуда в город Кола и далее в приход Инари; второй раз — наоборот, из Инари в Колу и т. д. Обе поездки пришлось на зимнее время, летом эти места вообще труднопроходимы. Зимой же, напротив, по ним можно хорошо и быстро передвигаться. Все представлялось мне по-другому, пока я сам не побывал в Лапландии. Люди в Лапландии доброжелательные, веселые, трезвые. Олени их резво бегут без ругани и понуканий, морозы здесь не намного сильнее, чем у нас, тогда как их зимняя одежда гораздо теплее нашей, так что холод им не страшен.

Чтобы не тратить на пустые разговоры ни свое, ни читательское время, я опишу лишь небольшую часть своих путешествий по Лапландии, а именно путь от Колы к границе с норвежской Лапландией. За несколько дней до моего отъезда из Колы туда приехал тогдашний ленсман финляндской Лапландии Пауль Экдал. Для меня это была приятная неожиданность, так как у меня появился хороший попутчик, с которым я доехал вплоть до границы прихода Инари. Когда он управился с делами, мы отправились в путь с теми же лопарями, которые привезли его в Колу. Они были родом из деревни Муотка, что

¹ Малмгрен — аптекарь в Каяни.

² Очерк был опубликован по-фински в газете *Kanava, Sanansaattaja Viipurista*, 1847 г., № 51.

в восьми милях от Колы. Мы должны были отправиться в путь рано утром, как и договорились с лопарями. Но наши проводники с утра начали прикладываться к вину, так что в положенное время мы никак не могли собрать их вместе: найдем трех-четыре из них, но пока ищем остальных — исчезают эти. Наконец мы решили дать лопарям спокойно пить и отправиться на рассвете следующего дня, так как в этот день мы уже все равно не успели бы в Муотка. Кроме того, мы опасались, что пьяные проводники могли бы сами утонуть и нас утопить в реке Кола, на которой сразу за городом начинались пороги, а на полмили выше, где надо было переезжать через реку, течение было столь быстрым, что лед мог не выдержать. Оленей отвели на ночь в лес и настрого наказали лопарям, чтобы с утра пораньше они привели их и собрались в дорогу, покуда вино снова не завело их на несправедный путь.

Переночевав, мы рано утром отправили одного солдата собрать лопарей с их почлеггов. Через какой-то час он вернулся назад один-одинешенек и сообщил, что не смог созвать лопарей, так как они опять выпили, а иные уже порядком опьянели. Сам он тоже был пьян. Нам ничего не оставалось, как послать за лопарями других людей, с помощью которых наконец-то к девяти часам удалось всех собрать, хотя многие из них едва держались на ногах.

Перед отъездом да будет нам дозволено сказать на прощанье несколько слов о Коле. Это небольшой городок, величиной с большую деревню в Хяме. Расположен он недалеко от побережья Ледовитого океана. В нем насчитывается сто тридцать шесть домов, но все они ненамного больше домов в Хяме. Говорят, численность населения около семи с половиной сотен. Способ существования — рыболовство и торговля, у иных — ремесла. Лопари живут во многих местах в окрестностях Колы: в Муотка — в восьми милях на запад от нее, в Петсамо, Паатсйоки и Няутямё — еще дальше на запад; в Нуоттаярви, Суоникюля, Хирваскюля, расположенных к югу от выше перечисленных; в Кильдине, что на берегу Кольского залива, в трех милях к северо-востоку от города; в Мааселья, что в семи милях к югу, и в других. Из этих деревень русской Лапландии лопари раза три-четыре за зиму ездят в Колу, куда везут для продажи оленину, шкуры, рога, койбы¹, сапоги из койбы, лопарские шубы, или печоки, дичь, лисьи

¹ Койбы — шкурки с оленьих ног.

и бобровые шкурки, бобровую струю¹ и вообще все, что у них имеется. Жители одной деревни, или, вернее сказать, по одному-два человека из каждой семьи, собираются в путь одновременно, вместе ехать веселее и легче, поскольку дороги обычно заметены снегом. Когда олень идет по целине, он быстро выбивается из сил, если его не заменить другим. Ежели товару много, то один человек может управлять десятком оленей. Хозяин садится в кережку первого оленя, а остальных привязывает ремешком к предыдущей кережке, и так вереницей они следуют друг за другом, везя груженные кережки. Олений «поезд» из десяти привязанных таким образом идут друг к другу оленей с кережками называется *райда*.

Доехав до Колы, все расходятся по заранее известным домам. Лопарь дарит хозяину дома либо лисью шкуру, либо какой другой не столь ценный подарок. Хозяин, со своей стороны, в ответ на подарок кормит и поит его до отвала. [...] Пока лопарь находится в городе, его поят повсюду, куда бы он ни приходил, в надежде, что он как-то отблагодарит за вино, которое в него вливают. Он обычно так и делает, если не в этот свой приезд, то в следующий. Из дома, где он остановился, ему еще и в дорогу дают бочонок вина, и он весь обратный путь и несколько дней по приезде домой продолжает начатое в Коле гулянье.

ИЗ КОЛЫ В МУОТКА

Как только лопари собрались, мы сели в кережки и отправились в путь. Большую часть своих оленей и кережек лопари оставили в лесу в трех четвертях мили отсюда, поэтому, чтобы доехать туда, мне пришлось занять в городе кережку.

У нее было такое заостренное дно и она оказалась столь неустойчивой, что я, опасаясь, как бы не опрокинуться, руками и ногами отталкивался от земли и с большим трудом добрался до места. Потом мне дали кережку поустойчивее, но без задней спинки. Даже на телеге трудно ехать без опоры за спиной, а на кережке и того хуже, ведь сидеть приходится вытянув ноги вдоль днища. Но один день куда ни шло, можно перетерпеть, зная, что к ночи

¹ Бобровая струя — содержимое мускусной железы бобра, используется в народной медицине как снадобье от разных болезней.

мы доедем и мукам нашим придет конец. К тому же из рук не выпускались бочонки, содержимое которых смягчало суставы и все тело.

Хозяева, у которых останавливались, дали каждому лопарю в дорогу по бочонку вина, вместимостью в канну¹ или две, к которым они прикладывались чуть ли не через каждую версту, заставляя пить и нас. От первых предложений мне удалось отказаться, сославшись на то, что я не умю пить прямо из отверстия бочонка, а только из чарки, каковой у них не оказалось. Но вскоре они нашли выход: сняли колокольчик с оленьей шеи и предложили мне вместо чарки, и стоило мне лишь раз пригубить ее, как потом пришлось прикладываться к ней всякий раз вместе с лопарями. За эти восемь миль по меньшей мере раз двадцать они заставляли меня подносить ко рту этот колокольчик. Временами я пытался уклониться, доказывая, что от прежде выпитого я не чувствую ног, но это не помогало — лопари заверили меня, что если бы даже я не мог сдвинуться с места, они доставили бы меня в Муотка живым и невредимым. Мы убереглись-таки от несчастного случая и ушибов и часов в десять вечера приехали в Муотка, с трудом вошли в дом, который нам посоветовали, и завалились спать. В Лапландии даже гостям редко стелют постель, каждый обычно пристраивается во всей одежде где придется — на лавке или на полу.

ДЕНЬ В МУОТКА

Проснувшись утром, мы первым делом сварили чай и позвали лопарей. К чаю у нас были хорошие сухарики, но лопари к ним не притронулись, опасаясь, что они на молоке, которое теперь, во время поста, они не должны потреблять. И про сахар твердили, что якобы они слышали, будто его рафинируют кровью, поэтому и его не брали, пили лишь горячий чай между глотками вина, которое еще оставалось в бочонках. Нам не терпелось отправиться дальше, но лопари сказали, что об этом не может быть и речи до тех пор, пока не будет выпито все вино до последней капли, и нам пришлось смириться с их решением. Теперь нас начали приглашать на попойки в дома, и это продолжалось до позднего вечера. В тот день мы заходи-

¹ Канна (*фин.* *каппу*) — старинная мера объема жидкостей и сыпучих веществ, равная 2,617 литра.

ли в каждый дом раза по три, к счастью, во всей деревне их было всего одиннадцать. Куда ни сунешься — отовсюду доносятся шум и крики. Мужчины и женщины, сыновья и дочери — все сообща помогали опустошать бочки. В одной избе я увидел, как молодая пригожая девушка мечется на лавке, а изо рта у нее идет пена. Двое мужчин держали ее, боясь, что если она встанет, то может покалечить себя или других. «А эту мы для того и напоили до бешенства, чтобы вы посмеялись», — сказали они. Но мне было не до смеха. В другой избе мы видели десятилетнего мальчика, настолько пьяного, что он не мог даже пошевелиться, но после этого мы больше не встречали очень пьяных людей. Когда я спросил у одного лопаря, не лучше ли оставить немного вина для следующего раза, то услышал в ответ: «Вино — дурное зелье, а от плохого чем быстрее избавишься, тем лучше». На наше счастье, в тот же день вино у них почти кончилось, на следующее утро осталось всего около кварты, которого им не хватило бы даже опохмелиться, если бы мы не добавили им остатки из нашего бочонка.

Мы описали здесь то, как лопари ездят в Колу и как ведут себя дома в первый день после поездки. И все-таки я не сказал бы, что они большие пьяницы. Ведь многие из тех, кого ни разу не видели пьяным, в год потребляют, может, в десять раз больше крепких напитков, чем лопарь, который много месяцев подряд вообще не пьет. Будучи сами постоянными рабами различных наслаждений, позволим же и лопарям хоть несколько раз в год как-то разнообразить свою жизнь. После бури обычно восхваляют безветрие, после болезни познают цену здоровью. Так и лопарю, оправившись после похмелья, легче смириться со своим уединением и с бесконечными и постоянными снегами.

ИЗ МУОТКА В ПЕТСАМО

В Муотка к нам присоединилась одна хозяйка из Колы, чтобы поехать с нами в Петсамо, которое, как говорили, находится в семи с половиной милях от Муотка. У женщины была своя крытая кережка, в которой хорошо было ехать под покрывалами и полстями. Но лопари не очень-то одобряли такую кережку, потому что в пути им приходится следить за тем, чтобы балок не опрокинулся, а в открытой кережке даже непривычный ездук

управится сам. Кроме того, к задку крытой кережки следует привязывать за ремень другого оленя, чтобы он не давал кережке разогнаться на спуске. «Вот так нас заставляют бесплатно перевозить начальников, будь они неладны,— сказали лопари.— Но когда приезжают из вашей страны либо из Норвегии, те честно платят за перевоз и едут по-людски, в открытой кережке». С нами в Петсамо поехал также низкорослый шестнадцатилетний парень присмотреть себе невесту. Над ним подтрунивали да подшучивали, мол, надо было сначала переговорить с женщиной из Колы, может, она согласилась бы выйти за него и тогда оба они остались бы в Муотка. К нам присоединились еще несколько мужчин, которые ехали в ту же деревню по своим делам, так что всего собралось двадцать с лишним оленей. Но половина оленей бежала порожними: лопарь никогда не отправится в дальнюю дорогу без запасных оленей: устанут одни, лопарь впрягает других.

До сих пор наш путь проходил большей частью по мелколесью, но теперь пошли сплошные голые сопки, на которых не увидишь ничего, кроме гладкого снега, лишь изредка встретишь карликовую березку. Такие же березы и сосны произрастают и в более северных краях Лапландии, но там не увидишь ель или другое обычное для нас дерево.

Поздно вечером мы приехали в Петсамо, которое так же, как Муотка и другие лопарские селения, приютилось в реденьком сосняке, и жило в нем девять семейств в девяти избушках. [. .]

[. .] Лопари России довольно-таки чистоплотны. В жилищах своих они моют не только столы и скамьи, но и полы. Одежда женщин почти такая же, как у карелок российской Карелии: короткая кофта без фалд, полосатая либо красная юбка, серьги в ушах и т. д. Большинство из них лицом миловидные, хотя встречаются и некрасивые. Самопрялок пока еще нигде не видел, пряđenje совершается с помощью веретен. У мужчин российской Лапландии свой лопарский костюм, фасон которого несколько отличается от того, что носят их соседи в Финляндии и Норвегии. Основное различие заключается в том, что у них обувь пришита к брюкам, у остальных лопарей они существуют отдельно.

Мяса сейчас, во время поста, нигде не давали, зато рыба была в изобилии. Однако не к каждой зиме удавалось заготовить рыбы в таком количестве, чтобы хватало на все время поста, и тогда лопарям на русской стороне

приходилось либо голодать, либо есть мясо, чего в такие бедственные времена, вероятно, и попы не запрещали.

Хотя поселения, через которые проходил наш путь от Колы до Няутямё, расположены были недалеко от Ледовитого океана, в их окрестностях в скудных лесах находили все же дрова для отопления и бревна, пригодные для строительства.

Лопари России, как и лопари Инари, всю зиму живут на постоянных местах, а на лето переселяются на побережье Ледовитого океана или в другие места рыбной ловли. Так же поступает и большая часть лопарей Норвегии и Утсйоки. Правда, тем, у кого крупные олени стада — в несколько тысяч голов, приходится и в зимнее время переносить свое жилище на новое место, так как в пределах прежней стоянки уже не хватает ягеля. [..]

ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК

[Июнь 1837 г.]

Кивиярви. Ночевал у Васке; зажиточный дом. Три дочери, младшую за день до этого приходили сватать. Но в ту ночь, когда я был там, жениху отправили обратно его свадебные подарки. Сочли, что девушка еще слишком молода, к тому же одна из ее тетушек всеми силами старалась добиться расторжения сделки. Поминальный день, Троица.

Поминальный день. В году четыре поминальных дня: *Виеристя* [Крещение], суббота накануне Троицы, перед зимним постом, осенью. Приготавливают ладан и варят кашу. Потом люди из всех домов идут на кладбище помянуть своих близких и родственников. По пути отламывают несколько березовых и еловых веток. Березовыми подметают гробницы (сооружение в виде домика на могиле), а хвойные кладут на крыши гробниц. Пока одни совершают это, другие обходят гробницы и кадят ладаном. Дочь одного похороненного здесь крестьянина, бывшая замужем в другой деревне, послала ладана, чтобы им окурить гробницу ее покойного отца, а остатки ладана велела бросить вовнутрь гробницы. Все так и сделали. Та же женщина отправила кусок полотна, чтобы его привязали к кресту на могиле покойного, что тоже было сделано. После этого на гробницы поставили миски с кашей и принялись есть, причем каждый съедал ложки две-три, а то

и больше. Для меня тоже была взята ложка, и мне предложили поесть. Каша была сварена из ячменной крупы, с топленным маслом. Мужчины (и маленькие мальчики) стояли без шапок, я тоже.

Я отправился дальше в путь, полагая, что свадьба не состоится, хотя некоторые уверяли, что несмотря ни на что девушку сосватают. И в самом деле, навстречу мне из Вуоккиниemi шли свадебные гости.

Из свадебных обычаев: подарки при сватовстве. На свадьбе у невесты просят разрешения войти в дом. Жених дарит родственникам зеркальца, расчески и тому подобное. Невеста трижды кланяется жениху [...]¹.

ПУТЕВОЕ ОПИСАНИЕ

В продолжение всей свадьбы жених, чтобы подчеркнуть свое особое положение, сидит в высокой бархатной шапке. Невеста плачет перед каждым родственником и перед знакомыми, и те одаривают ее кое-какими подарками, в основном четырьмя—восемью гривенниками серебра, но, бывает, и копейками. Плач продолжается целый день, превращая свадебное веселье в скорбь о предстоящей разлуке. Когда вечером новобрачные ложатся спать, невеста разувает жениха и берет себе деньги, которые тот положил в сапоги уже заранее; она помогает ему также раздеться.

Договариваются о приданом, если его не определили ранее. Отправляясь из дома невесты, поют по дороге обычные песни. Патьвашка должен позаботиться о том, чтобы не было никакой *порчи*. В доме жениха их встречают свадебными песнями, и пока поют, лицо невесты должно быть скрыто от всех платком, наброшенным на голову. Укрытая таким образом, она непрерывно всем низко кланяется. Когда песня кончается, она снимает платок с лица. Жених подводит невесту к своим родителям. Невеста кланяется им в ноги (первое приветствие), жених тоже кланяется. Едят. Молодые едят после всех в отдельной комнате. Пьют чарку за невесту — две рюмки, дарят деньги — по двадцать, сорок и восемьдесят копеек. Всю первую неделю, а то и дольше молодая должна низко кланяться всякому, кого встретит. Кроме того, каждый вечер ей при-

¹ Запись здесь прерывается, более подробное описание приводится ниже.

ходится несколько раз припадать к ногам родителей мужа и просить разбудить ее и мужа, чтобы не спали слишком долго. А утром, одевшись, она опять кланяется и благодарит их за эту услугу.

Начиная с Кивиярви идут красивые лиственные леса и много ламбушек; за четыре версты отсюда Пахкомиенваара — всего три дома, за пятнадцать верст — дома Айонлахти и Каркуярви. Хозяин Каркуярви родом из Мухос¹, но его почти невозможно отличить от русского карела, разве что по выговору. Отсюда до Чена десять верст, дальше до двора Аканкоски полторы версты, частью по воде, частью по суше. И далее до Вуоккиниemi по суше четыре версты. Из-за дождя мне пришлось остаться ночевать в Каркуярви. В Чена я пробыл две ночи. На троицу приехал в Вуоккиниemi, заходил в несколько домов, в трех местах меня угощали чаем, а вином еще чаще.

Игра в баски [бабки]. Каждый укладывает камешки в ряд. Затем отходят от них на определенное расстояние и по очереди бросают в них камнем. Сбитые камешки каждый забирает себе. Кто после первого захода не сбивает всех камешков, тот может бросить с противоположной стороны, с места, куда долетел его камень — это всегда примечали. Ясно, что любой мог проиграть столько камешков, сколько поставил, не больше. [. . .]

Деревня Вуоккиниemi расположена между озерами Куйтти и Ламмасъярви и летом являет красивый вид. Довольно высокая гряда разделяет деревню на две части, так что с одной стороны деревни другая не видна. Река Ливойоки с востока образует мысок, на котором стоит всего один дом. За рекой находятся пастбища нескольких домов. Каждый вечер из деревни плывут туда на лодках с подояниками, доят коров, разжигают дымокур, остаются до утра, снова доят коров и отпускают их пастись, а сами возвращаются на день домой.

Вместе с доярками я отправился из деревни, чтобы следовать дальше, в Костамуш², которая находится в сорока верстах отсюда. До пастбища я шел с людьми, а дальше мне предстояло идти на ночь глядя совсем одному. К полночи я прошел половину пути и остановился у избушки для косцов. Хотя я и устал, но ребяческий страх, что кто-то может преследовать меня с целью ограбления, не позволил мне здесь заночевать. Поэтому я прошел дальше,

¹ Мухос — местечко недалеко от города Оулу в Финляндии.

² Костамуш (кар. Kostamus) — ныне гор. Костомукша.

завернул в лес и попытался заснуть на мху. Но из-за комаров это оказалось невозможным. От их великого множества вокруг было просто темно, так что с каждым вдохом их можно было набрать полный рот. Я снова отправился в дорогу, прошел около десяти верст и, вконец уставший, решил соснуть. Я нарезал большую грудку веток, улегся, укрылся ветками, повязал на голову шейный платок и решил, что теперь-то я защищен от комаров. Но все было напрасно. Они добрались до меня, как ни старался я защитить свое убежище. Тут я впервые пожалел о трубке, оставленной на лето в Каяни. Правда, дым костра разогнал бы комаров, но тем самым я мог бы обнаружить себя, а этого мне не хотелось. Мой путь проходил в основном через выжженные под пашни земли и лиственные леса, оттого и такое несметное количество комаров. Намного охотнее я ночевал бы при самом сильном морозе, чем терпеть такие муки, равных которым я не испытывал даже зимой в Лапландии, когда спал на голом снегу. Утром я пришел в Костамуш, расположенную на берегу озера с таким же названием. Деревня состояла из десятка домов, многие из которых хорошо отстроены, а два — даже богато. Мне сообщили, что в одном из тех домов мужчина болел заразной венерической болезнью, поэтому я остановился в другом, у Микитты. На следующий день меня позвали на чай в другой дом, а потом еще не раз пригласали. Самовар... Руны, сказки, пословицы и т. д. записывал четыре дня. Отсюда по воде добираются до озера Куйтти, Алаярви и в Кемь. [. .]

Костамуш. К дочери Микитты сначала сватался младший сын Дмитрея, затем — сын Васке. Дмитрей сказал: «У нас в доме, кроме счетных досок, нет другого хлама». У меня спросили, которому я отдал бы предпочтение. Я избежал прямого ответа, но похвалил сына Васке, не порицая и сына Дмитрея. «Но он такой сорванец, в поездках всегда чего-нибудь натворит, — сказал отец невесты. — *Мальчик лучше непоседа, жеребец — неусмиранный, а из дочерей — тихоня*». Не хотели брать плату за еду и постой, говорили: «Не знаю, следует ли брать».

Пятнадцать верст до Контокки шел один по хорошей тропинке. Зашел к Саллинену, один из братьев которого жил в Финляндии, около Торнио. Сам он тоже какое-то время был лютеранином, а ныне опять перешел в православие. В свое время он сбежал с военной службы, с пер-

сидской границы. Их было двое. За ними была погоня, но они встретили какую-то женщину верхом на лошади, и та отдала им свою лошадь. По дороге зашли в дом, где их надумали убить. Девушка, что сидела за ткацким станком, знаками дала им знать об этом. Когда они вечером, уже впотьмах, оставили дом, хозяин с наемным убийцей встретился им во дворе и долго искал их по углам с лучиной в руке. [. . .]

В Контокки шесть домов. Там переночевал. Оттуда до Луварья пятнадцать верст. В конце пути переправа с плотом. К счастью, плот оказался на этой стороне. Зашел к Хоме Сиркейнену. Три брата Сиркейнены жили вместе. Недавно у них был раздел имущества, младший брат отделился. Старшему, Ивану, было уже за шестьдесят, седой. До сих пор дом был незаложенный [?]. Братья думали, что общая сумма составит пять-шесть тысяч рублей, но когда произвели раздел, оказалось, что всего набралось лишь на три тысячи. Тяжело им было делиться. Старший Хома на коленях стоял перед младшим братом: «Возьми меня казаком, жену мою — служанкой». Тот пошел в горницу спросить совета у своей молодой жены, дочери Тёрхёнена. Та в ответ: «Скорее камень расколется, чем я соглашусь жить вместе».

Пили чай. Проверяли недоимки. Велели принести квитанции за десять лет. Мирской деревенский староста обещал всех. Созвал мужчин в самый разгар сенокоса. Меня провожали двадцать верст до Мийноа. Часть пути я ехал верхом, часть шел пешком. Шляпа из бересты. *«Из бересты не шляпа, из старика не поп»*. В Мийноа я переночевал. [. . .] Пятьдесят верст до Роуккула, в двенадцати верстах от деревни дорога сворачивает к мосту у деревни Виксимё, который находится на финской стороне. Большая сосна, на коре которой написано имя ленсмана Каяна. Жители Виксимё вырубают лес под пашни и на русской стороне. [. . .] В Роуккула зашли к Истойнен. Старуха Истойнен присоединилась к нам в Мийноа. Ее младший сын ограбил монаха-старовера на острове в Туоппаярви. Брат заставил его отправить деньги обратно. От дома Истойнен тридцать верст по озеру до Репола, двадцать верст до Омелиа, где мы заночевали. Там сварили чай, но угощали не всех, мне тоже не предложили. Но дали поесть, за что я заплатил. В воскресенье были уже в Репола. Гостинцы от дочери для Тёрхёнен. У попа угощали кофе, маслом и молоком. [. . .] Чуть было не заменили попа за то, что он не смог обратить староверов в истинную веру. Но за-

тем пришел приказ, чтобы он остался на месте. До Кивиарви тридцать верст, оттуда в Корoppi — пятнадцать верст, в Лусмаярви — десять верст по воде. Плыли на лодке. Был сильный ветер. [. .]

ПРЕПОДАВАТЕЛЮ КЕКМАНУ

(По-фински)

Савонлинна, 20 октября 1837 г.

[. .] Из Сортавалы я сначала отправился в приход Яккима, оттуда — в Куркиёки (Кроноборг), в Париккала, где на целую неделю задержался у майора Легервалла и заказал себе новые сапоги. Из Париккала я прошел в Руоколахти, Ёутсено, Лаппе, Лемпи, Савитайпале, Тайпалсаари, затем обратно в Сяминкя, что в Руоколахти и, наконец, позавчера прибыл сюда, в Савонлинна. Нынче я отправлюсь отсюда через приход Керимяки в Хейнявеси, Тайпале, Юка, Нурмес и Каяни. Я и так задержался в пути намного дольше, чем предполагал, поэтому и не смею заезжать в Хельсинки, что еще больше задержало бы мое возвращение домой. Но есть еще и другая причина, не позволяющая мне там появляться: моя одежда до того истрепалась, что опасаясь, доберусь ли я в ней хоть до дома.

Этим летом мои собрания заметно пополнились старинными и новейшими рунами. У меня набралось довольно много старинных песен, подобные которым есть во второй части «Кантеле». Вскоре из них получится целая прекрасная книга *. Пословиц записал несколько тысяч, и чистые листы, положенные в книгу пословиц Ютейни, до того исписаны мною, что едва ли там найдется чистое место. Я не считал, сколько их получилось, но загадок я записал тысяча двести. Зимой мне предстоит с ними очень много поработать, даже не знаю, как я успею, если не найдем второго редактора для «Мехилияйнен». Я напишу Перу Тиклену и спрошу у него, не согласится ли он в будущем году редактировать исторический отдел, но пока не знаю, что он на это ответит. Через три недели я буду дома в Каяни, прошу тебя к тому времени написать мне туда. [. .]

Твой друг Элиас Лённрот

Восьмое путешествие

1838 г.

Об этой короткой экспедиции, совершенной Лённротом в 1838 году, в начале которой его сопровождал его друг магистр К. Х. Столберг, известно очень мало. В одном из писем к Раббе от 24 августа Лённрот сообщает, что собирается скоро отправиться в путь, а в конце сентября он уже был дома. В дополнение к маршруту, который вырисовывается из приложенных здесь писем, следует упомянуть, что от озера Койтере Лённрот направился в Пиелисьярви, а оттуда — домой.

МАГИСТРУ СТОЛБЕРГУ

(Черновик, по-фински)

12 октября 1838 г.

Спасибо тебе за письмо, которое я получил на прошлой неделе, а также за обещание писать и впредь. Первое время после того, как мы расстались, мне было скучно без тебя. Я переночевал на постоялом дворе в Кийхтелюсваара, а оттуда на следующий день пришел в Ковера. Там я три дня записывал песни, хотя старинных рун было немного. Мне очень хотелось, чтобы ты тоже был там, поскольку одному человеку невозможно было записать все за три дня, а кроме того, ты бы услышал то, что тебе давно хотелось услышать — игру кантелистов. Кантеле там было в каждом доме. Далее я направился в местечко Иломантси, где пробыл полторы недели, заходя в окрестные деревни. Здесь оказалось много певцов, и, наверное, я не успел посетить и половины из тех, что мне посоветовали. Настоящую песенницу — Матэли Куйвалатар — я встретил позже, на берегу Койтере, в трех с лишним милях к северу от Иломантси и в трех четвертях мили от деревни Хухус. Два дня я записывал старинные песни только от нее. Потом мне надо было спешно уехать домой, куда я и добрался в последних числах сентября. Но здесь я вновь начал скучать по тебе и Эльфингу, поэтому не забудь о своем обещании приехать сюда будущим летом, а пока пиши почаще. Родственники твои живы-здо-

ровы и сегодня переезжают в Каяни. Все остальные тоже живут хорошо. В этом году у людей был неплохой уро- жай картофеля, репы и всего прочего.

ДОКТОРУ РАББЕ

Каяни, 12 октября 1838 г.

Дорогой брат!

Наконец-то я получил от тебя долгожданное письмо и хочу от всего сердца поблагодарить тебя за тот большой труд, который выпал на твою долю из-за меня и который тебе еще предстоит, когда будешь вновь помогать приводить «Мехиляйнен» в надлежащий вид. Во время экспедиции этой осенью в Карелию, которую мы совершили со Столбергом, я вновь записал много финских лирических песен, частично новых, частично варианты прежних. Сравнение их и определение их места среди ранее собранного, очевидно, приведет к тому, что подготовка всех этих песен к печати, и без того слишком затянувшаяся, отложится еще на месяц. [. . .]

Будь здоров.

Элиас Лённрот

Девятое путешествие

1839 г.

Из описанных ниже поездок первая, несомненно, была обычной служебной командировкой, так что мы ее не считаем собственно собирательной экспедицией. Но на пути в Хельсинки Лённрот собирал Руны в финской Карелии, чтобы пополнить готовящийся тогда сборник «Каптелетар», поскольку в предисловии к этому сборнику он говорит о том, что в 1838—1939 годах он ездил собирать руны в Карелию, «где оба раза записали немало дополнений и вариантов к ранее собранным». К сожалению, об этой поездке не сохранилось более полного путевого описания. В начале декабря Лённрот был уже в Хельсинки.

ДОКТОРУ РАББЕ

Каяни, 11 октября 1839 г.

Дорогой брат!

Благополучно закончив предпринятую мною и Столбергом служебную поездку, длившуюся четыре недели в Хюрюнсальми, Кианта, в часть Архангельской губернии и т. д., я решил сразу же отправиться отсюда в Хельсинки. Но путь мой будет проходить через Карелию, где я пробуду по меньшей мере месяц, для того чтобы получить крайне необходимые дополнения к финским лирическим песням. Кроме того, какое-то время займет сама дорога, так что рассчитываю быть там где-то в конце ноября. Бедные жители Каяни не могут поверить, что вместо меня придет кто-то другой¹. Дорогой брат, сделай так, чтобы они могли как можно быстрее убедиться в этом. Этой осенью в наших краях не было никаких эпидемий, но отдельные больные, состояние которых не вызывает опасений, все же тянут свои жалобные песни.

Привет от Столберга. Его здоровье с каждым днем улучшается, так что в этом отношении он вскоре может потягаться с кем угодно.

Твой преданный друг
Элиас Лённрот

¹ В качестве временно исполняющего обязанности окружного врача.

23 октября 1839 г.

В прошлое воскресенье под вечер я отправился из Полвила с намерением покинуть свой дом на целый год. *Hinc illae lacrimae*¹ родителей. До Турункорва меня сопровождали магистр Столберг и секретарь Эльфинг. Они проводили меня еще четверть мили до Тахкосаари, где мы расстались. Потом мы перебрались на Муурахайссаари — несколько возвышенный, похожий на поляну остров на озере Нуасселькя. Мы вышли на берег и поели брусники, которой в эту осень было очень мало, вопреки всем приметам, что после урожайного года всегда обилие ягод в лесах. Говорят, Муурахайссаари — бывшее кладбище, кое-какие признаки указывали на это. «А вы не боитесь, что калма* пристанет?» — спросил меня один из проводников, видя, с каким удовольствием я ем бруснику, и, отбросив сомнения, последовал моему примеру. Во многих местах на острове были видны следы раскопок — люди, верившие в предание, будто здесь закопаны клады, искали их. [...]

От Хаапаярви до Йокикюля полторы мили. Проходили мимо деревни Кархунпя, окрестности которой с ламбушками, заливами, перешейками и лесами являются красивейшими в стране. В половине четверти мили от Йокикюля находится порог Куоккайсет. До этого места распространилась сеть карельских лесопильных заводов. Доски увозят в Лаппеенранта и Вийпури. Вокруг завода вырастет скоро небольшой городок. От лесопиления много пользы стране. Оно способствует развитию лесоводства и земледелия, а также других видов предпринимательства. Напротив, смолокурение в Похьянмаа — это бедствие для страны. Оно сводит на нет леса, тормозит развитие земледелия и скотоводства, порождает в народе леность и удерживает его от занятий каким-либо иным производством.

Мне пришла в голову мысль, что именно смолокурение, которое так настойчиво ныне внедряется в крае северными городами-портами, однажды приведет к их разорению. Это будет наказание за ограниченность, наказание, которое скажется лишь в третьем и четвертом поколениях. Сиюминутная выгода ослепляет людей так, что они не думают о завтрашнем дне. Уже теперь почти вся торговля маслом, мясом и т. д. перемещается на восток, тогда как в недалеком прошлом ею еще занимались в северных морских городах. [...]

¹ Отсюда слезы (лат.).

Петрозаводская пристань

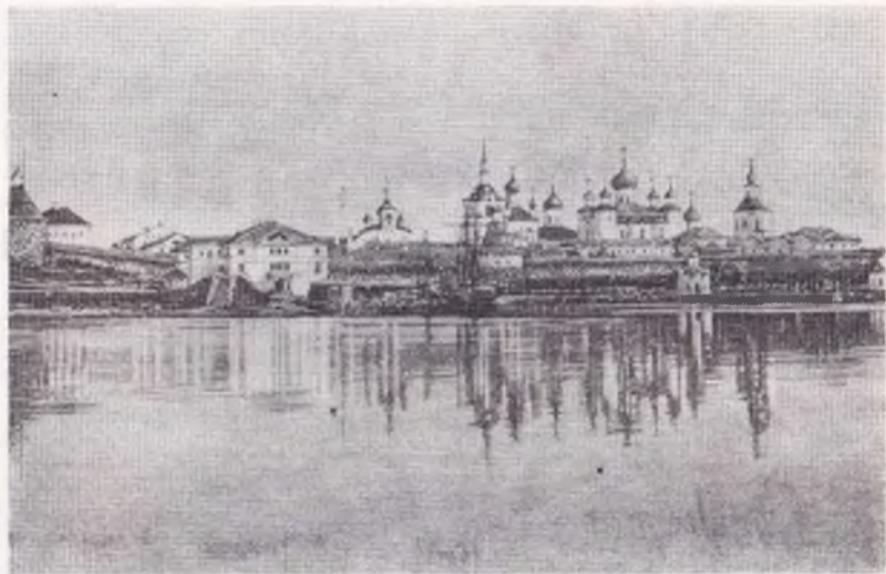
На деревенской улице. Южная Карелия

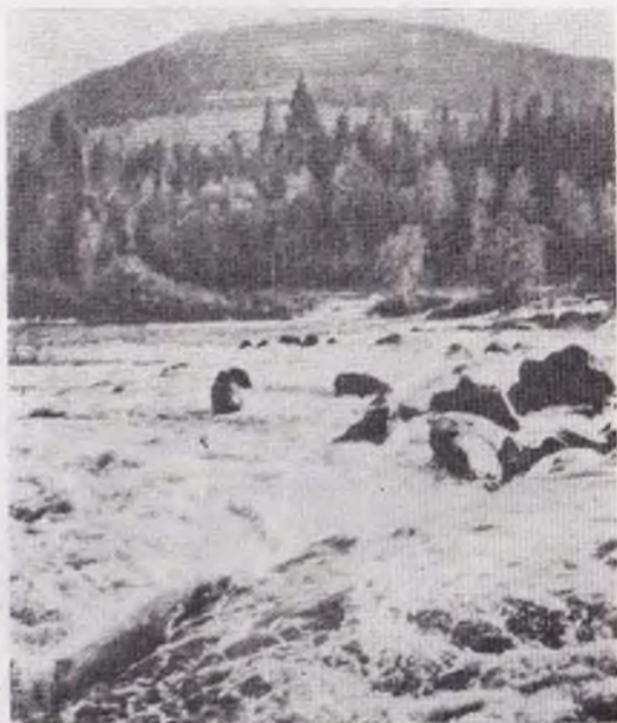
Город Кемь

Перетаскивание лодки в луги

Соловецкий монастырь

Порог и сопка Кивакка в северной Карелии

Лопарский чум в Коле

Город Повенец

Севернокарельский пейзаж

Севернокарельский пейзаж

Десятое путешествие

1841—1842 гг.

Опубликовав важнейшую часть из всего собранного им за предыдущие поездки — эпические и лирические песни, Лённрот все больше внимания стал уделять изучению языка. В январе 1841 года вместе с норвежским языковедом пастором Нильсом Стокфлетом он отправился в длительную лингвистическую экспедицию, намереваясь через Олонец добраться до русской и норвежской Лапландии, а по возможности и до самоедов [ненцев]. Они доехали до Иломанси, а оттуда Лённрот через Салми и Векелюс уже один продолжил путь в Петрозаводск. Но поскольку на границе ему не сделали должной контрольной отметки в паспорте, поездка прервалась и ему пришлось вернуться в Финляндию. Лето он провел в Лаукко, осенью поехал снова, на этот раз с М. А. Кастреном, в финляндскую Лапландию. Кастрен присоединился к Лённроту в Кеми [Финляндия], откуда исследователи вместе поехали в Инари, навестили Стокфлета в Карасйоки (норвежская Лапландия), а после этого зимой 1842 года совершили длительную и трудную поездку в Паатсйоки, Колу, Кандалакшу, Ковду, Кереть и Кемь, а оттуда отправились в Архангельск, куда прибыли в конце мая. Найдя изучение языка самоедов бесполезным для себя, Лённрот в Архангельске отказался от попытки изучить этот язык, расстался с Кастреном и в июле отправился в обратный путь и, частично по суше, частично по воде, проехал через Онегу, Каргополь и Вытегру до Лодейного Поля. Из Лодейного Поля Лённрот совершил продолжавшуюся несколько недель поездку к впадам в верховья реки Оять. В октябре он вернулся домой.

ИЗ ДНЕВНИКА

Сямьярви, 12 марта 1841 г.

Я посетил дом одного священника, где меня приняли с тем неподдельным радушием и гостеприимством, какое могут оказать бедные люди. Сварили кофе и прямо-таки упростили выпить третью чашку. Сетовали, что на этот раз в доме не оказалось чая. «Ну, этой беде нетрудно помочь», — подумал я и вынул из своей сумки кулек, кото-

рый мне, к счастью, удалось сохранить, хотя последний возница-финн ни в какую не хотел везти меня через таможенную, пока я не извлек из своей бедной дорожной сумки все, что запрещено провозить через границу. Пришлось оставить на границе гостиницу радушных хозяев из дома священника в Иломанси — почти не начатую бутылку водки, но с чаем и сахаром мне жалко было расставаться. «Уж если таможенник вздумает отобрать это, то пусть берет», — подумал я. Однако возница рассуждал иначе: «Плевать мне на ваш чай и сахар, но ежели меня поймут на том, что я везу человека с запретным товаром, у меня заберут лошадь». И он рассказал историю про одного мужчину, который пытался перевезти через границу контрабандой немного кофе. У него конфисковали не только кофе, но и лошадь с санями, да и сам он едва ли избежал бы ареста, если бы не быстрые ноги, которые помогли ему скрыться в лесу. У другого обнаружили в кармане бутылку вина и тоже отобрали лошадь. И все же эти рассказы не напугали меня, я решил сохранить свой чай и кофе, и возница наконец согласился, но с тем условием, что я выкуплю его лошадь, если ее конфискуют из-за моих припасов. Но когда мы прибыли на таможенный пункт, служащий выказал полное пренебрежение к моей сумке, не удостоив ее даже взглядом.

Так мне удалось сберечь кулек с чаем, который я и отдал жене священника. Сразу же вскипятили самовар, сели пить чай и выпили очень много. Самовар — приспособление для варки чая — русское слово, означающее «сам варит». В доме их было два. Однако самоварные свойства не следует понимать буквально. [...]

На следующий день с утра пили и чай и кофе, но когда вечером поп спросил у попадьи, почему не подают чай, последовал ответ: «Сахара нет». Мне тут же вспомнилась пословица: *Многого бедному не хватает, не только свинины*, и сбереженный сахар тоже пригодился.

Кто не видел воочию домов, какие строят в русской Карелии и Олонецкой губернии, со множеством ходов и выходов, всевозможных помещений, тот не сможет получить ясного представления о них. Более состоятельные семьи живут в двухэтажных домах, на каждом этаже — по две-три жилые комнаты, а также сени (синчо) с лестницами вверх и вниз. Кроме того, имеется два-три чулана со входами из тех же сеней. Одна лестница, ведущая вниз из сеней первого этажа, выводит на улицу, другая — на крытый двор и конюшню. Из сеней второго этажа

одна лестница ведет в нижние сени, другая — в конюшню и хлев, а третья — на чердак. Верхние сени имеют выход на сарай. Если живешь на верхнем этаже и отважишься в темноте спуститься вниз, то, не имея многолетнего опыта проживания в доме и не зная, где что находится, ты подвергаешь себя опасности заблудиться здесь. Однажды мне пришлось по крайней мере четверть часа блуждать из помещения в помещение, пока я не улегся в одном из них на что-то довольно твердое, собираясь поспать до рассвета. Раздосадованный, я не хотел звать на помощь. Но тут появилась одна из хозяек с горящей лучиной в руке и вывела меня оттуда. Оказывается, я попал в хлев и расположился на старых снях у дверей.

ИЗ ДНЕВНИКА

Петрозаводск, 15 марта 1841 г.

Олончане, говорящие по-фински, называют свой язык *ливви*. Видимо, это слово происходит от русского *люди*, потому что народ здесь называет себя *людиками**. В язык этот замешалось много русских слов, нужных и ненужных. Кроме того, формы слов несколько отличаются от финских. [...]

Здесь, так же как и в Финляндии, язык в разных волостях имеет свои различия. Говоры Вуоккиниemi и Репола представляют собой смесь карельского и олонцкого говоров.

Особый говор составляет *вепский язык*, на котором, по полученным мною сведениям, говорят в Шолттярви, в шестидесяти верстах к югу от Петрозаводска. Людики вряд ли вообще понимают вепский. Если человек говорит непонятно, его называют «вепсом». Людики отличаются от жителей более северных погостов, таких как Линдаярви, Репола, Рукаваара и др., которых они называют *лаппалайсет* [*лопари*].

ИЗ ДНЕВНИКА

Петрозаводск, 19 марта 1841 г.

Удивительно не везет мне с паспортами. Лишь в Иломанси, на тридцать миль удалившись от Каяни, я заметил, что переводчик при переводе паспорта на русский

язык сократил время его действия — вместо двух лет написал два месяца. Я не смел и надеяться на то, чтобы паспорт в таком виде сгодился в России, поэтому отправил его обратно с возвращавшимся Стокфлетом и попросил прислать взамен новый. Но когда мое письмо пришло в Оулу, губернатора Лагерборга не оказалось на месте, и в паспорте ножом соскребли слово «месяца» и написали «года». Причем это было проделано так мастерски, что рядом со словом «года» на месте соскобленного слова зияла внушительная дырка, примерно равная цифре ноль. Просить повторно заменить паспорт не хватало терпения, хотелось наконец-то оказаться по ту сторону границы, хотя исправленный таким образом паспорт мог сослужить плохую службу. Правда, внизу рукой переводчика было засвидетельствовано, что паспорт действителен два года, но ведь слова переводчика имеют отношение только к самому переводу и не свидетельствуют ни о чем ином. Так, я прибыл в таможенную, расположенную в одном из домов деревни Колатселькя волости Туломаярви. Таможенник этой ночью вернулся из поездки в Олонец. Он был еще в постели, когда я, приехав туда в полуденное время, хотел показать ему свой паспорт, в соответствии с предписанием, записанным на его обложке, что этот документ необходимо показывать на первой же таможне. «В этом нет надобности», — таков был ответ господина, не пожелавшего покидать свою постель. Даже сумку не проверили, так что ничто не угрожало моим книгам и бумагам и я мог беспрепятственно продолжать свой путь. А так как дорога шла вдоль границы, то через пятьдесят пять верст я благополучно проехал через вторую таможню в местечке Вескелюс. Таможенника не было на месте, он, как было сказано, поехал отвозить в Петрозаводск конфискованные товары. И здесь не понадобилось открывать сумку, так как солдат поверил уверениям возницы, что в ней нет ничего, кроме книг.

Таким образом, 15 марта я прибыл сюда, в Петрозаводск, и на следующий день отнес паспорт в полицейский участок. Я полагал, что все в порядке, но вчера, 18 числа, получил из полицейского участка приглашение явиться туда. Там городничий объявил мне, что я не имею права проживать здесь по этому паспорту и что мне следует отправиться обратно по ту сторону границы. «Почему же?» — «Потому что вы не показали паспорт на таможне». Я объяснил, почему не было подписи таможенника, но никакие объяснения не помогли, и мне надлежало уби-

раться из города подобру-поздорову. Тогда я пошел к губернатору, в надежде с его помощью устроить свои дела. Но и эта надежда рухнула. Все же я добился разрешения проехать до ближайшей таможни, откуда я мог вернуться обратно, получив таможенную отметку. Так блюдет закон. Выходит, чтобы не проделывать вновь в оба конца путь, равный восьмидесяти шести верстам, мне надо было спорить до тех пор, пока не выдали бы свидетельства о прохождении осмотра в Колатселькя, или же дожидаться в Вескелюс возвращения таможенника. Но разве я мог предположить такое?

Собираясь к губернатору, я взял с собой докторское свидетельство, а также некоторые другие документы, чтобы доказать при необходимости, что я еду не под чужим именем. Но показывать их не пришлось. Отлучившись ненадолго, губернатор по возвращении попросил меня посетить его супругу, которая якобы болеет. Наверное, это своего рода испытание, подумал я про себя, либо экзамен по медицине, который должен показать, являюсь ли я врачом на самом деле. Я последовал за губернатором в покои. Его супруга рассказала мне — по-немецки, — что она простудилась и после этого уже три недели чувствует себя нездоровой: был жар, кровотечение из носа и пр. Я спросил, почему же они не позвали городского врача, ведь, по слухам, их тут целых три. Мне ответили, что не стали делать этого, поскольку надеялись, что все и так пройдет. После этого я еще больше уверился в том, что болезнь была лишь предлогом для того, чтобы подшутить над странным путником либо устроить экзамен в области его медицинских познаний. Если дело касалось первого, то я вполне соответствовал их представлениям, так как растерялся при этом испытании, ужасно плохо говорил по-немецки, из головы вылетели все даже самые обычные фразы. Чтобы оправдать свое звание, я сел и написал рецепт (какой-то потогонный чай) и попросил послать в аптеку. Скорее всего, рецепт никуда не отнесли, а передали домашнему врачу. Если бы не моя растерянность, было бы неплохо подвергнуть испытаниям саму госпожу и доказать ей, что она совершенно здорова. Но поскольку у меня не ладилось с немецким, я отказался от своего намерения. Вернувшись в кабинет губернатора, я попросил разрешения пожить в городе три-четыре дня, прежде чем поеду на таможню. С этим согласились.

ДОКТОРУ РАББЕ

Петрозаводск, 20 марта 1841 г.

Дорогой брат!

Чтобы последняя часть «Истории России»* наконец-то увидела свет, посылаю тебе эту рукопись с просьбой договориться с Васениусом о ее печатании так, как считаешь нужным. Часть рукописи еще не правилась и находится в таком виде, в каком она вышла из-под пера Г. Тиклена. Поговори с Акиандером, Столбергом, Каяном или с кем-нибудь еще, кто бы согласился поработать над нею и внести необходимые исправления; за труды получил бы десять, а может, и более экземпляров полного издания истории. В любом случае следовало бы обратиться к Акиандеру, чтобы он разрешил воспользоваться теми поправками, которые он, сверив их по большой истории Карамзина, внес в «Историю России» Германа. Ведь именно последней руководствовался Тиклен. Надо бы сделать уже в рукописи исправления, относящиеся к еще не напечатанной части, а остальные поправки к уже изданным листам следовало бы поместить кратким приложением в конце книги. [...]

Со Стокфлетом мы расстались в Иломанси. Оттуда я проделал путь через приходы Тохмаярви, Пялкъярви, Рускеала, Импилахти, Салми, Туломаярви, Вескелюс, Сямаярви и Вийтана сюда. Пробыв здесь пять-шесть суток, я думаю дня через два отправиться дальше и, продвигаясь понемногу, собирать все то, что может иметь интерес для филологии. Так я доберусь до Кеми, расположенной на берегу Белого моря, а оттуда сразу, как только откроется вода, поеду в Архангельск. Не задерживаясь там долго, я через всю русскую Лапландию, где проведу лето, направлюсь в Колу. Рассчитываю прибыть в Колу лишь поздней осенью. Оттуда вдоль морского побережья я отправлюсь в Весисаари и Алаттио и в одном из этих поселений встречу со Стокфлетом. Из Алаттио через Торнио и Оулу я вернусь в Каяни. Таков план моего путешествия. Может показаться, что на него уйдет уйма времени, но я привык работать во время поездок, так что потери будут совсем незначительные. Знакомство с лопарским языком может мне пригодиться при составлении словаря*, если только это дело не превратится в простое перечисление и перевод известных слов. Мне бы хотелось также настолько ознакомиться с основами языка самоедов, чтобы знать,

в какой мере он может быть полезен для изучения финского. Но на это, пожалуй, не хватит времени, потому что на достижение определенных успехов в подобном исследовании ушло бы по крайней мере не менее полугода. Ведь пришлось бы обучаться языку, на котором, как мне известно, не написано еще ни одной грамматики. [..]

АКАДЕМИКУ ШЕГРЕНУ*

Петрозаводск, 21 марта 1841 г.

Глубокочтимый и достопочтенный господин коллежский советник!

Поездка в русскую Лапландию, о которой я имел честь упомянуть Вам прошлым летом, уже осуществляется мною, но я не продвинулся далее Петрозаводска, хотя выехал из Каяни более двух месяцев тому назад. Я намеревался отправиться в эту поездку еще прошлой осенью, но неожиданно в Каяни меня приехал навестить пастор Стокфлет, который пять недель изучал там финский, а затем сопровождал меня до Иломанси, откуда после нашей совместной работы в течение восьми недель, через Каяни, Оулу и Торнио, вернулся в Лапландию. Я же отправился к олонецким финнам в Салми, Туломаярви, Вескелюс и Сямьярви, где какое-то время изучал диалект этих мест и не раз досадовал на смешение его с русским. Даже сильно исковерканный финский в окрестностях Турку все-таки сравнительно чище сего олонецкого говора. У священника из Сямьярви я за получил катехизис 1804 года, изданный на олонецком говоре славянскими буквами.

Через два дня я вновь отправлюсь по деревням, надеясь в начале мая быть в Кеми, а оттуда, как только море откроется, поехать в Архангельск. Предполагаю все лето провести в русской Лапландии, а следующую зиму — в норвежской Лапландии. Если бы у меня были грамматические или другие пособия для изучения языка самоедов, то я охотно поехал бы на несколько месяцев к живущим поблизости самоедам, но без всякой подготовки и не располагая для этого временем, я навряд ли сумел бы заметно продвинуться в изучении их языка. Если же существует грамматика или какая-либо другая книга на этом языке и если их можно купить в книжной лавке, я прошу Вас оказать любезность и отправить ее мне в Архангельск, где я буду находиться вплоть до середины

мая. Я прошу Вас также уплатить за нее, позднее я рассчитаюсь с Вами. У меня с собой довольно много книг на лопарском языке, к тому же я заручился обещанием пастора Стокфлета и впредь высылать мне книги в Архангельск. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Петрозаводск, 22 марта 1841 г.

Вчера я побывал на вечеринке у одного лекаря — более высокопоставленным я не посмел нанести даже визита, опасаясь, что либо они окажутся для меня слишком знатными, либо я для них буду слишком прост. Сначала меня угостили рюмкой водки (очищенной), потом кофе, чаем, затем предложили что-то вроде киселя, пряники, орехи разных сортов, в том числе кедровые. После ужина играли в карты и кости. Время от времени угощали вином, но когда я отказался пить, сказав, что оно слишком крепкое, для меня приготовили грог. Весь визит длился от шести до половины десятого.

Только что вернулся домой из казармы семинаристов. Живет их там человек тридцать в пяти-шести комнатах. Все они, по-видимому, сыновья священников и дьяконов из окрестностей Петрозаводска. Многие из них говорят на языке ливви. В семинарии они обучаются десять лет и кроме латыни, греческого и древнееврейского учат также немецкий и французский. Обучение ведется частично и на ливвиковском языке, но в основном по-русски. Семинаристы знают по крайней мере названия таких дисциплин, как логика и риторика, более знакомы им история и география. Мне довелось беседовать с дьяконами, окончившими курс семинарии, и, судя по их познаниям, это учебное заведение не заслуживает никаких похвал. Умение говорить на латыни считается признаком необычайных способностей. Семинарист имеет право отказаться от духовного сана. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Петрозаводск, 24 марта 1841 г.

Вчера поручил дьякону Алексею Максимовичу Коткозерскому выслать письма, которые придут на мое имя в Кемь. Для этого понадобилась следующая бумага:
(Доверенность, написанная по-русски)

Письма надлежит направить в Архангельск.

Кстати, вчера ходил к городничему за паспортом, чтобы отправиться в предполагавшуюся поездку (см. запись от 19 марта). Паспорт выдали без всяких изменений, но мне пришлось подписаться под какой-то бумагой. Я точно не знаю ее содержания, но полагаю, что это было обязательство, в котором я обещался «добровольно, без надлежащих принудительных мер» безотлагательно выехать в Векселюс или же вернуться в Финляндию. [...]

Кроме того, вчера же ходил осматривать достопримечательности города. Побывал на заводе, расположенном к югу от города, от которого его отделяет речка. Но я не увидел там ничего примечательного, кроме расплавленного железа, его отлива в специальные формы, и вернулся обратно. Завод этот, как второй город, такой же большой. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Векселюс, 27 марта 1841 г.

Итак, я нынче проехал обратно девять миль. Но и на этот раз таможенника нет дома и мне придется ждать его неизвестно сколько. В Вийтана крестьянин Густриев рассказал об учебных заведениях Петрозаводска. Как после гимназии, так и после семинарии, по его словам, можно поступить в Петербургский университет. Но науки, которым там обучают, настолько мудрены, что не у всякого выдерживает голова. Многие сходят с ума. Редко кто остается при полном рассудке.

Предрассудки и суеверия. Некий отец, работая в риге, ругнул своего сына: «Черт бы тебя побрал!» Нечистый тотчас же забрал парня, и никто его больше не видел. Долго и безуспешно проискав сына, отец через полгода от одного колдуна получил совет пойти за много миль в такое-то место и позвать мальчика по имени. Сказано — сделано. Добрался отец до того места. Его все время сопровождала нечистая сила. Если приходилось садиться за стол, не благословив еду, то злые духи съедали все со стола, взамен оставляя на столе какую-то пахучую смолу, которую люди принимали за обычную еду и с аппетитом съедали. Sic discitur!¹

¹ Так обучаются! (лат.)

Вескелюс, 30 марта 1841 г.

Почти пять суток я прождал таможенника, который вернулся домой прошлой ночью. Только что пришел от него со своим паспортом. Таможенник посчитал, что он не вправе вносить в него свою отметку. Он, дескать, разговаривал с губернатором о подписях на предъявляемых ему паспортах, и губернатор тоже считает, что их следует проверять либо на таможне в Раяйоки, либо в Петербурге, но не на здешней таможне. Что делать! Видимо, придется возвращаться обратно в Финляндию, иначе может получиться так, что если даже и удастся добраться до Кеми, меня могут выгнать оттуда или же увезти принудительно. Кроме того, любой писарь-самоучка может обвести меня вокруг пальца, потому что на обратной стороне паспорта ясно сказано, что тех, чей паспорт не проверен и не отмечен на границе, следует отправлять обратно на его собственные средства. [...]

Странно, что уже не первый раз какие-то мелочи вынуждали меня значительно отклоняться от намеченных планов. То ли по глупости губернатора, то ли таможенника — иначе не скажешь — я теперь не мог поехать в Лапландию и к самоедам. Но нет худа без добра, может, это и к лучшему. Прощай, Россия, на время, до свидания! Я возвращаюсь в Финляндию. В Сортавале решим окончательно, где провести весну. [...]

У жителей Олонецкого края не принято есть раньше двенадцати часов дня. Второй раз едят вечером, реже — днем. Готовят уху, рыбу. *Муйкее риенно* (квашеная репа), *кейтин риенно* (вареная репа), *лохко* (пареная репа), *пачой* (печеная репа). В репный квас добавляют соль и едят его ложкой. Каждый день пекут свежий хлеб разных видов, а по воскресеньям — выпечка трех-четырёх разновидностей. За этими хлопотами женщины проводят время с раннего утра до самого обеда, невольно злишься, особенно зимой, когда из-за этого вьюшки постоянно открыты.

В говоре разных погостов есть различия. В Салми, Суоярви и Суйстамо язык уже ближе к финскому. В Импилахти он еще чище, вернее, кажется, что там существует два языка: один, на котором люди, особенно православные, говорят между собой, и другой, на котором они разговаривают с господами и с финнами. Подобное двуязы-

ние можно наблюдать отчасти и в других местах. Так, например, обстоит дело со шведским языком в волостях Похьянмаа и в провинции Таалай. Та же особенность отмечена и в эстонском языке, поэтому Розенплентер¹ в своих статьях сетует, что даже после многолетнего изучения он не понимает, о чем говорят между собой эстонцы. Финские песни из «Кантеле» до Хюрсюля понимали лишь частично, но в этой местности их слушали столь же внимательно, как и в Финляндии. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Сортавала, 3 апреля 1841 г.

Из Импилахти меня подвез мужчина, родом из деревни Коконваара, что в десяти верстах от погоста Суйстамо. О себе рассказал, что он мастер играть на кантеле. Сообщил также, что он будет жить до пасхи в Импилахти в доме сестры — хозяйки постоянного двора и обучать игре на кантеле своего племянника.

В каждом из плотов Громова, идущих по Янисъярви, по десять тысяч бревен, они никак не закреплены, плывут свободно в окружении тройного оплотника, сделанного из прикрепленных друг к другу гибкими прутьями бревен. Такой кошель перемещается по озеру. Впереди него на веслах движется другой плот, поменьше, сколоченный крепко, и с него спускают якорь, чтобы закрепить плот на месте. С помощью каната и ворота лебедки подтягивают большой плот к меньшему и снова отплывают на меньшем и т. д. Сказывали, будто канат бывает длиной и с полверсты. За прошлое лето было сплавлено около семидесяти тысяч бревен, поделенных на семь плотов. Утверждают, что продвижение на плотках требует большого умения и сноровки.

Судя по рассказам, в окрестностях Суйстамо еще поют о Вяйнямёйнене, но песен этих немного. Возница припомнил следующий текст:

Не стреляй ты в старца Вяйнё.
Вяйнямёйсена убьешь ты —
Пропадет на свете радость,

Песня на земле исчезнет,
С радостью на свете лучше,
С песней на земле приятней.

¹ *Розенплентер Ю. Х.* (1782—1846) — пастор в Пярну, исследователь эстонского языка.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кармала, 11 апреля 1841 г.

Известно, что в старой Финляндии* стали брать в солдаты лишь во времена Павла I. Затем, во времена Александра, некий землевладелец по фамилии Копьев заявил, что людей следовало бы, как крепостных, прикрепить к определенным владениям. Многие поддержали это предложение, но против него с особой настойчивостью выступил один не столь высокого ранга чиновник, Эммин, служивший в Выборгском губернском правлении. Да будь благословенна память о нем! Позже он стал губернатором. Землевладельцы еще не получили права по своему усмотрению увеличивать подати, их арендаторы во всех отношениях были приравнены к государственным крестьянам, с той лишь разницей, что государство передало землевладельцам право владеть ими. К сожалению, позднее положение изменилось.

Еще одно предположение о Сампо. Может быть, люди Похьёлы были славянами, у которых, конечно же, был сам бог? Саарнола, Сарнола (Саари, некая страна) могло произойти от слов *царь, царство*. В таком случае вполне можно предположить, что финны должны были платить дань Похьёле.

ИЗ ДНЕВНИКА

Яккима, 17 апреля 1841 г.

Миттелеминен («измерение») — способ, применяемый финнами при лечении многих болезней, припадков и в других случаях, когда неизвестны другие надежные средства излечения. Вершками — расстоянием от большого до указательного пальца — измеряют все тело больного, начиная от большого пальца левой ноги до большого пальца правой руки, а затем от большого пальца правой ноги до большого пальца левой руки, так чтобы эти измерения скрестились у пупка. Такое же измерение снизу вверх делается по спине. Считается, что «измерение» действует сильнее, если его совершают хлебной лопатой, а еще лучше, если обломками гроба (либо костями умершего). Мерять больного лучше всего в избе под дымоволоком или на месте, где лежал покойник. Анимальный магнетизм¹.

¹ Анимальный магнетизм (*устар.*) — животный, т. е. чувственный магнетизм, способность человека действовать на другого без вещественных средств, не физическими силами. Здесь — один из видов магии.

Второй способ излечения — растирание, его совершают в бане. Пальцами пощипывают все мышцы тела, особенно там, где имеются сухожилия. Должно быть, женщины, лечащие этим способом, считают, что это какие-то уплотнения, которых не должно быть, и поэтому трудятся изо всех сил. «Подумать только, сколько затвердений у вас (в вашем теле)». Растирание длится полчаса. [...]

ДОКТОРУ РАББЕ

Оулу, 31 октября 1841 г.

Дорогой брат!

Проведя несколько дней здесь, в Оулу, я готов отправиться к лопарям сразу, как только дождусь Матиаса* из Кеми, который поедет со мной. Заодно высылаю рукопись «Истории России». Будь добр, передай ее в цензуру на проверку, видимо, следует передать и предыдущие шесть листов, а затем поговори с Васениусом (или с кем-то другим) о ее напечатании. Лучше всего было бы договориться об оплате расходов за печатание так, чтобы издатель получил определенное количество экземпляров истории (в том числе и ранее вышедшие листы). Но если он не согласится на эти условия, то придется заплатить ему деньгами. Надеюсь, ты не откажешься попросить Вульфберта отправить почтой последнюю часть «Истории России» тем, кто подписался на «Мехилляйна» на 1840 год. [...] Высылаю также нечто вроде предисловия к «Пословицам», надеюсь, Тэрнгрэн дал тебе эту рукопись. Было бы весьма желательно, если бы фон Беккер* согласился быть редактором пословиц, ему было бы предоставлено неограниченное право исправлять правописание там, где оно колеблется или вообще требует поправки. Я даже не успел перечитать всю рукопись после того, как переписал на белом. Беккер обещал мне, что если в этом отношении когда-либо возникнет необходимость в его помощи, то он готов помочь. Не возьмет ли Рейн* на себя заботу об исправлениях в «Истории России», что было бы вовсе неплохо. [...]

СУПРУГЕ АРХИЯТЕРА¹ ТЭРНГРЕНА

Дом священника в Кеми, 11 ноября 1841 г.

Светлейшая госпожа профессорша!

После отъезда из Лаукко грусть и тоска преследовали меня, пока я наконец не прибыл в Каяни, откуда вскоре переехал сюда, в приход Кеми, для того чтобы встретиться со своим будущим спутником, магистром Кастреном. Завтра мы, уже не делая остановок, отправимся через приходы Рованиеми и Кемиярви в русскую Лапландию, путь до которой составляет свыше сорока миль. Мы намерены пробыть там до весны, в мае добраться до Колы, а дальше на первом же корабле отплыть на Мезень — область, расположенную на берегу Белого моря восточнее Архангельска, где мы надеемся встретить первых самоедов. Поедем ли мы дальше на восток, пока неизвестно, это будет зависеть от обстоятельств, которые могут возникнуть во время нашего путешествия. Скорее всего, тоска по родине заставит нас вернуться оттуда домой. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Корванен, 17 декабря 1841 г.

Любезный брат!

Уже с прошлого воскресенья мы прозябаем здесь, не имея возможности ехать дальше из-за оттепели и пурги. Живем мы в низенькой комнате, сильно смахивающей на спальную тюремную камеру в Каяни, только эта пониже да заставлена всяким скарбом. Окно — совсем крошечное. Скудный дневной свет проникает сюда с одиннадцати до часу, вернее, до половины первого. На наше счастье, у нас еще имеются свечи, а также немного чаю и кофе. Съестных припасов больше: заплесневелый огузок мяса, простокваша из неснятого молока, две миски вареной оленитины, ендова простокваши, восемь головок оленьего сыра, недавно купленного по двадцать четыре шиллинга за головку, бочонок с маслом и наши собственные припасы масла, рыба, картофель. Наличие такого обилия продуктов — не наша заслуга, дело в том, что люди привозят с собой свежие продукты и редко увозят с собой оставшиеся.

¹ Архиятер — устаревшее название главного врача.

Утром первое дело — залезть на крышу и открыть вьюшку. Таковой служит деревянная крышка, накрывающая чугунок с дырявым дном, установленный на дымовой трубе. Второе занятие — сварить кофе, пока еще он есть.

ИЗ ДНЕВНИКА

Корванен, 23 декабря 1841 г.

Уже десятые сутки как мы задерживаемся здесь. Всего два дня остается до рождества, к этому времени мы уже должны были быть в Инари. Погода все же установилась, и лыжи вчера шли более или менее хорошо. Вчера из Инари приехало несколько человек, они находились в пути целых тринадцать суток, тогда как при хорошей дороге можно управиться за сутки, а обычно на дорогу уходит два-три дня. Они так и рассчитывали, поэтому и припасов в дорогу взяли лишь на три дня — неосмотрительность, которая едва не стоила им жизни. Изголодавшиеся, они добрались наконец до деревни Мутенна, что примерно в двух милях в стороне от нас. [...]

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ДОКТОРА ЛЕННРОТА¹

Инари, 3 и 5 февраля 1842 г.

1

Во второй половине октября прошлого года я проехал из Каяни в Оулу, где пробыл неделю с небольшим. Затем прибыл в Кеми, в дом священника, где встретился со своим попутчиком Кастреном. Но так как дальше нельзя было ехать ни на телеге, ни на санях, нам пришлось переждать в Кеми до 13 октября. Лишь после этого мы отправились в путь и до 28 числа того же месяца с трудом продвинулись на двести сорок верст — до Салла, или до местности, называемой *Куолаярвская Лаппи*, хотя во всем приходе не осталось уже ни одного лопаря. От Салла до деревни Аккала Кольского уезда Архангельской губернии сто сорок верст. Мы собирались поехать в те края, но из здешних людей лишь очень немногие бывали в Аккала, и мужики порешили между собой содрать с нас целых

¹ Опубликовано в газете Helsingfors Morgonblad за 1842 г., № 36, 37.

пятьдесят рублей ассигнациями. Мы еще находились в Салла, когда несколько русских лопарей из Аккала приехали сюда продавать олени рога, а поскольку с полсотни их оленей в обратную дорогу шли порожняком, то мы хотели воспользоваться этой возможностью и поехать с ними. Они согласились и сказали, что рады взять нас с собой. Но когда саллинские мужики, которые думали везти нас, прослышали про это, они начали запугивать лопарей, уверяя, что нас якобы отправили учить их чтению лопарских книг и пр. Лопари так перепугались, что уехали обратно, не взяв нас с собой. Мы же назло мужикам выбрали другой путь, в Инари. Тем более, что в середине февраля мы намеревались приехать сюда из кольской Лапландии, чтобы навестить пастора Стокфлета, о чем я известил его из Кеми.

В Салла мы пробыли несколько дней, побывав за это время даже на свадьбе: поп женился на своей служанке. Народ этого края невежествен, нравы его испорченные. По происхождению они в основном лопари, хотя к настоящему времени финский стал для них родным языком. Прежде у них не было ни попа, ни церкви ближе, чем за восемьдесят верст в Кемиярви, которую они за-за трудных дорог посещали крайне редко. Лишь недавно для них построили церковь и поставили своего попа, чтобы способствовать их исправлению.

Примером народных суеверий может служить, в частности, рассказ о лопаре Удьюсе. Жил он в Салла пятьдесят-шестьдесят лет тому назад. В том, что о нем рассказывали, похоже, никто не сомневался. Однажды Удьюс, находясь с другим мужчиной далеко от дома, увидел сон, будто у него дома случилось что-то. Проснувшись, он сообщил своему приятелю, что ему надо немедленно вернуться домой, и товарищ решил идти вместе с ним. Они пошли через лес, но на их пути оказалось какое-то озеро, а лодки, чтобы переправиться на другой берег, не было. Но это не остановило Удьюса — он прошел по озеру, как посуху, даже ног не промочил, и велел товарищу следовать за ним, но тот все же провалился в воду по колена. Придя домой, Удьюс нашел жену плачущей: обе его дочери умерли и уже в могиле. Тогда он велел жене развести огонь, а сам, расставив ноги, встал над пламенем и начал петь заклинания. Он колдовал до тех пор, пока за дверью не послышались какой-то шорох и царапанье. Жена решила, что это собака, и пошла открывать двери. Но, к своему удивлению, увидела старшую дочь, умершую несколько дней назад.

Через некоторое время пришла и младшая дочка, с той лишь разницей, что кроты прогрызли у нее щеку. Через пару дней эта девочка снова умерла, а старшая после воскрешения была вполне здорова и в довершение всего даже вышла замуж.

По этому рассказу можно судить о том, как далеко продвинулся здешний народ в просвещении. Правда, такие истории можно услышать и в других местах, но там их рассказывают не потому, что верят в них, а больше для развлечения.

Теперь, если помотришь на карту Финляндии Васенну-са, сможешь проследить наш путь сюда из Салла, или Куолаярви, как это место значится на карте. Сначала мы пересекли через реки Куола и Тениё и прибыли в Ноусу, а оттуда, миновав несколько хуторов,— в Локка и Корва. Этот путь считается равным двадцати милям. Однако следует принять во внимание, что лопарская миля короче, чем наша. Она не длиннее семи-восьми верст. Миля у них называется *bädnapullam*, что означает расстояние, с которого (в безветренную погоду или при попутном ветре) можно услышать лай собаки. В доме Корва из-за распутицы мы пробыли полторы недели. Нам выделили здесь нечто напоминающее жильё, где несколько лет назад выращивали шестерых выловленных хозяином лисят. В нем был открытый очаг, где полдня горел огонь. Внутри помещения не было никакой вьюшки, и приходилось каждый раз лезть на крышу, чтобы закрыть дымоволок. В ясный день при дневном свете было видно часа два, не больше. Еда в доме имелась в изобилии, чай и кофе были свои, так что чувствовали мы себя довольно хорошо.

Наконец, 23 декабря мы отправились в путь. От Корва до деревни Кюрё церковного прихода Инари насчитывается сто тридцать верст, и на всем пути ни одного жилья. Первую ночь мы спали в лесу возле нодьи, сделанной из двух бревен. Для нодьи берут сухие сосны, которые укладывают друг на друга таким образом, чтобы между ними оставался небольшой зазор. Когда сухими щепками костер подождут в одном месте, огонь быстро перебегает по всей длине бревна и горит до самого утра, распространяя вокруг себя ровное тепло на расстояние двух-трех локтей. Сначала готовят место для костра: снег либо отбрасывают в сторону, либо утаптывают как следует. Получается удобное место и для размещения бревен и для спящих. Если снега много, получается нечто вроде снежной комнаты без крыши с костром в центре во всю ее длину. Даже

в морозную ночь около такого костра не холодно спать, а в оттепель, что выдалась нынче, и того лучше. Правда, начался небольшой снегопад, так что мне пришлось дважды раза просыпаться и отряхиваться от снега, но на следующее утро я чувствовал себя, как обычно, вполне выпавшимся.

2

На следующую ночь, в сочельник, мы приехали в лесную коту¹, расположенную в северной части сопки под названием Сомпио, туда, где берет начало река Суому-йоки. В строении по всей длине потолка проходила щель шириной с пол-локтя. Вместо рождественских свечей мы разожгли посреди жилья под щелью хороший костер. Сварили мяса (в нескольких котлах) и поели. Затем сварили кофе и напоследок — чай, чай кипятили по крайней мере раза четыре, потому что кроме возницы, хозяина Корва, с нами ехали еще трое-четверо мужчин, надо было всех угостить, а чайник наш вмещал не более шести стаканов.

У нас были даже сливки: один из попутчиков, церковный староста из Соданкюля, перед дорогой заморозил молоко, которое мы теперь растопили. Мне показался весьма приятным такой необычный канун рождества. Уже далеко за полночь мы легли спать на лавки и на пол, если можно так назвать голую землю, покрытую сосновыми ветками и охалками сена. Часть наших попутчиков, человека четыре-пять, разожгли в лесу, неподалеку от коты, костер и там провели ночь, поскольку кота не вместила нас всех.

К следующей ночи мы приехали в новый хутор Акуярви, при деревне Кюрё, а затем ночевали уже в лопарской избе, откуда было лишь две короткие мили до погоста Инари. Прибыли мы туда засветло на третий день рождества.

От деревни Кюрё до Инари (пятьдесят верст) была хорошая оленья тропа, поскольку накануне жители Кюрё ездили по ней в церковь, но от местечка Корва до самого Кюрё не было ни дороги, ни следа и каждая кережа все глубже проваливалась в снег, а последняя скользила уже по канаве в локоть глубиной. К тому же на льду и на

¹ Лесная избушка типа саамской вежи (фин. kota).

болотах вода местами поднялась так высоко, что кережа почти плыла по ней. Когда же выбирались на более сухие места, днище кережи тотчас покрывалось наледью, которую постоянно приходилось соскабливать с нее — иначе оленю было не под силу тащить кережу.

Когда я весной 1837 года побывал в Инари, там были лишь церковь да несколько жалких лопарских избушек. Теперь это местечко, особенно с приездом сюда священника, совершенно изменилось. Церковь выкрашена в красный цвет. Поп живет в доме из пяти комнат. Помимо этого есть другой дом, в котором имеются зал и две комнаты; насколько я помню, он построен для настоятеля, который хотя и живет в Утсйоки, но время от времени обязан заезжать и в этом капелланский приход. В следующее лето здесь собираются построить здание уездного схода и суда, для чего уже сейчас ежедневно подвозят бревна. Не удивляйся, что я толкую здесь о таких вещах, как эти постройки, они не заслуживали бы упоминания в других местах, но ведь это в Лапландии! Лишь после того, как проведешь какое-то время в дыму лопарской вежи, сможешь почувствовать, что значит настоящий дом, точно так же, как, поборов болезнь, начинаешь ценить здоровье, или же когда мы, увидев солнце после полярной ночи (что произошло 18 января), долго любовались им и не могли глаз отвести от него. Мы находились тогда на сопках между Инари и Карасйоки.

Да, я забыл рассказать, что в первые же дни нового года мы отправились в Карасйоки, расположенную в шестнадцати милях отсюда на северо-западе в норвежской Лапландии. Там проживал тогда Стокфлет со своей супругой, выполняя в этой местности обязанности священника и обучая людей чтению написанных им и изданных к тому времени книг на лопарском языке. Таковыми являются: Новый завет, полное издание (издано в 1840 г., 1152 с.), Книги Моисея (в отрывках, 1840 г., 360 с.), Молитвенник (1840 г., 209 с.); Азбука, Краткий требник и Малый лютеранский катехизис. И хотя он использовал латинский алфавит и ввел десять новых буквенных знаков, необходимых для лопарского языка, лопари очень легко научились читать, иные даже за один день. Два лопаря помогали ему в проведении обучения, но и сам он трудился с невероятным усердием. [...]

9 февраля Стокфлет намеревался переехать месяца на два из Карасйоки в Каутокейно и, таким образом, продолжая свою деятельность, за два года объездить всю норвеж-

скую Лапландию. Мы договорились, что как-нибудь летом встретимся в Каяни, чтобы продолжить работу над нашими словарями. После поездок Стокфлет думает обосноваться в университете в Христиании¹, где, возможно, станет профессором лопарского и финского языков.

Удивительно, как с каждым годом растет численность финнов в Норвегии. Ныне их там четыре тысячи человек, но как знать, за какие сроки это число может удвоиться. У Стокфлета мы пробыли пару недель, затем вернулись сюда, отсюда направимся в русскую Лапландию, а в апреле — в Колу.

Мы уже две недели изучаем лопарский язык с помощью одного лопаря из Утсйоки. В этом языке три основных диалекта. На первом говорят норвежские лопари и финские лопари церковного прихода Утсйоки, на втором — в шведской Лапландии, на третьем — в русской Лапландии и в приходе Инари в Финляндии. Шведский и норвежский диалекты в какой-то мере были изучены, что способствовало их дальнейшему развитию. Но язык лопарей России изучался очень мало. Я не знаю никаких записей этого говора, кроме «Отче наш» в заметках Шёгрена по кемской Лапландии. По этому поводу Раск² говорит в полном собрании своих исследований (часть 2, Копенгаген, 1836, с. 340): «Во всех отношениях остается только сожалеть, что русские сделали так мало для развития языка (русских лопарей)». Когда же наступит время, когда будут созданы грамматики, словари и книги для чтения на всех тех языках, на которых говорят в русском государстве? Это было бы очень важно вообще для изучения древней истории и для сравнительного изучения языков.

Диалект Утсйоки похож на тот, которым пользовался Стокфлет, но говор Инари отличается от него настолько, что здешние люди не понимают, когда им читают что-либо, хотя все разговаривают с лопарями Утсйоки и понимают обыденную речь друг друга. Завтра (6 числа) я решил отправиться на несколько недель к какому-нибудь местному лопарю, чтобы научиться этому языку лучше, чем это возможно здесь, в доме священника. Кастрен отправился позавчера в поселение лопарей-оленоводов за четыре-пять миль отсюда. Не сегодня завтра он должен вернуться.

¹ Христиания — старое название Осло, столицы Норвегии.

² Раск Р. К. (1787—1832) — датский лингвист.

ИЗ ДНЕВНИКА

Кола, 28 марта 1842 г.

Меня пригласили к некоему торговцу, недавно взявшему себе жену из Керети, у которой сразу же по прибытии в новый дом началась сильная ломота в суставах, и меня попросили полечить ее. Я с неделю навещал их, зачастую даже два раза в день, поскольку они были очень вежливы со мной — каждый раз предлагали чай или кофе. Но так как это отнимало у меня слишком много времени, к тому же они прибегали к помощи и другого целителя — деви Марии, икону которой во время торжественного шествия вынесли в дом священники, то я перестал ходить к ним так часто. Случались дни, что я не заглядывал к ним вообще или заходил по разу. Они решили, что я, видимо, рассердился на них, и мне снова пришлось чаще навещать их. Деву Марию держали в доме четыре-пять дней, перед нею постоянно горела свеча. Вчера, 27-го, ее препроводили обратно в церковь и, полагая, преподнесли ей немалые дары. Но поскольку дева Мария «не давала» больной никаких лекарств, сочли необходимым, чтобы наряду с нею большую навещал и я.

Меня пригласили в другой дом, к стряпчему, посмотреть хозяйскую дочь. Я отказался идти, но они нашли все же повод и в один из вечеров пригласили меня к ним на чай. Позже я несколько раз навещал больную, затем перестал, потому что не видел пользы от своих посещений. Это истолковали так, будто я рассердился за что-то. Болезнь молодой жены торговца во что бы то ни стало хотели свести к колдовству, потому что в Керети, откуда она родом, многие сватались к ней, но она вышла за человека из Кола. Лишь жена казначея была одного со мной мнения, что причина болезни — жестокая простуда. [...]

ИЗ ДНЕВНИКА

Кильдин, 2 апреля 1842 г.

(Кола, в апреле того же года.)

Кильдин находится в двух милях от Кола. Тот же говор, что в Мааселья, Лявозере, Семиостровске. Но в Нотозере, Сянгел, Муотка, Печенге, Паатсийоки говорят уже по-другому. Кильдин расположен между сопками. Здесь проживает около десяти — пятнадцати семейств, из них пять живет в рубленых постройках, в которых имеется

отдельная клеть, или закуток, для хранения котлов, горшков и питьевой воды. От пола, застланного деревянными балками, закуток отделяется бревном, в закутке же пол не настилается. В постройке от двух до четырех окон, лавки настолько низкие, что спина устает от сидения на них.

Ночью пришла весть о том, что губернатор собирается ехать в Колу, а посему надо было отправить ему навстречу в Кицу кильдинских оленей. Другие олени повезли людей, приехавших из Колы, и их рыболовные снасти к морю, поскольку Кольский залив, что случается весьма редко, к середине марта полностью замерз. Дома остались одни дети, поэтому мы тоже вернулись. За две-три рыбины с нас запросили рубль, хотя им досталось немного нашего хлеба. Сначала мы никак не могли найти ночлега, отчасти потому, что многие жители Колы успели поселиться в их избышках.

Когда мы ехали из Колы, река оставалась слева. В тундре уже стемнело, когда мой олень, шедший самым последним, повернул в другую сторону. Прошло немало времени, прежде чем я заметил это. Большой беды в этом не было, потому что ночь была теплой и в любом случае я надеялся выйти к реке. Но все-таки закричал, и попутчики, услышав мой крик, остановились. Оказывается, они отвечали мне, но я ничего не слышал из-за встречного ветра и решил, что остался один на всю ночь. Ведь если бы они даже стали искать меня, в тундре трудно отыскать следы: там только кочки да проталины или сплошной твердый наст. Вдобавок ко всему пошел снег. Ежели бы это случилось между Колой и Сянгел, я, вероятно, испугался бы больше. Теперь же я выскочил из кережки, развернул оленя и, пригибая его голову к земле, попытался направить обратно к тому месту, где он свернул с дороги. Наконец это мне удалось, и, выбравшись на верную дорогу, я быстро нагнал остальных. Они ждали меня и криками давали знать, где находятся, но я не слышал их криков.

Все жители Кильдина, кроме детей, умеют говорить по-русски, а иные, по утверждению жителей Колы, настолько хорошо, что их не отличить от русских, что и неудивительно, так как в зимнее время они почти каждый день бывают в Коле. Некий человек, когда-то живший у зырян, сказал, что они внешне очень похожи на лопарей, а самоеды [ненцы] по внешнему виду напоминают крестьян-ингерманландцев, других финнов ему не довелось видеть.

Говор лопарей Инари кажется более самобытным по сравнению с диалектами русских лопарей, которые нам доводилось слышать, они ближе к языку лопарей Норвегии и Утсйоки. [...]

Жуткая квартира в Коле. У нас две комнаты, одна из них отапливается. Два постреленка без конца носятся по дому и хватаются за все, что попадет им под руку, их мать так громко кричит и ругается на них, что уши болят. [...] В нашей комнате очень много всяких вещей, она служит у них кладовой. Каждый день приходится спорить с хозяйкой из-за вьюшки, и все равно они закрывают трубу слишком рано, когда еще угарно. В холодные дни по утрам долго мерзнешь, потому что огонь разжигают не раньше десяти-одиннадцати часов. Редко дождешься чаю к восьми часам утра, иной раз надо ждать до одиннадцати.

Кола — маленькое городишко, расположенное чуть выше того места, где соединяются реки Кола и Тулома. Самый северный город европейской части России? Здесь вырастает крупная репа, а картофель у некоторых, например у исправника, больше курного яйца. Других овощей нет, лишь трава растет по берегам реки. Держат коров, овец, собак, на последних возят воду и дрова — подчас большие возы, но при подъеме в гору хозяин подталкивает, помогает им. Со всех сторон высокие сопки. Местное общество: врач, городничий, судья, исправник, два заседателя, учитель, подпоручик, таможенник, стряпчий, лесничий, казначей, почтмейстер. При въезде в город — строгий осмотр, но ничего недозволенного, кроме начатой сигарницы, не нашли. То небольшое количество спиртного, что оставалось на последнем перегоне, мы отдали лопарям, а они спрятали его в снег, видимо, боясь провозить вино в Колу даже в желудках. Здесь каждый день пирушки, и на следующий день всегда головная боль. Играют. Обедают часа в три. Рыбники трех-четырёх видов. Мясо, супы. Стряпня. Часа два сидят за столом. Затем баня, три копейки за вход. Кофе. Чай. На ужин ставят на стол ликеры и наливки, а также вино, мясо или рыбники. [...] Врач знает латынь и немного немецкий, городничий — немецкий, учитель — немного тот и другой язык. Кроме того, некий морской капитан говорит по-норвежски. Для чего мы здесь [недоумевают]? Меня часто приглашают к больным. К иным ходил, к иным — нет.

В Лодейном Поле, Вытегре и Белозерске по триста-четыре человека говорят по-чудски, или на вепском языке. [...]

Кола, 23 марта 1842 г.—
4 апреля 1842 г.

Уважаемый господин коллежский советник!

Магистр Кастрен, должно быть, написал Вам обо всем, что можно было сообщить о нашей поездке в Инари и в Норвегию к Стокфлету. После написания письма мы пробыли еще пару недель в Инари. Оттуда через Паатсйоки и Суоникюля (Сюнгел) мы отправились в Колу, где и живем уже несколько недель, обучаясь русскому языку, без знания которого трудно обходиться в русской Лапландии. Отсюда мы наведывались в ближайшую лопарскую деревню Кильдин, но пробыли там недолго, потому что тамошние люди, как нам показалось, избалованы соседством с Колой, кроме того, они уверяли нас, что их говор не отличается от говора Мааселькя (на севере Имандры), куда мы собираемся отправиться дня через два. Лопари Сюнгел и Кильдина считают, что жители Муотка, Петсамо, Паатсйоки, Няутямё, Сюнгел и Нотозера говорят на одном языке. Но для лопарей Кильдинского, Воронинского, Лявозерского, Семностровского и Мааселькского поговоров общим является иной диалект. О диалекте Йокостровска и Аккала, или Бабинска, мне до сих пор известно лишь то, что он отличается от того, на котором говорят в Кильдине и Мааселькя; возможно, он примыкает к первой группе. Мне почти незнаком язык лопарей Турья¹, он либо относится к одному из упоминавшихся выше говоров, либо является еще одним диалектом русских лопарей. Что касается различий этих диалектов, то теперь я уверен, что они не столь велики, как предполагал Раск. Хорошо зная один из говоров, можно за короткое время изучить особенности другого и обходиться с его помощью. Как в Кильдине, так и в Сюнгел нам пригодилось знание языка лопарей Норвегии, но было бы гораздо легче, если бы мы знали его получше. Для изучения финской языковой группы крайне важным явилось бы тщательное исследование диалектов лопарей России. Но даже финну, который с помощью родного языка лучше чем кто-либо другой справился бы с этим, понадобится несколько лет. Следовало бы провести также подобное исследование говора Инари для того, чтобы в дальнейшем подготовить общую грамматику и словарь лопарского языка.

¹ Турья (фин. Turja) — Терский берег Кольского полуострова.

Отсюда мы отправляемся в Мааселья и пробудем там несколько недель, а также в Йокостров и Бабинск. После этого мы намеревались до распутицы съездить в Онегу, чтобы встретиться с архимандритом Вениамином и познакомиться с его трудами, написанными на языке самоедов.

Покорнейше прошу Вас, если возможно, отправить мне в Онегу какой-нибудь хороший русский словарь, лучше такой, в котором производные и сложные слова даются рядом с основными и в котором отмечены ударения. Но хотелось бы, чтобы это был не с французским, а с немецким или латинским переводом либо снабженный русскими пояснениями, толковый. Кроме того, решаюсь просить Вас разыскать хорошую русскую грамматику и какой-нибудь сборник русских народных песен. Осмеливаюсь также просить Вас уплатить за книги, поскольку я не знаю заранее их стоимости.

С глубоким уважением честь имею и впредь оставаться

Вашим покорнейшим слугой

Элиас Лённрот

Если имеется возможность достать Евангелие от Матфея в переводе на зырянский язык, то прошу выслать и его. Перевода на карельский*, отрывки из которого Готтлунд приводит во II части «Отава», видимо, уже нет в книжных лавках.

Лнр.

ИЗ КОЛЫ В КЕМЬ ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

Кемь, 4 мая 1842 г.

С утра мы нанесли прощальные визиты в пять-шесть домов, после чего пообедали у исправника Ивана Васильевича Латышева, рассчитались с хозяйкой, уложили оставшиеся вещи в дорожные сумки и около шести часов вечера были готовы отправиться в путь. Многие из наших знакомых не хотели расставаться с нами до самого отъезда, а некоторые даже проводили нас версты две по реке Куолайоки. Поздно вечером, когда все уже спали, мы доехали до первого постоянного двора Кица (по-лопарски Tjetjam), в тридцати верстах от Колы. Несмотря на жестокий мороз, группа людей устроилась на ночлег прямо па пригорке, и, похоже, они крепко спали, потому что,

когда мы подошли, никто не шевельнулся. А в самой избе на полу и на лавках спали в такой тесноте, какую трудно себе представить. Мы едва пробрались в передний угол к лавке, где хозяин освободил для нас место.

На следующий день мы продолжили путь и лишь через двадцать две версты прибыли на Вороньеручевский постоялый двор (по-лопарски *Angisvaar*). Затем проехали еще двадцать две версты до погоста Мааселькя (по-лопарски *Maase siit*). Здесь мы хотели пробыть подольше, чтобы ближе ознакомиться со здешним говором лопарей Россин, но не смогли осуществить своих намерений. Во-первых, все избы были переполнены рыбаками, едущими на море, так что в этой суете невозможно было заняться чем-либо. Во-вторых, при разговоре выяснилось, что здешних лопарей мы намного хуже понимаем. Вдобавок ко всему, погода внезапно изменилась, мороз спал, началась оттепель, и мы начали опасаться, успеем ли до распутицы доехать до города Онеги, до которого отсюда около семисот верст. Поэтому мы не стали задерживаться в Мааселькя дольше трех суток.

Наши наблюдения по здешнему лопарскому говору, вместе со сделанными на Кильдине и теми, что нам удалось собрать на других остановках, составляли всего лишь единичные слова. Нам не везло с выяснением отдельных форм слов. Однажды я хотел выяснить склонение глагола *lokkat* (читать) и попросил одного лопаря сказать по-лопарски: «Я читаю, ты читаешь, он читает». На что он ответил: «Ты вить читаешь, а я не умею читать». Так ничего из этого не вышло, поскольку я не сумел втолковать ему, что меня интересует не его умение читать, а словесное выражение. [...]

До сих пор финский язык и труды Стокфлета помогли нам при изучении лопарского. Но здесь, у русских лопарей, от них не было пользы. И мужчины и женщины свободно говорили по-русски, но наши знания разговорного языка были недостаточны, поэтому пришлось прибегнуть к письменному. Для этого я переписал пятую, шестую и седьмую главы перевода на русский Евангелия от Матфея, полагая, что мне без особых затруднений удастся получить перевод каждой строфы на язык русских лопарей. Ведь я довольно легко сделал перевод этих же глав библии на говор Инари. Здесь же, как только я принимался за эту работу, мне казалось, что лопари не понимают ни слова из того, что я им читаю, и в результате я не перевел ни единой строфы. В Инари многие лопари знают

наизусть большую часть Нового завета, конечно, по-фински, а то, что знают и понимают, могут затем пересказать на своем языке. Но для русских лопарей, похоже, весь Новый завет и отдельные выражения из него являются *terra incognita*¹.

И все же изучение языка русских лопарей не такое уж трудное дело, но на это потребовались бы годы, а не несколько недель или месяцев и, кроме того, понадобилось бы доскональное знание говоров лопарей Норвегии и Инари. Если бы в качестве родного языка был один из этих говоров, то, несомненно, можно было бы за короткое время научиться понимать лопарей России и даже говорить с ними на их языке. Мы же сравнительно мало знали эти говоры, больше их языковые формы, чем слова. И все же мы иногда обходились с помощью лопарского, поэтому по прибытии на новое место наши возницы спешили оповестить всех, что мы умеем говорить по-лопарски. [...]

В местностях, где мы бывали до сих пор, мы понимали язык русских лопарей лучше, чем говор лопарей Инари. О языке лопарей Турья¹ я не могу сказать ничего определенного, поскольку мы не смогли побывать у них. Эта группа лопарей проживает восточнее и юго-восточнее Кандалакши, озера Имандра и Колы, на том большом полуострове, который находится между Белым морем и Ледовитым океаном. Их насчитывается около пятисот-шестисот человек, которые разделяются на три общины: 1. Йоконск — на севере, около Святого Носа, а от него к югу — Лумбовск и Сосновск. 2. К западу от Святого Носа, до самой Колы, в разных местах живут семиостровские лопари, которые, по сведениям, добытым в Коле, образуют следующие группы: куроптевские, каменские, собственно семиостровские, лявозерские, вороненские и кильдинские. 3. К западу от Колы лопари живут в Муотка, Петсамо, Паатсйоки, а также в Нуорттяури и Сюнгел, а к югу — в Мааселья, Йокостровске и Бабинске, или Аккала.

В большинстве таких общин, или сельских сообществ, насчитывается примерно до ста и более лопарей, но бывает и меньше, всего по сорок-пятьдесят человек. В целом численность лопарей России достигает тысячи семисот, из них лишь очень немногие, переселенцы из Финляндии

¹ Неизвестная земля, неведомая область (лат.).

и Норвегии, ведут кочевой образ жизни. Остальные зимой живут в основном на одном месте в погостах, по десять и более семейств в каждом, в срубных избах с деревянными полами, лавками и несколькими маленькими застекленными окнами. В Мааселькя они жили в настоящих русских избах с русской печью, дымоходом и припечным столбом, от которого шли к стенам широкие воронцы. Но встречались и карельские курные избы. В Кильдине, наряду с рублеными избами, мы видели жилища, обложенные дерном, по форме напоминающие так называемые коты, с очагом посередине, над которым в потолке имеется отверстие в два локтя длиной и в пол-локтя шириной. С наступлением лета лопари оставляют зимние погосты и перебираются на обычные места летних стоянок — кто на морское побережье, кто к берегам больших рек и озер. У многих из них есть излюбленные места для осенней ловли рыбы, где они остаются вплоть до рождества, а затем возвращаются в зимние погосты. Выходит, лопарь-рыбак, словно древний персидский царь, проводит каждое время года на новом месте.

Кроме лопарей, живущих на большом полуострове, окруженном Кандалакшским заливом, Белым морем и Ледовитым океаном, на берегах Кандалакшского залива и Белого моря расположено много русских деревень. Начиная от Кандалакши, это: Порья Губа, Умба, Куусрека, Оленица, Сальница, Каскаранца, Варзуга, Куусома, Чаванга, Тетрино, Чапома, Пялица и, наконец, Поной. От Кандалакши до Порья Губы насчитывается девяносто верст, от Поной до Пялицы, по слухам, — сто восемьдесят верст, остальные деревни находятся в основном в двадцати-тридцати верстах друг от друга, в целом расстояние от Кандалакши до Поной по берегу — примерно пятьсот верст.

Северное морское побережье Кольского полуострова, вплоть до границы с Норвегией, известно под названием Мурманское побережье. Здесь русские, карелы и лопари все лето, с апреля и до конца августа, рыбачат на своих больших открытых рыболовецких лодках, называемых *симпукка* [раковина]. Карелы и лопари обычно панимаются к русским, которые снабжают их судами, рыболовными снастями и провизией. Редко кто из них рыбачит в одиночку. Рыбаки после вычета всех расходов, связанных с переездом на море и обратно, зарабатывают за лето по сто и более рублей. Для крестьянина эту сумму летнего заработка можно было бы считать достаточной, но если

учесть, что все лето его поля и покосы остаются заброшенными и что большая часть заработанных денег уходит на приобретение продуктов на зиму — прибыль его оборачивается убытком. Но таков уж обычай у русских и у карельских крестьян, и не только в Архангельской, но и в большей части Олонецкой губернии, что ради ничтожных заработков они поступаются самым надежным источником крестьянского дохода — земледелием. В Финляндии земледелие распространено вплоть до 69 градуса северной широты, включая приход Инари, а на морском побережье (на берегу Кандалакшского залива) в Архангельской губернии — не выше 66 градуса [к северу]. Там в пятнадцати верстах от Керети в карельской деревушке Нилмиярви можно увидеть последние обработанные поля, а на побережье в русских деревнях южнее, наверное, на целый градус — к югу от города Кемь. Что же представляет собой земледелие в этой местности?

Тогда как финский крестьянин намного северней, где, по всей вероятности, и почва хуже, сеет ежегодно по пять-шесть бочек зерна, здесь весьма довольны, если посеют бочку. Так же три-четыре коровы здесь — большое стадо, тогда как в Финляндии стадо в 15—20 коров считается средним. Причину столь бедственного положения, даже полной нищеты в области земледелия у здешних карел и русских пусть выясняет тот, у кого больше старания. [...]

Мурманами, или *мурманскими*, называют людей, которые каждый год из деревень между Кандалакшей и Онегой и из более отдаленных русских деревень и городов, а также из карельских деревень Олонецкой и Архангельской губерний в конце марта — начале апреля тысячами устремляются на Мурманское побережье Ледовитого океана, заполняя дорогу к морю беспрестанно движущимися и лишь кое-где прерывающимся вереницами. Ранее я упоминал уже о скоплении народа в Кице — это и были мурмане. Уже в Коле по всему нашему пути и на всех постоянных дворах до самого Разнаволока мы встречали мурманов. Причем это были запоздавшие, выехавшие позже других, основная же часть уже раньше добралась до места. Иные из них везли свой скарб в *ахкиво*¹, в которые были запряжены большие собаки, и один бог ведает, из какой дали они ехали; другие нанимали оленей, но боль-

¹ Ахкиво (кар. ahkivo) — керезжа, кереза.

шинство шло пешком, тащя за собой так называемые *ветури* — легкие санки, сделанные наподобие ахкиво. Похоже, многие из них были в самом жалком положении: припасы, взятые из дому, кончились, а денег на еду не было. Предвидя предстоящие лишения, кое-кто из них прихватил с собой из дому всякий мелочной товар: женские сорочки (повойники), ленты для волос, кусочки веревки и лоскутки ткани, которые они надеялись продать лопарям, но даже лопари ни во что не ставили такие вещи. Не представляю, как они сумели добраться до побережья, однако хочу надеяться, что это им удалось. В одном месте я повстречал двух братьев, один из которых внезапно заболел воспалением легких, и это, как мне казалось, могло кончиться весьма печально. К счастью, у другого было столько денег, что он мог по крайней мере на несколько перегонов нанять оленя, впрячь его в кережу и уложить поудобнее больного и укутать его. Но когда у них кончатся деньги, брату не останется ничего другого, как впрячься самому в кережку и тащить ее до побережья, чтобы больной умер там, если не скончается по дороге.

На постоянных дворах обитали лопари, желающие заработать на перевозе путников, имеющих средства нанять оленей. При замене оленя обычно часами торговались о цене. Положим, лопарь назначает сперва сумму два рубля за оленя, чтобы подвести за сорок верст от Мааселья, а мурман выторговывает до одного рубля или рубля и двадцати копеек, в зависимости от состояния дорог, умело предлагая сначала лишь половину, а то и меньше этой суммы. Многие мурмане съезжают с почтового тракта где-то на середине пути между Кандалакшей и Колой, около Разнаволока, направляясь отсюда на восток; и лишь незначительная часть едет до Колы.

В Коле я впервые услышал о другом значительном, но доселе неизвестном истории народе — *филманах*. Я не нашел на карте никакой *Филмании*, поэтому начал спрашивать жителей Колы об этой стране и ее жителях еще и по той причине, что, похоже, она ничуть не хуже Мурманни и мурман, о которых мне ранее удалось раздобыть кое-какие сведения. Филманы проживают на *Филманском побережье*, к западу от Мурманского, которое кончается у границы с Норвегией. Филманское побережье тянется через Нордкап до Хаммерфеста и далее. Говорят, что они ведут такой же образ жизни, как мурмань: целые дни проводят на воде, а ночи — если не на воде, то в банях и избушках, которые строят из дерева или из дерна по

берегам морских заливов. Никто не мог рассказать мне подробнее, как они проводят зиму, предполагали лишь, что большинство из них осенью исчезает, подобно мурманам.

В Мурмании говорят на языке, довольно близком русскому, но, насколько мне известно, у филманов имеется свой язык, называемый *какшпрек*, а возможно, правильное было бы первую часть «как» писать по-русски, а вторую — *srgek* — по-немецки. Поскольку целью моей поездки являлись лингвистические разыскания, то, обнаружив этот язык, я очень обрадовался находке: кто знает, вдруг ему однажды выпадет участь сыграть среди языков такую же роль, как ныне санскриту. По крайней мере, можно уже утверждать, что в основе языка какшпрек лежат элементы не только русского и норвежского, но и финского и лопарского языков. В Коле мы повстречали людей, говорящих на какшпреке, кроме того, на обратном пути, в Разнаволоке, застали двух горожан, один из которых уверял, что умеет говорить по-норвежски, что оказалось неправдой, зато он прекрасно владел какшпреком. [...]

Говорят, что не представляет особой трудности научиться говорить на какшпреке. Жители Колы, которым в летние месяцы приходилось жить в Филмании, говорят на нем свободно. Если говорящий на какшпреке не поймет ни слова из сказанного, то он прекрасно выходит из затруднительного положения, отвечая просто «да, да». Во многих случаях знание какшпрека может иметь очень большое значение: владея им, в частности, начинаешь понимать значение слов «филман» и «мурман». Поэтому, если когда-нибудь этимолог не сумеет объяснить слово «филманы» при помощи греческого, где оно писалось бы *philoman*, то я мог бы предположить, что оно произошло от какшпрека и обозначает жителей побережья Руйя (Финмарка). Слово «мурманы» произошло также от какшпрека и означает «едущий на море», а составлено оно из двух слов: русского «море» и лопарского *таппее* — путник, едущий. [...]

Для финнов побережье Руйя примечательно тем, что там кроме лопарей и норвежцев проживает примерно четыре тысячи человек, для которых финский является родным языком и которые, по всей вероятности, еще надолго сохранят его, несмотря на то, что многие, даже просвещенные норвежские священники, усиленно пытаются заставить их читать по-норвежски. Сколько же еще веков должно пройти на земле, чтобы человек в своем культурном развитии достиг не только понимания того, чтобы счи-

тать свой родной язык самым лучшим, но чтобы признал и за другими народами такое же право и ни уговорами, ни силой не пытался бы заставлять их менять свой язык на чужой. Я осмеливаюсь также обратиться особо к норвежским священникам с вопросом, почему именно сейчас, когда они рьяно взялись за обучение лопарей закону божьему на их родном языке, по отношению к финнам поддерживается иной порядок? Только ли потому, что численность лопарей вдвое больше? Это не довод — и у слабого должны быть права, тому учат закон и евангелие. А может, причиной является их собственное нежелание учиться финскому, коли уж они владеют норвежским и лопарским? И это не причина, потому что четыре — восемь образованных попов конечно же с меньшими затратами труда и времени научатся говорить и читать на чужом языке, нежели это смогут сделать четыре тысячи необразованных простолюдинов. Или, может быть, норвежский язык приятней для слуха господ, чем финский? [...]

Но зачем обращаться к высокообразованным священнослужителям Норвегии, когда тот же вопрос об обучении лопарей закону божьему и еще множество других вопросов можно было бы задать нашим попам. Мы привыкли жаловаться на то, что во время шведского насилия наш родной язык был притеснен, и тем не менее, как только посредством реформации освободились от латыни, очень скоро были раздобыты для народа и Библия, и прочие священные книги на финском языке. Если не что иное, то хотя бы чувство признательности за свершившуюся справедливость, выпавшую на нашу долю, должно было бы обязать нас признать и за лопарями такое же право. Но в действительности все произошло иначе. [...]

Примечательно то, насколько безуспешны и противоестественны предпринимавшиеся попытки отчуждения народа от его родного языка. Уже около ста лет — то ли умышленно, то ли, как хотелось бы верить, от полного неведения — относящихся к Финляндии лопарей пытались превратить в финнов, но не продвинулись в этом дальше того, что лопари Инари, коверкая язык, говорят по-фински, исключая детей и жителей деревень верховья Паатсйоки, не достигших даже такого умения. [...]

Выше я говорил о несправедливом отношении наших предков к лопарям, добавлю лишь, что если бы кому-нибудь в будущем пришло в голову отлучить нас от родного языка, то это следовало бы считать справедливым наказанием детей за дурные поступки отцов. [...]

После столь долгих рассуждений на отвлеченные темы мне пора вернуться на стезю, по которой я шел до сих пор, в ту же самую деревню Мааселькя, от которой я позавчера отклонился в сторону и проблуждал до сих пор.

У лопарей Мааселькя, а возможно и по всей русской Лапландии, вероятно, произошло смешение с карелами, по крайней мере, многие из лопарей внешне очень похожи на карел, хотя и не говорят по-карельски. Кроме того, их одежда, равно как и способ строительства домов, схожа с карельским. Без сомнения, смешение с карелами привело к большей общности языка русских лопарей с финским и карельским, о чем не раз пишет Шёгрэн в своей работе, где он пытается выяснить также время этого смешения и доказать его очевидность. На основе этого можно объяснить причины, по которым обычаи лопарей России во многом отличаются от обычаев других лопарей. Так, например, в Кильдине, а также на всем пути из Колы в Кандалакшу я видел, что еду варят женщины, хотя у всех других лопарей — это мужское занятие. В местечке Риккатайвал (по-лопарски Riksuol), в шестидесяти-семидесяти верстах к югу от Мааселькя, одна лопарка замесила кислое тесто для хлеба и испекла его в печи, так же как это делают русские и карелы. У многих на местах летних стоянок имеются бани, в которых они парятся, что во все против обычаев лопарей, ведь даже лопари Инари, усвоившие наполовину обычаи финнов, не ходят в баню. Воду для питья и приготовления пищи они берут из озера или другого природного источника, а не растапливают из снега, подобно остальным лопарям. В их избах, как правило, чисто, пол и лавки вымыты, во многих домах — обычные столы, тогда как остальные лопари пользуются столешницей, которая при необходимости ставится на специально для этого сделанное подстолье или другую подставку. [...]

В Мааселькя мы повстречали одного русского карела — старосту волости Пярви, граничащей с приходом Куусамо. Он как раз возвращался из Колы, куда ездил на своих оленях [из Пярви] — отвозил в казну годовой государственный налог, собранный им в волости, на сумму около 1800 рублей. Он попросил и меня посмотреть, правильно ли ему дали расписку (кто знает, сколько человек в Коле делали это уже до меня), я же спросил его, если уж он не умеет писать, умеет ли он сам прочесть написанное. На что он ответил: «У старосты не было бы никакой печали, кабы он умел писать и сразу на месте отме-

чать, кто сколько дает и сколько кому еще остается уплатить. Я же несколько раз в году объезжаю волость и собираю налоги, ведь не все могут заплатить все сразу, и порою кажется, вот-вот сойду с ума, потому что мне нужно держать в голове, кто уже заплатил и сколько платил, а потом сложить все вместе и сравнить сумму с той, которую я должен взимать. Все время думая об этом, я иногда проезжаю верст пять—десять, вовсе не видя дороги, а остановившись, удивляюсь, что уже приехал». [...]

10 апреля под вечер выехали из Мааселькя и продвинулись за день всего лишь на один первый перегон в двадцать две версты до Разнаволока (по-лопарски *Rasnjarg*). Из Колы сюда приехали два торговца продавать муку, хлеб, рыбу и вино для мурманов, пути которых здесь расходятся: одни направляются в сторону Колы, другие — на восток. Должно быть, товар пользовался спросом — у торговцев осталось лишь немного хлеба. На следующее утро из Разнаволока два лопаря отправлялись к морю, чтобы остаться там до осени. Мне доводилось видеть и самому испытать немало трогательных прощаний, но расставание лопарей со своими родными было, пожалуй, самым трогательным. Я еще ничего не знал о готовящейся поездке, но заметил, что одна довольно молодая женщина тайком проливает слезы, и не мог понять, в чем дело. Лишь потом, когда отъезжающие уложили свои вещи и привели оленей из леса, в избе все принялись плакать и всхлипывать, креститься и кланяться перед иконами, обнимать и целовать отъезжающих. [...] Затем, когда все уселись в кережки, с ними еще раз обнялись и расцеловались. Когда же они наконец тронулись в путь, многие из близких бросились в объятия уезжающих либо вскочили на возки с поклажей (райд-ахкиво). Олени, которые мало разбирались в сценах прощания, зато хорошо чувствовали сильный ветер, на котором им пришлось порядком померзнуть, резко сорвались с места и помчались что есть силы.

Самого последнего прощания я не видел, так как вернулся в избу и начал размышлять о нашем отъезде. Очень хотелось за этот день проехать на перегон больше, до Риккатайвал, куда мы и добрались довольно рано, проехав тридцать пять верст. В тот день мы могли бы проехать и больше, но здесь оказалось так уютно и чисто, хозяин и все домочадцы были так доброжелательны и обходительны с нами, что мы решили остаться выпить с ними

чаю, а завтра утром ехать дальше. У лопаря в Риккатайвал была довольно хорошая посуда для чая: фарфоровые чашки и кувшин, а также вместительный медный кофейник. [...]

Из Риккатайвала мы выехали поздно. Было тепло, дорога оказалась тяжелой, а олени плохими, поэтому в тот день мы успели доехать лишь до Йокострова (по-лопарски Tjueksuol), расположенного в тридцати трех верстах от Риккатайвала. Прибыли уже в вечерних сумерках. Незадолго до нас с противоположной стороны приехали шесть русских солдат, направлявшихся в Колу, они остановились здесь на ночлег. Поэтому нам показалось, что будет тесновато. Мы отдохнули лишь несколько часов, выпили чай, поужинали и отправились в путь, проехав за ночь еще тридцать верст до Зашейка. И на этот раз нам достались плохие олени, и хотя дороги в ночное время были лучше, мы доехали до места не раньше пяти часов утра. Всем очень хотелось спать. Несмотря на неудобства, можно было бы, конечно, поспать и в кережке, но нам не давал покоя проводник, без конца подгонявший ленивых оленей окриками «проклятый» и прочими ругательствами. [...] Но «проклятые» олени так устали, что один из них уже не мог сделать ни шагу. Лопари никогда не отправляются в путь, не взяв с собой одного либо нескольких запасных оленей, каждый из которых следует на привязи за их кережкой либо за грузовыми кережками. Проводник заменил уставшего оленя на запасного. Но олень, то ли от сильной усталости, то ли от своего упрямства, все равно не мог идти дальше. Лопарь, видимо, подозревал последнее, поэтому стал бить и пинать лежащего оленя так, что невозможно было смотреть, пока тот наконец не поднялся на ноги. Лопарь побежал к своей кережке и поехал дальше. Что же касается оленя, который хотя и был поставлен на ноги и протащился часть пути за оленем в упряжке, то можно было сказать, что он недолго продержится на ногах. Наконец уже ни побои, ни пинки, ни проклятья не помогали — олень лежал неподвижно, позволяя лапландцу волочить себя куда только вздумается. Лишь тогда лопарь догадался поместить уставшего оленя в пустую кережку, а затем, когда мы перебрались со льда на берег, он привязал его к дереву, где и оставил. Лучше бы он сделал это намного раньше: бедному оленю не пришлось бы терпеть столько да и мы быстрее добрались бы до места.

В Зашейке мы рассчитывали немного поспать, но нам это не удалось, и мы отправились в последний перегон,

оставшийся до Кандалакши, длиной в тридцать верст. И здесь нам достались далеко не завидные олени, но все же они были намного лучше первых. Некий Пахков, проживающий в Кандалакше, хозяин всех постоянных дворов до Разнаволока, на случай, если олени устанут, отправил нам навстречу лошадь. Он заранее получил известие о нашем прибытии от человека, который привез почту из Колы и выехал из Зашейка раньше нас. Мы встретили лошадь за три версты от Кандалакши и могли распротиться с оленями, бог знает на какое время — на год, на два, на пять лет, а может, и навсегда. [...]

Дорога от Колы до Кандалакши ровная, без гор, если не считать довольно пологого откоса, по которому со стороны Мааселькя спускаются на озеро Имандра, а также последний перегон у Кандалакши. Пять лет назад по этой дороге я впервые ехал на оленьей упряжке и теперь, проезжая по одной из сопок, узнал даже сосну, к которой протасил меня олень, когда я свалился с кережки. *Meminisse juvat!* Полпути от Колы проезжают сушей и небольшими озерами, затем до самого последнего перегона простирается озеро Имандра длиной в девяносто верст; все же ехать приходится не только по льду, так как на пути попадается множество мысов разной ширины. На виденных мною картах это озеро изображено шире, чем оно есть на самом деле, вообще-то оно не очень широкое. По-лопарски оно называется *Aävveg jävrg*, т. е. по-фински *Avarajärvi*². Многие карелы называют это озеро *Инари*, так же как в Финляндии озеро *Инари*. [...]

Мы ехали по озеру Имандра сорок верст, и все это время сбоку от нас виднелись подоблачные хребты *Умбтег*, они показались задолго до того, как мы вступили на лед Имандры. Кому не приводилось ранее видеть эти горы, тот не смог бы сразу отгадать, то ли это белые облака на горизонте, то ли вздымающиеся до облаков горные хребты. Проезжая здесь в прошлый раз, я даже с близкого расстояния не мог определить, что передо мной — вершины гор или облака. Они находятся на восточном берегу Имандры, примерно в десяти верстах к югу от Риккатайвал, хотя кажется, что они совсем близко от Риккатайвал, на противоположном берегу озера. Русские называют их *Гибинь*, карелы — *Хийпиня*, лопари — *Умбтег*. Как далеко они были видны потом, когда мы их миновали, трудно сказать, поскольку по выезде из Йокострова нас застала

¹ Воспоминания забавляют нас (лат.).

² Просторное озеро.

ночь, а кроме того, из кережки даже днем невозможно разглядеть предметы, остающиеся позади. В иные дни, когда светило солнце, даже перед кережкой было трудно что-либо разглядеть, потому что лучи солнца, отражавшиеся от огромных снежных просторов, слепили глаза. Мы вынуждены были прикрывать глаза и смотреть лишь на оленя и передок кережки. Когда же на нашем пути оказывался какой-нибудь мыс, где зеленел лес, для глаз наступал отрадный отдых.

Вдоль всего пути был довольно густой лес из сосен, елей и берез. Даже севернее Колы эти деревья вырастают довольно большими и высокими. На две мили севернее, в Кильдине, недалеко от погоста я увидел целую рощу высоких прямоствольных берез, стволы большинства из них были диаметром в четыре-пять дюймов, а некоторые даже с пол-локтя. А на последнем перегоне у Кандалакши во многих местах рос отменный строевой лес. На коре многих деревьев были вырезаны фигурки людей головой вниз, но сколько бы я ни расспрашивал об их значении, так и не получил объяснения этому. [...]

Прежде чем перейти к описанию жизни другого края, а именно — русского, позвольте мне, прощаясь с краем лопарей, еще вернуться к их языку и говорам. Не принимая в счет лопарей тундры, об остальных можно сказать, что они владеют двумя языками: своим родным и государственным языком страны. Ранее уже говорилось о финском языке финляндских лопарей, лопари Норвегии и Швеции, наверное, в такой же степени владеют шведским и норвежским. Но о лопарях России, особенно проживающих в окрестностях Колы и вдоль тракта, ведущего в Кандалакшу, говорят, что они разговаривают в основном по-русски, так что их невозможно отличить от урожденных русских. По тем сведениям, которые нам удалось получить, родной язык российских лопарей делится на три основных говора. Первый из них является общим для лопарей, живущих возле Колы и озера Имандра, кроме деревни Мааселькя, расположенной севернее. На втором говорят лопари Мааселькя и лопари деревень к востоку и северо-востоку от Колы. На третьем говорят самые отдаленные от Колы лопари Турьи, живущие в восточной и юго-восточной части упомянутого [Кольского] полуострова. [...]

«Во всех отношениях остается только сожалеть, что русские сделали так мало для развития языка (русских лопарей)», — говорит Раск в упомянутой работе (часть II,

с. 340). Мы полностью присоединяемся к его высказыванию, добавив лишь, что точно так же мы можем сетовать и на финнов, не занимающихся изучением говоров финляндской Лапландии, и даже с еще большим основанием, так как именно финны, ввиду родственности финского и лопарского языков, могли бы лучше других изучить лопарский язык и способствовать его развитию. Но таков у нас обычай — заниматься всяческими делами, чуждыми нам, и предоставлять немцам и прочим возможность изучать то, что ближе нам самим, как, например, лопарский и даже финский языки. Лишь в Норвегии и Швеции лопарский язык неплохо изучен, но тоже не настолько, чтобы филологам в этой области нечего было делать. [...]

Пока дороги более или менее хорошие, ехать предстоит всего триста верст, и я надеюсь, что путь займет не слишком много времени, если даже иногда и придется делать остановки на несколько часов. Прежде всего надо побыть в Кандалакше — неказистом волостном городке в сорок домов, расположенном на правом берегу реки Нива, неподалеку от довольно больших сопок, названия которых нам подсказал один карел; это Ристиваара, Раутаваара, Волоснаваара, Селеднаваара. В этих краях был даже свой чиновник — становой, об обязанностях которого мне почти ничего неизвестно, возможно, что он только занимает место и принимает путешественников. [...] Кроме станowego, показавшегося нам весьма порядочным и доброжелательным человеком, здесь был еще почтовый смотритель, а также поп, но нам не довелось с ними встретиться.

Видимо, когда-то Кандалакша была значительным местом; прямо напротив нее, на мысу, расположенном на противоположном берегу протока, как рассказывают, был монастырь с тремя церквями. «Немцы» (карелы или норвежцы?) во время войны разрушили его, и ныне там стояли лишь одна церковь и несколько плохоньких домишек. В одной старинной руне* говорится о девушках из Кандалакши (*Каннанлахти* по-карельски), которых молодые мужчины хотели было украсть и продать в Виена (Архангельск), судя по этому, можно полагать, что когда-то давно в этих краях жили лучше, потому что за теперешних кандалакшских девушек, продавай их в Виена или куда угодно, думаю, много не выручишь. [...]

Из Кандалакши мы проехали тридцать верст в Княжую Губу, оттуда еще тридцать — в Ковду. Княжая Губа — бедная деревушка, в ней всего домов двадцать пять. Возможно, что ее прежнее наименование *Рухтинан*

лахти, а теперешнее — перевод на русский, жители деревни тоже были русскими, вернее смесью русских и карел. По-видимому, так же обстоит дело и с жителями других русских деревень, расположенных на берегу моря, и у них теперь господствует русский язык. Те многочисленные карельские названия, распространенные здесь и в других местах русской Лапландии, как, например, Мааселья, Риккатайвал, Нивайоки, Кандалакша, а также явные искажения или переводы на русский обычных для Карелии названий, как Пинозеро (Пиенниярви), расположенное к северу от Кандалакши; Верхозеро (Коркиалампи) — между Кандалакшей и Княжей Губой, Белозеро (Валкиярви), Старцевозеро (Уконъярви), Старцева Губа (Уконлахти) — между Княжей Губой и Ковдой; Паяканта Губа (Паюканта), Глубокозеро (Сювялампи) и прочие, дают основания полагать, что и Княжая Губа является переводом от Рухтинан лахти. Подобное же название и сходные с ним встречаются в Финляндии, как например: *Рухтинан салми*, *Рухтинан сало*, *Рухтинан киви*¹ и т. д. Несомненно, и названия Черная Река, Летняя Река и прочие являются переводами от распространенных в Карелии названий *Мустайоки*, *Кесяйоки*. Русские относятся к названиям мест как к эпитетам — как только узнают их значение, так сразу же переводят их на свой язык. Отсюда возникает значительная путаница в географическом отношении, но, с другой стороны, их язык от этого становится только многозвучней, потому как чужие по происхождению названия мест звучат как иноязычные.

Глубокой ночью мы прибыли в Ковду. Пришлось какое-то время стучаться, пока нас не впустили на станцию, или постоянный двор. Хотя в той комнате, куда нас поселили, жили две-три пожилые женщины, которые уже спали, нечего было и думать, что и нам постелят, поэтому мы улеглись спать прямо на полу среди своих дорожных сумок, рюкзаков и одежды и неплохо выспались. Вообще-то последний раз мы спали в приличной постели в гостях у пастора Дурхмана в Инари. Лопари предоставляют приезжему самому выбирать место для сна и делать себе постель, хорошо еще, если принесут оленью шкуру для подстилки. Правда, в Коле у нас была кровать, но далеко не идеальная постель. В Кандалакше мы две ночи спали на полу и также на всех остановках до Кеми, ни на одном из постоянных дворов не было и признаков кровати, не говоря уже об отдельной комнате для гостей. [...]

¹ Княжий пролив, Княжий бор, Княжий камень.

Вообще-то Ковда — маленькое село, состоящее приблизительно из пятидесяти домов, многие из которых — двухэтажные и отстроены в целом лучше, чем дома в Кандалакше. Летом здесь должно быть очень красиво: река Ковда, огибающая почти все село и текущая с юга на север, словно в поисках русла, сворачивает на восток и юго-восток, чтобы впасть в близлежащее море. Таким образом, Ковда остается на мысу, на южном берегу этой бурлящей небольшими порогами реки. Похоже, что здесь хорошие уловы, потому что даже в это время года продавался свежий лосось. Мы купили одного лосося весом в двадцать три фунта, из которого несколько дней готовили пищу, но так до Кемпи и не успели всего съесть. Мы заплатили за него по двадцать копеек за фунт. Здесь, в окрестностях Ковды и соседней Черной Реки, как сказывали, были хорошие обширные покосы, а возле других деревень и городов покосы были скудными, и поэтому им весной приходилось докупать сено для скота. А стоимость его в этом году была двадцать-тридцать копеек за пуд. [...]

Из Ковды, проехав двадцать две версты, мы прибыли в Черную Реку, или Мустайоки, — деревню, состоящую примерно из тридцати домов. Поехать дальше нам уже не удалось, поэтому заночевали здесь, а на следующий день проделали путь в сорок верст до села Кереть. В этих краях нередко можно встретить людей, переселившихся сюда из приграничных волостей Финляндии и принявших православную веру. [...]

Кереть, куда мы прибыли, была гораздо лучше Ковды и Кандалакши. Она расположена на северном берегу одноименной реки, имеет свою церковь и священника, чего в других местах, начиная от Кандалакши, не было. Почти сразу же по приезде нас пригласили на чай к торговцу Савину — самому богатому человеку этих мест. Его дочь вышла замуж в Колу, но там она сразу же стала страдать от сильной подагры. Помимо богородицы (девы Марии), попов Колы и лопарей Кильдина, меня тоже приглашали помочь страдалнице. Наконец она все же поправилась, и все, должно быть, решили, что мои лекарства ускорили ее выздоровление, и вот теперь ее родители, живущие в Керети, узнав обо всем из письма и желая выразить свою благодарность, пригласили нас на чаепитие, а вечером на ужин и еще на чай утром следующего дня. У самой девушки было своеобразное представление о болезни. В Керети к ней многие сватались, но все получили отказ, поэтому, когда она вышла замуж за теперешнего своего

мужа в Колу, то и она сама и все домашние были твердо убеждены, что кто-то из прежних женихов, а может быть и все вместе наслали ей эту болезнь. [...]

В здешних краях, я заметил, у многих больных, которые иногда обращаются ко мне за советом, существует убеждение в том, что болезни их возникли не естественным путем, поэтому они редко соглашаются лечиться обычным способом, но если бы я даже назначил им лекарства, в этих местах нет аптек и невозможно достать никаких лекарств. Ни в Коле, ни здесь, в Кемь, нет аптеки, несмотря на то, что этот город вдвое больше и вчетверо богаче, чем Каяни в Финляндии. У них также не хватает людей особой специальности — рудометок¹ и кровопускателей, которых в Финляндии предостаточно, а если и повстречаешь здесь подобного хирурга, то оказывается, что он родом из Финляндии.

Поскольку бумага, из которой я сделал тетрадь для описания этого путешествия, скоро кончится, я буду кратким и лишь перечислю деревни, через которые мы проезжали по дороге из Керети в Кемь. Вот они: постоянный двор Вехкозеро (Вехкаярви) в 14 верстах от Керети, откуда 8 верст в Тююккя, или Пуолимаа; далее 18 верст в Кялкъярви, или Паяри; 22 версты в Сарвиннеми, или Пултери; 12 верст в Пилснярви; 17 верст в Какара; 40 верст в Понкама; 28 верст в Кесяйоки и 22 версты в город Кемь. Кроме Понкамы и Кесяйоки, остальные — лишь небольшие карельские деревни, жители которых говорят и по-русски довольно сносно. И словно стараясь не отстать от них, русские жители Понкамы и Кесяйоки сносно говорят по-карельски. [...]

В карельских деревнях дома не теснятся один возле другого, как в русских. У карел можно видеть настоящие изгороди, а в избах — прялки, каких не увидишь у здешних русских, они все еще пользуются древними веретенами. В карельских деревнях нет мошенников, зато много нищих, просящих милостыню. Едва мы успели снять шубы, как нас окружили не только дети, но и взрослые женщины, они кланялись нам, выпрашивая «милостиа», т. е. подаюне. Следует отметить, что здешние крестьянки, как русские, так и карельские, еще не научились делать книксен, но зато усердно и часто кланяются.

¹ Рудометка — лекарка, которая пускает баночную, подрожечную кровь.

По обочинам дорог у карельских деревень виднелись подсеки и лес, сваленный для нее, а также бесконечные хвойные леса, несчетное число больших и малых озер. Если севернее Ковды повсеместно, кроме лопарей, которым хватает и оленей, используют собак как вьючных животных, то к югу от Ковды подобное уже не наблюдалось. Но позже я слышал, что даже в городе Кемь и в находящейся еще южнее Суме ездят на собаках.

В Кесяйоки — деревне, расположенной недалеко от Кемь, мы едва не остались без приюта, нас не впускали даже на постоянный двор, а на следующий день не хотели давать лошадей. Наконец, устав выслушивать одни и те же слова «подорожна, прогон» и пр., часов в двенадцать дня Кастрен пошел пешком по дороге, ведущей в Кемь, надеясь раздобыть там либо подорожную¹, либо лошадь, а я остался с вещами. Но, видимо, из опасения, что слишком долго задерживают нас, либо по другой причине, вскоре во двор привели двух лошадей и я смог выехать. Между пятым и шестым верстовыми столбами нагнали Кастрена. Лошадь, на которой я ехал, устала к концу пути, хотя в основном мы ехали шагом. Последние пять верст до города мне пришлось идти пешком. Несмотря на такой провоз, возница потребовал уплаты шестьдесят копеек за милю, хотя обычно платят лишь пятьдесят копеек, но чтобы отвязаться от него, пришлось уплатить то, что он просил.

В будущем, если позволят время и обстоятельства, я напишу в течение зимы о своих поездках в Лалландию, но поскольку о них и так написано немало, я хотел рассказать об этой части своей поездки.

В конце письма порою принято просить прощения, ссылаясь на спешку, небрежность и пр., я тоже имею полное основание для перечисления целого ряда причин, мешавших мне: эти заметки делались то в кережке, то во время отдыха, во время перекура, и, ко всему прочему, русский и лопарский языки настолько переполняют меня, что при всем желании я не могу составить сейчас ничего целостного.

Кемь, 4 мая 1842 г.

Э. Лённрот

¹ Подорожная — открытый лист на получение почтовых лошадей.

Архангельск, 2 июня 1842 г.

Высокообразованный, всеми чтимый господин коллежский советник!

Очень благодарен Вам за книги, которые получил здесь, в Архангельске, равно же как и за Ваше любезное письмо от 14 (26) апреля. Мы так и не поехали через Онегу, поскольку узнали в Кемии, что архимандрит Вениамин пребывает в Архангельске, где и нашли его в полном здравии. Он очень доброжелательно принял нас и объявил о своей готовности учить нас языку самоедов, но поставил условие без его дозволения никому не сообщать об этом ни устно, ни письменно. За два вечера он вкратце познакомил нас со своей грамматикой, в результате чего я пришел к выводу, что если и существует какое-то родство между самоедским и финским языками, то оно настолько дальнейшее и незначительное, что мне вовсе не стоит тратить время на изучение этого языка. Ни одно числительное не было сходно с финским, даже в той мере, в какой русские *пять, семь, сто, тысяча* напоминают финские *viisi (viiti), seitsemä, sata, tuhansi*; точно так же обстоит дело и с местоимениями. Кроме того, я спрашивал отдельные слова у здешнего самоеда, но и таким способом мне не удалось выявить значительного сходства. На этом я пока и закончил курс изучения языка самоедов, поскольку считаю для себя изучение его бесполезной тратой времени, к тому же в дальнейшем, когда Вениамину удастся издать свою грамматику, словарь и евангелие, и после того, как станут известны результаты Ваших и Кастрена исследований, я смогу быстрее выучить этот язык.

Итак, я оставляю самоедов и направляюсь отсюда к вепсам, в те края, где они, по вашим описаниям, проживают. Таким образом, я надеюсь сделать намного больше для финской грамматики и словаря, чем это удалось бы мне с помощью самоедского языка. У вепсов я думаю пробыть до поздней осени, а затем через Аунус и Сортавалу вернуться домой. Но если бы представилась такая возможность, то есть если бы мне дали отпуск, то следующим летом я охотно поехал бы в Эстонию и Курляндию, потому что по книгам эстонский язык невозможно изучить настолько хорошо, чтобы его можно было уверенно сравнивать с финским. Я тешу себя надеждой создать сравнительную грамматику финского, олонцекого¹, вепского,

¹ Южнокарельские диалекты (ливвиковский и людиковский) Лённрот здесь рассматривал как самостоятельный язык.

эстонского и лопарского языков, хотя бы такую, которая содержала бы в себе этимологию разных форм и морфологию вообще. Кроме того, тщательное сравнение этих языков важно и в лексическом отношении, потому что зачастую невозможно выяснить первоначальное значение слов, изучив лишь один язык, а кроме того, это взаимно обогатило бы эти языки.

Лопарский язык я также исследовал едва ли даже наполовину, так что следовало бы еще одну зиму провести среди лопарей. Этой зимой, изучая лопарский язык и пользуясь для этого вышедшими из печати книгами, я добился все же того, что уже не сбиваюсь так часто из-за неточного правописания. И пока мне приходится довольствоваться таким результатом. Из-за писем, которых я жду из Финляндии, задержусь здесь еще недели на полторы-две. Отсюда мой путь пойдет через Каргополь в Вытегру, а оттуда — на юг, затем через Лодейнопольский округ на юго-западное побережье Онежского озера. Если не раньше, то из Аунус с удовольствием сообщу Вам, как проходит поездка. Благодарю Вас за то, что Вы послали мне сведения о местах проживания вепсов, полученные мною в двух письмах за прошлый год, которые теперь мне очень пригодятся.

Согласно Вашему пожеланию, я не буду сейчас отправлять деньги за купленные для меня книги, отмечу лишь для себя, чтобы отправить, когда Вы опять будете в Петербурге. К тому времени я, возможно, узнаю сумму почтовых издержек за их пересылку. Книги для меня как нельзя более кстати, потому что здесь мы с Кастреном расстаемся и одному из нас пришлось бы остаться без русского словаря — в Архангельске нет книжного магазина. Если это письмо еще застанет Вас в Петербурге, то я попросил бы Вас отправить в Вытегру небольшую книгу под названием «Грамматика финского языка, сочиненная Г. Окуловым, печат., в 1836. Типогр. Академии наук». Прежде мне не доводилось слышать о существовании этой грамматики, которую я нынче одолжил у Вениамина, и из опасения, что Вы, возможно, уже успели уехать в деревню и я не смогу ее получить, я переписал из нее все, что кажется непосредственно олонецкого [диалекта].

С глубоким уважением, оставаясь и впредь

Вашим покорнейшим слугой,

Элиас Лённрот

ДОКТОРУ РАББЕ

Архангельск, 24 июня 1842 г.

[...] О своей поездке в Кемь я писал уже в прошлом письме, так что добавить к этому нечего. В Кемь мы пережидали распутицу, которая задержала нас там вплоть до 19 мая. Из Кемь в Архангельск вообще нет летних проезжих дорог, поэтому нам пришлось ждать, чтобы при первой же возможности поехать по морскому пути. Нам нужно было попасть к архимандриту Вениамину для изучения языка самоедов. Итак, мы сели в первую лодку, отплывавшую из Кемь в знаменитый Соловецкий монастырь, расположенный на большом острове, в шестьдесят верстах пути. Кемь, которую я покидаю, — это молодой город, однако создающий впечатление старого и обветшалого. Ему теперь семьдесят лет, а подобный возраст для города не соответствует даже семидесяти дням человеческой жизни. Город выстроился возле небольшой бухты, полукругом в форме лошадиной подковы, чуть севернее реки Кемь, малая ветвь которой и еще какая-то речка протекают через городок. В месяцеслове (календаре) 1841 года названы число домов — 316 и численность населения — 1726, но, по мнению многих жителей Кемь, обе эти цифры весьма приблизительные. Летом по улицам, говорят, невозможно ездить, поэтому во всем городе нет ни дрожек, ни карет. Не знаю, можно ли по ним проехать на телеге, но полагаю, что при большой необходимости это возможно. Для пешеходов положены довольно хорошие, широкие деревянные тротуары — такие же, как и здесь, в Архангельске; различаются они лишь тем что здесь тротуары, как правило, находятся посередине, а проезжая часть дороги — по обеим сторонам от них. [...]

Кроме нас в лодку сел исправник Кольского уезда, титулярный советник Иван Латышев, с которым мы познакомились уже в Коле и убедились в том, что он порядочный человек. Мне удалось немного подлечить его хронические ревматико-ипохондрические недуги, так что недели через две, вернувшись из Архангельска, он сказал, что избавился от ревматизма и лишь незначительно страдает от ипохондрии. В лодке находилось также несколько богомольцев-паломников и среди них — две женщины родом из Ярославской губернии, если я правильно помню. Они уже зимой прибыли в Кемь, чтобы поехать, по их словам, в широкоизвестный монастырь, дабы постигнуть блаженство для души. Но, похоже, немало таких богомольцев, кото-

рые, прикрываясь тем, что они якобы идут в монастырь, бродят по всей стране и кормятся подаяниями. [...]

На протяжении тридцати верст от Кеми повсюду на пути виднелись острова, затем показалось открытое море, по которому мы добрались бы до самого монастыря, если бы море не было затянуто льдом. Поэтому, надо полагать, нам повезло, что мы оказались на твердой земле. Нас высадили на какой-то маленький остров в пятнадцати верстах от монастыря, что сравнительно недалеко от большого монастырского острова. Послали в монастырь за лошадьми и повозками, и после шести часов ожидания они наконец-то показали вдали. В монастыре мы пробыли около недели, нас задержали льды. Когда же море открылось, выехать нам не представлялось никакой возможности, так как со стороны Архангельска не было ни кораблей, ни лодок. Ожидание настолько затянулось, что мы решили нанять лодку с гребцами и добраться до материка на Архангельской стороне, а расстояние до него семь-восемь миль отсюда. Потом, нанимая лодку, мы перебирались из деревни в деревню по морю.

Я оставляю до встречи подробное описание великолепного и богатого монастыря. Кроме основного острова длинной в двадцать пять верст и около десяти верст шириной, называемого Соловецким, монастырю принадлежат два других, расположенных поблизости с довольно большими островами — Анзеро и Муксалма, да еще тридцать маленьких островков, раскинувшихся вдоль побережья. Чтобы скоротать ожидание, в один из дней мы съездили на Анзеро. Нам дали большую коляску, запряженную тремя лошадьми, и мы поехали по довольно сносной проезжей дороге с верстовыми столбами по обочинам, я насчитал их пятнадцать. Вдоль дороги у ламбушек нам встречались избушки, в которых в летнее время живут монастырские рыбаки. Говорят, что ламбушек на трех островах насчитывается сорок четыре. Но, разумеется, более доходной рыбной ловлей занимаются на морском побережье. На берегу, где кончалась дорога, стояла избушка для приезжих, а чуть в стороне — еще несколько изб. Присматривать за этой маленькой деревней было вверено монаху родом из Тверской губернии. Он был из тверских карел, и карельский, на котором он говорил, больше походил на финский, чем тот карельский, на котором говорят в округе Вуоккиниemi и Репола, где он смешался с олонекским говором. Этот мужчина рассказал, о чем я знал уже прежде, что в Тверской губернии много больших ка-

рельских деревень. Я поинтересовался их обычаями, которые оказались в основном такими же, как у остальных карел России. Он сообщил также, что у них на игрищах или когда собирается народ поют карельские песни. [...]

В Анзеро, куда мы прибыли, были две монастырские постройки, принадлежащие Соловецкому, но поменьше и, подобно главному монастырю, тоже сделанные из камня. Одна из них, названная так же, как и остров, находилась примерно в версте от берега около маленького внутреннего озера. Когда-то давно оно, по-видимому, называлось по-карельски Ханхиярви¹, позже образовалось Анзеро, потому что в русском в начале слова нет буквы *h*, а затем сократилось до теперешнего краткого Анзеро.

В Анзеро мы встретили бывшего царского флигель-адъютанта, находившегося здесь в ссылке. Он был одет по-монашески, отпустил длинную бороду и вел себя настолько смиренно, что не хотел даже садиться в нашем присутствии. А вообще, будучи очень вежливым и учтивым, он сам поставил для нас самовар, руками подбрасывая угли. Он сносно говорил по-немецки и поведал нам, что его сослали в основном из-за того, что однажды ему пришлось в голову освистать актера Петербургского дворцового театра. Но более достоверной кажется история, рассказанная другими. Причиной ссылки его было якобы непристойное поведение и беспорядочный образ жизни. Он представился Шумским, но в монастыре его знали по фамилии Аракчеев. Это, по его словам, явилось следствием того, что он был приемным сыном небезызвестного Аракчеева. Пока мы были там, я не слышал, чтобы его кто-либо называл иначе. [...] Кроме предоставленных в пользование комнат и относительной свободы в монастыре ему было выделено по царской милости на личные расходы по сто рублей банковскими ассигнациями в месяц, и он, казалось, был вполне доволен своим положением.

Всего четыре версты от Анзеро до второго монастыря, расположенного на этом же острове. Он стоит на высоком крутом холме, с которого открывается прекраснейший вид на дальние проливы, острова, леса и озера. Мы не слышали, чтобы это место называли иначе как Галгоф, и решили, что название это произошло от шведского словосочетания «галгхоф»², тем более, что в летописях монастыря упоминается о том, что в далекие времена шведы посыла-

¹ Кар. Hanhijärvi — гусиное озеро.

² Виселичный двор (швед.).

ли сюда вооруженные отряды с целью нападения и грабежа уже тогда богатого монастыря. Но так же, как шведы были обмануты в своих надеждах, так и мы ошиблись в поисках происхождения названия: оказалось, Галгоф — не шведского, не карельского и не русского происхождения, а древнееврейского, и означало оно то же, что у нас Голгофа, хотя его вполне можно толковать как шведское Галгхоф. Здесь на Голгофе мы повстречали другого сосланного, бывшего офицера, во время прохождения службы жившего в Финляндии. Он тоже отрастил бороду и ходил в монастырской одежде, но был человеком веселым и приятным. «Это прекрасно», — часто повторял он, слушая наши ответы на свои вопросы о Финляндии. [...]

И этому бывшему офицеру, как и Шумскому, было дозволено ходить куда угодно, даже за монастырскую стену, тогда как в главном монастырском здании содержались и другие, настоящие узники, у которых не было таких привилегий, они были заперты в кельи и находились под постоянным надзором. Много было и таких, которых родители либо родственники отправили в монастырь на полгода либо на год на перевоспитание, других же мать или отец жертвовали монастырю по обету. Так, извозчик, который возил нас в Анзеро, поведал нам, что мать пожертвовала его монастырю, когда он был еще ребенком. [...]

Путь из монастыря прошел не без осложнений. По морю плавали большие ледяные глыбы, вернее, маленькие ледяные острова, местами их скапливалось столько, что невозможно было протиснуться между ними, и лодку приходилось перетаскивать прямо по льду. Иногда мы видели тюленей, выныривавших из воды, подчас совсем рядом с лодкой, некоторые из гребцов стреляли в них, но не попадали. Осенью, когда устанавливается лед, тюленям приходится туго. Они собираются в большие стада — до тысячи и более голов. На ледяных глыбах самки выкармливают детенышей и опекают их, пока малыши не научатся хорошо плавать. Как только такую глыбу подгонит ветер или течением к берегу, крестьяне с дубинками в руках бросаются на стадо и устраивают настоящую бойню. Самки — прекрасные пловчихи, и они, конечно, пытаются увести своих детенышей от опасности, но бельки, не умеющие плавать или плохо плавающие, оказавшись в воде, цепляются за кромку льда и виснут на ней, и тут удар дубинки настигает их. Но бывает и так, что, увлекшись кровавой сечей, крестьяне не замечают, как ветром или отливом льдину отгонит от берега, и тогда они сами могут

погибнуть, потому что не берут с собой лодок, так как к тюленям надо подкрадываться осторожно. Хорошо, если с берега кто-нибудь заметит беду и кинется на выручку или ветер пригонит льдину к другому берегу. [...]

Вечером 29 числа мы прибыли в Архангельск и, следуя совету исправника, остановились в русском трактире, где и живем по сей день. [...]

ДОКТОРУ РАББЕ

(Продолжение предыдущего письма)

Архангельск, 1 июля 1842 г.

P. S. По дате этого постскриптума можешь заметить, что и здесь время летит, как и везде в мире. Когда в начале этого длинного, с версту, письма я написал дату 24 июня, то рассчитывал через неделю оказаться далеко отсюда, но я по-прежнему все там же, на том же месте, с той лишь разницей, что нынче, не задерживаясь более, с первой же оказией отправляюсь из Архангельска. Кастрен уехал отсюда позавчера вечером, он был не вполне здоров, желудок его бунтует уже длительное время. Но сам он да и я тоже надеемся, что смена малоподвижного образа жизни на более подвижный, качка на волнах Северного Ледовитого океана, а более всего купания в соленой воде быстро восстановят его внутреннее равновесие. За день до его отъезда я назначил ему порошок из смеси ревеня и магнезии и отправил рецепт в аптеку. Вскоре мальчик вернулся и сказал, что в аптеке не дали лекарства. Мне показалось странным, что отказались выдать такое безобидное лекарство, причем в той же самой аптеке, где исправнику из Колы и некоторым ехавшим сюда крестьянам из Вуоккиними отпускали лекарства по моему назначению, между прочим, содержащие опиум и сулему. Поэтому я снова отправил мальчика в аптеку, написав под рецептом свое имя и приписав слова «провинциальный лекарь, доктор медицины», а для большего воздействия дал ему с собой диплом доктора, предупредив, чтобы он не запачкал его. Но и это не помогло — мальчик вернулся с дипломом и рецептом. [...] А сегодня в десять часов утра мне было приказано прийти к трем часам в полицейский участок. Конечно, пришлось подчиниться. Я оделся во фрак, сунул в карман паспорт и диплом врача и ровно в назначенное время был на месте. Я простоял там час с четвертью, пока не подошел писарь с бумагой, на которой было написано, насколько я понял по-русски, что кто-то из здешних лека-

рей не велел аптекарю выдавать лекарства по моим назначениям, пока не выяснится, имею ли я законные полномочия на выписку лекарств. Дабы они могли в том удостовериться, мне надлежало оставить в полицейском участке паспорт и диплом, и раньше понедельника, если их не отдадут завтра, я не смогу их получить, поскольку после завтра воскресенье. Оттого что я врач, меня без конца преследуют неудобства, включая и трату времени и досадные просьбы оказать помощь и назначить лекарства, а теперь еще вызовы в полицейский участок и тому подобное, что задерживало мой отъезд на два-три дня. Но мне, наверное, не помешает получить законное подтверждение на должность врача Архангельска, поскольку *ex usu*¹ я уже давно был врачом для определенной части крестьян Архангельской губернии, а именно для жителей Вуоккиннеми и других карельских деревень. [. . .]

У тебя есть основания ждать от меня описания города Архангельска, но по моей последней попытке описать Кемь ты, вероятно, догадался, что делаю я это очень плохо и мне вообще не стоит браться за это дело. Итак, хочу лишь мимоходом упомянуть, что Архангельск, по слухам, имеет протяженность семь верст, но, по-моему, город достаточно велик и без магической цифры семь. Кроме того, он расположен не по прямой линии, а согласно береговой линии Северной Двины, которая с южной стороны описывает возле города полукруг. По ширине город не более полверсты. Севернее города сплошные болота, да и в самом городе они занимают площадь в несколько кварталов. Много каменных домов, как общественных, так и частных, целых тринадцать церквей, и лишь в одной из них, немецкой, я побывал. Перед городом, на запад или северо-запад от него, находится маленький остров, образующий отдельный городок под названием Соломбол. Ныне он соединяется с городом наплавным мостом, длиной почти в полверсты, но еще в начале нашего пребывания туда ездили на лодках. У острова стоят большие суда, на судах поменьше доплывают до самой городской пристани. На пути к Соломболу находится маленький поросший лесом островок, на котором сохраняется неприкосновенной дарованная природой зеленая краса, это своего рода память о Петре Великом. В память о государе там каждый год проводят Петров день. Сказывают, что возле Архангельской крепости, в пятнадцати верстах отсюда в сторону Ледовитого океана, все еще пышно зеленеет посаженная

¹ *Ex usu* — на практике (лат.).

Петром береза. Около нее несли почетную вахту до тех пор, пока дереву не исполнилось сто лет, а затем решили, что оно и так достаточно прочно стоит на своем месте, и сняли вахту. Должно быть, воодушевленные этим высочайшим примером, многие жители Архангельска посадили у себя во дворах по дереву, но вообще здесь нигде не увидишь ни настоящих садов, ни даже аллеи, которая украсила бы длинную набережную. В календаре 1841 года отмечается, что численность населения города составляет 10544 человека, а количество домов — в одном месте написано 1385, в другом — 1398, разница небольшая. [...]

В городе живет много немцев и англичан, у них имеются свои церкви. Торговля здесь ведется оживленная, ею занимаются даже по воскресеньям до полудня. Каждый день с утра до вечера не меньше сотни баб сидят на базаре, разложив по всей площади в корзинах, сундуках и на рогоже всевозможную рухлядь для продажи. Среди прочего здесь можно увидеть большие тюки финских крестьянских юбок, которые продаются по цене от двух до пяти рублей. Доставляют их сюда торговцы-коробейники из Вуоккинеми, которые выменивают их в Финляндии на свои платки и прочие мелочи. Когда я высказал удивление одному жителю Вуоккинеми по поводу того, что здесь так много юбок, и сказал, что скоро нашим девушкам ничего не останется, он ответил: «В нынешнем году немного, а вот в прошлом году их было раза в два больше».

Кроме ежедневного базара каждый вторник проводится большая ярмарка, и тогда, чтобы пробраться через толпы людей, приходится орудовать локтями.

На Северной Двине, что шириной в две версты, довольно оживленное движение. Из Вологодской и Пермской губерний сюда прибывают в большом количестве круглые бесформенные *соймы*, состоящие почти из одного большого грузового трюма. Их палуба напоминает покатую крышу дома. И хотя палуба имеет наклон, по бокам ее нет поручней, которые могли бы предохранить от падения в воду. На таких судах установлено по десять и более пар огромных весел; мне довелось наблюдать, как при попутном ветре перед ними устанавливают в ряд семь-восемь маленьких парусников, которые тянут за собой громоздкую сойму. После разгрузки соймы не возвращаются обратно, а продаются здесь примерно за четыреста рублей ассигнациями каждая, но, говорят, на месте, откуда они начинают свой путь, за них якобы платят две тысячи. Здесь можно встретить и суда другого рода — так назы-

ваемые *каюки*, тоже с покатою палубой, без поручней. Выглядят они намного лучше соймы, хотя для непривычного глаза тоже весьма странные. Они также прибывают сюда из центральных губерний, но, разгрузившись, возвращаются обратно. [..]

ДОКТОРУ РАББЕ

Пертоминский монастырь, 11 июля, 1842 г.

[..] В тот вечер маленькое судно, перевозившее богомольцев, должно было отправиться в Соловецкий монастырь, и я решил поехать с ними, намереваясь оттуда через Суму, Уйкуярви (Выгозеро) и Повенец добраться до Вытегры. Но когда я вечером пришел на корабль, то узнал, что ее владелец, некий крестьянин родом из-под Архангельска, счел для себя более удобным ехать утром следующего дня и напился пьяным, поэтому я вернулся на свою квартиру и переночевал там. Корабль должен был отплыть в восемь часов утра, и хотя я пришел на берег на час позже, все же не опоздал и прождал еще два часа, пока мы не снялись с якоря. Обычно каждый корабль с богомольцами перед отправлением из Архангельска благословляют на берегу. Так и на этот раз. На палубу явились два монаха и начали читать длинные молитвы с пожеланиями удачи отъезжающим. Иные монахи Соловецкого монастыря круглый год живут в Архангельске, где у монастыря имеется большой каменный дом и церковь. [..] После того, как монахи закончили свои молитвы и архангельские богомольцы обошли всех родственников, наградив их необходимым в данном случае количеством прощальных поцелуев, подняли якорь и паруса [..]

Под вечер 7 числа мы были примерно в восьмидесяти верстах от Архангельска, в устье небольшой речки, что в трех верстах от волостного центра, деревни Ненокотск. На море был штиль, и мы решили бросить якорь и дожждаться ветра. Мы сошли на берег в красивейшем месте: крутой обрыв, внизу — речка, а на другой стороне между рекой и морем — узкая песчаная гряда. Весь берег порос травой и кустами шиповника, здесь было такое разнообразие цветов, что ботанику понадобился бы целый день для их изучения. Расположившись на берегу, мы разожгли костры у подножия крутого откоса, над кострами появились котлы, кофейники, и вскоре закипела вода. Мне не в чем было вскипятить чай, и три женщины взяли меня в свою компанию, доброжелательно разрешив мне налить

кипятку из их самовара в мой чайник. В дальнейшем я в течение нескольких дней без особых приглашений присоединялся к ним во время чаепития. Когда чай был выпит и ужин съеден, все начали подумывать о ночлеге. Я расстался с женщинами, прошел немного дальше в лес, завернулся в свой кафтан и попытался заснуть. Но не успел я задремать, как над головой зазвенел большой комариный рой, и я понял, что уснуть будет трудно. [. . .]

Восьмого утром поднялся сильный встречный ветер, по всей вероятности, он не стихнет и на следующий день и, несомненно, задержит нас здесь. [. . .]

На следующее утро где-то между тремя и четырьмя часами нас разбудил резкий, словно тромбон, голос шкипера: «Поветерь!» (попутный ветер). И хотя этот окрик подобно грому разнесся вдоль берега, не знаю, услышал бы я его или нет с того места, где с вечера хотел было устроиться спать. В мгновение ока весь народ был на ногах, послышались бряцание и перестук котлов, чайников, самоваров, корзинок с провизией, жбанов с водой и пр., быстро перетаскиваемых на корабль. [. . .] Однако, несмотря на оповещение шкипера, то была не «поветерь», а слабый боковой ветер, который, равномерно покачивая, уносил нас дальше вдоль берега. [. . .] Весь день, следующую ночь и большую часть еще одного дня мы провели на судне, откуда нас ни разу не выпустили на берег. Это превратилось в настоящее мучение, особенно для женщин, потому что на корабле не было тех сооружений, которые сделали бы все выходы на берег ненужными. [. . .]

Шкипер решил, что лучше вернуться назад в гавань небольшого Пертоминского монастыря, что в пятнадцати верстах отсюда и куда он мог заехать по пути уже на полсутки раньше. Мы вышли на берег перед началом вечерней службы и вся толпа богомольцев направилась в монастырь, чтобы присутствовать на вечерне. Думается, редко эта монастырская церквушка была так набита людьми, как теперь. Вечерня началась сразу после шести часов и продолжалась целых три часа, с обычными для нее молитвами, псалмами и чтениями, к которым по случаю нашего приезда добавились еще пожелания удачи богомольцам. Многие из богомольцев купили себе по маленькой восковой свечке, зажгли их и прикрепили перед иконами, где только нашлось место. [. . .] Ночь провели на берегу. А наутро опять снялись с якоря. Но я уже не пошел на корабль, а остался на берегу, пожелав отплывающим более удачного пути, чем до сих пор. [. . .]

ДОКТОРУ РАББЕ

(Продолжение)

Каргополь, 23 июля 1842 г.

Я выехал из Онеги 18 числа и прибыл сюда прошлой ночью в 12 часов, проехав триста пятьдесят верст за четверо с небольшим суток, как и положено путешественнику — по восемьдесят верст в день. Было не так-то просто выехать из Онеги, но путь мой откладывался не по тем причинам, которые задерживают путника в наших городах. Что касается задержки с моим выездом, то причиной ее не был манящий перезвон посуды за завтраком или обедом и тому подобными занятиями, а мои собственные сомнения в том, как ехать, через Повенец или через Каргополь, и в том, где раздобыть лошадь. Кого бы я ни спрашивал, никто не мог ничего сказать про дорогу от Онеги до Повенца. Утверждали, что таковой вообще нет, а что расстояние немногим более двухсот верст и что сначала надо несколько миль идти вдоль берега моря до деревни Калгачиха, затем свернуть к Никитскому старообрядческому монастырю, а дальше от деревни к деревне идти пешком, ну а коли повезет, то верхом на лошади. Дорогу в Каргополь знали лучше, так как туда по берегу реки Онеги ведет летняя большая проезжая дорога. На мой вопрос, как лучше попасть в Повенец, мне советовали ехать через Каргополь и Вытегру — довольно остроумный совет — проехать вперед, чтобы затем вернуться назад. Я прикинул, что путь через Повенец обошелся бы вдвое дешевле, так как из Повенца в Вытегру можно проехать по Онежскому озеру, зато поездка через Каргополь была бы вдвое удобнее и быстрее. [..]

Я пошел к хозяину постоянного двора и попросил лошадь или лошадей на первый перегон, но он пояснил, что вовсе не обязан давать лошадей в ту сторону, а лишь до Архангельска и Кемь. Но когда я купил у него бумаги и прочной крученой нити — он одновременно занимался и торговлей — и не стал с ним торговаться, хозяин стал более благосклонен ко мне и обещал к десяти часам вечера прислать пару лошадей, сказав, что не может сделать этого раньше из-за архангельской почты, которую следовало отправить, а также из-за сильной жары, которая убила бы животных. Но тут мне в голову пришла идея купить маленькую лодку, чтобы не зависеть ни от лошадей, ни от жары, ни от ямщиков, ни от хозяина постоянного двора, и доехать на ней до самого Каргополя, а возможно,

и дальше, проплыть через озера Лача и Босье поближе к месту поселения вепсов. Понадобилась бы всего неделя, если бы я на веслах продвигался по пятьдесят-шестьдесят верст в день, но затем я узнал, что на реке Онеге помимо мелких порогов имеются участки с очень бурным течением, по которым трудно, а может, и вовсе невозможно подняться вверх на лодке. И поэтому затея эта оказалась напрасной, я не смог воспользоваться ею.

Накануне я наведаясь к заместителю почтмейстера, жена которого была родом из Финляндии и говорила по-шведски так же, как я на нем пишу. Теперь я снова пошел к этой госпоже и попросил ее узнать, неужели во всем городе нельзя раздобыть лошадь или две на перегон. Она послала людей, но ничего не нашлось — у кого-то имелась лошадь, но не было повозки, у другого оказалась повозка, но не было лошади, а мне одновременно нужно было и то и другое. В конце концов я уговорил двух женщин отвезти меня на лодке первые шестнадцать верст. И наконец около четырех часов пополудни я отправился в путь, а чтобы добиться этого, мне пришлось почти два дня без отдыха поработать и головой и ногами, и кроме того, прибегать к помощи других людей, для чего я носил в кармане мелкие деньги «на выпивку» и «на пряники». Видишь ли, здесь чаевые дают в зависимости от пола, мужчине — «на водку», а женщине — «на пряники». Вначале я думал, что независимо от пола можно всем говорить «на водку», но когда я говорил это женщинам, то либо они сами, либо кто-нибудь другой обязательно поправлял меня — «на пряники».

Супруга помощника почтмейстера родилась в городе Ловийса, вышла замуж за выборгского мастера-столяра, но тот умер, и она вышла замуж второй раз за теперешнего мужа, в ту пору служившего в армии в Финляндии. Узнав от местного врача о ее пребывании здесь, я сразу пошел к ним, поскольку был ее земляком, кроме того, не хотелось упускать возможности поговорить на каком-нибудь из тех языков, какими я владел. Был воскресный вечер, и я застал ее сидящей у стола за чтением Библии на шведском языке. Ответив на приветствие, она спросила мое имя, а услышав его, сказала, что мы родственники, поскольку, по воспоминаниям ее давно умершей матери, человек с фамилией, обозначающей корень клена, березы или другого дерева¹, должен относиться к их ро-

¹ Лённрот в переводе со шведского означает «корень клена».

ду. Но ее генеалогические пояснения были столь запутанными, что я сильно сомневаюсь, мог ли общий наш предок быть более близок нам, чем Адам, тем более, что ее род был шведского, а мой — финского происхождения. Но мы решили все же считать себя родственниками, так что моя единственная таким образом приобретенная кузина живет в России. [..]

Она рассказала, что не стала отрекаться от веры своих родителей, как сделали многие другие, приехавшие из Финляндии и вышедшие здесь замуж, хотя вот уже двенадцать лет ей приходится обходиться без причастия, потому что ближе чем в Архангельске нет лютеранского попа. [..] Госпожа задала мне довольно трудный теологический вопрос: может ли она, оставаясь лютеранкой, принимать участие в таинствах православной церкви? Я не сумел ответить моей дорогой кузине, поскольку не знал, имеет ли право православный священник допускать к причастию людей иных вероисповеданий, и посоветовал ей обратиться к попу, надеясь, что если ей это будет дозволено, то я сумею убедить ее, что и таким образом полученное причастие не менее благостно и действенно, чем причастие в лютеранской церкви. Но она была не очень довольна русским попом, который, насколько ей было известно, за все лето не отслужил ни одного молебна о дожде, из-за чего ее картофельное поле увядало. Но господь, который и без наших молитв заботится о нас и нашем картофеле, в тот же вечер, пока мы сидели за чаем, послал небольшой дождик, который был словно предвестником водяных потоков, низвергшихся затем с небес в количестве наверняка достаточном, чтобы примирить ее с попом. А в целом ей так нравилось в России, что, по ее уверениям, даже овдовев, она не поехала бы обратно в Финляндию, хотя у нее не было здесь ни детей, ни родственников. По ее мнению, после некоторых ожидаемых усовершенствований со стороны неустанного правительства Россия вскоре превратится в самую лучшую страну в мире. Мне осталось лишь пожелать, чтобы это произошло как можно скорее, выразив надежду, чтобы затем наступил черед и для нашей страны. [..]

В городе еще жили супруга унтер-офицера, родом из Хельсинки, знавшая шведский, и две женщины из Финляндии, но мне не представилась возможность встретиться с ними. Я невольно подумал: «Если в маленький город Онега с населением в тысячу или полторы тысячи жителей из Финляндии привезены четыре жены, то сколько же

их может быть в местах получше?» Слышал, что есть они и в Архангельске, но увидеть не довелось. [. . .]

Если не считать двух первых перегонов, все сто пятьдесят верст начиная от Онеги не увидишь ни гор, ни холмов, лишь луга по обе стороны реки да деревни, стоящие в нескольких верстах друг от друга. Травы на лугах хорошие, даже дорога поросла травой, скрыв следы колеи. Кое-где виднеются скирды сена, оставшиеся еще с прошлого года. Но даже при таком обилии кормов крестьяне содержат не более восьми—десяти коров и двух лошадей на дворе. Это казалось странным по сравнению с нашими крестьянами, которые, особенно на севере, где сена вдвое меньше, содержат стада вдвое больше. Поля были просторные и обещали хороший урожай. Ни на одном поле я не увидел как следует сделанных канав. Первое льняное поле встретилось лишь в ста пятидесяти верстах от Онеги, но конопляники встречались и раньше. Глинистые почвы здесь сменились супесчаными. В лесу стала встречаться лиственница. Это роскошное дерево, пригодное для строительства, могло бы произрастать и в Финляндии, вплоть до окрестностей Вааса и Куопио, а возможно и севернее, поскольку климат у нас более умеренный.

Жилые дома и снаружи и изнутри напоминают дома русских карел в тех местах Русского Севера, где я бывал. В таких крестьянских домах все подсобные помещения, кроме бани и риги, построены под одной крышей, имеется высокое крыльцо, довольно темные сени с четырьмя, а то и пятью дверьми. Одна из них ведет в избу, другая — на просторный сарай, остальные — в маленькие кладовки или горницы. Кроме того, из сеней ведут ступеньки вниз в крытый двор, состоящий из хлева, конюшни, курятника, загон для овец и закута для телят, — все это расположено в основном под большим сараем. Смею утверждать, что, не изучив как следует дом, в темноте очень легко заблудиться в этом лабиринте помещений, как однажды и случилось с пишущим эти строки. В сарае имеются и другие довольно широкие двери — ворота, через которые по мосткам [въезду] можно въехать снизу с целым возом сена. Крестьянская изба — это помещение, длина и ширина которого равна примерно трем сажням. Самое значительное сооружение в ней — большая четырехугольная печь, расположенная по одну сторону от дверей. Печь с трубой либо без трубы, в последнем случае дым выходит через отверстие, сделанное в потолке. От верхнего угла печи расходятся под прямым углом и упираются в стену два

воронца, один вдоль, другой поперек избы. Они проходят на высоте трех локтей от пола, иногда и ниже, так что из-за них приходится чуть пригнуться. На той же высоте вдоль стен идут доски пошире. На них, как и на воронцах, хранятся всевозможные мелкие предметы: ножи, рубанки, сверла, бруски и пр. Под ними на стенах гвозди, на которые можно вешать шапки, рукавицы и другую одежду. Есть маленький шкафчик на стене для мисок и тарелок. В дополнение ко всему вдоль стен в трех четвертях от пола проходят широкие лавки, на которых сидят, но при необходимости на них можно и спать, хотя чаще предпочитают спать на полу. На лавках неудобно спать потому, что по всей их длине не найти места, защищенного от сквозняка; дело в том, что в русских избах имеется по несколько маленьких окон, как правило — шесть, из которых очень дует. Видимо, прежде по обычаю требовалось, чтобы окна были разной величины — во всех старых избах центральное окно фасадной стены чуть больше всех остальных окон, ширина которых обычно пол-локтя, высота — чуть меньше. В новых же домах окна делают больше и одинаковыми по размерам. Редко где увидишь стулья, но везде есть низенький, длиной в два локтя и шириной в полтора локтя, стол с ящиком [подстольем] под столешницей. Более ничего примечательного в крестьянских избах нет, кроме разве полатей длиной и шириной в три локтя, которые прикреплены к дверной стене на высоте трех локтей и даже более от пола. На полатах, особенно зимой, спят старые люди, любящие тепло, они же часто отдыхают на печи. В похвалу русскому крестьянину следует сказать, что избы, или крестьянские жилища, всегда содержатся в чистоте и порядке, причем в гораздо большей мере, чем повелось у нас во многих местах. Полы чистые, малейший мусор сразу же подметается, и так раз пять-шесть в день. Кроме того, жилое помещение свободно от кадушек, чанов, корыт, ушатов и прочих предметов, которым отведено постоянное место в сенях или еще где-нибудь. Собакам запрещено появляться в избе, и они настолько привыкли к этому с самого появления на свет, что их даже хлебом не заманить через порог, который есть и остается для них *non plus ultra*¹. На стенах можно видеть обыкновенные иконы из меди, а также небольшие изображения святых, написанные маслом. [. . .]

В целом русский крестьянский дом — это длинная и узкая постройка, из которой где-нибудь сбоку выступает

¹ Непереступаемый, крайний предел (*лат.*).

подсобная часть. Завершает этот ряд помещений изба, фасадом выходящая на деревенскую улицу либо на проезжую дорогу, которая, оказавшись между домами, создает впечатление прямой улицы. Некоторые дома имеют два этажа жилых помещений, кроме того, чердачную комнату с балконом на улицу. Здесь вообще не увидишь господской усадьбы, украшающей нашу сельскую местность, равно как ни одного дома, покрашенного в красный цвет. Даже церкви не покрашены и, подобно всем прочим строениям, имеют естественный цвет дерева. Возле домов недостает огородов и зеленых лужаек, придающих особый уют финскому крестьянскому жилищу. Но поскольку дома стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, в четырех-пяти саженьях, и все выходят фасадом на дорогу, здешние деревни кажутся строго спланированными; при строительстве наших деревень это наверняка никому не приходило в голову. На первой половине пути от Онеги я не видел хмельников, но затем они стали попадаться.

Изгороди напоминали мне те, что встречались в губернии Хяме, но потом были и другие, какие ставят в Карелии, а те, что были вдоль дорог, нередко состояли из горизонтальных двухсаженных жердей, расположенных друг от друга на расстоянии половины и даже целой четверти. Как правило, они были плохо сделаны и такие низкие, что я удивлялся, почему это лошадь, пасшаяся поблизости, не перескочит через такую изгородь на поле, где она гораздо быстрее могла бы наполнить свой желудок ячменем и овсом. Казалось, лошадь удерживает от такого шага тот же страх, который мешает собаке переступить через порог. Но когда я узнал, что в этих краях не держат свиней, я перестал удивляться хрупкости подобных сооружений. Ведь именно свиньи во время своих усердных обходов испытывают изгороди на прочность. И вообще изгородям здесь отводится меньше внимания, чем в Финляндии, потому что каждая деревня заводит одного общего пастуха, который присматривает на пастбище за стадом. Пастуха обычно нанимают на все лето и, в зависимости от величины деревни, платят ему за работу рублей пятьдесят — восемьдесят, если волкам не случится уменьшить этот доход. Такой же обычай, как я слышал, существует в Ингерманландии, куда каждую весну из финских губерний Вийпури и Миккели приходят мужчины наниматься в пастухи. [. .]

Удалившись от Онеги верст на двести, я вышел на большой почтовый тракт, ведущий из Архангельска через

Холмогоры, Каргополь, Вытегру, Лодейное Поле, Новую Ладугу и Орешек в Петербург. Этот тракт мог бы сравниться с нашими большими дорогами, за исключением самых лучших дорог Вийпури, Оулу и некоторых других губерний. Русские дороги имеют одно преимущество: постоянные дворы, или станции, расположены у самой дороги, и нет надобности сворачивать на версту либо две в лес в поисках оных, как порой бывает у нас. [. . .]

Люди, проживающие в местности между Онегой и Каргополем, по красоте и живости уступают жителям более северных мест, где я путешествовал раньше, но зато они отличаются добротой и дружелюбием, поэтому у меня не было ни малейших причин быть ими недовольным. Мне вполне доверяли во многих местах и считали порядочным человеком без того, чтобы я показывал паспорт и подорожную. Я не хочу, а быть может, и не вправе жаловаться на требование предъявить паспорт — вероятно, и у нас иностранцы не могут избежать этого, — но когда его без конца спрашивают, начинает казаться, что тебе не доверяют, что тебя принимают за какого-то бродягу, а человеку непривычному это очень тягостно. После того как я покинул Пертоминск, я мог спокойно курить, меня уже не считали из-за каждой трубки «некрещеным нечестивцем», как это было у староверов. По дороге из Онеги в Каргополь даже большинство возниц оказались курящими, и я, обрадованный этим, угощал их табаком, а потом чуть сам не остался без курева. Кое-где с меня не хотели брать плату за ночлег и еду и не позволяли мне даже детям дать несколько копеек, видно было — народ не привык брать плату за молоко и другую пищу, которыми угощали гостя.

Если бы иностранец стал судить обо всем финском народе по нахватавшим кое-какой культуры крестьянам Уусимаа или вовсе необразованным крестьянам губернии Вийлури, он был бы неправ. Так же неверно было бы всех русских оценивать по жителям побережья Белого моря. Постоянное наблюдение смерти, пусть это касается только уничтожения рыб и тюленей, сделало характер беломорского рыбака жестким, а торговля, которой он занимался помимо того, заставляла его заботиться о своей выгоде. Земледелие же, напротив, смягчило характеры людей, живущих во внутренних частях страны, и поскольку им не приходится покупать свой хлеб, они не столь заботливо подсчитывают копейки за каждый кусок. Это влияние различных условий жизни на склад людей, видимо, началось со времен Каина и Авеля и в какой-то мере наблюдается

до сего дня. Повсеместно землепашцы составляют лучшую и наиболее порядочную часть населения, это занятие благотворно влияет на национальный характер, но мне кажется, что государство никогда не приложит достаточно усилий, чтобы должным образом поддержать крестьян, обрабатывающих землю, а ведь земледелие является непосредственным источником народного благосостояния. Мне порой кажется, что лишь земледелие и скотоводство нуждаются в поощрении и поддержке государства, остальные же способы существования — только лишь в хорошем к ним отношении. Если ствол дерева здоров, то и ветви растут без особого ухода, и все дерево имеет цветущий вид, радуется глаз и предоставляет тень путнику.

Поводом для этих отвлеченных рассуждений, которые хороши лишь тем, что не слишком длинные, явился приятный нрав жителей этих мест. Для людей, проживающих между Онегой и Каргополом, земледелие — основное средство существования. Ближе к Каргополю вдоль дороги видны были пожоги, свежие и заросшие травой. В одном месте, во Владиченске, в ста верстах с лишним от Онеги, была солеварня, но, судя по охране, она принадлежала государству. Это был очень немудреный завод. В яме, в которую сбрасывали большие поленья, постоянно поддерживался огонь, над ямой был установлен металлический короб, длиной и шириной примерно в восемь локтей и в пол-локтя высотой, в который по желобу шла вода из соляного источника. По мере испарения воды соль затвердевала, и ее сразу вычерпывали ковшом. Я уже раньше видел такой же соляной завод в Ненокотске, между Архангельском и Онегой, с той лишь разницей, что там было два короба, и говорили, что за неделю они давали пятьсот пудов соли. Соль была хорошая, чистая и белая.

Занятие подсечным земледелием осталось, видимо, от живших здесь ранее вепсов или карел, на древнее проживание которых в этих местах указывают как названия мест, переведенные и искаженные, так и другие обстоятельства. Так, например, *Босье озеро* является, скорее всего, переводом довольно обычного финского *Пюхьярви*¹, *Лачеозеро*, вероятно, является столь же обычным переводом финского названия *Латваярви*. В нескольких милях от Онеги есть целая деревня под названием *Карельская*, хотя ныне там вообще нет карел. Видимо, не все карелы переселились отсюда, а часть их смешалась с пришельцами, поскольку у нынешних жителей можно встретить типично

¹ От *basse* (лоп.) — святой; *Puhjäärvi* (фин.) — Святое озеро.

карельские черты лица. Возможно, из-за подобного смешения люди здесь не отличаются особой красотой и живостью, карелы, как известно, не столь красивы и бойки, как русские да и вообще славяне.

Еще несколько слов о самом Каргополе. Это довольно большой город, но, говорят, раньше он был намного больше, а после пожара в прошлом веке так и не достиг своего прежнего расцвета. И тем не менее здесь насчитывается более четырехсот домов и две тысячи жителей, а также, по сведениям моей хозяйки, двадцать две церкви, из которых мне удалось найти примерно половину: видимо, при счете она учла и монастырские церкви — здесь еще и два монастыря каменной кладки. Большая часть церквей со множеством куполов также сложена из камня и выглядит внушительно. Других каменных построек немного. Чиновники, у которых я побывал — городничий, врач и стряпчий, — отнеслись ко мне с большим дружелюбием. Городничий — бывший офицер, он жил в Финляндии и знает наши города вплоть до Торнио. Врач — лифляндец по происхождению, прошел курс обучения в Тарту. Он пожаловался, что скоро забудет немецкий язык, хотя за пятнадцать—двадцать лет не научился говорить по-русски без акцента. К стряпчему меня пригласили, чтобы я лишний раз подтвердил, что бельмо, образовавшееся на глазах у его тестя, не вылечить без операции.

По заверению врача, я через сто двадцать верст встречаюсь с вепсами, в любом случае вполне возможно, что спустя двое суток я буду сидеть и беседовать с ними с помощью финского словаря. И тогда тебе не придется более опасаться, по крайней мере до конца сентября, что будешь получать от меня письма, да и, потом, думается, они не будут столь увесистыми. [..]

ДОКТОРУ РАББЕ

Станция Полкова, 3 августа 1842 г.

[..] К Исаевской волости, по-вепски Исарв (Iso arvio?)¹, относятся двенадцать маленьких деревень. [...] Из них лишь в пяти наряду с русским говорят и на вепском, а в остальных этот язык уже вымер. А поскольку нынче в этих пяти деревнях даже дети разговаривают между собой по-русски, нетрудно предугадать, что через столетие вепский язык перейдет в предание и в народе будут говорить, что в прежние времена их прадеды общались на ка-

¹ Iso arvio (фин.) — очень ценный, дорогой.

ком-то другом, не русском языке. Даже теперь люди удивляются, что еще десять лет назад были живы старики, не знавшие иного языка, кроме вепского, каково же было бы изумление самых стариков, если бы они встали из могил через сто лет и увидели бы, что уже третье-четвертое поколение их потомков не понимает ни одного слова на языке своих предков. Из тысяч форм забвения вряд ли найдется нечто более тяжело и угнетающе действующее на мои мысли, чем исчезновение, а подчас и полное забвение языка под воздействием другого. Подобное исчезновение языка — редкое явление, и тем ощутимее его значимость. Обычно происходит так, что язык малочисленной группы людей, территория которого со всех сторон окружена иноязычным народом, постепенно исчезает под воздействием языка последнего. Так же происходит на осеннем озере: его берега и мелкие заливы замерзают раньше, затем лед постепенно охватывает все большее пространство, а через некоторое время сковывает все озеро. И, наоборот, существуют примеры, показывающие, что язык меньшинства в окружении других языков может просуществовать длительное время, поскольку ни один из соседних языков не обладает достаточной силой, чтобы вытеснить его.

Кроме того, отсутствие письменности и официального использования языка ускоряет его гибель, подобно тому как отсутствие фундамента и угловых камней сказывается на прочности дома. Основу языка составляет литература, которая способствует его длительному сохранению, и если она не сумеет предотвратить исчезновения языка, то все же сохранит в себе его прекрасные приметы. Так обстоит дело с греческим, латынью, санскритом и другими древними языками, все еще живущими в литературе, хотя сами они уже давным-давно канули в Лету. О том, как литература упрямо стремится сберечь язык от поглощения его другими, наглядно свидетельствуют продолжительная борьба между латынью и итальянским языком, имевшая место в средневековье, а также нынешнее хитроумное правопписание во французском и английском языках, которое представляет собой в основном не что иное, как своего рода консервативность литературы.

Что же касается исчезновения вепского языка в Исаево, то можно предположить, что это произошло следующим образом. Жители Исаево для поддержания торговых и прочих связей со своими соседями вынуждены были научиться их языку. Для объяснений с чиновниками, священниками, помещиками и их управляющими нужен был русский

язык. Некоторые женились на русских крестьянках, а это способствовало обучению детей русскому языку — дети русской матери, естественно, говорят на ее языке, а там и соседи стремились к тому, чтобы и их дети как можно раньше научились разговаривать по-русски, поскольку поняли, что от него большая польза, а от вепсского — никакой. Где уж им догадаться, какие преимущества скрыты в возможности говорить на родном языке, который считается непреложным даром природы. Когда создано мнение, что чужой язык лучше родного, то тем самым уже подготовлена почва для его преобладания. Даже пожилые люди стараются выучить язык, по семь раз спрашивая у своих соседей, владеющих им, о произношении того или иного слова и столько же раз забывая его, но в конце концов оно все же занимает прочное место в их памяти. Примерно так в школе Природы происходит обучение иностранному языку. Там, где обстоятельства способствуют тому, начинает действовать эта школа, выполняющая свою задачу без учителей, учебников, словарей и хрестоматий, причем намного успешней, чем это могли бы сделать все знатоки языков и грамматик, поскольку им все же редко удается добиться того, чтобы человек совсем забыл родной язык или стал относиться к нему с неприязнью.

В деревне Сууртаннас я жил в доме, где, кроме старых хозяев, было два сына и две дочери. Старший сын был женат и имел много детей. Из всей семьи дед, его младший сын, обе дочери и дети старшего сына говорили по-вепски. Старуха же, перенявшая вепсский от родителей, была еще девчонкой отдана в служанки в русскую семью и почти совсем забыла вепсский, о чем поведала мне с немалой гордостью. С ее старшим сыном произошло нечто подобное: он совершенно забыл вепсский и никогда не говорил на нем. Языком домашнего общения, разумеется, был русский, которым все владели лучше, чем вепским. Почти такое же положение было и в других домах и, как меня уверяли, в четырех остальных деревнях, где еще можно услышать вепсский. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие слова в языке — русского происхождения. Грамматическая форма сохранилась несколько лучше, так рама может пережить саму картину, так сохраняется скелет, когда истлеет плоть. Я не считал нужным тратить на изучение подобного языка более трех-четырех суток, пусть даже от него и была бы какая-то польза. [...]

Народ Сууртаннас отличался исключительной доброжелательностью и гостеприимством. Меня угощали здесь до-

вольно вкусной крупяной похлебкой, в которую добавляли овощи и молоко, а также испеченной в печи крутой яичницей, молоком, хлебом и стряпней. Кроме того, предлагали столько поляники, земляники, морошки и черники, что имей я еще один рот и живот, и тогда бы не смог все съесть. Меня удивлял их отказ брать плату за ягоды. Единственно, когда дети несли ягоды прямо ко мне, я платил им, и то потому, что зримые монеты были детям понятнее, чем абстрактная благодарность. Хозяева также и думать не хотели ни о какой плате за еду и проживание, и мне нелегко было уговорить этих добрых людей взять хотя бы по шестьдесят копеек за сутки, тогда как в Финляндии и в России мне нередко приходилось по требованию хозяев платить вдвое больше за еду, которая была вдвое хуже той, чем меня угощали у вепсов. Мне часто припоминаются слова последнего возницы, сказанные о вепсах: «Простой народ». Насколько лучше эта простота, чем то умение жить, при котором без оплаты не выразишь огня для трубки! [. .]

Этот мирный народ, вернее его мужская часть, в понедельник 1 августа отмечала праздник в кабаке ближайшей деревни и пила там горькую до позднего вечера. Солнце уже село, и я готовился лечь спать, как вдруг услышал шум с улицы. Я выскочил на крыльцо и увидел двух схватившихся врукопашную героев. Во время кратких передышек они спорили по-русски, затем следовало несколько чисто вепских затрещин. Женщины и дети столпились у окон и на крыльце и с любопытством следили за дерущимися— «мужская удаля женщинам любя». Лишь одна из них плакала, должно быть, жена задиры с окровавленной щекой.

Во время драки в Сууртаннас и после нее я начал размышлять о кабаках, больших и малых, о ярмарках и о других питейных местах. Ох как все они способствуют распространению того зла, которое извергается из неисчерпаемого винного источника! Мысленно я перенесся в Каяни к аптекарю Малмгрэну. Однажды я спросил у него, почему он больше не торгует вином, ведь у него на это было тройное право— аптекаря, торговца и мещанина. Он ответил: «Первые два года моего пребывания здесь я торговал вином и выручал от этого несколько сот рублей в год, но случилось мне однажды в воскресный вечер увидеть нескольких пьяных мужчин, оравших на улице. В ту пору в Каяни кроме меня никто не торговал вином, поэтому мне пришлось признаться себе, что я являюсь единственным распространителем этого зла. Я покаялся в гре-

хах и тут же принял решение больше не торговать вином, сколь бы выгодно ни было это занятие. И остался верен своему решению». Подобные примеры, когда люди поступают своей выгодой ради блага других, очень редки в жизни, если встретишь что-нибудь подобное, проехав десятки миль, можно считать, что тебе повезло. К сожалению, всюду встречаются в изобилии противоположные примеры. Я знаю одного богатого крестьянина, живущего неподалеку от Каяни, который рассчитал работника после первого года лишь потому, что тот за год не пропил свой заработок. Нанимая его, он знал, что батрак не пьет, но тем не менее спаивал его, как это он делал и раньше с такими людьми, подчиняя их своей воле. Делалось это так: для начала он время от времени угощал работника чашечкой кофе, затем переходил к чашке кофе, смешанного с ромом и сахаром, потом с вином и наконец давал чистое вино. Даже если работник отказывался пить сивуху, это не имело большого значения — главное, он уже тратил свои деньги на кофейные пунши, тем самым освобождая хозяина от уплаты ему в конце года всего заработка. Если попадался падкий до вина работник, хозяин спаивал ему даже часть заработка следующего года, и работник становился своего рода рабом хозяина и вина. Я знавал также немало так называемых «благородных» людей, которые, презрев моральные и светские законы, преуспели в грязной профессии кабатчиков, и таких, которые, обговорив заранее прибыль, передоверяли это дело своим слугам и прочим прислужникам. Знал я также так называемых барынь, которые, с четвертью в одной руке и с бутылкой в другой, продавали вино у себя дома, в то время как муж по долгу службы проповедовал в церкви против вина и прочих зол. Однако пора кончать, добавлю лишь, что если с помощью закона и указов возможно было бы добиться прекращения такого зла, как продажа крепких напитков и распитие вина, то образованные люди должны были бы нести за это большую ответственность, чем необразованный народ, ведь и преступление первых большее. Правда, один из наших основных принципов, кажется, гласит, что закон должен быть одинаковым для всех; и хотя я уважаю подобный принцип, все же считаю, что он не отменяет другого закона, который провозглашает: «Кому много дано, с того много и спросится». И хотя людской закон и основан на том, что за одинаковое преступление и наказание должно быть одинаковым, это не удается осуществить на деле, потому что суровее и много

раз суровее будет наказан тот, у кого в возмещение штрафа в десять рублей продадут последнюю корову или овцу, чем тот, который, живя в полном достатке, считает эту же десятку ничтожно малой суммой. [..]

ДОКТОРУ РАББЕ

(Продолжение)

Вытегра, 4 августа 1842 г.

[..] Начиная от Исаева я видел местами убого отстроенные помещичьи усадьбы, к которым приписаны крепостные крестьяне. Как только появились эти усадьбы, сразу заметно стало, что достаток жителей уменьшился, уже не было той чистоты и опрятности, которая встречалась до сих пор. Я полагал, что вепсская деревня Исаево является исключением среди чистых русских деревень, но позже заметил, что и после Исаево встречались подобные поселения. Казалось бы, господские дома должны служить для народа примером, но зачастую было как раз наоборот. В волости Куркиёки губернии Вийпури я спросил однажды у одного умного и более или менее состоятельного крестьянина, почему он живет как скотина и не следит за чистотой. Он сказал, что не смеет, так как если он построит себе дом получше и если его хозяйство не будет нести на себе признаков нищеты, то управляющий имением Пупутти найдет способ содрать с него дополнительный оброк и ввергнет в такую нищету, что он за счастье сочтет нынешнее свое положение. Может ли это быть причиной меньшей чистоплотности здешних крепостных крестьян или ее следует искать в другом, например в предполагаемом смешении вепсов со здешними русскими жителями?

Станция Полкова находится на берегу большого Кольского озера (Куоляярви). Не доезжая до него, я переехал через реку Кема (Кемиёки), которая, говорят, берет начало из озера Кема (Кемиярви). Эти, как и многие другие названия, достались в наследство от живших когда-то в этих краях вепсов или карел. На двух последних отрезках пути дорога шла то по одной, то по другой стороне Мариинского канала, соединяющего Онежское озеро и Финский залив с озером Белое и внутренними реками России. Движение по каналу оживленное — куда ни глянешь, везде вереницы палубных судов и парусников. Для меня же, поскольку я ранее не видел подобного канала со шлюзами и прочими устройствами, здесь было много интересного. Не могу сказать, сколько здесь шлюзов, но, су-

дя по множеству гор и возвышенностей на местности, я сделал вывод, что их весьма большое количество. Рядом со шлюзами близко друг от друга находились окрашенные в желтый цвет добротные дома управляющих и прочих чиновников. Возле некоторых домов красовались сады.

Большая часть города Вытегра расположена на восточном берегу реки Вытегра, которая протекает с юго-западной стороны города, затем делает поворот под прямым углом и течет на северо-запад. Чуть выше изгиба ее раскинулся длинный узкий остров, делящий реку на два ответвления: одно, что поуже, с юго-восточной части острова, другое, пошире, с северо-западной стороны. На первом расположен последний со стороны Онеги шлюз, на втором — мощная плотина и мост через реку. Нижнюю часть острова украшают красивые березовые насаждения, а короткую дорожку от шлюза к плотине — прелестная березовая аллея. На расстоянии в несколько сот шагов от изгиба ниже по течению через реку перекинут мост с воротами, который при прохождении судов можно поднять с помощью барабана. Ниже моста — узкий остров, еще более длинный, чем первый, с его юго-западного берега тоже перекинут мост на противоположный берег. Вряд ли есть необходимость говорить, что город Вытегра расположен на очень красивом месте. Он окружен со всех сторон небольшими возвышенностями, полями, покосами, зелеными лиственными лесами; по городу, кроме Вытегры, протекает впадающая в нее речушка. В городе много каменных домов, как частных, так и общественных, и к тому же много весьма приличных деревянных домов. По количеству домов, лавочек и по оживленному движению в летнее время можно судить, что в будущем город станет еще значительнее, сейчас в нем насчитывается лишь двести сорок шесть домов, а жителей — две тысячи четыреста семьдесят. В городе несколько больших площадей, попросту пастбищ, по обочинам улиц проложены плохонькие деревянные мостовые, они неровные и неустойчивые. У изгиба реки, на левом берегу, стоит лишь несколько домов, среди них — больница. Во всех городах, начиная с Колы, есть такие маленькие общественные больницы с уездными врачами. Там очень мало коек, да и те часто пустуют. Больница в Вытегре была самой большой из них, в ней имелось около двадцати коек, размещенных в трех комнатах. Но больных было не больше четырех. Для содержания больницы при врачах имеются помощники — один либо два фельдшера — с низким годовым жалованьем. [..]

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ В ЛОДЕЙНОМ ПОЛЕ

Я отправился из Вытегры 9 августа [1842 г.] по воде на довольно маленьком судне, каковые называются соймами. От Вытегры до Онежского озера считают тридцать верст, из них первую треть идут по реке и две трети — по каналу. Он прямой как линия и ширина его равна примерно ста шагам. Из-за узости канала и оживленного движения судам не дозволяется плыть под поднятыми парусами, их тащат за длинный канат, привязанный к мачте, идущие по берегу лошади. Узкая лошадиная тропа напоминает наши тропинки между деревьями, и непохоже, чтобы по ней ездили на телегах. Чуть в стороне от канала — другая тропа, по которой лошади возвращаются. [...]

В устье канала, на берегу Онежского озера, стоит маленькая деревушка под названием Черный Песок, в которой в основном живут солдаты-калеки. Оттуда через Онегу тридцать верст до устья реки Свирь, где расположен маленький городок Вознесенье. От верховья Свири до Лодейного Поля насчитывается сто пятьдесят верст.

Злая ли, добрая ли судьба определила мне в попутчики лесничего, знакомого мне еще с Каргополя, который приехал в Вытегру на несколько дней позже меня и напросился на то же судно. Каюта, расположенная на корме, была уже обещана каким-то женщинам, ехавшим в Петербург, они дожидались судна в Вознесенье. Так что нам оставались на выбор палуба или трюм, где на кулях с мукой, крупой и горохом можно было даже лежать. Мы поселились в трюме, но оказались не одни в этом своеобразном жилище. Третьей была женщина родом из Могилевской губернии, богомолка, странствующая по монастырям и возвращающаяся ныне из Соловецкого монастыря.

Первые тридцать верст до Черного Песка мы ехали часов десять, поскольку капитан, надеявшийся на попутное течение, нанял лишь одну тягловую лошадь, да и то самую что ни на есть худую. Но лошадь оказалась не такой уж и глупой и не слишком напрягала свои силы, понимая, что куда легче полагаться на силу течения. Накануне нашего прибытия в Черный Песок пароход успел отправиться на буксировку других, ранее прибывших судов, но поднялась такая буря, что и пароходу пришлось ждать три дня пока шторм не уляжется. За это время сюда подошло до пятидесяти судов, направлявшихся в Петербург, и столько же, если не больше, возвращалось оттуда. [...]

Наконец в один из вечеров наше томительное ожидание закончилось: пароход отправился в путь, прихватив с собой наше и семь других судов. На следующее утро мы прибыли в Вознесенье. Это село или городок, в котором много торговых рядов, четыре винные лавки с броскими вывесками и выходящими на улицу дверями. По числу этих лавочек можно было заключить, что в селе много пьют и что вино отсюда никуда не вывозится, так как все суда, проезжающие через Вознесенье, могли закупать его в таких местах, как Вытегра, Лодейное Поле и Новая Ладога. Даже для продажи чая имелась отдельная лавка. По сравнению с Колой и Онегой Вознесенье больше похоже на город. Остановившись здесь лишь на несколько часов, мы отправились по реке Свирь в сторону Лодейного Поля.

Этот путь нагонял тоску, все время дул встречный ветер, и нам приходилось несколько раз спускать якорь. Все же, когда ветер стихал, мы понемногу двигались по течению, но так медленно, что едва было заметно движение судна. Временами для ускорения хода мы пытались гребсти, но весла были настолько большие, что одному человеку было слишком тяжело двигать ими. Наконец капитан нанял гребцов, каждому из которых платили по 1 рублю 60 копеек ассигнациями за тридцать три версты. Среди гребцов оказался старый солдат, который прожил в Финляндии двадцать лет и так хорошо говорил по-нашему, что я подумал, он родом из Финляндии. Навстречу нам шли суда, и мы не без зависти смотрели, как попутный ветер гнал их с такой скоростью, что пена кипела за кормой. Я не раз пожалел, что не поехал сушей, но зато теперь знал, что, если ехать по воде на обычном судне, надо запастись терпением и большим мешком с припасами. [..]

Однажды, решив купить молока в ближайшей деревне, я вышел на берег, но в эту пору, во время летнего поста, его не продавали. Вместо молока мне дали похлебки, сказав, что она якобы заменяет молоко. Когда узнали, что я родом из Финляндии, или, как ее здесь называют, Лифляндии, меня стали уговаривать пойти в солдаты, поскольку вскоре ожидался набор. Мне назначили неплохую цену, но я все же отказался. В этих краях считают *мужиком* любого, кто не носит казенной формы либо не разодет с пышностью и не умеет кричать и ругаться. Правда, власти уже запретили покупать рекрутов в Финляндии, но эта торговля продолжалась таким образом, что тайно нанятый человек переселялся из Финляндии в Россию и шел в сол-

даты. Если в этой деревне меня вознесли в не очень высокий ранг, зато мне удалось получить за это вознаграждение. Когда стало известно, что я изучаю языки и говорю на семи языках, в деревне решили, что мне осталось выучить всего два и я буду генералом, так как, по мнению этих людей, человек, владеющий девятью языками, непременно становится генералом. И ты, братец мой, наверное, готов уже поздравить меня с повышением, но из этого ничего не выйдет, так как я решил, что не стоит мне изучать два недостающих языка. Берега Свири очень хороши для лугов, но покосы здесь не расчищены, поскольку здешний народ скотоводством занимается мало. По берегам, где чаще, где реже, попадались деревни.

Проехав сто пятьдесят верст за пять дней, мы наконец-то приехали в Лодейное Поле. Первым делом надо было устроиться на квартиру, и я, изрядно побегав, нашел жилье, но вместе с хозяевами в одной комнате. [. . .] Вернувшись на берег, я спросил у одного человека, не может ли он посоветовать мне жилье получше. И он привел меня к себе, выделив одну комнатку. Правда, она была ненамного лучше предыдущей, но все же мне не пришлось жить вместе с другими. [. . .]

20 числа я оставил Лодейное Поле и поехал к вепсам. О дороге, ведущей в первую деревню — Шамал (по-русски Шаменец), говорили, что она настолько плоха, что по ней не проехать на повозке, и я оставил лишние вещи у лекаря, а из дому, где жил, нанял старого малоросса-фельдфебеля нести мою сумку, сам же пошел рядом. Но попутчик мой оказался таким слабосильным, что ему приходилось отдыхать через каждые две версты, хотя сумка не была слишком тяжелой. Уже вечерело, когда мы пришли в деревню, до которой от Лодейного Поля иные насчитывали двенадцать, а мой попутчик — пятнадцать верст. В этой деревне не говорили *по-чудски* (т. е. на ливвиковском, людииковском, вепском языках), поэтому в тот же вечер я отправился дальше, в деревню под названием Варбал (по-русски Варбенец), до которой мой проводник насчитывал двадцать верст, а другие — всего лишь пятнадцать. Около полуночи я дошел до деревни и зашел в дом, хозяина которого называли *барин*. В доме были две жилые комнаты: изба и комната на втором этаже, которая не лучше избы. В этой деревне уже говорили по-вепски, и барин стал настаивать, чтобы я остановился у него. За еду и постой назначили рубль в день, а в учителя он посоветовал мне взять полуслеплого старца, которому назначили оплату

пятьдесят копеек за день. Итак, остановившись здесь, я решил первым делом поспрашивать у старика названия вепских деревень, надеясь таким образом познакомиться поближе как с дедом, так и с этими краями. Не знаю, что могло прийти старику в голову, он, видимо, принял меня за шпиона или врага — не стал отвечать на мои вопросы и вообще отказался иметь дело со мной. Барин тут же нашел другого учителя, которому назначили семьдесят копеек в день за пять часов, но и этот, посидев со мной день, начал капризничать, и я решил вообще уйти из этой деревни, к тому же здесь говорили не столько по-вепски, сколько по-русски, а у меня была надежда в глубине края услышать более чистую вепскую речь; утверждают, что вепсы проживают примерно в радиусе десяти миль.

Деревня Варбал была расположена на прекраснейшем месте между двумя озерами, соединявшимися небольшой рекой, вдоль берегов которой стояли дома, не кучно, как в русских деревнях, а, как у финнов, каждый дом отдельно.

Из Варбал я направился в деревню Пиетсала (по-русски Печенец), а оттуда — в Кархела (по-русски Кархенец). От Варбал до Кархела насчитывается пятнадцать верст, но мой вожатый сказал, что от Варбал до Пиетсалы — шесть верст и оттуда в Кархела — пятнадцать верст, таким образом, получался путь длиной в двадцать одну версту. В этих краях неопытный путешественник всегда вынужден платить больше положенного, так как дороги немереные и очень трудно доказать свою правоту.

В Кархела была церковь и свой священник, который охотно согласился учить меня вепскому, поэтому я решил пожить здесь некоторое время. У него были изба и горница, которую занимали два землемера. Однако поп сказал, что через два дня они уедут и я смогу поселиться в горнице. За три часа обучения в день, еду и постой в течение месяца я договорился заплатить пятьдесят рублей ассигнациями, за эти же деньги поп обещал подвезти меня на своих лошадях обратно до Лодейного Поля. Все это меня вполне устраивало, пока я не заметил, что сам поп слабовато знает вепский язык и его уроки скорее запутают меня, нежели внесут ясность. Поэтому я отказался учиться у него и нанял другого учителя — одну слепую старуху, служившую нянькой у пономаря. Поскольку она из-за своей службы не могла приходить в дом попа, пришлось мне ходить к пономарю учиться у нее. Сам пономарь и его жена работали вне дома, так что я мог целыми днями спокойно беседовать со старухой. Она присмат-

ривала за двумя детьми пономаря, но иногда к ней приводили детей из других домов, хозяева которых отправлялись на работу в лес. Конечно, их крик досаждал бы нам, если бы старуха не приучила детей к такому послушанию, что стоило ей лишь крикнуть: «Мовчи!», и сразу же все переставали плакать и затихали. Думается, мало в наше время учителей, которые могли бы так насмешить учеников, как смешило меня поведение старухи, пестующей детей. Но и в этой школе, как когда-то в начальной, я не смел смеяться вслух. [..]

В похвалу старухе следует сказать, что она за несколько дней стала разбираться в грамматике больше, чем вышеупомянутый священник. Изучая существительные, мне никогда не приходилось спрашивать генитив, потому что следом за именительным она сразу же называла какой-нибудь другой падеж или множественное число именительного падежа. [..] Когда же мы заговорили о глаголах, она быстро научилась называть инфинитив и первое лицо единственного числа настоящего времени. [..] Не следует, однако, думать, что она не допускала ошибок и всегда находила правильное объяснение. [..]

Первую неделю я провел в маленькой избе попа Кархелы, где кроме меня жили он сам, его жена и четырехлетний внук, служанка, некий приказчик, маленькая красная собачонка и черная кошка с котятами. Наконец землемеры закончили свою работу, но, как это у нас бывает, возник спор из-за границы между деревнями, и в связи с этим пришлось обратиться даже в сенат, а работа тем временем стояла. После ухода землемеров я поселился в горнице, где так и жил один, что было удобно во всех отношениях,— в дороге, когда все время находишься среди людей, редко выпадает такая возможность. Лишь последний день пришлось провести с попом и его семейством, собакой и кошками, потому что избу, в которой они жили, начали разбирать и перестраивать. В горнице в *юмалачога*, как у них называется красный угол, было несколько не очень искусно сделанных боженок, а над дверью гарцевал на коне Али-Паша. [..]

Попу было пятьдесят шесть лет, по характеру он — серьезный и спокойный. Его повседневная одежда была ничуть не лучше крестьянской, и он ничем не отличался от мужиков, кроме как длинной косой, висевшей на спине. Вместе с женой и служанкой он занимался всякой крестьянской работой, поэтому днем редко бывал дома; во время моего пребывания здесь к концу подходила заготовка

сена, затем последовали жатва, молотьба гороха и сбор ягод. Находясь дома, поп выполнял всякую работу: топил баню, ходил за водой, чистил ягоды и пр. Неудивительно поэтому, что из-за такой занятости он не мог много времени уделять чтению. И все же он прилично читал по-русски и по-церковнославянски, кажется, умел и писать. Однажды, увидев меня за книгами, он вошел в комнату, но разглядев, что они написаны не по-русски, очень удивился тому, что есть книги, напечатанные и на других языках. Наставники примерно такого же уровня образования были когда-то и у нас в стране, а возможно, есть и поныне. Так, Кастрен рассказывал, что, путешествуя по Финляндии, он повстречался с попом, который удивился, когда речь зашла о финской грамматике и письменности, почему буква «х» не годится для финского алфавита, и спрашивал, в чем же она провинилась, что ее так не любят. У меня был с собой Новый завет на русском языке, и поп усердно читал его, сказав, что во всем их приходе нет других священных книг, кроме евангелия на церковнославянском языке, который он, видимо, не совсем хорошо понимал.

Попадья, кажется, была несколько моложе своего мужа, вместе с другими она занималась обычным крестьянским трудом: ходила за ягодами, ставила сети и т. д. Если они работали далеко от дома, я должен был присматривать за домом, но с условием, чтобы я мог ходить к пономарю, брать уроки у своего учителя, единственное, чтобы уходя не забыл закрыть двери на замок. В такие дни перед уходом попадья всегда оставляла мне еду, сухие продукты — в шкафу, горячее — в печи. К угощениям относился также кофе в большом кофейнике, который она утром варила и ставила в печь. Хозяйки, искушенные в кофеварении, догадаются и без дальнейших объяснений, каким на вкус был этот перестоявшийся кофе, поэтому я не особо расстроился, когда мне однажды утром хозяйка сообщила, что кофе кончился и не будет до тех пор, пока кто-нибудь не съездит в город. Однако перед уходом на работу она с радостным видом сообщила мне, что кофейник с таким же крепким кофе на прежнем месте. На мой вопрос, где она успела раздобыть кофе, госпожа ответила, что она умеет варить кофе не только из кофейных зерен. Ознакомившись с ним поближе, я разгадал этот способ: она поджарила вместо кофейных ячменные зернышки и сварила их. Уж коли госпожа вместо кофе использовала ячмень, мне следовало также подыскать заме-

ну табаку, потому что, к моей большой печали, запасы его таяли на глазах. И я нашел выход в том, что собрал картофельных листьев, высушил и перемешал с табаком, в надежде, что этой смеси мне хватит до тех пор, пока кто-нибудь не поедет в Лодейное Поле и не привезет мне настоящего табака. [. . .]

В этих краях в праздники без конца ели и пили, если было что пить, потому что вина здесь меньше и цены на него выше, чем в Финляндии. 27 августа был большой праздник в деревне Кекъярви¹, откуда до церкви три-четыре версты пути. В России, как и в Финляндии в православных волостях, в каждой деревне есть своя церквушка (часовня) и у каждой такой церкви свой святой — покровитель. День этого святого является большим деревенским праздником, на который собирается народ с расстояния в десять и даже более миль. Подобный праздник отмечался и в Кекъярви, куда и я пошел. Церковь располагалась на маленьком острове, который был заполнен людьми, когда мы приехали. Несмотря на нехватку места, сюда вплавь переправляли лошадей. Это показалось мне странным, но позже я узнал, что благословение, которое священник раздает людям, перепадает также и на долю животных и, таким образом, восприняв на себя силу благословения, лошади уже не страдают от прострелов и прочих недугов. Прежде колдун с помощью нечистой силы достигал того же, чего ныне поп добивался при помощи святого обряда, и я убедился, что языческий предрассудок сменился христианским суеверием. На острове не было ничего съестного, кроме пряников, которые некий мужик продавал у дверей церкви, но зато в деревнях по обеим сторонам реки нас ожидала обильная трапеза. В какой бы дом мы ни заходили, везде были накрыты столы и приходилось есть даже через силу. [. . .]

На той же неделе, когда праздновали в Кекъярви, такой же праздник был и в погосте, кроме того, пономарь собрал толоку на жатве. И всюду меня заставляли есть и пить чай, так что для меня веселье оборачивалось большим мучением. Но и это еще не все: за хорошее угощение я со своей стороны должен был, выражая свою признательность, играть на флейте. Им отнюдь не надоедало слушать, они просили поиграть еще и еще. Бесчисленное множество раз я жалел, что взял с собой этот злополучный инструмент, и не раз готов был бросить его в угол.

¹ Успенье пресвятой богородицы — 28 августа.

Между тем были еще и другие трудности. Всех сколько-нибудь странных путников, которые едут без шума и не по-господски, здесь сразу принимают за беглых либо за преступников, и я зачастую попадал под подозрение. Так, однажды ночью я проснулся в своей горнице от шума на улице, но, не зная причины переполоха, скоро снова уснул. Лишь на следующее утро поп рассказал, что к дому приходила целая толпа подвыпивших мужиков, чтобы связать меня, потому что я, дескать, беспаспортный разбойник. С большим трудом попу удалось отговорить их от этого.

Я мог бы перечислить немало подобных неприятностей, происходящих со мною во время разных пирушек и сборищ. Но была от них и немалая польза. В местах, где собирался народ, мне было легче познать страну и обычаи, а иначе в страдную пору это было бы затруднительно. Люди в этих местах довольно милостивы, сухощавы и стройны. Их одежда мало отличается от той, что носят в Аунус, и земля у них обрабатывается почти так же, как там. Они выращивают рожь, ячмень, овес, горох, бобы и небольшое количество картофеля. Большей частью все высевается в поле, леса под пашни корчуются мало. Скотоводство здесь, как и по берегам Свири, ненамного продвинулось со времен Адама. Во всем крае я нигде не видел железных котлов. Пищу готовят в глиняных горшках, которые ставятся в печь. Остальное готовится следующим образом: нагретые в очаге камни опускают в посуду с водой и держат там до тех пор, пока вода не закипит.

Поскольку основной задачей для меня на этот раз явилось изучение грамматики и словаря, которые заняли все время, я не успел собрать почти ничего другого. Единственное, что я все же записал в книгу, это несколько сказок, пословиц и загадок; возможно, сумел бы записать и песни, которые поются в народе, но мне пришлось уехать прежде, чем я научился хорошо понимать и пользоваться их языком.

Этот язык небезынтересен, исследователь финского языка найдет в нем немало материала, подтверждающего его теоретические предположения. [. .]

Получив грозное письмо из Хельсинки, в котором мне предписывалось немедленно приступить к своим служебным обязанностям, я раньше времени оставил страну вепсов, откуда через Аунус, Салми, Импилахти и Сортавалу вернулся прямо в Каяни.

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 15. Первый путевой очерк был написан Лённротом с целью публикации в журнале, но остался незаконченным. Впервые опубликован в 1902 г. в книге «Путешествия Элиаса Лённрота», впоследствии переиздавался как самостоятельное произведение. *Хяме, Саво, Карелия (Карьяла)* — исторические области Финляндии. Здесь идет речь о западной Карелии, которая входит в состав Финляндии и называется Севернокарельской губернией (Pohjois-Karjalan lääni).

Стр. 16. *Граф Брахе Пер* (1602—1680) — шведский государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии. Провел ряд административных реформ, по его инициативе в 1640 г. была создана академия в Або (Турку) и открыт ряд школ.

Стр. 17. *Студент Готтлунд* — Готтлунд Карл Аксели (1796—1875) — финский фольклорист и собиратель произведений устной поэзии, один из так называемых «романтиков Турку». В 1817 г. высказал мысль о возможности создания национального эпоса из народных эпических песен. В 1818 г. выпустил фольклорный сборник «Маленькие руны финнам для досуга» — самый объемистый до изданий Лённрота. С 1839 г. — преподаватель финского языка в Хельсинкском университете.

Стр. 22. *Рюс Фридрих* — немецкий историк. Его исследование «Финляндия и ее обитатели» (1809) вышло в 1811 г. в переводе на шведский язык. В Швеции и Финляндии к книге отнеслись весьма критически. Обширную критическую статью-исследование по поводу книги Рюса написал Готтлунд, в которой и высказал впервые идею создания эпоса.

Стр. 22. *Кота* — конусообразное строение из жердей, напоминающее лопарскую вежу. Устанавливалась во дворе и предназначалась для варки поила скоту, нагревания воды и пр.

Стр. 23. *Кайнулайнен* Юхана (1788—1847) — один из выдающихся рунопевцев западной Карелии, руны которого были использованы Лённротом при составлении «Калевалы».

Стр. 34. *Дело в том, что финские рунопевцы до сих пор боялся...* — Имеются в виду отголоски страха перед проводимой церковью «охотой за ведьмами», которая в Скандинавских странах протекала в XVI—XVII вв. В XVII в. в Финляндии было приговорено к смерти за колдовство 50—60 человек. В судебных архивах сохранилось много дел, свидетельствующих о том, что за исполнение не только заклинаний и заговоров, но и эпических рун привлекали к суду как за колдовство.

Стр. 34. *Ганандер* Кристфрид (1741—1790) — финский ученый, наряду с Портаном заложивший основу для финской фольклористики. В 1783 году издал первый сборник финских загадок (378 загадок с отгадками), в 1789 г. — «Финскую мифологию», которая содержит много образцов эпических рун и заклинаний, а также сведений о народных обычаях и обрядах.

Стр. 34. *Ютейни* Яакко (1781—1855) — финский поэт и просветитель, издал в 1818 г. сборник «Избранные финские пословицы». В одном из сборников Ютейни, содержавшем религиозные и философские воззрения, церковь усмотрела ересь, и весь тираж его был в 1829 г. сожжен на костре.

Стр. 35. ... *сборника рун Топелиуса...* — Сборник С. Топелиуса «Старинные руны финского народа, а также современные песни» вы-

шел пятью выпусками в 1822—1831 гг. (о Топелнусе см. вступительную статью).

Стр. 36. *Каасо* — в свадебном обряде финнов и западных карел—женщина, сопровождавшая невесту во время сбора свадебных даров и одевавшая ее под венец. В роли каасо выступала обычно старшая сестра или другая близкая родственница невесты.

Рюкя — сваха, сопровождавшая невесту к венцу. В олонецких и архангельских говорах русского языка — брудги (свадебные гости, женщины со стороны жениха); то же у карел-ливвиков.

Стр. 36. *Ленсман* (фин. *päimies*) — государственный чиновник, отвечающий за общественный порядок и осуществляющий прокурорский надзор в своем округе.

Стр. 39. ...*что назначал Ахиллес Ясону*... — В древнегреческом мифе об аргонавтах трудные задачи Ясону задает царь Колхиды Эет. Ахиллес назван здесь Лённротом по ошибке.

Стр. 39. *Клаус Курки* — представитель аристократического рода Курки, имевшего большое влияние в Финляндии в эпохе средневековья. Имя Клауса Курки стало известным в народе благодаря народной балладе «Гибель Элины», строки из которой приводит здесь Лённрот. В балладе рассказывается, как Клаус Курки по наущению коварной служанки съел свою молодую жену с младенцем, заподозрив ее в измене. В действительности же виновником этой трагедии был другой Клаус — Клаус Дьяки, бывший в конце XIV в. судьей в Хяме. По балладе, случай этот произошел в Весилахти, в имени Лаукко, принадлежавшем роду Курки. О *Весилахден Лаукко* см. примечание к стр. 105.

Стр. 51. *Магнус* (Мауно), сын Эрика — король Швеции (1316—1374). Вся неудачную войну с Новгородом. Утонул в Норвегии. Предание о пребывании Магнуса на Валааме и о его захоронении там не соответствует действительности.

Стр. 65. *Кеттунен* Пистари. См. четвертое путешествие, стр. 100, примечание.

Стр. 70. *Эрик* — король Швеции; очевидно, Эрик XIII, который совершил две поездки в Финляндию, в 1403 и 1407 г.

Стр. 71. ...*на поле Лютцена*... — Во время тридцатилетней войны 1618—1648 гг. под городом Лютценом в Саксонии шведская армия нанесла в 1632 г. поражение наемным войскам имперского дома Габсбургов под командованием Валленштейна.

Стр. 73. *Праздник Хелка* — обрядовый весенний праздник, который справлялся в приходе Сяксмяки, в губернии Хяме, до конца XIX в. Лённрот, побывавший там в качестве врача в связи с борьбой против эпидемии холеры в 1831 г., наблюдал этот праздник и описал его.

Стр. 80. ...*вероятно, со времен Владимира Великого*... — Лённрот имеет в виду киевского князя Владимира Святославича, крестившего Русь в конце X в. По летописным данным, обращение карел в христианство было начато новгородским князем Ярославом Всеволодовичем в 1227 г.

Стр. 80. ...*называют себя «веняляйсет»*... — Финское и карельское название русских — веняляйсет (*venäläiset*) и России — Веня (*Venäjä*) происходит от древнего названия славянских племен — веныды. По данным лингвистики, карели не называли себя «веняляйсет».

Стр. 85. ...*угощать гостей в течение всего праздника*. — Сведения о карельских праздниках, приведенные Лённротом, являются неточными. Праздников было значительно больше, чем четыре в году. Угощение приехавших из других деревень гостей входило в обязанности

родственников, потому что в праздники ездили к родне. Подстрочное примечание Лённрота о том, что праздники обычно падали на время поста, неверно. Основные посты, как, например, рождественский, великий пост перед пасхой, петровский пост, заканчивались накануне праздника.

Стр. 86. *...потомками древних пермов, или бьярмов...*— Бьярмы — жители Бьярмаланда, или Биармии, страны на крайнем северо-востоке Европы, славившейся мехами, серебром и мамонтовой костью; известна по скандинавским и русским преданиям IX—XIII вв. Некоторые историки считают, что Биармия — скандинавское название побережья Белого моря — Двинской земли, другие отождествляют ее с «Пермью Великой». Существовала теория, которой придерживался и Лённрот, что Биармию, т. е. Двинскую землю (по реке Северная Двина), когда-то населяли карельские племена.

Стр. 87. «*Кантеле*» — сборник народных песен разных жанров, составленный Лённротом из материалов, собранных им во время первого путешествия. Вторая часть, содержащая свадебные и лирические песни, по содержанию и композиции предваряет «Кантелетар» (см. примечание к стр. 162).

Стр. 94. *Рунеберг Й. Л.* (1804—1877) — национальный поэт Финляндии, писал на шведском языке. Магистр философии, был доцентом Хельсинкского университета и редактором газеты «Гельсингфорс Моргонبلاد», в которой часто печатался Лённрот.

Стр. 100. *Кеттунен Петри* (Инетари) — карельский рунопевец и сочинитель новых песен в калевальском стиле. Родом из деревни Чена близ Вокнаволока. Предполагают, что именно от него *А. И. Шёгрэн* (о нем см. примечание к стр. 237) в 1825 г. записывал руны. Несколько лет находился в Финляндии, занимаясь портновским ремеслом. Сочиненная им юмористическая руна о своей жемчужбе и приключениях в Финляндии бытовала в деревнях Калевальского района еще в середине нашего века.

Стр. 103. *...отрывки из древних рун о Вяйнямёйнене, Поукахайнене, Лемминкляйнене и других.*— Лённрот не назвал имени юноши, который пел ему руны в лодке по пути в Войницу. Им оказался Луккани Хуотари из деревни Понкалаhti, от которого собиратель А. А. Борениус в 1877 г. записал целый ряд рун.

Стр. 103. *Сюоятар* — полумифическое существо, персонаж карельских сказок, представляющий злое начало. По функции близок образу злой мачехи русских сказок и сказок других европейских народов.

Стр. 104. *Певец Онтрей* — Малинен Онтрей, сын Савастея (около 1780—1856), один из самых прославленных карельских рунопевцев. От него и от Архиппы Перттунена Лённрот записал самые полные и в художественном отношении совершенные эпические песни, составившие повествовательное ядро «Калевалы». А. И. Шёгрэн записал в 1825 г. две руны от Малинса, но не понял значения этой встречи. Из сыновей Онтрея особенно Юрки был выдающимся рунопевцем, не уступавшим, по мнению собирателя Борениуса, сыну Архиппы Перттунена Мийхкали Перттунену, прославленному певцу рун послелённротовского периода в сборании фольклора.

Стр. 104. *Ваассила* — Киелевяйнен Воассила, сын Игната (годы жизни неизвестны). Та последовательность, в которой Киелевяйнен рассказал Лённроту о подвигах Вяйнямёйнена, имела решающее значение для построения композиции «Калевалы». Славился в своей округе прежде всего как могущественный ведун-заклинатель.

Стр. 105. *Весилахден Лаукко* — имение в западной Финляндии, принадлежавшее в то время профессору Тэрнгрёну, в семье которого Лённрот в студенческие годы был домашним учителем. Здесь собиралось общество образованнейших людей Финляндии, что имело важное значение для развития интересов Лённрота. Он и впоследствии часто гостил в Лаукко, оставаясь другом семьи Тэрнгрёнов. Имя рунопевца из Войницы, от которого Лённрот записывал руны в имении Лаукко, осталось неизвестным.

Стр. 111. *...она утешает дочь словами...* — Эту свадебную песню, восхваляющую достоинства и достойные жениха, пела не мать невесты, а сестра жениха или группа женщин, его родственниц, при встрече новобрачных в доме жениха.

Стр. 112. *Юмала* — в прибалтийско-финских языках означало обожаемое существо (бог, божество, святой) или предмет (идол, икона). Лённрот при составлении «Калевалы» устранил из народных рун все христианские черты, считая их поздними наслоениями. *Юмала* (бог), *Луоя* (творец) и *Херра* (господь), по мнению Лённрота, — обозначения дохристианского верховного божества *Укко*, создавшего небо и землю.

Стр. 114. *Рунопевец Архиппа* — первое упоминание об Архиппе Перттунене (см. примечание к стр. 133).

Стр. 114. *Война 1788 года* — имеется в виду русско-шведская война 1788—1790 гг., возникшая вследствие стремления Швеции вернуть утраченные территории. Война не встретила поддержки в народе, финские части шведской армии отказывались участвовать в боевых действиях.

Стр. 115. *В Аконлахти я зашел в дом Трохкима...* — Здесь Лённрот во время третьей поездки в 1832 г. записывал руны от рунопевца *Соавы Трохкимаини* (Саввы Никутьева), всего 17 рун.

Стр. 118. *...как готские народы Эдду, а греки и римляне — если уж не как Гомера, то по крайней мере как Гесиода.* — Готские народы — германские народы, в том числе и скандинавские. *Эдда* (старшая) — литературный памятник народов, говорящих на германских языках. Рукопись древнескандинавских песен XIII в., составивших «Эдду», была найдена в XVII в. *Гесиод* — древнегреческий поэт, живший в VIII—VII вв. до н. э. Некоторые его поэмы сохранились полностью.

Стр. 119. *Корхонен Пааво* (1775—1840) — наиболее известный из крестьянских поэтов Финляндии. Писал на злободневные темы калевальским размером. Лённрот собрал его стихи, опубликованные в разных периодических изданиях, и составил сборник «Пятьдесят рун и шесть песен Пааво Корхонена», вышедший в 1848 г.

Стр. 121. *Мартиска* — Карьялайнен Мартти (год рождения неизвестен, умер в 1839 г.). Непродолжительное общение Лённрота с этим рунопевцем принесло собирателю разочарование. Однако последующие собиратели и исследователи оценили поэтический дар Карьялайнена. Его сыновья Максима и Теппана были тоже рунопевцами. Рунопевческий род Карьялайненов, наряду с Перттуненом и Малиненоми, является одним из самых известных в северной Карелии.

Стр. 131. *Кёрты* (фин. *körttiläiset*) — пиетисты. Пиетизм (благочестие) был мистическим течением протестантизма, ставившим религиозное чувство выше догм. Отрицательное отношение пиетистов ко всякого рода развлечениям граничило с ханжеством.

Стр. 132. *Юрки Кеттунен* — карельский рунопевец, двоюродный брат Петри Кеттунена, родом из деревни Чена. От него записывал руны Топелиус (см. вступительную статью, стр. 7). Лённроту Юрки

напел семь рун, сюжеты которых относятся к центральным в композиции «Калевалы».

Стр. 133. *Это был уже восьмидесятилетний старец...*— Архиппа Перттунен, сын Ивана (около 1769—1841) — старший, известный науке, представитель рунопевческого рода Перттуненов. В целом от него, учитывая записи собирателей после Лённрота, записано около 60 рун. Признан исследователями самым талантливым из карельских рунопевцев. Лённрот ошибся относительно возраста А. Перттунена. По церковным книгам Вокнаволоксской церкви, которые хранятся в Архангельском государственном архиве, год рождения Архиппы приходится на 1768—1871 г. (по разным документам вычисляется по-разному). Принято считать годом рождения А. Перттунена 1769 г., на основе первой записи (метрическая запись о рождении отсутствует). Лённрот не называет фамилии Архиппы, как и некоторых других рунопевцев. В официальных документах фамилия *Пертуев* появляется значительно позже. В церковных книгах Архиппа Перттунен обозначен как Архип Иванов, т. е. сын Ивана, а его сын, рунопевец Мийхкали, как Михаил Архипов, т. е. сын Архипа. Архиппа сокрушался, что из его сыновей не выйдет рунопевцев. Однако его сын *Мийхкали* (около 1815—1899) был самым известным рунопевцем северной Карелии во второй половине XIX в. Односельчане говорили, что его старший брат Матти был более искусным певцом, но он умер раньше, чем собиратели вновь посетили этот край.

Стр. 134. *...как исполняет руну стоящий певец...*— Как установлено исследованиями, Лённрот, описывая исполнение рун вдвоем взявшись за руки, повторяет рассказ Портана, который наблюдал такую манеру исполнения в центральной Финляндии. В Карелии никем из собирателей подобная манера не зафиксирована. Имеются фотографии XIX в., на которых рунопевцы сидят, взявшись за руки, но это инсценировано фотографами; сами же певцы говорили, что такая поза при исполнении рун им незнакома.

Стр. 138. *Кекри* — у карел и финнов дохристианский осенний праздник поминовения покойников, позднее слился с поминальной, так называемой родительской, субботой в конце октября.

Стр. 140. «*Калевала*». — У Лённрота было несколько вариантов названия для будущего эпоса, но наконец он остановился на Калевале, обозначающей край, где обитали герои эпоса. В народных вариантах рун это название встречается крайне редко, но Лённрот исходил из древнего имени *Калева*, мифического предка героев эпоса, которых в рунах нередко называют сынами Калевы.

Стр. 140. *Патьвашка* — главный сват на свадьбе, возглавлявший партию жениха. Кроме свадебного ритуала патьвашка должен был знать соответствующие заклинания и магические приемы, чтобы с их помощью оберегать жениха и невесту от «порчи». В роли патьвашки обычно выступали известные знахари, как например, сын Мийхкали Перттунена *Пекко*.

Стр. 144. *...сестры Архиппы из Латваярви.* — Сестра А. Перттунена Моарне, от которой Лённрот записал семь рун. Ее муж *Мийхкали* и сын *Симана* тоже были рунопевцами. От Симаны позднее записывал Борениус, всего от него записано 13 рун.

Стр. 145. *Ямала* — Сиркейнен, Варахвоннта, один из редких известных по имени рунопевцев деревни Ухтуа (ныне поселок Калевала). В путевых заметках о поездке 1834 года Лённрот упомянул вдову Магро, которая больше других спела ему песен.

Стр. 146. *Сампо* — волшебная мельница, символ благополучия в «Калевале». В народных эпических песнях сампо семантически мно-

гозначно. Отсюда и множество толкований как этимологии слова «сампо», так и семантики образа. Наиболее известна теория Сетяля—Харва, которая рассматривает сампо как мифологический мировой столб (или его культовое изображение), упирающийся в Полярную звезду, вокруг которой вращается звездное небо. Представления о мировом столбе имеются в мифологии многих народов, в том числе у скандинавов, мифология которых, по предположению исследователей, могла оказать влияние на представления о мире у финнов и карел.

Стр. 162. *Идиллические руны* — речь идет о материалах для будущего сборника лирических и лиро-эпических песен «Кантелетар», который вышел в трех частях в 1840—1841 гг. Название «Кантелетар» образовано Лённротом от слова *кантеле* с прибавлением суффикса *-тар*, обозначающего лицо женского пола. Кантелетар, по Лённроту, — дева-покровительница кантеле, хотя в народных верованиях она не встречается.

Стр. 162. «*Мехиляйнен*» (Пчела) — журнал, издаваемый Лённротом на финском языке в 1836—1840 гг. Целью журнала было просвещение народа во всех областях культуры. Важное место занимали публикации произведений народной поэзии. В области языка Лённрот стремился к тому, чтобы он был понятен для всего народа. Через «Мехиляйнен» он ввел в литературный язык множество новых терминов из различных отраслей знаний, сам их создавая. Издание журнала пришлось прекратить из-за недостатка средств.

Стр. 162. «*Мнемозина*» — шведоязычный журнал, выходивший в Турку в 1819—1823 гг., сборник финской национальной культуры на родном языке.

Стр. 171. *...заодно заглянуть в обители отшельников...* — На Топозере, в северной Карелии, было несколько раскольничьих скитов, которые имели влияние на местное население. Кроме сторонников официальной церкви, которые назывались *миеролайсет* (миряне), были еще разные толки раскольников — *тухкасет* (от названия деревни Тухкала) и *саарелайсет* (островитяне).

Стр. 181. *Кивекяг* — название партизанских отрядов, действовавших во время Северной войны 1700—1721 гг. Название происходит от фамилии ингерманландского крестьянина Кивекяе, предводителя отряда.

Стр. 208. *Доктор Раббе* — Раббе Франс Йохан (1804—1879), врач, близкий друг Лённрота. Участвовал в создании Финского литературного общества, возглавлял его в 1853—1854 гг. Был инициатором создания других научных обществ.

Стр. 221. *Вскоре из них получится целая прекрасная книга.* — Речь идет о «Кантелетар».

Пословиц записал несколько тысяч... — Сборник пословиц, составленный Лённротом, вышел в 1842 г. и содержит свыше семи тысяч пословиц и поговорок из Финляндии и Карелии. Сборник «Загадки финского народа» вышел в 1844 г.

Стр. 225. *Калма* (кар., фин.) — смерть, могила, кладбищенский и могильный дух. Мог пристать к живым и вызвать болезнь и смерть. Поэтому на кладбищах нельзя было ничего трогать.

Стр. 233. Два южнокарельских диалекта — *ливиковский* и *людиковский* — Лённрот иногда называет «олонецким языком». На собственно карельском диалекте говорят карелы, проживающие в средней и северной Карелии, а также в Калининской области (тверские карелы).

Стр. 236. «История России» — вышла приложением к журналу «Меихийянен» в 1842 г. Это одна из первых книг по истории на финском языке.

Стр. 236. ...при составлении словаря... — В 1840 г. Лённроту как лучшему знатоку финского языка предложили продолжить работу, начатую покойным языковедом Кекманом, над составлением большого финско-шведского словаря. Для этой цели ему было предоставлено освобождение от обязанностей врача сроком на два года, которое после было продлено. Словарь вышел отдельными выпусками в 1866—1880 гг.

Стр. 237. Академик Шёгрэн — Шёгрэн Андреас Йохан (1794—1855), финский языковед и этнограф. С 1829 г. работал в Петербургской Академии наук, с 1844 г. — ее действительный член. Изучал финно-угорские и тюркские языки, совершал экспедиции для изучения языка и обычаев вепсов, саамов, коми, удмуртов, а также народов Кавказа и крымских татар.

Стр. 242. Старая Финляндия — так финны называли юго-восточную часть Финляндии, которая отошла к России в результате Северной войны, в отличие от остальной Финляндии, присоединенной к России в 1809 г.

Стр. 243. Матиас — Кастрен, Матиас Александр (1813—1852) — финский языковед и этнограф. Перевел на шведский язык «Калевалу» (1841 г.), путешествовал по Лапландии и Карелии. По предложению Шёгрена был включен в состав сибирской экспедиции Академии наук. Во время первой экспедиции (1841—1844 гг.) доехал до Обдорска, изучая языки и быт финно-угорских и сибирских народов. Вторая экспедиция длилась четыре года (1845—1849) и простиралась до низовьев и верховьев Енисея, вплоть до границы с Китаем. Кастрен внес большой вклад в изучение языков и этнографии финно-угорских, самодийских, тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских народов; составил грамматику и словарь 20 языков. Кастрен стал первым профессором финского языка Хельсинкского университета (профессура была учреждена в 1850 г.).

Стр. 243. Фон Беккер Рейнхольд (1788—1858) — финский языковед и собиратель фольклора, с 1834 года — профессор истории в университете Хельсинки. Один из организаторов Финского литературного общества.

Стр. 243. Рейн Габриэль (1800—1867) — финский историк, профессор истории. Участвовал в учреждении Финского литературного общества, возглавлял его в 1841—1853 и в 1863—1867 гг. Выступал за расширение прав финского языка.

Стр. 255. Имеется в виду письменный памятник карельского языка, перевод Евангелия от Матфея: «Герран миянь Шюндю руохтынан святой Новангели Матвеиста», изданный в Петербурге в 1820 г.

Стр. 268. В одной старинной руне... Эта эпическая песня о четырех девах является одной из древнейших космогонических песен, о чем свидетельствует чудесно выросший могучий дуб (мировое дерево, встречающееся в мифологии многих народов мира). Вариант песни Лённрот опубликовал в «Кантелетар» под названием «Девы Виэны» (кн. III, № 20), она входила в репертуар Архиппы и Мийхкали Перттуенов. См. Рода нашего напевы. Избранные песни рунопевческого рода Перттуенов. Петрозаводск, издательство «Карелия», 1985 г., тексты 14 и 42 (в последнем — начальные 34 строки).

СПИСОК НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ
НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Аккала (Akkala)	Аккола, Лоухский р-н КАССР
Аккала (Akkala)	Бабинск, Мурманская обл.
-Бабинск	
Аконлахти (Akonlahti)	Бабья Губа, Калевальский р-н КАССР
Алаттио (Alattio)	Альта, норвежская Лапландия
Алаярви (Alajärvi)	Алаярви, Калевальский р-н КАССР
Архангельск	г. Архангельск, областной центр РСФСР
Аунус (Aunus)	г. Олонец, КАССР
Белозерск	г. Белозерск, Вологодская обл.
Вааракюля (Vaarakylä)	Вааракюля, Лоухский р-н КАССР
Валаам	о. Валаам, КАССР
Варбал (Varbal)	Варбиничи, Ленинградская обл.
-Варбенец	
Варзуга	Варзуга, Мурманская обл.
Весилахден Лаукко (Vesilahden Laukko)	см. Лаукко
Весисаари (Vesisaari)	Вадсё, норвежская Лапландия
Вескелюс (Veskelys)	Вешкелица, Суоярвский р-н КАССР
Вехкозеро	Вехкозеро, Лоухский р-н КАССР
-Вехкаярви (Vehkajärvi)	
Вийанки (Viianki)	Вийанки, Финляндия
Вийтана (Viitana)	Виданы, Пряжинский р-н КАССР
Вознесенье	Вознесенье, Ленинградская обл.
Вороненск (Voronensk)	Воронинский погост, Мурманская обл.
-Вороньеручевск (Angisvaar)	
Вуоккиниemi (Vuokkiniemi)	Вокнаволоок, Калевальский р-н КАССР
Вуоннинен (Vuonpinen)	Войница, Калевальский р-н КАССР
Выгозеро	Выгозеро, Сегежский р-н КАССР
-Уйккуярви (Uikkujärvi)	
Вытегра	г. Вытегра, Вологодская обл.
Елетъярви (Jäletjärvi)	Елетъозеро, Лоухский р-н КАССР
Зашеек (Sasseega)	Зашеек, Мурманская обл.
Ийсалми (Iisalmi)	Ийсалми, Финляндия
Иломантси (Ilomantsi)	Иломантси, Финляндия
Ильяла (Iljala)	Ильяла, Лоухский р-н КАССР
Импилахти (Impilahti)	Импилахти, Питкярантский р-н КАССР
Инари (Inari)	Инари, финляндская Лапландия

Исаево (Ishaiv, Isarv)	Исаево, Архангельская обл. ¹
Иструала (Istruala)	Иструала, Финляндия
Йокиярви (Jokijärvi)	Йокиярви, Финляндия
Йоконга (Jokonga)	Йоканьга, Мурманская обл.
-Йоконск (Jokonsk)	
Йокостров(ск) (Jokostrov (sk), Tjueksuol)	Екостров, Мурманская обл.
Йонкери (Jonkeri)	Йонкери, Финляндия
Какара (Kakara)	Гагарино, Кемский р-н КАССР
Калгачиха	Калгачиха, Архангельская обл.
Каменск	Каменск, Мурманская обл.
Кандалакша (Kannanlahti)	г. Кандалакша, Мурманская обл.
Карасйоки (Karasjoki)	Карсйок, норвежская Лапландия
Каргополь	г. Каргополь, Архангельская обл.
Карельская	Карельская, Архангельская обл.
Каркуярви (Karkujärvi)	Каркуярви, Калевальский р-н КАССР
Кармала (Karmala)	Кармала, КАССР
Кархела (Karhela)	Кархенец, Ленинградская обл.
-Кархенец	
Карьялохья (Karjalohja)	Карьялохья, Финляндия
Каскаранца (Kaskarantsa)	Кашкаранцы, Мурманская обл.
Катослампи (Katoslampi)	Катозеро, Лоухский р-н КАССР
Каутокейно (Kautokeino)	Каутокейно, норвежская Лапландия
Каяни (Kajaani)	г. Каяни, Финляндия
Кекъярви (Kekjärvi)	Кекозеро, Ленинградская обл.
Келловаара (Kellovaara)	Келлогора, Муезерский р-н КАССР
Кеми (Kemi)	г. Кемь, Финляндия
Кемиярви (Kemijärvi)	Кемиярви, Финляндия
Кемь	г. Кемь, КАССР
Керимяки (Kerimäki)	Керимяки, Финляндия
Кесяйоки (Kesäjoki)	Летняя Река, Кемский р-н КАССР
Кесялахти (Kesälähti)	Кесялахти, Финляндия
Кианта (Kianta)	Кианта, Финляндия
Кивиярви (Kivijärvi)	Каменное Озеро, Калевальский р-н КАССР
Кереть (Kieretti)	Кереть, Лоухский р-н КАССР
Киехкимяенсуу (Kiehkimäensuu)	Киехкимяенсуу, Финляндия
Кийсйоки (Kiisjoki)	Кизрека, Лоухский р-н КАССР
Кийминки (Kiiminki)	Кийминки, Финляндия
Кийхтелюсваара (Kiihtelys- vaara)	Кийхтелюсваара, Финляндия
Кильдин (Kildin)	Кильдинск, Мурманская обл.
Китээ (Kitee)	Китээ, Финляндия
Кица (Kiitsa, Tjetjam)	Кица, Мурманская обл.
Княжая Губа	Княжая Губа, Мурманская обл.
-Княжой (Knäžoi)	
Ковда (Kouta)	Ковда, Мурманская обл.
Коверо (Kovero)	Коверо, Финляндия
Кола (Kuola)	Кола, Мурманская обл.
Колатселька (Kolatselkä)	Колатсельга, Пряжинский р-н КАССР
Колвасъярви (Kolvasjärvi)	Колвасозеро, Муезерский р-н КАССР

¹ Деревня относилась то к Вологодской, то к Архангельской области. См. Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. Л., 1965, с. 187.

- Кольёла (Koljola)
-Тийро (Tiiro)
- Контокки (Konlokka)
Корва (нен) (Korva(nen))
Корписелькя (Korpiselkä)
Костамуш (Kostamus)
Котаниеми (Kotaniemi)
Кристиания (Kristiania)
- Куолярви (Kuolajärvi)
-Салла (Salla)
- Куолисмаа (Kuolismaa)
Куопио (Kuopio)
Куркиёки (Kurkijoki)
Куроптевск (Kuroptjovsk)
Куусамо (Kuusamo)
Куусома (Kuusoma)
Куусрека (Kuusreka)
Кухмо (Kuhmo)
Кюрё (Kyrö)
- Кюлмясалми (Kylmäsalmi)
Кялкъярви (Kälkjärvi)
-Паяри (Pajari)
- Кяпяли (Käpäli)
Лапука (Lapukka)
Латварви (Latvajärvi)
Лаукко (Laukko)
-Весилахден Лаукко
Лентийра (Lentiira)
Леполахти (Lepolahti)
- Линдаярви (Lindajärvi)
- Липери (Liperi)
Лодейное Поле (Lotinapelto)
- Локка (Lokka)
Лонкка (Lonkka)
Луварви (Luvajärvi)
Лумбовск
Луусалми (Luusalmi)
Лявозеро (Ljavozero)
Мааселькя (Maaselkä, Maase siit)
- Макари (Makari)
-Мултимакари (Multimakari)
- Маукола (Maukola)
Маявалахти (Majavalhti)
Мёлккё (Mölkkö)
- Мезень
Мийноа (Miinoa)
Мултиярви (Multijärvi)
Муотка (Muotka)
Муштайоки (Mustajoki)
-Черная Река
- Тирозеро, Калевальский р-н КАССР
- Контокки, Калевальский р-н КАССР
Корванен, Финляндия
Корписелькя, Суоярвский р-н КАССР
г. Костомукша, КАССР
Котаниеми, Финляндия
Кристиания — название Осло (столицы Норвегии) в 1624—1924 гг.
Куолярви (Салла), финляндская Лапландия
- Куолисмаа, Суоярвский р-н КАССР
г. Куопио, Финляндия
Куркиёки, Лахденпохский р-н КАССР
Куроптевск, Мурманская обл.
Куусамо, Финляндия
Кузомень, Мурманская обл.
Куузрека, Мурманская обл.
Кухмо, Финляндия
Кюрё, Финляндия
Кюлмясалми, Финляндия
Боярская, Лоухский р-н КАССР
- Кяпяли, Лоухский р-н КАССР
Лапука, Калевальский р-н КАССР
Ладвозеро, Калевальский р-н КАССР
Лаукко, Финляндия
- Лентийра, Финляндия
Леполахти, КАССР
- Линдозеро, Кондопожский р-н КАССР
Ляперы, Финляндия
г. Лодейное Поле, Ленинградская обл.
Локка, Финляндия
Лонкка, Калевальский р-н КАССР
Лувозеро, Муезерский р-н КАССР
Лумбовка, Мурманская обл.
Луусалма, Калевальский р-н КАССР
Лявозеро, Мурманская обл.
Масельга, Мурманская обл.
- Макари(ела), Лоухский р-н КАССР
- Маукола, Финляндия
Маявалахти, Лоухский р-н КАССР
Мелкая Губа, Калевальский р-н КАССР
Мезень, Архангельская обл.
- Минозеро, Муезерский р-н КАССР
Мултиярви, Финляндия
Мотка, Мурманская обл.
Черная Речка, Лоухский р-н КАССР

Мутениа (Mutenia)	Мутения, Финляндия
Ненокотск	Ненокотск, Архангельская обл.
Нестеринсаари (Nesterinsaari)	Нестеринсаари, Финляндия
Нийникумпу (Niinikumpu)	Нийникумпу, Финляндия
Нилмиярви (Nilmijärvi)	Нильмозеро, Лоухский р-н КАССР
Нильсия (Nilsia)	Нильсия, Финляндия
Нискаваара (Niskavaara)	Нискаваара, Финляндия
Новая Ладога	Новая Ладога, Ленинградская обл.
Нотозеро	Нотозеро, Мурманская обл.
-Нуорттяури (Nuorttijäyr)	
-Нуоттаярви (Nuottajärvi)	
Нурмес (Nurmes)	г. Нурмес, Финляндия
Нурмилахти (Nurmilahti)	Нурмилакша, Калевальский р-н КАССР
Нярхия (Närhilä)	Нярхи, Лоухский р-н КАССР
Няутямё (Näylämö, Näätämö) ¹	Нейден, норвежская Лапландия
Олсница	Оленица, Мурманская обл.
Онега	Онега, Архангельская обл.
Орешек (Pähkinälinna)	Петрокрепость, Ленинградская обл.
Оулу (Oulu)	г. Оулу, Финляндия
Оуланкансуу (Oulankansuu)	Оланга, Лоухский р-н КАССР
Охта (Ohta)	Охта, Лоухский р-н КАССР
Паанаярви (Paanajärvi)	Панозеро, Кемский р-н КАССР
Паатсйоки (Paatsjoki)	Пазрека, Мурманская обл.
Палтамо (Paltamo)	Палтамо, Финляндия
Пахкоменваара (Paahkomien-vaara)	Пахкоманваара, Калевальский р-н КАССР
Пертоминский	Пертоминский, Архангельская обл.
Петербург (Pietari)	г. Ленинград, СССР
Петрозаводск (Petriskoi)	г. Петрозаводск, столица КАССР
Петсамо (Petsamo)	Печенга, Мурманская обл.
-Печенга	
Пиелавеси (Pielavesi)	Пиелавеси, Финляндия
Пиелисьярви (Pielisjärvi)	Пиелисьярви, Финляндия
Пиетсала (Pietsala)	Печеницы, Ленинградская обл.
-Печенец	
Пилсиярви (Pilsijärvi)	Пильдозеро, Кемский р-н КАССР
Пирттилахти (Pirttilahti)	Пирттилакша, Калевальский р-н КАССР
Пистоярви (Pistojärvi)	Пихтозеро, Калевальский р-н КАССР
Повенец	Повенец, Медвежьегорский р-н КАССР
Полкова	Полкова, Вологодская обл.
Понкалахти (Ponkalahti)	Поньгогуба, Калевальский р-н КАССР
Понкама (Ponkama)	Поньгома, Кемский р-н КАССР
Поной	Поной, Мурманская обл.
Порво (Porvoo)	Порво(о), Финляндия
Порьегуба (Porjeguba)	Порья Губа, Мурманская обл.

¹ Няутямё Лённрот относит к русской Лапландии, хотя Нявдемский погост, а также часть Пазрецкого и Печенгского погостов по конвенции «О границах между Россией и Норвегией о лапландских погостах» от 2 (14) мая 1826 г. перешла к Норвегии.

Потоскаваара (Potoskavaara)	Потоскаваара, Финляндия
Пуоланка (Puolanka)	Пуоланка, Финляндия
Пухос (Puhos)	Пухос, Финляндия
Пялица	Пялица, Мурманская обл.
Пялкъярви (Pälkjärvi)	Пялкъярви, КАССР
Разнаволок (Rasnavolok, Rasnjarg)	Разнаволок, Мурманская обл.
Рантасалми (Rantasalmi)	Рантасалми, Финляндия
Рауталампи (Rautalampi)	Рауталампи, Финляндия
Репола (Repola)	Реболы, Муезерский р-н КАССР
Риккатайвал (Rikkataival, Riksuol)	Риголакша, Мурманская обл.
Ритвала (Ritvala)	Ритвала, Финляндия
Рованиеми (Rovaniemi)	Рованиеми, Финляндия
Роуккула (Roukkula)	Ровколы, Муезерский р-н КАССР
Рува (Ruva)	Рува, Лоухский р-н КАССР
Рукаярви (Rukajärvi)	Ругозеро, Муезерский р-н КАССР
-Рукаваара (Rukavaara)	
Рупповаара (Ruppoaara)	Рупповаара, Финляндия
Рускеала (Ruskeala)	Рускеала, КАССР
Салми (Salmi)	Салми, Питкярантский р-н КАССР
Салмиярви (Salmijärvi)	Салмиярви, Финляндия
Сальница	Сальница, Мурманская обл.
Сарвиниеми (Sarviniemi)	Булдыри, Лоухский р-н КАССР
-Пултери (Pulteri)	
Саунаярви (Saunajärvi)	Саунаярви, Финляндия
Святой Остров (Pyhäsaari)	о. Жилой, Лоухский р-н КАССР
Семиостров (ск) (Semiostrovsk)	Семиостровск, Мурманская обл.
Скит (Skiitta)	Скит, Лоухский р-н КАССР
Соданкюля (Sodankylä)	Соданкюля, Финляндия
Соловецкий	Соловецкий, Архангельская обл.
Соломбол (Sollombol)	о. Соломбала, часть г. Архангельска
Сортавала	г. Сортавала, КАССР
Сосновск	Сосновка, Мурманская обл.
Суванто (Suvanto)	Суванто, Калевальский р-н КАССР
Суйстамо (Suistamo)	Суйстамо, Суоярвский р-н КАССР
Сума	Сумский Посад, Беломорский р-н КАССР
Суомуссалми (Suomussalmi)	Суомуссалми, Финляндия
Суоникюля (Suonikylä)	Суоникюля, Мурманская обл.
-Сюнгел (Syngel, Sonjel)	
Суоярви (Suojärvi)	Суоярви, КАССР
Сууриярви (Suurijärvi)	Большое Озеро, Лоухский р-н КАССР
Сууртаннас (Suurtannas)	Сууртаннас, Архангельская обл.
Сяркиниеми (Särkiniemi)	Сяркиниеми, Лоухский р-н КАССР
Сямяярви (Säämäjärvi)	Сямозеро, Пряжинский р-н КАССР
Тёрмянен (Törmänen)	Тёрмянен, Финляндия
Тетрино	Тетрино, Мурманская обл.
Тийкши (Tiiksi)	Тикша, Муезерский р-н КАССР
Тормуа (Tormua)	Тормуа, Финляндия
Торнио (Tornio)	г. Торнио, Финляндия
Тохмаярви (Tohmajärvi)	Тохмаярви, Финляндия
Туломаярви (Tulomajärvi)	Туломаярви, Пряжинский р-н КАССР
Тумча (Tumtša)	Тумча, Лоухский р-н КАССР

Турку (Turku)	Турку, Финляндия
Тухкала (Tuhkala)	Тухкала, Лоухский р-н КАССР
Тюпюккя (Tuupykkä)	Полубоярская, Лоухский р-н КАССР
-Пуолимаа (Puolimaa)	
Уконваара (Ukonvaara)	Уконваара, Финляндия
Умба	Умба, Мурманская обл.
Утсйоки (Utsjoki)	Утсйоки, Финляндия
Уусикарлепу (Uusikarlepyy)	г. Уусикарлепу, Финляндия
Уусикюля (Uusikylä)	д. Новая, Лоухский р-н КАССР
Ухтуа (Uhtua, Uhut):	Калевала, КАССР
Хейккиля (Heikkilä)	Хейккиля, Финляндия
Хейнярви (Heinäjärvi)	Сеннозеро, Лоухский р-н КАССР
Хельсинки (Helsinki)	Хельсинки, столица Финляндии
Хирваскюля (Hirvaskylä)	Хирваскюля, Лоухский р-н КАССР
Хирвенсалми (Hirvensalmi)	Хирвенсалми, Финляндия
Холмогоры	г. Холмогоры, Архангельская обл.
Хумуваара (Humuvaara)	Хуммоваара, Финляндия
Хюрсюля (Hursylä)	Хюрсюля, Суоярвский р-н КАССР
Хюрюнсальми (Hyrünsalmi)	Хюрюнсальми, Финляндия
Хяме (Häme) ¹	Хяме, Калевальский р-н КАССР
Чаванга	Чаванга, Мурманская обл.
Чапома	Чапома, Мурманская обл.
Чена (Tšena)	Чена, Калевальский р-н КАССР
Ченаниеми (Tšenaniemi)	
Чиркка-Кеми (Tširkkakemi)	Чиркка-Кемь, Муезерский р-н КАССР
Шамал (Shamal)	Шаменичи, Ленинградская обл.
-Шаменец	
Шелтозеро (Solttijärvi)	Шелтозеро, Прионежский р-н КАССР
Энонсуу (Enonsuu)	Энонсуу, Калевальский р-н КАССР
Ювялахти (Jyvöalahti)	Ювалакша, Калевальский р-н КАССР
Юшкюярви (Jyskjärvi)	Юшкозеро, Калевальский р-н КАССР
Яккима (Jaakkima)	Яккима, КАССР

¹ Следует отличать от губернии Хяме в Финляндии.

СОДЕРЖАНИЕ

У. Конкка. Дело всей жизни	5
Первое путешествие. 1828 г.	15
Второе путешествие. 1831 г.	68
Третье путешествие. 1832 г.	76
Четвертое путешествие. 1833 г.	94
Пятое путешествие. 1834 г.	119
Шестое путешествие. 1835 г.	138
Седьмое путешествие. 1836—1837 гг.	158
Восьмое путешествие. 1838 г.	221
Девятое путешествие. 1839 г.	223
Десятое путешествие. 1841—1842 гг.	230
Примечания	307
Список наиболее значительных населен- ных пунктов	314

В данной книге

использованы фотокопии из редких книг конца XIX и начала XX века:
К. К. Случевский. По северо-западу России, т. I, С.-Петербург, 1897.

J. K. Inha. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1911.

Aarne Anttila. Elias Lönnrot. Elämä ja toiminta. Helsinki, 1935.

ПУТЕШЕСТВИЯ ЭЛИАСА ЛЕННРОТА

Путевые заметки, дневники, письма
1828—1842 гг.

Рецензент Р. Ф. Никольская

Редактор О. А. Петтinen
Художник В. О. Поляков
Художественный редактор Л. Н. Дегтярев
Технический редактор В. В. Буракова
Корректор В. А. Ульянова

ИБ № 1291

Сдано в набор 27.05.85. Подписано в печать 05.09.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл.
кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 18,63. Тираж 15 000. Заказ 1992. Изд. № 111.
Цена 1 руб. 80 коп.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. Ленна, 1. Республиканская
ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государственного комитета Ка-
рельской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 185630.
Петрозаводск, ул. «Правды», 4.